

The image features a female character with long, flowing blonde hair, wearing a red and yellow outfit with intricate patterns. She is surrounded by vibrant, swirling flames and energy. The background is a dark, forest-like setting with a large, glowing red orb or structure in the distance. The overall atmosphere is dramatic and intense.

Элиза Полуночная

**Сила способная
изменить мир**

Аньшу - земля туманов и цветущих вишен. Аньюриэль сошла с корабля, намереваясь найти Ковчег, а оказалась втянута в Небесный турнир. Соперники всё сильнее и опаснее, а где-то рядом бродит предатель, заключивший сделку с демонами. Вспышки гнева становятся чаще и найти внутреннюю гармонию становится как никогда важно. Новые друзья, новые враги и новые земли приготовили немало сюрпризов.

Глава 1. Лазурная гавань

*По равнинам, по горам,
По болотам, по холмам
Вьется полозом туман.
Околдован, или пьян,
Я гляжу сквозь тот туман
На тебя, желанная.
Знай же, чужестранка -
Раз попав сюда,
Прежней ты не станешь
Больше никогда.*

Марко Поло — Чужестранка

Анью внимательно вглядывалась в окружение, чтобы ненароком не уничтожить какую-нибудь мелкую рыбацкую лодочку, которых здесь было в изобилии. Маленькие, с плоским дном и необычными косыми парусами, джонки шустро сновали в бухте, создавая впечатление, что их тут не десяток, а сотня минимум. Крупные корабли, не уступающие размерам «Гордости Лютерии», чинно и неторопливо направлялись к причалу, сохраняя подобающее им достоинство, будто дракон среди стаи дворняг — может при желании легко раздавить, но зачем мараться?

Анью одной рукой держала штурвал, направляя галеон к выделенному им причалу, а второй удерживала нити магии, что обволакивали корму судна, помогая ей маневрировать в этой суматохе. Эйша и Буревестник убирали паруса. Кармакул и Аквандер проверяли и подготавливали швартовочные тросы. Пэн с важным видом сидел у неё на макушке, делая вид, что контролирует ситуацию. На кухонном кубрике хозяйничал Игнис. На палубу поднимался характерный запах горелой рыбы, и краем сознания Анью чувствовала смятение духа. К счастью для них, порт явно мог предложить своим гостям не только место для швартовки, но и вкусный обед.

— Левее! Левее бери! — мококо подскочил на ноги. — Да куда ж они прям под нас лезут!

Анью лишь фыркнула в ответ, заставляя галеон ускориться. Рыбаки с криками и ругательствами провожали их, размахивая кулаками. Эйша послала им с рей воздушный поцелуй и помахала рукой, после чего прыгнула на палубу и побежала на капитанский мостик.

— Скорость нужно сбавить, иначе мы не пришвартуемся, а протараним причал, — прокомментировала старпом. — В парусах ветер гуляет, мы так теряем в скорости — нужно будет отремонтировать, а лучше заменить. Корабль хороший, но нуждается в мелком ремонте. Да и команда нужна побольше.

— Чем тебе не нравится команда? — Анью не сдержала печальный вздох, зная, что сейчас будет.

— У меня под командованием три духа, которые не могут изъясняться по-человечески, и малец, от которого нет пользы.

Эйша высказывала своё негодование уже не в первый раз. Анью покривила бы душой, если бы сказала, что не согласна со своей помощницей. Они обе устали и вымотались, стараясь добраться до Аньшу. Бессонные ночи и постоянное напряжение давали о себе знать.

— Что значит от меня нет пользы? — возмутился Пэн. — Я, вообще-то, юнга! И я наблюдаю за обстановкой.

— Ты только это и делаешь, а ещё путаешься под ногами и ешь. Тебя проще выбросить за борт, чем прокормить! Куда в тебя столько лезет?! — продолжала возмущаться Эйша.

— Я всего лишь попробовал яблоко, а ты это так преподносишь, будто я продал его демонам!

— Это было последнее яблоко! Ты его надгрыз и оставил! Я что, подъедать за тобой должна?!

— Успокойтесь, — пресекла перебранку Анью. — Сейчас сойдём на берег и купите себе яблок. Нашли из-за чего спорить.

— Тебе бы поспать, кэп. Я хоть сплю иногда, а ты третьи сутки на ногах и выглядишь не очень. Краше в гроб кладут.

— Спасибо на добром слове, — она сдержанно улыбнулась в ответ. — Зато мы доплыли за две недели.

— Я попрошу высечь это в качестве эпитафии на твоём надгробии.

— Что ещё нужно, кроме ремонта и команды? — перевела тему Анью, подводя «Гордость Лютерии» к причалу. — Я не знаю, насколько мы задержимся в Аньшу, поэтому ремонтом займешься ты, Эйша, а также покупкой припасов. Кармакул поможет донести то, что тяжелое. Команду я найду.

— Это будет непросто, — покачала головой девушка. — Мы же не торговая компания и не военный флот. Цели, как таковой, у нас нет, конкретного маршрута тоже. Ты уж извини, кэп, но поиски Ковчега и спасение мира никого не волнуют. Это мне море — дом родной и всё равно куда плыть, лишь бы был ветер попутный и золото в карманах звенело, а мужики не такие. Им надо чтобы был чёткий курс и возможность дома бывать почаще, чтобы хоть половина детей была на них похожа. А если и есть такие, вольные как ты, я и ветер, то они не захотят под женским каблуком плыть. Я уже один бунт пресекла и поверь мне, это не так весело, как может показаться.

Анью молча наблюдала, как Кармакул кидает швартовочные и опускает якорь. Эйша была права, как и во всём, что касалось морской науки. Со старпомом у них были сложные отношения, Эйша была для неё и подчинённой, и учителем, и, в какой-то мере, подругой. Так или иначе, но эти две недели, пока они, преодолевая усталость, вели корабль, их сплотили. Чародейка понимала, что они не смогут постоянно плыть в таком режиме, по крайней мере Эйша точно, а скорость терять не хотелось.

— Я придумаю что-нибудь, — пообещала Анью. — Хоть пару надежных человек, но я найду. Ладно, пойдём посмотрим, что из себя представляет Аньшу.

Каменная кладка причала в первые пару мгновений ощущалась непривычно. Не было этого размеренного покачивания, к которому Анью привыкла за время путешествия, но практически сразу тело вспомнило какого это, иметь твердую опору под ногами, и стало легче.

— Рады приветствовать дорогих гостей в Лазурной гавани, — к ним подошел смотритель порта, окуная перо в чернильницу, закреплённую на поясе, и начиная

записывать что-то в журнал. — Давно у нас не было гостей из Лютерии...

Мужчина поднял на неё взгляд, внимательно осмотрел с ног до головы, ненадолго задержался на кончиках ушей, потом перешел на сидящего на её макушке Пэна, затем метнулся к названию судна. На смуглом лице управляющего явно читалось непонимание. Анью не стала помогать человеку сопоставлять факты и озиралась по сторонам.

Кораблей в порту было много. Снующие туда-сюда моряки и портовые служащие создавали неразбериху и оглушительный шум. На соседнем причале занимались погрузкой ящиков и тюков в трюмы огромного металлического корабля.

— Вы к нам на время турнира? — подал голос управляющий. — За стоянку пятьдесят серебряных и по пять за каждый день швартовки. Как Вас записать, лэри?

— Аньюриэль.

— Добро пожаловать в Лазурную гавань, лэри Аньюриэль.

Она отсчитала нужную сумму и направилась туда, откуда доносилось пение и музыка. В гавани явно был какой-то праздник. Здания были украшены яркими фонариками из бумаги, над мостовыми натянули веревки, украшенные флажками и лентами. Везде, где только можно, стояли лотки с разными товарами, угощениями и сувенирами. От обилия разных нарядов рябило в глазах, уши закладывало от постоянного гомона и криков зазывал. Воздух был наполнен ароматами разных блюд, специй и ароматических масел.

Низкорослые, но широкие в плечах, умары врывались в поток гостей гавани подобно горному оползнию. Нагруженные тюками они сновали от своих кораблей к лоткам, на ходу расхваливая свои товары случайным встречным. Но в основном вокруг были люди. Мелькали пёстрые узоры одеяний кабайских торговцев солью, яркие шелка жителей Аньшу и разномастная одежда гостей, прибывших на турнир, который был основной темой для разговоров. О нём говорили на каждом углу, обсуждали участников и их шансы на победу. Встретились Анью и трое бернийских силлинов. Безошибочно определив, что она смесок, трое магов лишь молча прошли мимо.

— Это разве не твои соплеменники? Уши у вас похожи, — удивился Пэн, перебравшись к ней на наплечник и с удовольствием облизывающий сахарную фигурку Хранителя Рунаана, которого почитали местные. Фигурка была размером с мококо, но он явно собирался съесть её целиком.

Действительно, и куда столько влазит?

— Не совсем. Они из Берна, судя по одеждам. Рохэндель и Берн не то чтобы враждуют, но отношения между Ард Ренами напряженные. Смотрю, ты научился различать кокомо, а то говорил, что мы все на одно лицо.

— Глупости, — смутился Пэн. — Просто такие уши, как у тебя, мало у кого увидишь, вот и решил, что... Впрочем не важно. Куда пойдём?

— Я пойду искать информацию об эсдо Сиене, — грустно улыbnулась Анью.

— А как же праздник? — Пэн потрясенно смотрел на неё. — Я же первый раз в таком большом городе и ты предлагаешь мне искать какие-то старые свитки, когда тут ещё столько всего такого, чего я не видел и не пробовал! У тебя что, сердца нет?!

— Есть, поэтому ты пойдешь с Эйшей, — она аккуратно пересадила Пэна на плечо старпома и достала из сумки мешочек с серебром. — Это вам на расходы. И не вздумай потерять или продать Пэна.

— А сдать в аренду? — не растерялась Эйша. — Шучу. Не волнуйся, не потеряю я малявку. До вечера.

Девушка махнула ей рукой, лавируя в толпе и уходя в сторону торговцев тканями. Анью неторопливо шла в потоке людей, пытаясь понять, что ей теперь делать. Вот она в Аньшу. Что дальше? Где ей искать Ковчег? Эсдо мог спрятать его где угодно. С чего ей начать?

Что бы сделал Аман?

Она ненадолго задумалась. Аман отправился бы в библиотеку и сидел там день и ночь, перебирая завалы старых рукописей, забывая про сон и отдых. В куче пыли. От безрадостных перспектив засвербило в носу. Библиотека хоть и была вполне неплохим вариантом, но тратить время на скучные исторические рукописи не хотелось.

— *Неужели тебя так пугают книги?* — улыбнулась Энвиса, уловив отголоски образов.

— Не книги, а пыль, в которой люди предпочитают их хранить. Да и времени нет на то, чтобы перебирать библиотеку, архивы и что тут ещё есть. Лучше найдём того, кто может рассказать всё это лично. Ведь раз есть книги, значит есть и те, кто их читает.

— Какого демона они закрыты среди дня?! — Анью упрямо колотила в массивные деревянные двери. — Я не понимаю людей!

Стражник, патрулирующий улицы, рассказал ей, что Аньшу руководит Совет и объяснил, как добраться до здания, где этот самый Совет заседает. Вот только внутри никого не было. За дверью не было слышно ни единого звука. Ни шепотков, ни биения сердец. Даже мыши не скреблись.

— *Может они не работают из-за праздника?*

— Тут вообще, только торгаши и работают, судя по всему, — Анью последний раз стукнула кулаком в дверь и устало облокотилась о неё лбом.

В груди разрасталось неприятное, щемящее чувство опустошенности. Она понятия не имела, что ей делать дальше. Руки безвольно опустились. Всё это время ей просто везло. Оба осколка Ковчега она нашла случайно. Просто так случилось. Ей повезло. Но глупо рассчитывать на везение постоянно. Ей нужна помощь. Нужен кто-то, на кого можно опереться... Она осталась одна, посреди чужого для неё, совершенно непонятного народа. Одна с миссией, которая ей просто не по силам. Глаза пекло от невыплаканных слёз. Энвиса грустила вместе с ней, окутывая её душу своим теплом, но от этого не становилось легче. Сейчас необходима была поддержка извне...

~ Тот, кто следует за Первозданным Светом никогда не будет одинок. ~

— Глупости... Какие же это всё глупости... — Анью шмыгнула носом, стараясь прекратить этот поток жалости к самой себе.

— У вас всё хорошо? Может помощь нужна? — раздался сзади женский голос.

— Всё хорошо, — Анью обернулась, стараясь придать лицу выражение полнейшего спокойствия. — Жду пока откроют.

В проёме арки, облокотившись плечом о колонну, стояла молодая девушка. Смуглая кожа, длинные черные волосы, убранные в высокий хвост, и раскосые глаза не оставляли сомнений в том, что она родилась в этих землях.

— Не раньше, чем через пару-тройку недель, — покачала головой девушка. — Из-за турнира все заседания отменены.

— Превосходно, — колдунья вложила в голос всё своё раздражение и направилась в сторону улицы, стараясь сохранить выражение уверенности на лице.

— Мне всё же кажется, — девушка, дождалась пока она с ней поравняется, и перехватила Анью за руку. — Что тебе нужна помощь.

Анью остановилась, медленно поворачиваясь к зазнавшейся человечке. В воздухе запахло грозой. В волосах затрещали молнии. Печаль и отчаянье, что грузом давили на сердце, раскручивались в груди, распались, обращаясь в едва контролируемую злобу.

— Не с-смей меня трогать, человек, — прошипела чародейка, выдергивая руку из захвата.

— Я всего навсего предлагаю помощь, — девушка потянулась к ней.

Анью перехватила руку, толком ещё не зная, что собирается сделать, но уже собирая магию, готовясь сплести её во что-то небольшое, просто чтобы показать человеческой девчонке границы допустимого в общении с силлинами и с ней в частности. Девушка резко вывернула руку из захвата, перехватывая её руку в ответ и пуская в тело колдуньи волну энергии.

Чародейка телепортировалась на пару шагов в сторону, растерянно смотря в ответ. Злость, что свила своё гнездо возле её сердца, неожиданным образом исчезла, оставив на своём месте любопытство. Жажда битвы улеглась, оставив после себя лишь лёгкий аромат грозы от молний, что были яркими свидетелями её раздражения.

— Интересно... — Анью задумчиво смотрела на девушку.

На мага крови не похожа, но определенно использовала энергию...

— Так зачем тебе Совет?

— Я ищу Ковчег, чтобы остановить новое вторжение демонов. Мне нужна информация об эсдо Сиене, — честно ответила колдунья.

— Хмм, — воительница ненадолго задумалась. — Неудачное время для новой стычки с демонами. Пойдём. Я знаю где найти главу Совета. Поможем, чем сможем. Моё имя — Лан Роу.

— Аньюриэль, — кивнула она в ответ, следуя за воительницей.

Что ж, для начала вполне неплохо.

Они шли по заполненным отдыхающими улицам. Отовсюду слышались крики зазывал. На широкой, мощёной бульваром, площади шло какое-то представление. Под аккомпанемент музыкальных инструментов кружили два странных существа. Анью никак не удавалось понять, кого пытались изобразить люди. Длинные, будто змеиные, тряпичные тела были увешаны колокольчиками, которые она с недавних пор ненавидела. Морда была чем-то похожа на пучеглазого кота с рогами, полной пастью клыков и бородой. Из-под полы костюма выглядывало семь пар человеческих ног. На площади кружились в странном танце два таких существа — белое и чёрное. Они извивались, то сталкиваясь, то расходясь в стороны, кружили, будто сливаясь с музыкой, выплясывая свой непонятный, но завораживающий танец. Тонкий, словно плач, звук струн гуцинов казалось, доставал до самой глубины души. Ему вторили барабаны, эхом отзываясь в груди, будто удары сердца. Перезвон колокольчиков и тихий свист флейты погружали сознание в это невероятное представление.

— Это вечная битва, между Светом и Тьмой, — пояснила Лан Роу. — Инь и Ян мироздания.

Анью вздрогнула, поняв, что всё это время стояла на месте, замороженно наблюдая за представлением. Она тряхнула головой, сбрасывая с себя это странное оцепенение и возвращаясь в реальность, где со дня на день начнётся настоящая битва с Тьмой.

— И кто победит в конце?

— Никто, — воительница улыбнулась в ответ.

— Ну да, это же вечное противостояние, — фыркнула Аньюриэль, возвращаясь в поток гуляющих, и давая понять, что потеряла интерес к представлению.

— В нашем мире столько же Света, сколько и Тьмы. Ни одна из этих сил не одержит верх над другой. Они находятся в гармонии, дополняют и уравнивают друг друга. Нужна не победа. Нужен баланс. Мы лишь частички мироздания, но каждый из нас может повлиять на мировой поток энергии, — улыбаясь объясняла ей Лан Роу.

Анью в пол уха слушала девушку, искоса её рассматривая. Во внешности Лан Роу, в том ощущении, которое она создавала, было нечто странное, непривычное, но очень любопытное. Её одежда отличалась от той, в которой ходили другие жительницы Аньшу. Девушки, что ей встречались, одевались в лёгкие платья из шелка, мягкие тканевые туфельки и заплетали волосы в сложные фигурные причёски, украшенные натуральными цветами или заколками, каждая из которых могла считаться произведением ювелирного искусства. Они порхали от одного торговца к другому, словно бабочки над поляной цветов. Смеющиеся, прикрывающие лица веерами, с изящными зонтиками. Некоторые держали на руках кроликов или кошек. У одной из девушек Анью заметила в руках небольшую белую собачку, разразившуюся истерическим лаем, стоило им поравняться. Все эти девушки были словно прекрасные цветы в саду. Лан Роу не была такой. Нет, она тоже была красива, но этот цветок явно имел шипы. Её платье было сшито так, чтобы не ограничивать свободу движений, широкие разрезы на бедрах до самого пояса оголяли ноги. Удобная обувь на невысоком, устойчивом каблуке. Колени и щиколотки защищены металлическими пластинами. Длинные перчатки с металлическими вставками, нужными для защиты суставов. На наплечниках виднелись царапины — молчаливые свидетели сражений. В каждом движении девушки чувствовалась уверенность и сила. Мышцы, хоть и не явно выделяющиеся, перекачивались под кожей при каждом движении.

— Ты — воин, ведь так, — Анью не спрашивала, скорее просто отмечала факт.

— Да, — Лан Роу кивнула. — В Аньшу много воинов.

— Заметно, — колдунья фыркнула в ответ.

— Сейчас может показаться, что мы лодыри и лентяи, погрязшие в праздности, но уверяю тебя, это не так. Могу рассказать немного об Аньшу, пока идём к советнику.

— Как хочешь, — Анью пожала плечами, не особенно рассчитывая узнать что-то действительно полезное.

— Аньшу называют землёй туманов и цветущих вишен, — судя по тому, как изменилась интонация, речь эту воительница репетировала и готовила заранее. — Таким увидел его Сиен, когда сошел на берег. С позволения Рунаана он привел сюда свой народ и люди поселились здесь. Обетованный край, где живёт Хранитель. Земля сама щедро отдавала аньшуйцам дары. Не было нужды развивать науку, не нужна была армия и философские мысли не касались их умов. Время проходило в приятной праздности и развращенной неге. Будучи слабыми, они легко поддались чарам демона искушения и тщеславия, имя которой Белакис. Так в Аньшу пришло горе Второго Вторжения. Казалось, никто не сможет противостоять врагу. Врата между мирами вновь открылись и, казалось, что всё потеряно. В этот страшный час Сиен вернулся к людям. Он собрал вокруг себя соратников из тех, кто не поддавался чарам демоницы и ещё мог сражаться. Они откинули Легион искушений и запечатали врата между мирами. Затем эсдо Сиен собрал совет и произнес слова, которые

навсегда изменили облик Аньшу. «Отныне, — сказал он. — Праздность считается худшим из грехов. Каждый, кто хочет остаться в Аньшу, должен непрестанно трудиться и совершенствовать тело и разум. Тот же, кто не согласен идти выбранным мною путём, пусть сейчас же покинет Аньшу». Так было положено начало нашим боевым и философским школам. Каждый аньшуец обязательно принадлежит к одной из них. А лучшие бойцы школ ежегодно сходятся на Небесном турнире, чтобы доказать всему миру, что верны заветам Сиена. Мы не знаем праздности и постоянно совершенствуем тело и дух.

— Это всё чудесно и познавательно. Но я не вижу никого, кто бы занимался работой сейчас, — скептически подметила Анью.

— Небесный турнир — важная часть нашей жизни. Школы, что выступают лучше остальных, привлекут больше учеников, среди подрастающего поколения. На время турнира Лазурная гавань привлекает не только жителей других городов и деревень, но и много приезжих из других государств. Это хороший доход для торговцев и государства, а для бойцов возможность испытать себя против непривычного противника. Боевое искусство против технологий Ардетайна, копьё против магии, чары против огнестрельного оружия. Ограничений в турнире нет.

— Ты тоже участвуешь? — Анью многозначительно посмотрела на одежду воительницы.

— Нет, — Лан Роу улыбнулась. — Мне не положено.

Здесь решались все организационные вопросы праздничных мероприятий. Старший советник Фархан лично контролировал всё, что связано с турниром. Как оказалось, ему менее всех остальных аньшуйцев было свойственно отдыхать. Вокруг беседки были разбиты клумбы, заполняющие воздух вокруг ароматом цветов. Неподалёку журчал небольшой родник. Как советник умудряется работать в такой умиротворяющей обстановке, было непонятно.

А работал советник явно очень продуктивно. В большой беседке, стены которой заросли вьюном, стоял большой письменный стол, на котором аккуратными стопками высились листы бумаги и разного рода хозяйственные книги. Рядом стояли писчие принадлежности. Идеальный порядок рабочего места старшего советника поражал и пугал одновременно. Из общей картины выбивались заварник и тарелка со сладостями — их принесли по распоряжению советника для них. Анью вдохнула приятный запах чая, оценив купаж из ароматных трав, лепестков цветов и каких-то кусочков фруктов и сделала пару глотков. Сказать ей было больше нечего. Она закончила свой рассказ и теперь ждала реакции советника и Лан Роу.

Советник Фархан возглавлял совет Аньшу вот уже третий десяток лет и при этом сохранил худощавое телосложение, что, с точки зрения Аньюриэль, было необычно для человека, занимающего важный пост долгое время. Он внимательно выслушал рассказ о нападении демонов на Боэр Морхен и поисках Ковчеха, лишь задав пару уточняющих вопросов. Сейчас же глава совета сосредоточенно смотрел на свои руки, сведя брови к переносице и явно о чём-то напряженно размышляя. Лан Роу спокойно пила чай, но тоже стала в разы серьёзнее.

— До чего же не вовремя, — проговорил советник.

— Это всё, что вас волнует? — язвительно уточнила колдунья.

— Я и не рассчитывал, что передышка будет долгой. Дело в том, что большая часть бойцов и стражей сейчас в Лазурной гавани из-за турнира. Некому будет защитить отдалённые селения. Но и отозвать их я не могу — сейчас в гавани множество приезжих, а также женщины, дети, старики — те, кто слаб и не сможет выстоять в настоящем сражении. Пока Лазурная гавань — самое безопасное для них место.

— А теперь о том, для чего здесь я, — воительница поставила свою чашку на стол. — Тень, о которой мы говорили, может ли это быть предвестником нового нападения демонов?

— Полагаю, что да, — Фархан кивнул. — Стражи доложил, что крылатую тень снова видели минувшей ночью. Сказали, что она покидала «Голову Рунаана», но проследить не смогли — слишком быстрая. В этой гостинице традиционно останавливаются все претенденты из Аньшу. Я сперва думал, что это Гарудал наслаждается ночными полётами, но, если взять во внимание недавние события в Лютерии, то вполне может быть, что это кто-то из бойцов уже поддался демоническим чарам, как это уже случалось прежде.

— А может и сразу несколько, — задумчиво добавила Лан Роу, постукивая пальцем по чашке. — Это нужно проверить и действовать исходя из ситуации. Нельзя допустить панику среди людей.

— Значит нужно выяснить всё незаметно. Так, чтобы твоё расследование не привлекло лишнего внимания, — подытожил старший советник, переводя взгляд на колдунью. — И я уже знаю, как мы это сделаем.

Фархан и Лан Роу пристально на неё смотрели. Анью нервно сглотнула, не понимая, к чему клонит советник и при чём тут она. Появилось предчувствие, что дальнейшее развитие событий ей ой как не понравится, вот только бежать было поздно.

— Вы, лэри Аньюриэль, примете участие в Турнире. Ничего удивительного, что приезжий претендент собирает информацию о соперниках. Лан Роу будет рядом, под предлогом помощи иноземке. Так она не привлечёт к своим поискам лишнее внимание, — Фархан достал из стопки пару листов. — Заполните эти бумаги и мы быстро оформим вас как участницу турнира.

Анью ошарашенно смотрела на листы перед собой. Когда и почему разговор свернул не туда, она не понимала.

— Я прибыла в Аньшу не ради победы в каком-то турнире. Я ищу Ковчег.

— Победа и не нужна. Нужно лишь продержаться достаточно долго, чтобы Лан Роу смогла найти того, кто поддался чарам демона, — холодное презрение в её голосе могло смутить кого угодно, но советник даже бровью не повёл. — Видите ли, лэри, эсдо Сиен благоразумно не стал рассказывать своим последователям о том, где сокрыл частицу божественной силы, которую ему доверили. Информации о том, где вам искать Ковчег у меня просто нет. Но я могу дать вам записи и дневники великого эсдо, возможно из них вы сможете почерпнуть важную информацию. Эти бумаги хранятся как величайшая ценность в храмах и лучших школах Аньшу. Я отправлю доверенного человека, он привезёт всё в Лазурную гавань. А вы тем временем выступите на турнире, чтобы отвлечь внимание от Лан Роу, окажите любезность.

— Это лучше и интереснее, чем таскаться по храмам, — подметила и без того очевидный факт даро. — К тому же советнику вряд ли откажут, а тебе придётся доказывать кучке напыщенных стариков, что ты ищешь Ковчег для борьбы с демонами, а не для личных целей. Вспомни старейшин мококо.

Анью вздохнула, подтягивая к себе бумагу и чернильницу и вчитываясь в текст. Не найдя ничего подозрительного она вписала своё имя и отдала бумаги советнику.

— Рыцарь Лютерии? — он удивленно посмотрел на неё. — Вы не похожи на уроженку Лютерии, уж извините.

Анью молча достала из сумки рыцарский медальон с гербом Лютерии, одела его и улыбнулась советнику. Фархан некоторое время изучающе смотрел на двухголового лютерийского орла, что был выгравирован на медальоне, после чего пожал плечами, принимая её решение выступать от имени Лютерии.

— Эх, а я уж было понадеялся, что в этом году Берн выставит хоть одного чародея. С другой стороны, в последние пару десятилетий у нас не было ни одного чемпиона из Лютерии. Что ж, отрадно слышать, что королевство возрождает рыцарские традиции, хоть и столь необычным образом. Лан Роу проводит вас к распорядительнице и к лекарю.

— Мне не нужен лекарь, — колдунья покачала головой.

— Это просто небольшая формальность, чтобы убедиться, что вы здоровы и можете принимать участие в турнире, — старший советник улыбнулся, вставая со своего места, и давая понять, что разговор окончен.

— Это лучший лекарь в Лазурной гавани, — улыбнулась Лан Роу, открывая дверь и пропуская её вперёд. — Он тебя быстро осмотрит, а потом к распорядительнице турнира.

Лекарь оказался высоким суховатым мужчиной в годах. Он, не отрываясь от своих бумаг, молча кивнул им, продолжая что-то писать. Анью внимательно осматривала стены, обвешанные какими-то медицинскими схемами, и полки, заставленные банками с разными корнями, листьями, засушенными жуками и порошками. В помещении приятно пахло травами и чем-то пряным. Скрипело перо по бумаге. На подоконнике стояла банка с пиявками. Чародейка поморщилась, глядя, как извиваются в воде гибкие тела.

— Раздевайтесь и присаживайтесь, — лекарь, даже не посмотрев на неё, махнул рукой в сторону кушетки.

Анью удивленно приподняла бровь и посмотрела на Лан Роу. Воительница лишь пожалала плечами и ободряюще улыбнулась. Колдунья прошла вглубь комнаты, присаживаясь на кушетку, игнорируя первую часть распоряжения лекаря.

— Сколько лет? На что жалуетесь? — всё так же не глядя на неё, спросил лекарь.

— Сто семь. Не имею привычки жаловаться.

Скрип пера прекратился. Лекарь медленно поднял на неё взгляд, после чего повернулся к Лан Роу, всё ещё стоящей в дверях. Воительница радостно улыбалась, несомненно довольная произведённым эффектом.

— Она участвует в турнире, — ответила Лан Роу на повисший в воздухе вопрос. — Аюр, никому кроме тебя не доверю её бумаги.

— Ты же знаешь, что я не подпишу допуск без осмотра, — строго смотрел на неё лекарь.

— И именно поэтому я привела её к тебе. И ещё потому, что ты не станешь распространяться о моей ко всему этому причастности.

— Ну что ж, давай посмотрим на твоего чемпиона, — Аюр, неожиданно резво для своего возраста, поднялся из-за стола и подошел к ней.

— Если мне не изменяет память, а она мне ни разу не изменяла за сто тридцать четыре года моей жизни, — Аюр совершенно спокойно смотрел на неё. — То я должен спросить дозволения прежде, чем прикоснуться к тебе, так ведь принято у твоего народа.

— Делай то, что нужно, — кивнула Анью. — Но раздеваться я не стану.

— Это и не потребуется, — лекарь положил ладонь ей на лоб.

Колдунья почувствовала, как под кожей течёт чужая энергия. Этот мужчина управлял энергией, хотя Анью не чувствовала в нём способности к управлению кровью. Неожиданное ощущение от чужой энергии было больше похоже на щекотку или на то, как на морозе по коже бегут мурашки. Анью внутренне напряглась, не зная, может ли этот человек понять, что она способна на манипуляции кровью и как на это могут отреагировать в Аньшу. Она только прибыла на материк и найти неприятности в первый же день, было бы не самым удачным началом поисков.

— Любопытно, — лекарь задумчиво смотрел в стену перед собой, продолжая изучать её. — Какая интересная ки... А сколько силы! Манипура настолько велика, что смещает органы, могу предположить, что дар развился раньше срока — это объясняет такое миниатюрное телосложение... А вот в анахати много ша. Очень много. Я бы не рекомендовал участие в турнире.

— Но она должна участвовать! — запротестовала воительница. — Советник Фархан уже оформил все бумаги.

— Ей вообще сражаться нежелательно, не то что участвовать в турнире, — Аюр убрал руку с её лба и повернулся к Лан Роу.

— Я — боевой маг! — возмутилась Анью. — Что значит мне «нежелательно сражаться»?!

— Уж послушай умудренного годами лекаря, девочка. То, что у тебя здесь, — он ткнул пальцем в центр её груди. — Разъедает тебя изнутри, а твоя злость лишь подпитывает ша. Будешь сражаться — можешь потерять над собой контроль и станешь ормэшерхат — берсерком. Твой дар ведь огонь. Мне страшно представить, что ты можешь сотворить, если потеряешь над собой контроль.

— Не суди меня человеческими мерками, старик!

— Не называй меня стариком! — осадил её Аюр. — Я ещё не пережил собственные зубы и у меня пока лишь четыре правнука. Ты здорова физически, не считая почти заживших ран, но твоя ки больна. Чакра в твоей груди в ужасном состоянии. Ша — перерожденная тьмой ки — убивает тебя. Человек на твоём месте лежал бы и скулил, а ты сидишь и огрызаешься на меня. Так что нет, девочка, я не сужу тебя по человеческим меркам.

— Аюр, — Лан Роу подошла к лекарю, кладя ладонь ему на плечо. — Мне нужно, чтобы она выступила на турнире и отвлекла на себя внимание. Это очень важно. Не только для меня, для всего Аньшу. Я присмотрю, чтобы ничего плохого не случилось и постараюсь ей помочь. Идёт? Она не будет идти до финала, только пока я не разберусь с проблемой в гавани. Пожалуйста.

— Ладно. Но только потому, что ты просишь, — лекарь махнул на них рукой. — И врать в заключении я не стану. К вечеру приготовлю мазь для той раны, что у тебя на спине. Негоже женщине портить кожу шрамами. Куда прислать? В какой гостинице остановилась?

— Галеон «Гордость Лютерии», двадцать пятый причал.

— Я бы посоветовал ещё иглотерапию... — продолжал наставления Аюр, записывая что-то в её заявку на участие в турнире. — Да и лёгкий пивочный курс пойдёт на пользу...

Анью бросила взгляд на банку, в которой извивались пиявки и внутренне содрогнулась. В каком бы там состоянии, по мнению лекаря, она не находилась, трогать этих существ она не станет. Медицина в Аньшу казалась колдунье какой-то странной.

— Мне теперь всю таблицу из-за вас перерисовывать! — отчаянно взвыла Рёла, занимавшаяся распределением претендентов. — Ты бы ещё завтра с утра её привела!

Красивая молодая аньшуйка, одетая в небесно-голубого цвета платье, украшенное цветочным узором, явно чувствовала себя хозяйкой положения, хотя и занимала не самую высокую должность в Совете. Её причёску украшала веточка с красивыми розовыми цветами. Лишь металлический блеск и неподвижность лепестков выдавали то, что сделана вещь руками весьма умелого кузнеца. Анью подумала о том, что хочет купить себе нечто похожее. В конце концов, у неё ведь должны быть какие-то вещи, которые будут напоминать о путешествии. Не собирать же ей зубы поверженных врагов, хотя Таллеан бы оценил...

— Ладно, — Рёла смирилась с тем, что придётся вписать в таблицу ещё одного участника. — Но ты мне будешь должна, Лан Роу. Из-за тебя я могу опоздать на свидание, между прочим.

— И с кем на этот раз, — участливо поинтересовалась Лан Роу, наблюдая, как Рёла что-то чертит в своих записях.

— С Гарудалом, — полупшепотом ответила распорядительница, но в голосе её сквозила неприкрытая гордость.

— Ого! Ставишь силки на Феникса. Твоей решительности можно позавидовать.

— Бери выше. Я собираюсь его окольцевать, — Рёла гордо вздёрнула носик и повернулась к Аньюриэль. — Твой первый бой завтра, третий матч. Выйдешь против Харико. Постарайся не проиграть слишком быстро. Вот, это билеты для твоих родных и друзей. Каждому участнику положены.

— Я не собираюсь проигрывать, — колдунья положила билеты в сумку.

Анью забрала бумаги, и оставила девушку лелеять мечты о свидании в компании Лан Роу. Весь этот фарс с турниром начинал её раздражать.

— Ты участвуешь в турнире?! — Эйша несколько секунд непонимающе смотрела на неё, после чего в её глазах загорелся странный огонёк. — Кэп, дай мне денег!

— Я тебе сегодня уже давала.

— Я всё потратила и мне нужно ещё! — в глазах старпома читалась непомерная алчность. — Аванс или просто дай в долг. Я всё верну. Мне очень надо!

Ситуация становилась всё более запутанной, но Анью решила, что от сотни серебряных не обеднеет. Она отсчитала Эйше нужную сумму. Та настолько шустро выбежала на палубу, что можно было подумать, что девушка телепортировалась.

— Хоть бы поблагодарила. Люди... — Анью покачала головой.

— Думаю, она пошла делать ставки, — подал голос Пэн.

Мококо сидел на столе и явно был занят тем, что принимал едва ли не самое сложное решение в своей жизни — что съесть сейчас, а что оставить на завтра. Увы, его размеры не

позволяли осилить всё за один раз, как бы малыш не старался. Пэн и Эйша погуляли на славу, разжившись обновками. Пэну, с его слов, вещи сошьют на заказ. На столе красовалось блюдо с местными деликатесами.

— С чего ты взял? — Анью выбрала самый красивый, по её мнению, персик и надкусила его.

— Мы сегодня наткнулись на человека, который предложил сделать ставки на участников турнира. Эйша долго думала, но так и не смогла выбрать своего претендента. Я ей сказал, что если бы ты участвовала, то однозначно всех победила бы, — деловито ответил Пэн, решив начать ужин с вишни. — Я же видел, какая ты сильная, так что не сомневаюсь, что с лёгкостью победишь каких-то кокомо.

— Вот как... — колдунья задумчиво ела персик.

Едва слышно закрипели сходни. Буревестник послал ей образ девушки в красном боевом облачении. Анью разрешила пропустить воительницу и послала Шанти встретить гостью. Лан Роу ловко спустилась в трюм, следуя за духом-светлячком.

— Если ты сейчас предложил мне ещё и в театральной постановке поучаствовать, то я сразу отвечаю — ни за что, — предупредила Аньюриэль.

— Актёров и танцоров у нас хватает. Я принесла тебе мазь от лекаря, — Лан Роу улыбнулась и поставила баночку на стол.

— Без пиявок? — Анью открыла крышечку, принимаясь, стараясь определить что в составе.

— Честно говоря, понятия не имею, но очень эффективное. Я помогу с перевязкой.

— Сама справлюсь, — отмахнулась колдунья.

— Это был не вопрос. Я втянула тебя в это, а значит ты под моим покровительством пока участвуешь в турнире. Неси повязки.

— А ты тоже сильная? — Пэн отложил в сторону косточку от вишни и потянулся за пирогом.

Лан Роу повернулась на звук голоса, окинула мокко внимательным взглядом, и растерянно посмотрела на колдунью. Можно было сделать вывод, что пока Пэн молчал, воительница и не догадывалась о его присутствии.

— Пэн, знакомься, это Лан Роу. Лан Роу, это Пэн. Он — мококо, для него это нормальный размер, дополняемый ненормальным для его размера аппетитом.

— Я мококо в самом расцвете лет! — возмутился Пэн. — У меня нормальный аппетит. Так ты сильная?

— Да, — после секундной заминки ответила Лан Роу.

— Сильнее, чем Анью?

— Мы не сражались, поэтому не могу сказать наверняка, — уклончиво ответила воительница.

— Ну ладно, — мококо отломил себе кусочек от корочки пирога и уселся на край блюда, заинтересованно наблюдая за происходящим.

— Никогда не видела таких маленьких... — Лан Роу на несколько секунд задумалась, подбирая слово. — Мужчин. Ты откуда такой? А ты не сиди, а снимай платье! Как я должна тебе мазь накладывать? Показывай, что там у тебя со спиной.

— Я не просто мужчина, — гордо заявил Пэн. — Я — матрос. Пока юнга, но планирую стать первым помощником капитана. Раньше я был смотрителем острова, а теперь — мореплаватель.

Жизнь его не научила, что нельзя всё разбалтывать малознакомым людям...

Анью тем временем распустила шнуровку мантии, обнажая плечи и снимая старые повязки. Лан Роу нахмурилась, осматривая рану, что нанесла чародейке Ассоль. Не смотря на то, что времени прошло уже изрядно, края только начинали стягиваться. Аньюриэль понимала, что основная причина этого — её халатное отношение к перевязкам.

— Кто тебя так?

— Не нашла общий язык с океанидой, — честно ответила Анью.

— Это из-за меня, — пояснил Пэн. — Они так сцепились, что смотреть страшно было! Я попытался их разнять и вот... Оно же заживёт?

— Заживёт. Мне нужен таз с тёплой водой и чистые повязки.

Анью взмахнула рукой, магией наполняя котелок водой из бочки и разогревая её. По лестнице спустился Игнис, принося из её комнаты рулон повязок. Промывать рану было вполне терпимо, а вот мазь нещадно припекала.

— Терпи. Если повезёт — шрама не останется. Хотя тебе и так досталось. Это откуда? — Лан Роу прикоснулась к неровной коже у неё на плече, аккуратно проводя подушечками пальцев по красноватым рубцам. — Выглядит свежим.

— Боэр Морхен. Демон достал.

— Наплечник бы спас. В Аньшу много хороших ремесленников, я знаю пару мастеров в гавани. Могу познакомить. Цены у них вполне приемлемые.

— Наплечник был и даже укреплённый магией. Пара тому, который был на мне сегодня. Без него мне бы руку в момент отгрызли, но новая броня не мешает, — согласилась Анью.

— Завтра у тебя бой с Харико, — Лан Роу закончила перевязку и села напротив, став предельно серьёзной.

— И это повод для переживаний? — Анью поправила одежду, поднимаясь и заваривая воительнице травяной сбор.

— На турнире выступают только лучшие. Он проходит лишь раз в год, это главный праздник Аньшу. На три недели почти все жители откладывают свои дела и приезжают в Лазурную гавань, чтобы посмотреть на бои. Есть гости с других материков и дальних островов. Вот только чемпионом станет лишь один. Сама понимаешь, участвуют лучшие из лучших.

— Меня мало волнует это соревнование, — она поставила чашку перед гостьей и махнула рукой, предлагая выбирать что хочет из того, что есть на столе. — Я участвую во всём этом балагане только потому, что это моя часть сделки с советником.

— Кажется ты недооцениваешь риски. Правилами оговорено, что бой длится пока один из участников не сдастся, не покинет арену или не потеряет возможность сражаться дальше. Распорядители также могут прервать бой, если ситуация станет слишком опасной для кого-то из претендентов. Лунные девы — жрицы Рунаана — всегда следят за безопасностью, но этого не всегда достаточно. Бывало, что претенденты погибали. Хотя за подобное предусмотрено наказание и исключение из турнира, но жизнь это уже не вернёт.

— Умирать не планирую, — Анью пожала плечами. — Я всё же боевой маг, сражения — моя жизнь.

— Как будто кто-то планирует, — Лан Роу выглядела серьёзной. — Харико тоже боевой маг. Она — одна из лунных дев, одна из лучших, но в турнире участвует впервые. Предпочитает рукопашный бой и усиливает удары магией и энергией. Она с лёгкостью

пробивает каменную стену. Не составит для неё проблем и сломать пару костей. Перелом ноги — самый частый способ вывести соперника из турнира.

— Значит проблем у меня не будет, — колдунья предвкушающе улыбнулась.

— Лучшие бойцы прошлых турниров не участвуют в отборочных. Они присоединятся ближе к финалу. Распорядители стараются ставить иноземцев в пары с местными бойцами. Школы постоянно соревнуются между собой, так что для участников это способ проверить свои силы против непривычного противника. Но я постараюсь разобраться с проблемой до того, как ты пройдешь в финал. Кстати об этом. Мне уже пора.

— Будешь караулить ту тень?

— Да, — воительница кивнула. — Демоны Легиона искушений не нападают в открытую. Они скрывают своё присутствие, подтачивают душу тех, кто погряз в грехах и подчиняют их. Так уже было в Аньшу пятьсот лет назад, так было месяц назад. Думаю, Белакис — хозяйка страстей — не отступила.

— Ты уже сталкивалась с ней?

— Лично — нет. Одна из подчиняющихся ей демониц учинила в Аньшу беспредел месяц назад. Тогда тоже один из сильных бойцов поддался её чарам. Поэтому я и опасаясь того, что кто-то из претендентов может быть околдован. Отдыхай, силы тебе понадобятся, — воительница поднялась, уходя.

Аньшу задумчиво смотрела в стену, обдумывая услышанное. Об исходе поединка она не волновалась, но тот факт, что демоны снова будут действовать исподтишка, не мог обрадовать. В Лютерии вторжение тоже начиналось незаметно. Демоны, под видом церкви, переманивали к себе людей, подготавливали силы, а потом ударили мощно и жестоко. Она попыталась представить, что будет, если над Лазурной гаванью откроются порталы и демоны Фетрании атакуют Аньшу. Ужас, что пережил Боэр Морхен, может повториться здесь. На улицах, где сегодня смеялись дети и играла музыка, будут крики и кровь...

— Те новости, что рассказала эта девушка, — Пэн остановился рядом с её ладонью. — Это очень плохие новости?

— Пока не знаю, — она постаралась улыбнуться как можно беззаботнее.

— Но точно не хорошие.

— Не хорошие, — согласилась Аньшу.

— Твой бой третий. Традиционно претенденты не наблюдают за боями других, поэтому жди здесь, пока твой выход объявят, и иди вон в ту дверь. Я буду среди зрителей и вмешаюсь, если потребуется, — давала ей последние наставления Лан Роу.

— Я могу сама справиться, — отмахнулась Аньшу. — Это же бой один на один. Для меня самая сложная часть — не убить противника.

— Я верю, что можешь, — воительница примирительно улыбнулась. — Но это не значит, что мне нельзя проявить заботу о тебе. Удачи.

Девушка развернулась, уходя в сторону трибун. Аньшу облокотилась о стену, ожидая начало турнира. Большая арена под открытым небом была забита людьми. Колдунья пока не видела, сколько было зрителей, но, судя по отголоскам шума, пара тысяч человек точно была. Вот гул толпы затих и разнёсся звонкий, усиленный магией, голос Рёлы. Дежурные слова приветствия участникам, зрителям и гостям, благодарность богам и Хранителю

Рунаану, за то, что этот год в Аньшу был мирным и плодородным. Аньшу улыбнулась. Видимо, о неприметных попытках демонов переманить на свою сторону бойцов, Совет решил умалчивать. Затем объявили первый этап турнира и вызвали первую пару претендентов. Бой продлился пару минут. Рёла поздравила победителя и объявила второй поединок. Аньшу прошла ближе к арке, ведущей на арену, ожидая, пока позовут её.

Облокотившись спиной о стену там стоял молодой мужчина, одетый в форму стражника. Вероятно, он должен был следить за порядком и безопасностью, но всё его внимание было занято боем на арене. Распорядительница остановила бой, потому что один из бойцов получил серьёзную травму. Зрители негодуя кричали, требуя продолжения. Стражник повернулся к ней, оценивая рассматривая.

— Это ты что ли рыцарь Лютерии?

— Я.

— Ну-ну, — он покачал головой. — Харико тебя быстро отделает. Иди, сейчас твой черёд.

Колдунья сделала пару шагов по коридору, останавливаясь у самого края лестницы. Ступеньки уходили вниз, к кругу арены. Внизу суетились работники, спешно вытирая кровь с камней.

Сама арена была построена в форме окружности и была огорожена от зрителей рвом с водой. Аньшу внимательно рассматривала интересную кладку — белые и чёрные камни арены были выложены в форме двух капель, образуя круглую площадку. Одна капля будто перетекала в другую, при этом в широкой части каждой капли было по одному камню противоположного цвета.

— *Свет и тьма, — пояснила Энвиса. — Символ их вечного противостояния и в то же время баланса. Как Свет может содержать в себе Тьму, так и во Тьме можно отыскать каплю Света.*

— Не отчитываешь меня за очередную дурацкую идею?

— *У нас нет выбора. Придется поиграть какое-то время по их правилам.*

Зрительские ряды поднимались вверх, будто ступени. Все места были заняты. Те, кому по какой-то причине не хватило билетов, сидели на крышах лож, защищающих высокопоставленных гостей от жаркого солнца, или толпились в проходах.

— Поприветствуем претендента из далёкой Лютерии, — объявила Рёла, отчего по рядам зрителе прокатилась волна удивленного перешептывания. — Дамы и господа, встречайте, Аньшурель, рыцарь Лютерии!

Она неторопливо спускалась вниз под аккомпанемент редких аплодисментов, привычно не показывая, что слышит все эти шепотки за своей спиной. Лишь Эйша приветствовала её радостными криками — Аньшу отдала билеты старпому. Места, что ей выделили для близких, оказались в первом ряду. На голове девушки удобно устроился Пэн, махая ей руками и что-то выкрикивая. У мококо не было и шанса перекричать Эйшу, но поддержка была приятна. Рядом с ними сидела Лан Роу, встретившись взглядом с Аньшу, она улыбнулась и кивнула. Этот маленький островок поддержки посреди моря настороженности подействовал успокаивающе. Аньшу обвела взглядом арену, стол распорядителей и стоящих возле них девушек — видимо тех самых лунных дев, что должны следить за порядком, и посмотрела вверх, туда, откуда должна появиться её соперница. Там стоял глиняный кувшин.

— А сейчас поприветствуем нашу Харико, — объявила Рёла. — Она покажет госте все

гостеприимство Аньшу.

Наверху противоположной лестницы показалась девушка.

— Рыцарь Лютерии! Твои доспехи тебе не помогут! Они треснут так же, как этот кувшин!

Удар был действительно красивым. Быстрый, идеально выверенный. Осколки несчастного кувшина разлетелись во все стороны. Вот только ожидаемой реакции Харико не получила. На трибунах воцарилось молчание. Доспехов на Анью не было — лишь её привычная мантия. Вместо того, чтобы подкосить боевой дух соперника, воительница выставила себя посмешищем и уже понимала это.

— *Прежде чем кричать о победе нужно победить,* — глубокомысленно отметила Энвиса. — *Она тебе не соперница. Ею руководят амбиции, а не здравый смысл.*

Харико быстро оправилась от неожиданности и подпрыгнула вверх, намереваясь в один прыжок очутиться на арене. Рёла ударила в гонг, отмечая начало боя. Лунные девы создали защитный купол, отделяющий арену от зрительских рядов. Анью подняла руку, собирая магию. Поток ветра подхватил воительницу, швыряя её о купол. Девушка, взвизгнув от неожиданности, ударилась о магический барьер и плюхнулась в ров с водой. Тишина, которая повисла над ареной, казалась осязаемой. Вероятно, это был самый короткий бой в истории Небесного турнира. Оказавшись за пределами круга, Лунная фея Харико проиграла бой.

Спустя пару секунд оглушительного молчания с первого ряда раздался ликующий вопль Эйши. Анью уже знала, что старпом поставила на её победу все деньги, которые заняла у неё накануне.

Глава 2. Особенности национальной кулинарии и происхождения оборотней

*When the lights go out
and the night is falling
I'll be standing tall
with the whole world watching.
When the fight goes down
and every eye is on me
I'll be standing strong with
or without warning.
It's been a long time coming,
I've been waiting for you.*

Tomme Profitt — Champion

— Бедняжка Харико! — Лан Роу весело смеялась. — Этот выход с кувшином ей ещё не скоро забудут. Впрочем, она сама виновата. Нечего было хвастаться впустую.

— Да, кэп, — Эйша подлила себе ещё вина, приятно пахнущего сливой. — Это было великолепное начало! Никто не ожидал, а я верила в тебя.

— Не потому ли, что поставила мешок серебра на мою победу? — Анью улыбнулась.

— Не без этого, — честно призналась старпом. — Но твой бой — это нечто! Одним взмахом руки. Бедная Фея даже понять не успела что к чему. А я слышала, что они могут парить в воздухе как птицы.

— Могут, — подтвердила Лан Роу. — Лунные девы — могущественные чародейки и сильные воительницы. Хотя их нрав такой же лёгкий и переменчивый как ветер, злить их опасно. Лунные девы — жрицы Рунаана, многих из них он благословил даром к полёту, хотя до птиц им всё же далеко.

— Ваш заказ, прекрасные дамы, — подавальщик обвёл взглядом их компанию, ненадолго задержавшись на Пэне, и, поклонившись, ушел обслуживать следующий столик.

В таверне, что носила странное название «Шестое место», было не протолкнуться. Все столики были заняты, подавальщики носились с подносами и принимали заказы, сбиваясь с ног. Очередь у входа растянулась на пару десятков метров. Впрочем, Лан Роу, каким-то чудом, умудрилась занять неприметный, но уютный столик в углу заранее и ждать не пришлось. Их заказ оказался несколькими деревянными коробами, составленными друг на друга и источающими приятный, сладковато-жгучий аромат. Анью окинула взглядом зал — на всех столах было то же самое, что заказала для них Лан Роу.

— Это вонтоны — их фирменное блюдо, — пояснила Лан Роу. — Отпразднуем твоё прекрасное выступление.

— Это похоже... На варёные пирожки, хотя пахнет вполне приятно, — Анью скептически смотрела на то, как подталкивает своё блюдо Пэн.

Вот уж кто не боится кулинарных экспериментов.

— Можно и так назвать. Вонтоны готовят на пару. Начинка может быть практически любой, но эти — специальный рецепт. Тончайшее тесто, мелко нарубленный сомик, пряности и вишня. Такие готовят только здесь.

— И на любой другой кухне, — скептически заметила Эйша. — Никаких «секретных ингредиентов» или редких пряностей? Если всё так просто, что любая домохозяйка повторит, то почему тут такой ажиотаж?

— Именно поэтому мы с вами пришли сюда, — воительница загадочно улыбнулась. — Шеф-повар этого ресторана — будет твоим следующим противником.

Анью окинула взглядом их обед, затем посмотрела на две лежащие перед ней палочки. Жители Аньшу использовали их в качестве столовых приборов. Эйша, ни на мгновение не смутившись, подхватила один вонтон пальцами и с удовольствием надкусила. Пэн тем более не считал нужным учиться пользоваться палочками, каждая из которых могла сойти для него за копьё. После недолгого замешательства колдунья пришла к выводу, что гордость и голод несовместимые понятия и тоже взяла вонтон руками.

— Варвары, — улыбаясь прокомментировала Лан Роу, ловко удерживая вонтон палочками.

— Так что там с этим поваром? — вернулась к теме разговора Анью, салфеткой промокая потекший по подбородку сок.

— Подозрительный гость, которого видели возле «Головы Рунаана», пока не объявился, поэтому решила проверить всех претендентов. К Харико у меня вопросов нет — она, как и все жрицы, живёт в храме Рунаана, а не в гостинице, да и лунные девы не восприимчивы к чарам суккубов. А вот Вонтон — очень интересный человек.

— И чем же он интересен? Тем, что остановился в гостинице, хотя у него есть тут таверна? — уточнила Анью.

— Он тут и живёт и работает, — согласилась Лан Роу. — Участвует в турнире каждый год. Лет десять назад поднялся до шестого места, отсюда и название у его заведения. Но в последние годы выбывает одним из первых. И работа у него в последние годы больше сезонная. Почти все посетители — гости с окраин Аньшу и чужаки. Да, вонтоны у него отменные, но не до такой степени, чтобы ходить сюда каждый день.

— А что за специи? Тут и сладкое, и слегка кислое, и что-то... свежее?! — Анью отвлеклась, от темы, задумчиво ковыряя ноготком начинку.

— Бадьян, сычуаньский перец, гвоздика, корица и фенхель, — после недолгих размышлений ответила воительница. — Так вот, в последние годы у Вонтона дела идут не очень. Ходит слух, что он залез в долги и подумывает продать таверну. Он вполне мог заключить союз с демонами, чтобы сохранить дело своей жизни. Он раньше держал небольшой ларёк и дела его шли не очень. Не думаю, что его радует мысль о скором разорении.

— И что собираешься делать? — Анью добавила чай в свою чашку, внимательно всматриваясь в двери кухни. — Сидя здесь ничего не разумеешь.

— Это итак понятно. Я просила, чтобы заказ нам принёс сам шеф-повар, но мне в итоге отказали, сославшись на загруженность кухни. Хотела перекинуться с ним парой фраз, но не судьба видимо. Если я заявлюсь к нему на кухню, то это будет слишком уж подозрительно. Придётся опять ночью караулить.

— А говорила, что отмечаем мою победу, — с укоризной произнесла Анью.

— Одно другому ведь не мешает, — улыбнулась Лан Роу.

Люди поражали Аньюриэль своей склонностью придумывать разные ритуалы и неизменно им следовать. В Аньшу было огромное множество разных приветствий и титулов. А правила этикета выучить можно было разве что прожив в этих землях пару столетий. Этими самыми правилами было оговорено даже то, насколько низко нужно кланяться при встрече и кто должен поклониться первым... Это раздражало. Хотя Анью и пыталась разобраться в тонкостях аньшуйской культуры, но лишь ещё больше путалась из-за невероятного количества нелепых тонкостей. Вот например, если она встречает мужчину, то он должен поклониться первым, приветствуя её. Вроде просто и понятно. Но если этот мужчина значительно старше её по возрасту или выше по статусу, то первой должна кланяться она. Но не уточняли, насколько должен быть старше мужчина, чтобы это считалось «значительно»? А если она не уступает в статусе человеку, то кто должен поклониться первым?

Книгу по этикету ей вручила Лан Роу, со словами: «Чтобы мне больше не приходилось за тебя краснеть». Не то чтобы Анью испытывала какой-то особый интерес к человеческой культуре и Аньшу, но всё же полистала, рассудив, что эти знания могут быть полезны. В итоге книга оказалась пустой тратой времени, хотя и позволила скоротать минуты в ожидании боя — её выход сегодня был последним в очереди. Вероятно, другие участники вслушивались в комментарии Рёлы, оценивали насколько велики их шансы на победу, но Анью, откровенно говоря, на исход турнира было плевать. Тем временем Рёла объявила её выход.

— Эй, рыцарь Лютерии, твой бой следующий, — к ней подошел стражник. — В прошлый раз тебе повезло. Посмотрим, повезёт ли сейчас.

Анью захлопнула книгу, медленно поднимаясь со скамьи. Человек сделал пару шагов назад, словно понял, что его панибратское отношение было лишним и может дорого ему стоить.

— Подержи пока, — она сунула книгу в руки стражника. — Тебе не мешает поучиться этикету.

На арену она спускалась под редкие крики и хлопки. Люди всё ещё относились к ней настороженно. Несмотря на то, что правилами турнира не было запрещено использование магии и оружия, аньшуйцы предпочитали рукопашный бой, считая его чем-то вроде искусства. Хотя, среди зрителей у неё всё же нашёлся один почитатель. Эйша кричала громче всех и размахивала руками, в одной из которых были зажаты бумажки, похожие на билетки. Анью присмотрелась, пытаясь понять, что это.

— Она опять поставила на тебя деньги, — Энвису вся эта ситуация забавляла.

Чародейка лишь фыркнула в ответ, останавливаясь на самом краю арены.

— Этого боя мы ждали с нетерпением, — радостно кричала Рёла. — Дамы и господа — «Шеф» Вонтон!

По ступеням вниз спускался высокий мужчина. Возможно, в лучшие годы он мог похвастаться телосложением могучего воина, но сейчас поверх развитой мускулатуры нахлобился жир, наградив своего обладателя огромным животом. Вонтон не скрывал своё брюхо, наоборот, выставлял его на всеобщее обозрение, явившись на бой в одних брюках и повязке на голове. Ветер донёс до Анью запах пряностей, которые мужчина добавлял в своё фирменное блюдо. Толпа радостно приветствовала его.

— Кто желает отведать вонтонов от чемпиона турнира? — голос у мужчины оказался приятно глубокий, немного гортанный. — В честь праздника «Шестое место» работает

круглосуточно.

Анью молча наблюдала за тем, как противник обменивается приветствиями со своими почитателями, машет руками и заывает в своё заведение. Выглядело всё это крайне наигранно. Да и не был Вонтон похож на бойца. Не было на его руках мозолей, лишь мелкие ожоги от работы на кухне. Рёла ударила в гонг, начиная бой.

— Ну что, — Вонтон повернулся к ней. — Посмотрим, из какого ты теста?

Анью молча смотрела в ответ, давая человеку возможность атаковать первым. В правилах турнира оговаривалось, что нельзя убивать противников и это значительно ограничивало её в магии. Ломать конечности тоже не было желанием — этот человек честно трудится, работает руками. Подозрения Лан Роу — это пока всего лишь подозрения, ей этот мужчина не сделал ничего, за что можно было бы покалечить.

— Чего ждёшь? Дамы вперёд, — недовольно проворчал мужчина. — Не думай, что так легко скинешь меня за борт. Я тебе не Харико.

Анью не стала заставлять противника повторять просьбу. Она стрелой метнулась к нему, проскользнула под рукой, уходя из-под удара, резко остановилась, разворачиваясь и ударяя ногой в область печени. Такой удар должен был откинуть мужчину в сторону и сломать рёбра, но Вонтон даже не пошатнулся.

— И это всё?!

Он схватил её за лодыжку, откидывая в сторону. Анью перевернулась в воздухе и телепортировалась в сторону, чтобы не вылететь за край арены. Они оба замерли, смотря глаза в глаза и словно размышляя. Человек перед ней был весьма силён, однозначно сильнее большинства людей, а ещё обладал необычайно плотным телосложением. В другой ситуации она бы была наверняка, но сейчас была дурацкая необходимость сдерживаться. Аньшу, вместе с этим глупым турниром, пока приносил одни проблемы. Перспектива перебирать ветхие книги в библиотеке уже не казалась такой ужасной.

— Ты что, не смогла победить с первого удара и струсила?! — Вонтон самодовольно улыбнулся.

Анью рассерженно посмотрела в ответ, понимая, что противник просто подначивает её. Не дождавшись какой-либо реакции, Вонтон бросился в атаку, оказавшись весьма быстрым, для своей комплекции. Анью уклонилась, контратакуя врага в солнечное сплетение. Хоть и не в полную силу, но такой удар вполне мог сломать кость. Вонтон тут же попытался ударить её в ответ, не удостоив вниманием её потуги. Его кулак прошел по касательной, почти зацепив бок — она едва успела увернуться.

Силён, сходитьсь с ним в ближнем бою опасно.

— *Почему не используешь магию? Или тебе заняться нечем, кроме как развлекать толпу? Заканчивай с ним уже,* — Энвиса распространяла в сознании волны негодования.

Анью уклонилась от ещё одной атаки. Даро была права — нет смысла затягивать бой и пытаться одолеть этого человека только физической силой. Проигрывать она не станет — Лан Роу ещё не нашла то, что ищет. Опять отскочила в сторону, уворачиваясь от атаки. Вонтон ударил кулаком туда, где только что стояла колдунья. От его удара потрескались камни, которыми была вымощена арена.

Аньюриэль перехватила посох поудобнее, старательно рассчитывая, сколько силы нужно влить в заклинание, чтобы не убить соперника ненароком.

— Хадро террион.

Заклинание прижало Вонтона к камням арены настолько крепко, что он едва мог

вдохнуть. Лунные девы, что наблюдали за поединком, напряглись. Анью понимала, что они в любой момент могут попытаться вмешаться в бой. Вонтон тем временем кричал, пытаясь подняться. Он не был одарён магией, а значит не мог разрушить чары.

— Сдавайся, — она посмотрела на соперника.

— Ещё чего! — прохрипел Вонтон, полностью игнорируя ту ситуацию, в которой оказался. — Я не проиграю какой-то девке!

— Я могу и подождать.

Она пожала плечами, подошла ближе к сопернику и присела на корточки. Вонтон побагровел от злости и бессмысленных усилий, по лбу катились капли пота, но он так и не смог сдвинуться с места, придавленный к камням магией.

— Вот только не надейся, — она перешла на шепот, чтобы только Вонтон слышал, что она говорит. — Что моя магия закончится раньше, чем твоё терпение. Я слышала, что человек может прожить без питья три дня... Я могу держать тебя здесь намного дольше. Впрочем, намного раньше твоё тело потребует уединения по естественным причинам и сдаться придётся. Иначе ты прилюдно оконфузишься, а твою таверну переименуют в «Мокрое место». Решать тебе.

— Понял-понял... Я сдаюсь! Ты победила...

— Неожиданный исход боя! — усиленный магией голос Рёлы перекрыл даже радостный вопль Эйши. — Это просто невероятно! Рыцарь Лютерии вновь одерживает победу. Не расстраивайтесь, господин Вонтон, мы будем ждать вашу заявку на участие в следующем году. И придержите для меня тот столик у окна, я загляну вечером!

Мужчина поднялся на ноги, стоило ей отпустить заклинание, помахал ладонью Рёле, давая понять, что услышал её просьбу. Затем помахал руками трибунам, после чего повернулся к ней. Анью спокойно смотрела в ответ. Магия не была запрещена и то, что она использовала своё преимущество, вынудив человека сдаться, не было нарушением правил турнира. Вонтон протянул ей ладонь. Анью секунду поколебалась, после чего пожала руку бывшему сопернику.

— Отличный удар для такой малявки, — Вонтон улыбнулся.

— Какое потрясающее окончание дня! — продолжала разглагольствовать Рёла. — Какой великолепный боевой дух и какое достоинство у этих воинов!

— Напомни, зачем мы пришли сюда? — Анью долила себе в чашку ещё чай.

— Мы ждём.

Лан Роу подозвала подавальщицу и что-то добавила к заказу. Девушка кивнула и удалилась. Они вдвоём сидели за небольшим столиком под навесом. Проходящие мимо люди показывали на неё пальцами, махали руками.

— А ты становишься знаменитой, — воительница ей улыбнулась.

— Меня это мало волнует.

Подавальщица вернулась и поставила на стол большое блюдо с разными фруктами, щедро политыми карамелью. Пахло это всё восхитительно и существенно скрасило необходимость сидеть в этой своеобразной засаде.

Через дорогу от них была самая большая из гостиниц Лазурной гавани — «Голова Рунаана». Высокое здание с выкрашенными в красновато-оранжевый цвет стенами и темно-

серой крышей выглядело очень красиво. Анью часто ловила себя на мысли, что ей нравится архитектура в Аньшу. Величественность строений и изящные линии вогнутых крыш, яркие краски, среди которых преобладали алые и желтые цвета. Всё это, в сочетании с постоянным шумом, который создавали торговцы и уличные артисты, создавало неясное ощущение праздника.

А ещё она замечала, что местные жители очень внимательно и вдумчиво относятся ко всему, что они делают, буквально возводя это до уровня искусства. Живопись, кулинария, поэзия, музыка, рукопашный бой и владение оружием. На площадях или под ветвями деревьев, тронутых дыханием осени, можно было увидеть художника, ищущего вдохновение в опадающих листьях клёна или бойца, раз за разом оттачивающего одно и то же движение.

Аньшу располагался на той же широте, что Берн и Рохендель и климат здесь был значительно мягче, чем в Лютерии. Морозное дыхание Сириона — Владыки холода — лишь едва заметно касалось этих земель, посыпая вершины гор и парящие острова снегом, но не опускалось в долину. Природа брала себе лишь краткий период покоя, после чего всё вновь начинало расцветать.

— И что мы ждём? — Анью выбрала кусочек персика, накалывая его на небольшую деревянную палочку и отправляя в рот. Она блаженно зажмурилась, наслаждаясь сладостью карамели, переходящей в кислинку персика.

— Горячее же, — воительница пару секунд обеспокоенно на неё смотрела, после чего лишь задумчиво пожала плечами. — Здесь остановилась твоя будущая соперница. Зовут её Мидзури, но зрители прозвали «Рыжая бестия». Роковая женщина. Мечта поэтов и нож в сердце для бойцов. Глянь — это всё её поклонники.

Анью присмотрелась повнимательнее к толпе мужчин, что нетерпеливо переминались с ноги на ногу у входа в гостиницу. Молодые юноши и зрелые мужчины, торговцы, артисты, воины и даже пара советников, выделяющихся из толпы сдержанного цвета одеяниями. Все они держали в руках букеты цветов, корзины со сладостями и фруктами, а кто-то даже коробочки, обитые тканью и, вероятно, хранящие в себе драгоценности. Среди этой толпы выделялась высокая фигура её недавнего соперника. Шеф-повар «Шестого места» с тоской смотрел на одно из окон на верхнем этаже, держа в своих огромных, покрытых ожогами, руках коробочку, обитую алой тканью. Миниатюрная, в сравнении с его ручищами, вещь тем не менее вполне могла вместить в себя целый гарнитур украшений.

— Вонтоном тоже в рядах поклонников.

— Мидзури с лёгкостью кружит мужчинам головы, — Лан Роу кивнула. — Она уже обзавелась несколькими солидными покровителями и не обделена деньгами. Она потребовала себе лучший номер, но появляется здесь крайне редко. Судя по внешности, она из Аньшу, но никто не знает откуда именно. Как боец тоже пока себя не проявила. Её соперники нарочно проигрывали бои. В Харики я не сомневалась. За Вонтоном пока наблюдаю и, кажется, начинаю понимать, куда он так изрядно потратился. Вернее на кого. Но Мидзури — пока загадка. Она вполне может оказаться той, к кому наведывалась эта подозрительная тень.

— Значит буду разбираться на месте, — колдунья равнодушно пожала плечами, накалывая на шпажку сливу.

— Не одна Мидзури скрывает свои таланты на турнире.

— А кто ещё? — поинтересовалась Анью, скорее из вежливого желания поддержать разговор, нежели и вправду интересуясь возможными соперниками.

— Ты.

Лан Роу поставила локти на стол, облокотившись подбородком на руки, всем своим видом выражая крайнюю степень заинтересованности и, тем не менее, воительница продолжала искоса наблюдать за столпотворением возле дверей гостиницы. Хотя, с точки зрения Аньюриэль, это было излишним. Если уж роковая красавица Мидзури и решит появиться, то толпа поклонников не оставит это незамеченным. Анью непонимающе посмотрела на воительницу.

— Ты ведь тоже не сражаешься в полную силу, — пояснила Лан Роу.

— Если я буду сражаться в полную силу, то моих соперников придется отскребать от арены. Если будет что отскребать.

— Это было бы нежелательно. Всё же Небесный турнир — мирное соревнование, призванное сплотить народы Акрассии.

К ним подошел мальчик и, низко поклонившись, передал воительнице свиток. Лан Роу сломала сургучную печать и развернула пергамент, вчитываясь в послание, и мрачней всё больше и больше.

— Передай советнику, что я займусь этим немедленно.

Мальчик снова низко поклонился и убежал, вероятно, чтобы передать ответ. Лан Роу несколько секунд что-то напряженно обдумывала, после чего поднялась из-за стола, кладя на деревянную поверхность несколько монет.

— Вести не самые радужные, как я погляжу, — Анью поставила чашку на стол, внимательно смотря на собеседницу.

— Здесь неподалёку есть небольшой городок, в нём убили человека. Странно убили, — пояснила Лан Роу. — Мне нужно всё проверить. Твой бой только завтра, так что я успею вернуться. Отдыхай пока.

— Это могут быть демоны? — Анью тоже поднялась.

— Пока не могу сказать точно, но допускаю такую вероятность.

— Я пойду с тобой.

— У тебя же завтра бой!

— Ты ведь сама сказала, что успеешь вернуться, так что не вижу проблемы.

— И зачем тебе это? — воительница сложила руки на груди.

— У меня есть свои причины охотиться на демонов. И мне скучно, — Анью пожала плечами.

Когда они приехали в Дайфен, Солнце уже клонилось к линии горизонта. Небольшой городок, всего в паре часов от Лазурной гавани, утопал во фруктовых садах. Можно было прикрыть глаза и помечтать о том, как прекрасно будут цвести деревья весной, распространяя приятный, сладковатый аромат вокруг. В небе над Дайфеном, утопая в облаках, парили небесные острова. Лан Роу уверяла, что именно там живёт Хранитель Рунаан — могучий небесный дракон. Анью поглядывала в небо с некоторой настороженностью. Пока её опыт общения с Хранителями нельзя было назвать приятным, а облик дракона имели лишь сильнейшие из этих созданий. Впрочем, пока облака мирно плыли, движимые лишь ветром. Если Рунаан и жил там, то показываться не спешил.

Они ехали по главной улице города. Анью с любопытством осматривала невысокие

дома с характерными для Аньшу вогнутыми крышами. На первом этаже почти везде были магазинчики, лавки торговцев или ремесленников, или небольшие чайные. Верхние этажи занимали хозяева дома. Почти у каждого дома был большой двор, где летом хозяева выращивали травы, овощи или фруктовые деревья. По улице бегала босоногая детвора, играя в догонялки. Старики, сидящие на крыльце, присматривали за детьми и тихо обсуждали новости. В основном турнир, но и недавнее убийство тоже.

— Подожди тут. Я найду старосту, — Лан Роу спешила.

Воительница ушла, оставив её посреди площади. Из-под забора ближайшего дома тихо рычала собака. Анью ударила в сторону пса потоком чистой магии. Покачнулся забор. Пёс скрылся в своей будке, тихо поскуливая, но больше не решаясь открыто проявлять враждебность.

Колдунья спрыгнула на землю. Тишина и размеренность жизни небольшого городка успокаивала. Большая часть жителей уехали в Лазурную гавань: кто торговать, а кто смотреть на Небесный турнир. Лошади отошли к краю дороги и с удовольствием пощипывали траву. Анью стояла рядом с ними, не зная, чем ей заняться. Лёгкий порыв ветра гонял по площади опавшую листву. Смеялись дети. Переливчато пели птицы. Было совсем не похоже, что в этом месте буйствуют демоны.

И зачем я сюда приехала?

Рядом с ней остановилась маленькая человеческая девочка. Ребёнок внимательно смотрел на неё большими, слегка раскосыми глазами. Совсем малышка. Такая же босая, как и остальные дети, одетая в ярко-желтое платье, едва достигающее до покрытых ссадинами коленок. В маленьком кулачке была зажата тонкая палочка, на конце которой была странная, собранная из красной бумаги игрушка. Четыре уголка, которые крутились, разгоняемые ветром, как маленькая мельница.

— Здравствуй, — Анью присела, чтобы сравняться в росте с ребёнком. — Ты что-то хочешь?

Девочка протянула к ней свободную руку, аккуратно касаясь лица, ощупывая щеку, нос, волосы. Потянулась к уху, аккуратно касаясь кончика. Анью дернула ухом. Девочка весело рассмеялась. Колдунья заметила, что в дверях соседнего дома замерла женщина, взволнованно наблюдая за происходящим и теребя в руках какую-то тряпку. Она кивнула женщине, та кивнула в ответ, став заметно спокойнее. Из дома старосты вышла Лан Роу, взволнованно что-то обсуждая с каким-то стариком. Анью быстро покопалась в сумке, доставая оттуда несколько ярких лент и отдавая их девочке.

— Вот, возьми. Примотаешь к своей палочке и будет ещё красивее.

Девочка, улыбаясь, взяла подарок и тут же протянула ей свою игрушку.

— Мне не нужно...

Но её уже не слушали. Малышка положила игрушку ей на колени и умчалась к своей матери. Анью удивленно смотрела ей вслед, не зная, что делать с подаренной вещью.

— Надо же, не думала, что ты можешь с кем-то подружиться. Да ещё и так быстро, — Лан Роу остановилась рядом. — Тебе даже вертушку подарили.

— Это так называется? — она аккуратно взяла палочку в руку. Ветер тут же раскрутил лопасти. — Для чего она?

— Просто игрушка, — девушка пожалала плечами. — У тебя в детстве разве не было таких?

— Нет, — она покачала головой. — Куклы, мячи, разные артефакты. Ещё духи ветра

порой залетали поиграть в догонялки. Такого не было.

— Ладно, пошли. Ты может и на увеселительной прогулке, но не я. Тут не только убийство, но и, оказывается, люди пропадают. Советник Фархан всё равно собирался после турнира прислать сюда отряд стражи, так что узнаем что да как.

Они прошли в сторону ожидавшего их старосты. Мужчина поклонился ей, Анью кивнула в ответ, Лан Роу недовольно поджала губы. Уроки аньшуйского этикета пока не привели к тому эффекту, который ожидала воительница.

— Я вам сейчас всё как есть покажу, а вы уж думайте, госпожа посредница, — староста повёл их по улице. — Вот как есть расскажу. Это у вас там в Лазурной гавани турнир и отдых, а тут странные дела творятся. Сначала в садах и полях люди пропадать стали. Кто до ночи задержался, мог уже совсем не вернуться. Потом всех кур передушили. С утра выйдешь к курятнику за яйцами, а только трупы на земле лежат. Шеи свёрнуты и ни капли крови. А сегодня вот...

Старик остановился у распахнутой калитки и показывал на что-то рукой. Анью подошла ближе, заглядывая во двор. Перед крыльцом лежала мёртвая собака.

— А торговец? — Лан Роу опустилась на колени возле пса, что-то осматривая.

— Внутри. На втором этаже.

Они вошли внутрь. Прошли мимо полок с рулонами ткани и лотков с разного рода пуговицами и прочей фурнитурой. За ширмой обнаружилась узкая лестница на второй этаж. Анью внимательно осматривала обстановку. Пол был застелен травяными ковриками. Перегородки из дерева и какого-то материала, напоминающего вошеную бумагу, разделяли большой зал на разные зоны. На стенах висели простенькие рисунки, изображающие рыб, горы или цветущие деревья. Большой прямоугольный стол на низеньких ножках, возле которого лежали подушки, заменяющие хозяевам стулья.

— Где его семья? — тихо спросила чародейка. — Здесь семь подушек. У него должны быть родственники.

— Его супруга, родители и дети в Лазурной гавани, — ответил староста. — Им пока не сообщали. Такая потеря... Он остался присмотреть за лавкой и вот... Мы ничего не трогали. Ждали пока Совет пришлёт кого-нибудь. Мы и не сразу поняли, что что-то не так. Уж слишком долго ставни были закрыты. Он всегда открывал лавку на рассвете. Пошли узнать, всё ли в порядке, а там пёсдохлый. Потом внутрь вошли и нашли. Жуткая смерть...

За перегородкой оказалась спальня. Возле распахнутого окна висели металлические трубочки, покачиваясь от ветра, они наполняли помещение приятным перезвоном. Колыхались занавески из красивой, почти прозрачной ткани. На полу были расстелены два матраса, набитых хлопком, которые заменяли жителям Аньшу кровати. Лан Роу говорила, что они называются футоны. Идиллию портил только труп хозяина дома, лежащий на полу возле окна.

— Благодарю. Дальше мы сами, — Лан Роу кивнула, подходя ближе к погибшему.

Староста низко им поклонился и ушел, тихо бормоча себе под нос о том, что дела совсем плохи, раз вместе с посредницей им прислали ещё и иноземного мага.

В комнату уже слетались мухи, неприятно жужжа и ползая по телу. Крови оказалось неожиданно мало, хотя у погибшего был вспорот живот. Лан Роу, даже не поморщившись, запустила руку в рваную рану, ощупывая что-то внутри.

— Печени нет и кровь почти всю выпили. У меня есть две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

— С любой, — колдунья пожала плечами.

— Хорошая — демонов здесь нет. Плохая — в деревне разгулялся оборотень.

— Оборотень?! Это что такое? — Анью внимательнее присмотрелась к погибшему, но не заметила ничего необычного.

— Ну... Даже не знаю, как тебе объяснить. Это что-то вроде магии, но не совсем магия...

— Использование внутренней энергии тела? Я понимаю это, — Анью присела на краешек футона.

— Надо же! — Лан Роу села на подоконник, вытирая руку платком. — Обычно эльфы свысока смотрят на то, что считают не магией.

— Мой народ называет себя силлинами. «Эльф» — простонародное человеческое словечко. Ты хочешь чтобы я уважала обычаи твоего народа, но при этом не уважаешь обычаи моего.

— Справедливо, — Лан Роу примирительно приподняла руки. — Я слышала, что старшие народы не могут использовать энергию.

— Я слышала, что энергией могут управлять только маги крови, но тот лекарь, к которому ты меня водила тоже на это способен. Мы обе чего-то не знали об этом мире.

— Мы называем энергию «ки». Она есть везде. Она наполняет жизнью мироздание. В ветре и в реке, в земле, растениях и живых существах. Ки — это энергия жизни. Хоть маги среди людей рождаются нечасто, но каждый человек может научиться управлять собственной ки. Многие мастера боевых искусств в Аньшу способны на это. Тот, кто осознанно управляет ки в своём теле становится сильнее, выносливее и сохраняет молодость на долгие годы. Это — дар богов человечеству. Но есть и те, кто научился изменять свою ки силой воли, делать её похожей на ки зверя или птицы и менять свою внешность. Их называют оборотнями.

— В целом понятно. Теперь можешь переходить к той части, где эти самые оборотни убивают людей, — Анью указала на труп.

— Откровенно говоря, большинство оборотней не опасны для людей. Да и не каждому под силу изменить себя. Это очень редкий дар. Опасны только кумихо — оборотни-лисы. Они прокляты гневом Акерии. Я думала, что их давно истребили, но если сопоставить то, что тут произошло вот с этим, — Лан Роу аккуратно сняла с деревянной рамы, зацепившийся за шероховатую поверхность, клочок рыжей шерсти. — То окажется, что не всех.

— Впервые вижу такую магию. Хотя и магией это не назвать, — Анью покачала головой. — Стоило пойти с тобой хотя бы для того, чтобы посмотреть на это.

Впереди, извиваясь в воздухе подобно змее, парил клочок тонкого пергамента, исписанный странными закорючками. Своеобразная письменность, которую использовали жители Аньшу, чем-то неуловимо напоминала руны языка древних, переделанные людьми на свой лад. Лан Роу называла этот пергамент с надписями талисманом. Написанный особыми чернилами, судя по запаху, содержащими в своём составе не только золу, но и что-то очень едкое, он мог служить проводником энергии. Закреплённый на амулете клочок шерсти заставлял его неторопливо парить туда, где сейчас должна была находиться кумихо. Охота на лису началась.

Они уходили всё дальше от центральных улиц Дайфена, наполненных голосами людей и ароматами чайных. Дорога петляла через сады и усадьбы, обнесенные высокими заборами. Здесь предпочитали селиться самые богатые жители Аньшу — рядом Лазурная гавань, благодатная почва, на которой в изобилии растёт всё, что ни посади, большие земельные угодья позволяют наслаждаться единением с природой без лишнего шума, а в облаках изредка можно увидеть тень Руанаана. Вся эта идиллия существенно портилась тем, что где-то среди этих особняков скрывался оборотень.

А ещё в груди тихонько закипало раздражение. Аньшу надеялась на встречу с демонами. Ей нужно узнать, где сейчас Ку-Сатот и его легион безумцев. Пока в Аньшу не было заметно никакого присутствия демонов, кроме слухов о какой-то подозрительной тени, которую выслеживала Лан Роу. Эта человеческая девушка, напару с советником Фарханом, втянули её в свою игру, пообещав какие-то записи, что вёл при жизни эсдо Сиен. Вполне могло оказаться, что в этих бумагах нет нужной информации и она впустую тратит время. Неопределённость раздражала. В её жизни было слишком много неопределённости в последнее время.

— А какие ещё оборотни бывают, кроме лисиц? — Аньшу осматривала окрестности, внимательно прислушиваясь к любым звукам. Ничего подозрительного пока не происходило.

— Дар достаточно редкий, — Лан Роу немного задумалась. — Сейчас самый известный оборотень — Гарудал. Его прозвали Фениксом, за то, что обращается птицей, а также весьма одарён в огненной и небесной магии.

— Разве люди могут овладеть несколькими стихиями?

— Да, хоть всеми четырьмя, если приложить достаточно усилий. У твоего народа большее сродство с магией и выше срок жизни, поэтому вы можете освоить разные магические направления. Сколько лет тебе понадобилось, чтобы овладеть четырьмя стихиями?

— Обязательное обучение у нас длится семьдесят лет. Те, кто желают, могут остаться в башне, чтобы осваивать более сложные направления магии, — уклончиво ответила колдунья.

— Вот видишь. Те люди, которые одарены магией, живут около двух сотен лет. Твоё магическое обучение — почти треть их жизни. Но многие не стремятся к большему, не готовы работать над собой, совершенствуясь только в том, что легко даётся.

— У твоего народа слишком короткая жизнь. Наверное, они не хотят потратить всю её на обучение.

— Любая жизнь когда-нибудь заканчивается, — Лан Роу пожалала плечами, словно не находила в факте собственной смертности ничего особенного. — Плоть возвращается в землю, а над ней вырастает трава и распускаются цветы. Душа остаётся в воспоминаниях и продолжает жить в сердцах других. Всё в этом мире течёт и движется по кругу. И человеческая жизнь тоже. Старение и смерть — это красота мимолетной жизни создания, называемого человеком. Мы стареем, мы умираем. И это прекрасно.

На пару минут между ними повисло молчание. Аньшу размышляла о том, что услышала. Люди не переставали её удивлять. Не все, но некоторые из них были интересны. Сильные, с глубоким пониманием жизни, высоко несущие собственное достоинство, они притягивали к себе внимание, пробуждали любопытство. Было интересно слушать, узнавать то, как они видят жизнь. Лан Роу оказалась интересной спутницей, даже не смотря на то, что их временный союз основывался на взаимной выгоде.

— Кумихо прежде были жрицами. Их называли солнечными девами. Лунные девы служат Рунаану, они же служили Акерии... Много веков назад, ещё до Второго Вторжения в Аньшу жили два Хранителя. Небесный дракон Рунаан и огненная девятихвостая лиса Акерия. Вместе они оберегали эти земли. Рунаан дарил людям дождь и разгонял облака, чтобы дать больше солнечного света растениям. Акерия дарила своё тепло земле, дарила ей благодать и изобилие. Люди строили Хранителям храмы, приносили дары в благодарность за помощь и защиту, почитая их как богов.

— У людей вообще есть странная привычка боготворить всех, кто хоть как-то проявляет к ним участие. Трое древних, Хранители, — Аньшу снисходительно улыбнулась. — Вы так любите поручать ответственность за своё благополучие в руки других, что забываете о том, что каждый получает ровно столько счастья, сколько усилий приложил для этого. Впрочем, от богов всё равно ничего не дождёшься.

— Боги даровали нам этот мир и наши жизни. Можно быть благодарными уже за это, — нравоучительно произнесла Лан Роу, сворачивая вслед за амулетом на небольшую, практически заросшую травой, дорогу. — Хранители заботились о людях по собственному желанию, это был их выбор. Акерия была первой из оборотней. Иногда она оборачивалась прекрасной девушкой с девятью хвостами и спускалась с небесных островов. Она первая стала обучать одарённых магией девушек, учила их благословлять землю на богатый урожай, заговаривать недуги, а особенно способных и преданных ей — оборачиваться девятихвостыми лисами. В те годы в Аньшу были гармония и процветание.

— И сейчас будет какое-то «но», — Аньшу улыбнулась, догадываясь, что случилось дальше.

— Дождь не может длиться вечно, — воительница кивнула. — И, подобно дождю, гармония в Аньшу однажды закончилась. Но не солнечные дни пришли ей на смену, а великое горе. На изломе осени в Аньшу прибыл чужестранец. Он остановился в небольшом городке у подножия гор, жители которого занимались охотой. Но не мясо и мех интересовали его. Стал он рассказывать людям, как ценятся за морем части тел Хранителей. Сколько всего можно выменять, за пропитанный магией мех или кость, сколько силы получит тот, кто съест потроха Хранителя.

— *Какой ужас!* — возмутилась Энвиса. — *Неужели кто-то послушал этого безумца?!*

— Что?! — Аньшу удивленно замерла на месте. — Да даже если так, Хранители невероятно сильны. Их, не то, что убить, ранить сложно. И к тому же они помогали Руфеону запечатывать разлом. И после, во времена Второго Вторжения, встали на нашу защиту в битвах с демонами... Неужели нашлись глупцы, согласившиеся на подобное?

— Блеск золота, даже воображаемого, для некоторых способен заглушить голос здравого смысла. Чужак смог собрать отряд вооружённых охотников и все вместе они поднялись в горы, туда, где было логово лисицы... Они жестоко поплатились за свою наглость и глупость. Акерия проснулась, поняла, что они попытались сделать, и разгневалась. От охотников остался лишь пепел, но на этом она не успокоилась. Разъяренная вероломным предательством людей, она по запаху нашла ту деревню, откуда пришли охотники и сожгла и её тоже. Не только дома и семьи тех кто пришел за её жизнью. Всю деревню. Мужчин, женщин, стариков и младенцев, животных и даже поля и сады. На том пепелище ещё долго ничего не росло.

— Жестоко... Но не могу судить её за это. Люди предали ту, что дарила им своё покровительство.

— А после Акерия поднялась на небесные острова. Она призывала Рунаана обратить свою ярость в бедствие и изгнать из Аньшу всех людей. Великий небесный дракон был разгневан и гнев его был столь силён, что поднялся штормовой ветер и небосвод искрился от разрядов молний. Но не поступок людей разозлил Хранителя, а жестокость учиненной расправы. Его голос сотрясал воздух, подобно раскатам грома. Он стыдил Акерию за то, что она сотворила, за её мстительность, за то, что погубила тех, кого обещала оберегать, за то, что убила невиновных. Рунаан изгнал Акерию из Аньшу. Ни до, ни после не было слышно в этих землях более отчаянного воя. Лисица изливала в нём неистовую боль, обиду и ярость. Искала она у Рунаана заступничества и поддержки, а получила презрение. И так велико было её горе, что шерсть Акерии почернела. Она обвинила Рунаана в том, что он предал её.

— И вполне заслуженно. Она ждала от него сострадания и помощи, а он просто предал её, выбрав людей, — Анью подняла взгляд.

В темнеющем небе, освещенные последними лучами заходящего за горизонт Солнца, парили острова. Колдунья задумчиво скользила по ним взглядом, словно ожидала увидеть там покрытое чешуёй тело дракона. Рунаана не было нигде видно. Если он и жил в этом месте, то сегодня его дома не было.

Если бы перед ней встал такой выбор, то какое решение она бы приняла... Анью понимала гнев и горе лисицы от того, что её в один день предали все. Решение Рунаана казалось ей странным, но не лишенным здравого смысла. Он защищал людей, которые не имели отношения к случившемуся. Акерия покарала тех, кто предал её, но нельзя было судить всех, за проступок нескольких. Оба Хранителя были по-своему правы...

— Рунаан обещал людям своё покровительство. Думаю, для него этот выбор стал тяжёлой ношей. Акерия покинула Аньшу. Какое-то время она буйствовала в Берне, убивая случайных путников и тех, кто охотился на неё, а потом снова куда-то пропала. Гнев и обида Акерии оказались настолько сильны, что та благодать, которую она дарила, обратилась проклятием. Ненависть отравила не только лисицу, но и её жриц, исказив их до неузнаваемости. Они возненавидели людей, предпочтя звериный облик. Вместо благости, что они несли прежде, кумихо начали охотиться на людей. Хитрые, быстрые и опасные. Долгие годы они тиранили Аньшу. На них велась охота. В отместку кумихо вырезали целые деревни. После Второго Вторжения эсдо Сиен собрал лучших бойцов и прочесал с ними все Аньшу. Долгие годы мы думали, что в той охоте были истреблены все кумихо. Как видишь, мы ошибались.

— Даже оборотни, они ведь бывшие люди. Разве человек может прожить столько?

— Кумихо, подобно личам, могут вместе с кровью выпить ки человека и этим продлить свою жизнь. Да и плотью не брезгают. Видимо, это своеобразная месть Акерии за то, что люди хотели поживиться её внутренностями. Кумихо всё ещё способны принимать свой человеческий облик, так что выследить их очень сложно. Нам повезло, что сейчас осень — наша кумихо линяет.

— Похоже, мы на месте.

Анью окинула взглядом высокую ограду, возле которой они оказались. Эта усадьба располагалась на значительном расстоянии от города, практически на отшибе. И, вопреки ожиданиям, тишиной это место похвастаться не могло. Где-то за забором явно шли весьма шумные гуляния. Пьяные мужчины горланили весьма похабные песни. Амулет, что вёл их за собой, поднялся выше, перелетая через ограду. Анью подпрыгнула вверх, подтягиваясь, и перебираясь на другую сторону. Людей поблизости не было, так что никто не заметил этого

небольшого вторжения. За оградой было целое поле красивых, фиолетовых цветов. Вдалеке виднелись какие-то постройки, больше всего напоминающие склады, а не жилые дома. Анью кивнула Лан Роу, давая понять, что всё в порядке, и спрыгнула вниз.

Цветы источали сладкий, тягучий аромат, который словно оседал в сознании, делая мысли вялыми. Раздражение усилилось и теперь к нему прибавилась, взявшаяся непонятно откуда, физическая усталость. Анью наклонилась, рассматривая цветы внимательнее и ещё больше погружаясь в этот приятный запах. Она определенно не встречала прежде такие красивые цветы. Некоторые ещё только расцветали, другие уже отцвели, лепестки на них осыпались, оставив лишь крупную коробочку с семенами, насыщенного зелёного цвета, покрытую небольшими белыми капельками-бусинами, будто из неё сочилось молоко. Или белая кровь. Анью устало прикрыла глаза. Всё, что раньше было важным, показалось незначительным. Очень хотелось спать.

Кто-то дёрнул её за ворот мантии, оттаскивая вплотную к стене. К лицу прижалось что-то прохладное и неприятно мокрое. Она вяло отбивалась руками, будто забыла, что владеет магией. Дышать через мокрую тряпку было сложнее, но это отвлекало. Колдунья изумленно хлопала глазами, не понимая, что случилось.

— Не вдыхай запах. Уснёшь и не проснёшься, — через тряпку голос Лан Роу звучал странно глухо, но смысл был понятен.

Анью прижала мокрую тряпку к лицу и пошла следом за воительницей к складам. Цветы уже не казались такими прекрасными. Колдунья смотрела на них со смесью отвращения и брезгливости. От того, что она уже успела вдохнуть, заболела голова. Злость на собственную глупость только подлила масла в огонь внутреннего раздражения.

Они быстро дошли до ближайшего склада. Лан Роу выглянула за угол, оценивая обстановку и быстро зашла внутрь. Анью последовала за ней. Склад был ветхий, почти развалившийся. Черепица местами осыпалась и можно было увидеть кусочки неба. Старые перекрытия натужно скрипели, будто совещались, стоит ли развалиться сейчас или ещё немного подождать. Под потолком свили себе гнездо какие-то птицы и тихонько чирикали, словно уговаривали постройку продержаться ещё немного, ведь птенцы уже выросли и почти готовы вылетать из гнезда во взрослую жизнь, а вот после можно и падать.

В дальнем углу стояло несколько коробок. Лан Роу подошла к одной из них, открывая крышку и заглядывая внутрь. Анью последовала её примеру. Внутри лежали мешки, в которых оказался неприметный белый порошок. Воительница стала необычно серьёзной. В полумраке склада было отчетливо заметно, как Лан Роу нахмурилась. находка явно не была обычной и не предвещала ничего хорошего.

*По улице шагает, бедрами качая
Дурак влюбленный пригласит на кружку чая
Злая вслед кричит жена, свой брак спасая
В нём голос совести сожрет любовь глухая
Под нежным платьем хвостов девять у лисицы
Сведут с ума, дорожкой в гроб ведут ресницы
Жрицей страсти названа, лишь единицы
Оставшись в разуме, не могут с ней смириться
Слышен вдалеке собачий вой
Охота за лисьей головой
Сверкает в темноте оскал
Он попал!*

Green Apelsin — Охота на лисицу

Лан Роу.

— Это опиум, — пояснила Лан Роу. — Так вот откуда его везут в Лазурную гавань.

— Я не знаю, что это такое, — колдунья покачала головой.

— Те цветы — снотворные маки. Опиум получают, соскребая маковое молоко с коробочек. В небольшом количестве — это сильное снотворное и обезболивающее. Но бывает, что его употребляют просто так, открывая себе дорогу в мир разрушительных удовольствий. Опиум вызывает сильное привыкание, уродует тело и душу, и медленно убивает любого, кто к нему пристрастится. Это наркотик, яд.

— Зачем его здесь столько? — Анью обводила взглядом склад коробок.

— Те, кто пристрастился к опиуму, готовы на всё, чтобы получить ещё этого порошка. Они готовы платить любые деньги, совершат любой поступок. Снотворные маки разрешено выращивать лишь некоторым лекарям, получившим особое разрешение Совета. Его используют, чтобы облегчить страдания безнадежно больных, дать им безболезненно уйти. Но то, что здесь... Здесь его получают, чтобы продавать и наживаться на несчастных глупцах. Если в остальных ящиках столько же опиума, сколько в этом — то этих денег вполне хватит всем жителям Лазурной гавани на год спокойной жизни.

— Это ведь убийство... Медленное и жестокое. Те, кто это делает — просто убивают за деньги, — Анью неверяще смотрела на свёртки с ядом.

Глаза чародейки светились всё ярче и ярче. В волосах с тихим треском пробежала небольшая молния.

— Да. Советник Фархан давно искал, откуда на чёрный рынок поступает опиум. Те, кого удалось поймать — просто мелкие сошки, они не знают ничего ценного.

— Здесь есть люди, — Аньюриэль внимательно к чему то прислушивалась. — Много людей.

— И это странно. Мы шли по следам кумихо, а нашли логово наркоторговцев...

— Что их ждёт? — Анью внимательно посмотрела на неё.

— Их будут судить. Потом казнят. Опиум уничтожат, как и маковое поле.

— Великолепно, — колдунья развернулась, выходя со склада.

Что?! Что значит «великолепно»?!

Лан Роу поспешила следом. Она всё меньше и меньше понимала, что происходит. Угроза нового вторжения демонов была не столь пугающей, как неизвестность. В придачу к неизвестности в Аньшу объявилась кумихо, след которой, каким-то невероятным образом, образом провёл их к маковому полю и складу с опиумом.

Рунаан, а с ним и советник Фархан, повесили на неё ответственность за эту эльфийскую чародейку, будто мало было ей хлопот. Аньюриэль тоже не была в восторге от их вынужденного сотрудничества и держалась с изрядной долей отчужденности. Впрочем, к своему немногочисленному экипажу она относилась вполне дружелюбно и даже со своеобразной заботой. Стало быть, какой-никакой контакт с Аньюриэль возможен, а значит, нужно постараться и договориться.

То, как легко Аньюриэль соглашалась на разного рода опасные авантюры, наводило на мысль о том, что у этой эльфийки в запасе ещё пара жизней. Её не интересовало ничего, что не было связано с Ковчегом, не интересовал турнир, не интересовали соперники. Впервые в её глазах появился интерес только тогда, когда она услышала, что в Дайфене могут быть демоны. Она создавала впечатление одержимой. Вот только чем, Лан Роу не понимала.

Аньюриэль уверенно и абсолютно бесшумно шла в сторону старого особняка, где что-то бурно праздновали торговцы опиумом. Парнишка, что скучал, сидя на крыльце, завидев их, подскочил на ноги, собираясь закричать и предупредить остальных. Но не успел. Аньюриэль взмахнула рукой, даже не доставая из-за спины посох. Волна магии откинула паренька с такой силой, что он пробил собой стену, и, судя по грохоту внутри, не одну.

Лан Роу прежде приходилось видеть разозленного боевого мага, но то ощущение не шло ни в какое сравнение с тем, что было сейчас. Энергия, что исходила от чародейки, пугала. Волна чистой ярости, смешанной с магией, прокатилась по округе. Те стёкла, что ещё сохранились в оконных проёмах, со звоном разлетелись вдребезги.

Невероятная мощь...

Кто-то закричал от боли — видимо оказался к окнам слишком близко. Пара десятков вооружённых мужчин выбежали во двор. Воительница приготовилась к бою, вот только нападать на неё никто не торопился. На неё даже не смотрели. Все взгляды были прикованы к Аньюриэль. Она медленно поднималась над землёй. Магия, что расходилась от колдуньи создавала жуткое, давящее ощущение.

Это и есть сила, которой обладают лишь старшие расы?

— Подонки, вы торгуете смертью!

Слова эти прозвучали как приговор. Мужчины не были дураками и бросились врассыпную. Вот только бежать было уже поздно. Аньюриэль, в самом буквальном смысле слова, вспыхнула. Уже через мгновение огонь перекинулся на особняк, а потом и на людей. Лан Роу никогда прежде не видела как сгорают заживо люди и предпочла бы никогда этого не видеть. Не нужно было сосредотачиваться на ощущениях, чтобы понять, этот огонь — чистая, незамутненная ярость. Ярость, способная пожрать абсолютно всё. Пламя набрасывалось на людей, словно бешеный зверь, словно изголодавшееся умертвие. Плоть вздувалась волдырями, которые тут же лопались, и практически мгновенно, чернела. Отвратительно пахло горелым мясом. Лан Роу поймала себя на мысли, что запах не сильно отличается от пригоревшей курятины... Воительница тряхнула головой, сбрасывая с себя странное оцепенение, подбегая к чародейке.

— Ты что творишь?! Прекрати!

Ещё одна волна силы прокатилась по двору, откинув её в сторону. Вокруг падали горящие доски и почерневшая черепица — магия разрушила особняк. Волны, наполненной яростью, энергии закручивались по спирали, создавая огненный вихрь, центром которого была Аньюриэль. Чародейка парила над землёй, раскинув в сторону руки.

Она что, не собирается останавливаться?!

Новая волна огня откинула её ещё дальше. Вокруг всё полыхало. Магическое пламя пожирало всё, даже то, что не должно гореть. Обращалась пеплом трава, камни и кости. Жар, столь сильный, что не спасали даже её защитные амулеты и талисманы, был практически невыносим. Дышать было слишком тяжело. Воздух обжигал гортань. Запахло палёными волосами. Кожа на лице и на руках покраснела и покрылась волдырями. Все инстинкты, всё её естество, кричали о том, что надо бежать.

Словно гнев Акерии...

Лан Роу поднялась на ноги, едва заметно покачиваясь и призывая собственную ки, чтобы хоть как-то защититься от огня. В сознании билась мысль о том, что надо бежать, спастись из этого полыхающего кошмара. Она на мгновение обернулась, оценивая свои шансы на спасение. Край пепелища был не так уж и далеко — она в пару мгновений преодолет это расстояние. Вернее могла бы...

Воительница сжала кулаки и прикрыла глаза, глубоко вдыхая раскалённый воздух, пропитанный злобой. Мысленно повторила мантру, очищающую сознание и дающую успокоение. Перестала беспокоить обожженная кожа, снова стало легко дышать. Кулаки непроизвольно разжались. Лан Роу открыла глаза. Пламя вокруг неё было прекрасно в своей неудержимой ярости. Безумный танец магии завораживал. Она мягко оттолкнулась от обожженной земли.

Лан Роу легко уклонилась от ещё одной линии силы, что предшествовала волне пламени. Языки огня, даже в этом хаотичном танце, стремились к гармонии. Воительница в несколько мгновений оказалась подле Аньюриэль. Чародейка смотрела словно сквозь неё, полностью поглощенная собственной яростью. Взгляд, полыхающих зелёным пламенем глаз, казался отсутствующим. Не было в нём и крупицы узнавания, лишь ярость и безумие, под которыми скрывалось что-то ещё.

Лан Роу собрала ки в ладони, нанося один быстрый удар в солнечное сплетение. Аньюриэль резко выдохнула, то ли от удивления, то ли от того, что лишилась магии. Глаза закатились и она рухнула на обожженную землю. Медленно гас огонь, лишившийся подпитки.

Воительница села на землю рядом с бессознательной чародейкой. Пепел кружил в воздухе, оседая на волосы, одежду и покрытые волдырями руки. Аньюриэль, протонав что-то неразборчивое, подтянула к себе колени, сворачиваясь клубком, будто кошка, и что-то тихо бормотала в забытие. Воительница наклонилась ближе пытаясь разобрать слова, но понятнее не стало — бредила чародейка на своём родном языке.

— И как я объясню это Совету?

Она уныло обвела взглядом пепелище. В огне сгорел и клочок шерсти — единственное, что могло привести их к кумихо.

— Как это понимать?! — чародейка была близка к истерике. — Ты как это сделала?!

Аньюриэль бесполезно махала руками в воздухе, силясь сотворить хоть что-то. Ничего не выходило. Попытки становились всё отчаяннее, выдавая панику чародейки. Лан Роу устало села на траву у обочины дороги, сняла с пояса флягу и сделала пару глотков, после чего смочила остатками воды тряпку и принялась промокать обожженную кожу на руках и лице.

— Вот, — колдунья протянула ей баночку из тёмного стекла и пару рулонов повязок. — Это от ожогов.

— Благодарю, — она тонким слоем распределяла мазь по рукам. Неприятное ощущение медленно уходило.

— Мне жаль, — Аньюриэль, смотрела себе под ноги. — Не знаю, что на меня нашло.

Повисло тягостное молчание. Лан Роу неторопливо накладывала повязки. На востоке медленно светлело небо, возвещая о начале нового дня. Проснулись птицы, перечирикиваясь между собой, словно делясь с сородичами теми удивительными историями, которые видели в мире грёз или обсуждали зарево пожара, что видели минувшей ночью. Воздух был чист и прозрачен. Прохлада, что за ночь спустилась с горных вершин в долину, отступала обратно.

— Обычно, после таких слов добавляют «я больше так не буду», — она посмотрела на чародейку.

Аньюриэль лишь неопределённо пожала плечами в ответ. Выглядела она расстроенной и растерянной. Кончики длинных заостренных ушей были наклонены вниз. Больше всего она напоминала нашкодившего щенка. Вот только ни одно из известных ей животных не могло похвастаться таким разрушительным потенциалом. Хотя, возможно, дракон. Эти крылатые огнедышащие ящеры, если верить легендам, когда-то жили в горах Аньшу, но после того, как в небесах поселился Рунаан, предпочли перебраться куда-то в другое место.

— Что, не любишь обещать то, что не сможешь сделать?

— Вроде того, — Аньюриэль снова пожала плечами, стараясь выглядеть как можно независимее.

— Это не первый такой приступ, я права? — Лан Роу внимательно смотрела на колдунью, понимая что угадала. — И часто ты теряешь над собой контроль?

— Не часто... Прощлый раз был пару недель назад.

— Знаешь, учитывая то, насколько велики последствия, это — очень часто.

— Сейчас я себя полностью контролирую, так что верни мне магию, — чародейка подняла на неё взгляд. От раскаяния не осталось и следа, она явно была раздражена и обескуражена вынужденным бессилием.

— Не могу.

— Что значит «не можешь»?! Ты же смогла её как-то забрать, значит можешь и вернуть.

— Я не забирала у тебя магию, просто временно перекрыла каналы ки в том месте, где у тебя резерв. Оно само восстановится ближе к вечеру.

— Вечеру?! — Аньюриэль подскочила на месте, словно кошка, испугавшаяся резкого звука. — Ты издеваешься?! Я без магии до вечера?!

Лан Роу наблюдала, как колдунья ходит из стороны в сторону, то хватаясь за голову, то заламывая руки, и едва слышно разговаривая сама с собой. Сейчас она особенно сильно походила на сумасшедшую.

— Верни как было немедленно! — она резко остановилась, поворачиваясь к ней. Красивые черты лица исказила гримаса гнева.

— Я не могу, — она поднялась на ноги, продолжая путь.

— Ты хоть понимаешь, что сделала?! Магия — основа моей жизни. Силлины не могут жить без магии!

— Она у тебя всё ещё есть, ты просто пока не можешь ей управлять.

— Ты не понимаешь! Я же теперь как человек! — она схватилась руками за голову. — Даже хуже — человек без магии.

— Я сделаю вид, что это не прозвучало как оскорбление. Пора возвращать в Лазурную гавань. Нужно ещё успеть отменить твой бой.

— Что?! — Аньюриэль замерла на месте. — Как отменить?

— Без магии ты не можешь сражаться, а значит выбываешь из турнира. Тут уж как получилось. Я не подумала о последствиях, когда останавливала тебя, а сейчас уже ничего не поделат. Придется мне действовать осторожнее, чтобы не привлекать лишнее внимание.

— Но как же уговор с советником? Мне нужны эти записи! Ты даже не представляешь, что на кону! От этих бумажек слишком много зависит. Демоны ищут Ковчег, я должна их опередить.

— Понимаю, что это важно, но рисковать твоей жизнью не стану. У меня есть мысли о том, как тебе помочь, но сейчас мне нужно уладить проблему с тем пепелищем, что ты оставила и найти другую возможность выследить кумихо. Благословленные огнём Акерии, они не уязвимы перед пламенем, а значит, можно даже не надеяться, что эта бестия сгорела вместе с торговцами опиумом. Ты хоть понимаешь, что натворила?

— Ты же сама сказала, что их казнят. Я просто ускорила процесс. Почему люди так любят всё усложнять? Или ты считаешь, что эти люди не понимают, за что их казнили?

Аньюриэль смотрела на неё с искренним непониманием, словно и вправду даже не догадывалась о том, для чего существуют суды.

— Перед тем, как казнить, этих людей следовало расспросить, узнать, есть ли у них ещё такие склады, разузнать всю цепочку, по которой они распространяют опиум в Аньшу, есть ли чиновники, которые их покрывают, как они связаны с кумихо, которую теперь ещё постараться надо, чтобы найти. Если она не сбежала и не прячется где-то, пока всё не утихнет. Это ты не понимаешь, что тебе никто не давал власть выносить и совершать приговор. Ты — гостя в этих землях. Веди себя соответственно.

Аньюриэль ничего не ответила, молча идя чуть позади. Лан Роу периодически оборачивалась, чтобы убедиться, что чародейка никуда не исчезла, но та и не думала убегать, задумчиво смотря себе под ноги.

— Об этом я прежде не задумывалась, — после долгого молчания проговорила чародейка. — В Рохэнделе по-другому. У нас никто не станет торговать смертью, а если кто-то и привезёт такую дрянь, то он — враг и его надо убить на месте. Долг тех, кто наделён силой, защищать других. Если для того, чтобы защитить слабых нужно устранить угрозу, то это делается без малейших колебаний. У меня на родине тот, кто выносит приговор, сам его и свершает.

— У людей другие законы, пусть они и кажутся тебе слишком сложными, но для этого есть причины, пусть и не такие очевидные для тебя. Хотелось бы верить, что этот склад был единственным, вот только хорошая хозяйка никогда не станет хранить все яйца в одной корзине.

— При чём тут яйца, — она удивленно посмотрела в ответ. — Я не понимаю...

— Это такое выражение... — Лан Роу задумалась, пытаясь подобрать слова. — В общем, глупо хранить всё ценное в одном месте. Ведь произойти может всё что угодно...

— Кажется, я понимаю, — Аньюриэль выглядела предельно задумчивой.

— Не стоит переживать о бумагах, советник Фархан всегда держит своё слово.

— Мне-то откуда знать. Да и перспектива обладать силой Первозданного Света способна вскружить голову многим.

— Если ты не веришь ему, то поверь мне. Я помогу тебе, даю слово. Послушай, много лет назад, изгнав демонов из Аньшу, Сиен запечатал разлом и сокрыл свой осколок Ковчег. Двое его последователей основали свои школы боевых искусств — Белый лотос и Алую хризантему.

— И при чём здесь эти школы? — Анью скептически приподняла бровь.

— Сиен, запечатывая разлом, использовал некую печать, которую разделил на две части, так гласит легенда. Лотос и Хризантема получили половинки от этой печати и хранят их. Вот только не думаю, что печать, которую они оберегают, нужна для того, чтобы не дать снова открыться разлому между мирами.

— Хочешь сказать...

— Да, думаю, Сиен доверил своим последователям ключ от того места, где спрятал Ковчег.

— Тогда какой смысл мне драться на арене за бумажки, если можно просто пойти и взять ключи от тайника?

— Потому что никто не знает, где этот тайник, — устало ответила Лан Роу. — Да и я не знаю, где мастер Раон хранит печать. С Лотосом я смогу договориться, а вот Хризантема... Школы между собой не то чтоб воюют, но постоянно соперничают. А мастер Алой Хризантемы и вовсе славится скверным характером и несговорчивостью... Лучше заручиться поддержкой советника Фархана. Его уважают и с его мнением считаются.

— Значит, из-за ваших внутренних идеологических разногласий, спасение Акрассии подождёт, — голос Аньюриэль сочился неприкрытым сарказмом. — Турнир ведь намного важнее, чем угроза вторжения демонов...

Тихо стучали по мостовой подковы лошадей. Неуютное молчание длилось всю дорогу до Дайфена, где они забрали оставленных в конюшне лошадей, и после, до самой Лазурной гавани. Стоило им доехать до конюшен, как колдунья резко оживилась, легко спрыгнув на землю.

— Иди к лекарям, я дальше сама. Тебе нужно лечение.

— Это потерпит. Нужно отменить твой бой, а потом переговорить с советником. Хочу попросить у него отряд охотников и устроить облаву на кумихо. Пока она линяет, можно постараться найти ещё клочок меха.

— Я сама поговорю с Рёлой, а ты занимайся своими делами.

Лан Роу пристально смотрела в ответ. В груди было какое-то неуловимое чувство тревожности, но понять его источник она не могла. Аньюриэль выглядела спокойной и собранной, да и фальши в её словах не чувствовалось. Чародейка определенно ей не лгала. Да и не было похоже, что её хоть немного волновала победа в Небесном турнире.

— Ладно. Я загляну завтра к тебе на корабль и решим, что делать дальше.

Аньюриэль кивнула и развернулась, уходя. Странное чувство необъяснимого беспокойства не оставляло воительницу. Лан Роу спешила, передавая поводья мальчишке,

работающему на конюшне, и положила в его протянутую ладонь пару монет. Паренёк шустро убежал, уводя за собой лошадей. Скорей всего торопился, чтобы успеть залезть на дерево, с которого будет смотреть на бои. Так делали все дети из небогатых семей, чьи родители не могли купить места в первых рядах, да ещё и на все дни турнира. Лан Роу ещё со времён собственного детства помнила, что самые удобные ветки занимались очень быстро.

Рассказ вышел долгим. Что-то пришлось скрыть, где-то остановиться на полуправде. Лан Роу сама толком не понимала, почему выгораживает эту эльфийку. Аньюриэль была непредсказуема и опасна, но сердцем Лан Роу чувствовала, что девушка нуждается в помощи. Аньюриэль была одержима, но не силой Первозданного Света. Она искала Ковчег не для того, чтобы стать сильнее, а чтобы сокрыть его от демонов. Вот только когда речь заходила о демонах, в глазах чародейки разгорались искры всепоглощающей ненависти. У неё явно была личная причина для участия в этой войне. С такой яростью люди обычно мстят за тех, кто был им дорог...

— Отряд будет готов завтра к утру, — советник кивнул, делая какие-то пометки на листе бумаги. — И попрошу поддержки у Лотоса и Хризантемы, если ты не возражаешь. Пусть выделяют бойцов, имеющих опыт противостояния магам. Но много людей не обещаю. Все, кто отправится на охоту, должны быть защищены от огня. Сама понимаешь, таких амулетов у Совета немного. А эта кумихо сильна и хитра, смогла отбиться от тебя и сбежать. Есть идеи, где её искать?

— Староста Дайфена говорил, что у них пропадали люди, задержавшиеся до темноты в садах. Хочу проверить примыкающие к ним горы — в них много пещер. Наверняка кумихо устроила логово в одной из них, а сейчас мы её спугнули и она спешно ищет новое место. Найдём логово и там наверняка будет хотя бы один клочок шерсти, который выведет нас на лису.

— Мастер Фархан! — к ним со всех ног бежал мальчик посыльный. — Мастер Фархан! Там такое!

Мальчик споткнулся, растягиваясь на полу. Лан Роу с советником переглянулись. Посыльный тем временем медленно сел, потирая ушибленное колено. Выглядел он раздосадованным.

— Так что за известие ты так стремился мне передать, Лен? — после недолгого молчания советник всё же напомнил мальчику о том, что он не просто так бежал к ним.

— Точно! Там кумихо! Мидзури, та, что в турнире участвует — это кумихо! Настоящая! Прямо на турнире! Перекинулась лисой во время боя! Они сцепились с той эльфийкой, которая рыцарь Лютерии! Там такой бой, глаз не оторвать!

Лан Роу со всех ног бежала к арене. Где-то позади отстали Лен, недовольный тем, что пропускает такую необычную битву, и советник Фархан, которому по статусу бегать не положено. Всё же бегущий в спешке глава Совета с большей вероятностью поднимет панику, чем известие о появлении лисы-оборотня в самом центре Лазурной гавани.

Как до этого дошло? Она же сказала, что откажется от участия в турнире. Кто из

них безумнее? Кумихо, которая должна понимать, что заявившись среди бела дня на турнир, подписала себе смертный приговор, или Аньюриэль, вышедшая на арену без магии?

Она уже подбегала к арене. Воздух потряс изумленный крик толпы. Навстречу ей торопливо шли женщины с детьми, мальчишки отчаянно упирались и рвались обратно. Лан Роу ожидала увидеть панику и бегущих с арены людей, но уходили единицы...

— Вот это удар! Невероятно! — прозвучал, усиленный магией, голос Рёлы.

Что там происходит? Почему лунные девы не вмешиваются?!

Она забежала в ворота, спешно пробегая по коридору к самой арене. Площадка для битвы была закрыта магическим куполом, под которым парила черно-фиолетовая сфера. Кумихо и вправду сбросила с себя человеческую личину, представ в полузверином облики. Высокая, с огненно-рыжими волосами и девятью пушистыми хвостами, вооруженная огненной магией и острыми, как лезвие врачевателя, когтями. Лан Роу подбежала к магическому барьеру, останавливаясь рядом с Харико — выбывшая из турнира Лунная фея осталась следить за порядком вместе с другими лунными девами.

— Какого демона тут творится? Вы почему не вмешиваетесь?!

— Сферу видишь? — Харико обернулась к ней. — Это — «Колодец душ», кумихо его там подвесила, чтобы он питал барьер. Мы не можем пробиться. Купол восстанавливается слишком быстро. Только богам ведомо, сколько душ она в использовала, чтобы создать Колодец.

Тем временем под куполом раздался взрыв и ярко вспыхнуло пламя. Лан Роу с надеждой подняла взгляд, ожидая, что увидит победу чародейки, но пламя было другим. Огонь столкнулся с магической преградой, на несколько мгновений закрыв обзор, но практически сразу потух.

Из огненного марева навстречу кумихо выскочила Аньюриэль. Рывок был настолько резким, что взгляд уловил лишь какое-то смазанное красное пятно. Кумихо не успела отреагировать. Колдунья ударила её кулаком в грудь так сильно, что в повисшей тишине можно было различить треск ломающихся костей. Лисицу отбросило в сторону, впечатав в барьер, отчего по магическому куполу пошла рябь. Мидзури медленно поднималась на ноги, отхаркивая сгустки кровавой слизи. Удар такой силы должен был не только сломать кости, но и превратить в кровавое месиво внутренности, вот только оборотни славились своей нечеловеческой способностью к регенерации...

На арене, лицом друг к другу, стояли Аньюриэль и Мидзури. Обе выглядели весьма потрепано, хотя чародейке явно досталось значительно сильнее. На покрытые сажей камни арены капала кровь. Несколько кровавых полос на руках и ногах не выглядели опасными, а вот разорванный когтями бок и огромное кровавое пятно на одежде — очень даже. Впрочем, в долгу Аньюриэль явно не осталась — у лисицы было насквозь пробито плечо и рана ещё не успела срастись. Даже лишённая собственного огня, чародейка не собиралась отступать.

Противницы не обращали никакого внимания на тех, кто был по другую сторону купола. Они с ненавистью смотрели друг на друга. Жажда крови, что исходила от них, казалась осязаемой. Секундная пауза и бой продолжился. Кумихо метнулась вперёд, целясь когтями в грудь соперницы. Анью уклонилась, перехватывая руку противницы, дёргая вниз, навстречу со своим коленом. Треск кости и отчаянный звериный вой потонули в ликующем вопле толпы. Лисица отпрыгнула в сторону, яростно озираясь и рыча, как бешеный зверь.

— Она хорошо держится, — одобрительно покачала головой Харико. — До этого дважды ей ногу ломала. Тварь восстанавливается невероятно быстро.

Словно в подтверждение слов, Мидзури выгнула собственную руку, вправляя кости. Аньюриэль спокойно наблюдала за происходящим и тяжело дышала. У неё не было такого преимущества как регенерация. Кровь из разорванного бока ручейками стекала по ноге, каплями падала на камни с подола мантии. Было неясно, сколько ещё она сможет отбиваться от атак.

Лан Роу собрала в ладонях свою ки и ударила в магический купол. В том месте, куда пришелся удар, на несколько секунд появилась сеточка трещин, но они быстро исчезли, словно и не было этой попытки пробиться.

— Говорю же, не пробиться. Мы пробовали, — Харико покачала головой. — Слушай, ты же с этой эльфийкой ходила, чего она магию не использует? Она же маг, а не воин.

— Я ей чакру закрыла, — призналась воительница.

— Ну тогда она покойница. Мы с сестрами подождём, да и клич уже кинули, вон, бойцы собираются. Эта кумихо не сможет сидеть под барьером вечно, тогда и отомстим за эльфийку.

Лан Роу неверяще смотрела на Харико. Лунной фее было всё равно, что бой окончится гибелью Аньюриэль. Она обвела взглядом трибуны. Почти все места были заняты. Все напряженно следили за боем, словно это какое-то редкое развлечение. Она нашла взглядом Эйшу. Та нервно мяла в руках какую-то бумажку и не отводила взгляд от арены. На её плече стоял Пэн. Скорей всего эти двое были единственные, кто действительно переживал за Аньюриэль. Остальные лишь с интересом наблюдали за этим танцем смерти.

Трибуны взорвались новыми воплями — кумихо по-звериному прыгнула вперёд. Она в один прыжок преодолела половину арены, коснулась камней руками, перекувыркнулась через голову, изворачиваясь и подсекая колдунью под колени одной ногой. Аньюриэль пошатнулась, пытаясь удержать равновесие. Удар второй ногой последовал незамедлительно, чародейку отбросило в сторону.

Кумихо не дала ей даже секунды на то, чтобы отдышаться и подняться на ноги. Она мгновенно сократила дистанцию, атакуя когтями. Аньюриэль увернулась от первой атаки и заблокировала древком посоха вторую. На деревянной поверхности магического оружия виднелись отчетливые следы когтей, которых прежде не было. Мидзури попыталась атаковать снова. Аньюриэль ударом ноги откинула от себя противницу, поднимаясь на ноги. На камнях осталось заметное кровавое пятно.

Кумихо снова ринулась в атаку. Когти вспороли воздух пугающе близко от горла чародейки. Лисица размашисто ударила ногой. Аньюриэль заблокировала удар предплечьем и попыталась контратаковать. Мидзури перехватила её руку, одним неуловимым глазу движением запрыгивая чародейке на плечи.

Зрители изумленно заголосили и в этом гомоне потонул победный рёв оборотня. Лан Роу забыла как дышать. В одну странную мешанину превратились алые волосы и пушистые хвосты. Летели во все стороны брызги крови и ошметки одежды. Аньюриэль каким-то невероятным образом умудрилась скинуть с себя лисицу, но снова упала на камни арены. Кумихо, яростно рыча, ринулась в новую атаку, стремясь добить чародейку, но прыжок прервался ударом ноги в челюсть.

Мидзури откатилась в сторону, но тут же подскочила, опираясь на четвереньки, словно дикий зверь. Её сломанная челюсть жутко висела, держась только за счёт кожи и мышц. Уродливой змеёй шевелился в перекошенном рту длинный язык, облизывая кровь с верхней губы.

Аньюриэль поднялась на ноги. Рваная мантия свисала на ней кровавыми лохмотьями. Лицо, плечи, руки — всё до чего дотянулась лисица — было исполосовано когтями и покрыто алой кровью. В чудом уцелевших глазах плескалась бездна ненависти. Если бы чародейка могла, она уже бы сожгла противницу и никакая устойчивость к огню не спасла бы кумихо.

Стоило Мидзури подняться на ноги, как Аньюриэль метнулась вперёд, размашисто атакуя ногой, целясь противнице в голову. Кумихо дугой выгнулась назад, уходя от удара, и тут же выпрямилась. Жуткая, совершенно ненормальная для человеческого тела гибкость. Противницы замерли лицом к лицу. Кумихо попыталась резко ударить когтями снизу. Аньюриэль перехватила её руку. Лисица вывернулась из захвата и отпрыгнула в сторону. Взаимная ненависть и жажда крови наполняли пространство арены.

Сколько уже длится этот бой?

Мальчишка прибежал не сразу, да и ей потребовалось время на то, чтобы добежать до арены. Чародейки потеряла уже немало крови и, вполне возможно, выбилась из сил.

Она продержалась так долго, но кумихо раз за разом восстанавливается после ранений.

Внутри Лан Роу словно натянулась струна. Сильно, до предела. Происходящее казалось неправильным, нелепым. Так не должно быть. Турнир существует не для этого. Не для убийств. Струна внутри неё со звоном лопнула, давая волю внутреннему негодованию.

— Какого демона ты с ней развлекаешься?! — она ударила кулаком в магический барьер. — Мы всё равно казним эту кумихо! Не надо усложнять!

Аньюриэль слегка повернула голову в её сторону, не выпуская из поля зрения лисицу. Их взгляды встретились. Чародейка кивнула и отбросила посох в сторону. Она достала из небольшой поясной сумки короткий прямой клинок без гарды. Чародейка медленно сняла ножны, отбрасывая их к посоху и отвела левую руку с клинком вниз и за спину.

Обратный хват, да ещё и левой рукой? Что она задумала?!

Кумихо тоже не торопилась нападать. Атмосфера на арене переменилась и лиса тоже почувствовала это. Аньюриэль внезапно стала совершенно спокойна. Если прежде она была похожа на беснующееся пламя, то сейчас она словно исчезла, но при этом стояла на месте. Энергия вокруг чародейки была недвижима. Тихие перешептывания на трибунах замолкали. Арена погрузилась в напряжённое ожидание развязки. Можно было расслышать, как с тихим щелчком встала на место челюсть кумихо. Все девять хвостов лисицы мотылялись из стороны в сторону, как у разъяренной кошки. Напряжение, повисшее в воздухе, казалось осязаемым.

Кумихо не выдержала, бросившись в атаку. Она практически стелилась над каменной кладкой арены, преодолев разделяющее их расстояние одним звериным прыжком. Мидзури замахнулась, метя в горло. Аньюриэль сделала едва уловимый шаг в сторону, перехватывая руку противницы. Чародейка круто развернулась на каблуке, утягивая кумихо за собой. Яркой вспышкой отразилось солнце на лезвии, на мгновение нарисовав в воздухе дугу. С гулким стуком покатила по камням арены отсеченная голова оборотня. Тело кумихо сперва опустилось на колени, после чего медленно завалилось на бок.

Трибуны взорвались криками и аплодисментами. Сфера, подпитывающая барьер, ярко вспыхнула, раскалываясь. Купол пошел рябью и исчез.

— Невероятный поединок! — перекрикивала людей Рёла. — И пусть это не по правилам, но это было впечатляюще! Судьи огласят своё решение об этом поединке немного

позже.

Аньюриэль тем временем закрепила клинок за поясом и подняла посох. Лан Роу бросилась к ней, обгоняя лунных дев. Странное ощущение, что исходило от чародейки перед последней атакой, прошло и теперь она снова наполняла воздух вокруг себя раздражением.

— Ты пообещала, что отменишь бой! Какого демона?! — она схватила колдунью за плечи, ощутило трясня. — Ты же чуть не погибла!

— Не обещала, — Аньюриэль нервно покачивала кончиками ушей. — Я сказала, что поговорю с Рёлой и поговорила. Спросила, как прошло свидание с Гарудалом и выслушала фонтан негодования в его адрес. А ты должна была сходить к лекарю.

— Пойдём. Сходим вместе. Тебе нужен целитель и как можно быстрее, - Лан Роу перекинула руку чародейки через плечо, поддерживая.

Они спешно поднимались по ступенькам. За их спинами работники арены заворачивали в саван тело поверженной кумихо. Зрители продолжали кричать поздравления. Кто-то попытался подойти к ним, но стоило чародейки зыркнуть на него, как мужчина испуганно отступил. Если у Аньюриэль и появились почитатели после этого боя, то восхищаться ею они смогут только с почтительного расстояния.

— Стервятники, — Аньюриэль раздраженно фыркнула.

— Кэп! — из толпы зрителей выскочила зарёванная Эйша. — Я думала она тебя убьёт!

— Ещё чего, — Анью терпеливо позволяла обнимать себя, едва заметно морщась.

— Почему не убила её сразу?! Я уже начал переживать за тебя! — Пэн сидел на голове у Эйши и старательно вытирал слёзы, пока никто не заметил, что он тоже плачет.

— Запуталась в правилах. Оказывается, убивать нельзя только людей, а обратной можно. Человеческие законы слишком сложные для меня.

Глава 4. Это худший день в моей жизни...

*I want to live in fire,
With all the taste I desire.
It's all good if you let me dive
With sharks on the ground.
You lose your routine
Cause I found my path.*

Apocalyptica — Path Vol. 2 feat. Sandra Nasic

Лан Роу.

Лан Роу тихо постучалась и открыла дверь, не дожидаясь ответа. В кабинете лекаря, как и всегда, было тихо. Иногда казалось, что у него не бывает пациентов, но она знала, что это иллюзия. Аюр — лучший в Аньшу врачеватель. Он мог быстро и точно определить в чём проблема и исцелить недуг. Всех своих пациентов он осматривал ещё до обеда, если таковые имелись, а после занимался приготовлением лекарств, находясь в лечебнице скорее по привычке, сложившейся за долгие годы практики. Аюр утверждал, что просто дежурит на случай, если кто-то будет срочно нуждаться в помощи врачевателя. Лан Роу не видела в этом особой необходимости — все в Аньшу знали, что лекарь живёт на втором этаже, прямо над своей лечебницей.

Аюр неторопливо перетирал семена кардамона. Его чёткие движения, отточенные годами практики, успокаивали. Воительница села на кушетку, слушая методичный скрежет пестика о стенки ступки и наслаждаясь ароматом кардамона — её любимой специи.

— Слышал, — Аюр отложил пестик, вытряхивая порошок из ступки в небольшое сито. — На турнире объявилась кумихо. И хватило же ей наглости заявится прямиком в Лазурную гавань в такое время. Поймала?

— Аньюриэль её убила. Это был их поединок, но всё вышло из-под контроля, — Лан Роу покачала головой. — Кумихо ранила её. Лунные девы, конечно, тут же утащили её в свою лечебницу. Кровь остановили, но рана всё не заживает до конца.

— О яде беспокоись. Когти у этих бестий всегда чем-то смазаны.

— Аньюриэль сопротивляется, не хочет лечиться, воет: «Само заживёт». Яд её совсем не беспокоит, как и собственная жизнь. Есть что-нибудь от ожогов?

Лан Роу скривилась, то ли от того, что подопечная доставляла слишком много проблем, то ли потому, что Аюр высыпал в стопку сушеных жуков и принялся перетирать уже их, то ли потому, что ожоги под повязками продолжали беспокоить. Ненадолго повисло молчание, нарушаемое лишь тихим скрежетом камня.

— На полке чёрная баночка. Третья слева. Смазывай утром и вечером. И в следующий раз приходи сразу.

— Спасибо, — Лан Роу взяла с полки нужную баночку и положила на стол несколько серебряных монет.

— Тяжело тебе с ней.

Аюр не спрашивал, он знал. Лан Роу лишь тяжело вздохнула, не зная, стоит ли откровенничать и обсуждать сложившуюся ситуацию. После недолгих размышлений она снова села на кушетку, крутя в руках баночку с мазью и смотря на то, как отражаются от

наполированной поверхности солнечные лучи, падающие в окно.

— Она сожгла целый особняк в Дайфене. Советник Фархан собирался вплотную заняться торговцами опиумом после турнира. Теперь там одно пепелище. Я, вот, тоже под раздачу попала. Вся банда — пепел. Склады и поля опиума — тоже пепел. Аньюриэль сама по себе не слишком дружелюбная, держится очень настороженно. Но это... В неё словно бес вселился.

— Она стала берсерком, — кивнул Аюр.

— Ты что-то знаешь об этом? — Лан Роу посмотрела на лекаря с нескрываемой надеждой. — Это как-то можно контролировать или остановить?

— Знаешь, почему я стал самым известным врачом в Аньшу? — вопросом на вопрос ответил Аюр.

— Потому что внимательный и много знаешь?

— Потому что я решаю не последствия, а саму проблему. Ты видишь симптом, который тебе не по нраву, и хочешь от него избавиться, но это принесёт лишь кратковременный эффект. Нужно докопаться до сути, понять в чём причина и исправить это.

— Во время осмотра ты говорил, что у Аньюриэль избыток ша в анахате, — вспомнила воительница.

— Слушаешь внимательно, но не думаешь. Большое количество ша — ещё один симптом. Основной симптом. Думай.

Она думала, но никак не могла разобраться, в чём же причина. Отчаявшись понять, Лан Роу принялась разматывать повязки на руках, чтобы смазать ожоги, что отвлекали её.

— Эх, и почему Рунаан выбирает таких юных посредников. Опыта у тебя пока маловато. Анахата — четвёртая чакра, сердечная, та, что у нас с тобой, да и у всех других, в центре груди. Когда с сердцем всё в порядке, она светится мягким, зелёным светом, но у этой девочки там чернота — всё будто кислотой вытравили.

— Но разве такое может быть?! — она потрясенно смотрела на лекаря. — Как она на ногах вообще стоит, если у неё пустота в груди? Что вообще способно до черноты разесть чакру?!

— О! Ты начинаешь задавать правильные вопросы. Любовь, девочка, это любовь.

— Я не понимаю...

— Конечно не понимаешь. У тебя есть сила, навыки, ты знаешь, как устроено мироздание, но не понимаешь его. Анахата — сердечная чакра, в ней живёт любовь. Любовь, да будет тебе известно, одна из самых могущественных сил, что движет нашим миром. Именно она убивает эту несчастную девочку и она же даёт ей силу идти, не смотря на то, что творится у неё внутри.

— Но разве так бывает? Разве может то, что тебя убивает, давать тебе силы? — Лан Роу, не отрывая взгляда, смотрела на лекаря, позабыв про ожоги. — Это ведь лишено логики.

— Пусть Боги и великий Рунаан уберегут тебя от такой любви, всепоглощающей и неистовой, если она не будет взаимна. Любовь — могущественная сила, но даже её порой недостаточно. Сама по себе она не решает проблемы. С кем путешествует эта девочка?

— С ней лишь девушка, помогающая в плаванье и маленький паренёк из какого-то необычного островного народа. Совсем маленький, пара сантиметров ростом. Никогда таких не видела. Там нет никого, кто мог бы быть её возлюбленным.

— Значит ты ей ничем не поможешь, — лекарь покачал головой. — Эта ярость — единственный для неё способ выплеснуть из своего тела хоть немного ша. Её способ

выживать. На какое-то время наступит период затишья, но ша будет копиться, бурлить в ней и ждать, пока что-то спровоцирует новую вспышку гнева. Рано или поздно эти чувства поглотят её и уничтожат. И мне страшно от того, какие разрушения будут этому сопутствовать...

— Должно ведь быть хоть что-то! Да и любовь не должна убивать! — она поднялась на ноги, негодуя смотря на старика.

— Нет лекарства от любви. Не забывай, что у всего есть противоположность, таков баланс и гармония бытия. Если есть Инь, то должен быть и Ян.

— Ненависть...

— Верно. Однажды её чувства переродятся ненавистью. О, нет, она не умрёт в общепринятом смысле этого слова, но ненависть разъест её душу до основания и она станет чудовищем. У этой девочки огромная манипура. Настолько большая, что смещает внутренние органы. В ней столько огня, что она может утопить в пламени половину Аньшу за раз. А ведь она ещё юна по меркам своего народа, её дар пока не достиг своего пика. Мне страшно, искренне страшно, представить, чем это всё обернётся.

— Если я не могу её вылечить... Если я не могу ей помочь, то должен быть кто-то, кому это по силам. Нельзя же просто ждать, пока она сойдёт с ума?!

— Ты ещё слишком юна и не понимаешь... Ты можешь лишь облегчить симптомы, оттянуть неизбежное и возможно, только возможно, эта девочка сама найдёт в себе силы справиться со своей болью. Всё же она удивительно-необычная. Никогда прежде не видел ничего подобного.

— Из-за того что она эльф?

— Не совсем. Внутри неё течёт три разных ки. Эльфа, что и так понятно. Человека, хоть и не сильно выраженная, вряд ли в ней больше больше четверти человеческой крови, но при этом ки очень сильная. Но самая интересная — третья. Я так и не смог понять, какому существу она принадлежит: не эльф и точно не человек. Никогда прежде не встречал никого с такой могущественной ки, хотя, будучи значительно моложе, я много путешествовал, был во всех уголках Акрассии. Я видел силлинов Берна, гномов из Йона, русалок, йозов и тавиров, в чьих жилах течёт ледяная кровь. Мне даже доводилось общаться с парой духов, но такой ки нет ни у кого из них. Я не знаю, чья кровь, кроме эльфийской и человеческой, течёт в теле этой девочки, но она очень сильная...

— И кто же она тогда? — воительница смотрела в одну точку, пытаясь осмыслить услышанное. — И что мне теперь с ней делать?

— Я не знаю... Но пойми одну очень важную вещь: любовь — огромная сила. Любовь великолепна. Любовь необходима. Любовь красива. Но только лишь любви всегда будет недостаточно. Ты, в силу юности, вероятно воспринимаешь любовь как нечто идеализированное, как решение всех проблем и панацею от любого недуга. Но послушай умудренного седидами лекаря. Большинство неверно понимают саму суть любви. Она не заканчивается на эмоциональных порывах и пылающей страсти. Всё это — лишь влюбленность.

— Но что тогда любовь?

— Очень хороший вопрос! Подумай об этом. Говоря о любви, мы часто подразумеваем чувства, что связывают мужчину и женщину. Но как же связь матери и дитя? Или любовь к мирозданию? Любовь многогранна, это и делает её такой прекрасной и такой могущественной. Любовь — это не про бабочек в животе. Любовь — это когда ты нашел в

себе способность разделять.

— Разделять? — удивилась Лан Роу. — Мне всегда казалось, что любовь объединяет.

— Ты мыслишь романтическими шаблонами, — осадил её Аюр. — Любовь позволяет разделять счастье с тем, кто тебе дорог. Когда любишь, разделяешь горести и печали того, кого ты любишь. Любовь тогда, когда ты готова разделить с кем-то не только свою жизнь, но и всё, что в ней есть. И радость, и горести. А ещё любовь — это способность принимать. Ты принимаешь слабости того, кого любишь, принимаешь его личность и знаешь, что тебя принимают в ответ. А не вот эти вот ваши юношеские «жить без тебя не могу». Жить не могут без воздуха, еды и воды, а остальное все — девичий вздор.

— Без головы ещё жить не могут... — дополнила список Лан Роу.

— Вот, чтобы вытянуть яд и иди давай уже, — показательно нахмурился лекарь, вкладывая в её руки мазь. — Только работать мешаешь.

— Благодарю, — она улыбнулась, выходя из лечебницы. Аюр всегда находил для неё правильные слова, чтобы подтолкнуть размышления в нужную сторону. А подумать было о чём.

Лан Роу торопливо шла по территории храма Рунаана, пытаясь вспомнить, где лазарет. В центре двора стояло каменное изваяние дракона со змееподобным телом, когтистыми лапами и длинными ветвистыми рогами. Хоть статуя и была огромной, но до настоящих размеров Хранителя ей было далеко.

Храм, построенный из красного дерева, венчала крыша из зелёной черепицы, похожая по форме на драконью чешую. От храма вверх, на гору, поднималась лестница к Святилищу Рунаана. Лан Роу знала, что в этой лестнице более тысячи ступеней, она не раз поднималась туда. Но сейчас она пришла не для того, чтобы говорить с Хранителем. Воительница вошла под своды храма, проходя через большой зал для церемоний и свернула в небольшой неприметный коридор.

В коридорах лазарета было тихо. Солнце уже опустилось к линии горизонта, скрываясь за тёмными тучами. Та часть неба, что ещё не была затянута облаками, окрасилась в ярко алый цвет.

На краю небольшого столика возле дверей сидел грустный Пэн, покачивая в воздухе ногами. Выглядел он очень расстроенным и встревоженным.

— А ты почему тут один сидишь? — воительница остановилась рядом.

Паренёк поднял её взгляд и собирался что-то сказать.

— Со мной всё в порядке! Оставьте меня в покое! — вопила из-за дверей Аньюриэль.

— Кажется, её там обижают, — тихо сказал Пэн.

— Это уж вряд ли, — она протянула ладонь, подхватывая Пэна и пересаживая к себе на плечо. — Она сама кого хочешь обидит.

В лазарете пахло травами и чем-то непонятным, но очень характерным для врачей. Эйша сидела в плетеном кресле у окна и пила чай, наблюдая за вознёй за ширмой. Там, судя по шуму и крикам, шел бой, и Аньюриэль его безнадежно проигрывала. Через верх ширмы была переброшена рваная и измазанная кровью одежда чародейки.

— Вот же гадство! — ругнулась Верховная жрица. — И бадьян не помогает. Принеси кордицепс, может хоть он вытянет из раны эту дрянь. И чем таким ядрёным эта бестия когти

смазала?

За ширмой послышалось шуршание коробок и перезвон стекла. Лан Роу пересаживала Пэна на чайный столик. Эйша тут же налила ему чай из заварника и кивнула на тарелку с печеньем. Судя по запаху, чай был успокаивающим и очень крепким. Это объясняли то, почему старпом выглядит такой безучастной к происходящему.

— Это что за дрянь?! Это не лекарство, а сушеные черви! — возмущалась Аньюриэль. — Нет! Только через мой холодный труп!

Возня стала громче. Что-то упало и разбилось. Ширма покачнулась, но устояла. Лан Роу аккуратно заглянула за перегородку, пытаясь понять что происходит. Фэй Амун — наставница и Верховная жрица лунных дев — спешно перетирала высушенных личинок в порошок. Её помощница уже подготовила основу для мази. Лунные девы вчетвером, с Харико во главе, старательно пытались обездвижить Аньюриэль. Та, не смотря на множество полученных ранений и потерю крови, пыталась отбиваться, хотя этого всё равно было недостаточно для того, чтобы сбежать.

— А давайте её свяжем, — предложила одна из девушек.

— Я принесла мазь от Аюра. Он говорит, должна помочь, — вмешалась воительница.

— Верни мне магию! Я их убью! — Аньюриэль отчаянно рванулась с места, но Харико заломила ей руку, пресекая попытку к бегству. — Прекратите меня трогать!

— Девочки, у неё такая нежная кожа!

Одна из лунных дев ощупывала спину чародейки. Остальные тут же присоединились к процессу. Аньюриэль стала вырываться ещё отчаяннее.

— А волосы какие!

Колдунья отчаянно взвыла в ответ.

— Девочки, хватит её трогать, — вмешалась Фэй Амун, забирая мазь и высыпая в неё порошок кордицепса из ступки. — В эльфийской культуре не принято прикасаться к тем, с кем вы мало знакомы. Вы её смущаете.

— Если бы у меня была такая кожа, я бы тоже далеко не всем давала себя трогать, — одна из девушек весело захихикала.

— И эти «далеко не все» однозначно будут мужчинами, — поддержала подругу другая.

— Эй, а у тебя есть любовник?

Девушки внимательно посмотрели на Аньюриэль. Чародейка обиженно смотрела на них, стараясь прикрыть обнаженную грудь и отчаянно краснела. То, в какое русло повернул разговор ей несомненно не понравилось.

— Конечно есть. Вон какая хорошенькая. За такими мужики толпами бегают, — со знанием дела заявила Харико. — Ну, рыцарь, рассказывай, что там у тебя с мужчинами.

— Ничего, — обиженно проворчала Аньюриэль.

— Да ладно! — хором удивились девушки.

— Такая хорошенькая!

— Фигурка вон какая ладная!

— Ага. И кожа светлая, как фарфор...

— И такая мягкая...

— А губы какие пухленькие! Мужчинам нравится такие целовать.

— Да она просто нам рассказывать не хочет! — пришла к выводу Харико.

Аньюриэль терпеливо ждала, пока целительница закончит все необходимые манипуляции и всё больше краснела под пристальными взглядами девушек. Она

ссугулилась, вжимая голову в плечи, словно хотела стать как можно незаметнее. Весь боевой настрой куда-то пропал.

— Ну давай, рассказывай, как эльфы за своими девушками ухаживают!

— А как эльфийские мужчины в постели? — встряла самая юная из жриц. — Тут делегация из Берна прибыла. Я бы не прочь закрутить роман с одним из них. Есть там один, такой высокий и статный, — девушка мечтательно улыбнулась.

Лунные девы расселись вокруг кушетки, выжидательно смотря на колдунью. Аньюриэль молча смотрела вниз. Покраснели не только щёки, но и уши. Лан Роу тоже выжидательно смотрела на чародейку, надеясь узнать хоть что-то, что поможет ей разобраться с тем, что творится в этой непостижимой эльфийской душе.

— Отстаньте от девочки, — осадила Фэй лунных дев. — Вы её смущаете. Разве не видно, что она неопытная. Не то что вы. Если бы я не раздавала, а продавала вам противозачаточный настой, то уже озолотилась бы.

— Да ладно! У неё что, мужика ещё не было?! — Харико подскочила на ноги, активно размахивая руками.

Аньюриэль покраснела настолько, что кожа практически сравнялась по цвету с волосами. Казалось, что ещё немного, и от неё пойдёт дым. Целительница тем временем, убедившись что мазь вытянула весь яд, начала залечивать раны.

— Это нельзя так оставлять! — спохватилась Харико.

— Нельзя! — подтвердили остальные.

— Если эльфийские мужики такие дураки, то можно присмотреться и к людям. Они тоже хороши. Особенно мастера боевых искусств. У них такие сильные руки... Может её с Гарудалом познакомить? — внесла предложение Лунная фея.

— А хорошая идея, — поддержала её одна из жриц. — Слышала, он сбежал со свидания с Рёлой. Значит сейчас свободен.

— А может Ходон? — предложила другая. — Он симпатичный.

— Ну уж нет, — Лан Роу покачала головой. — Слишком честолюбивый и способен на подлость.

— Ты просто злишься на него за тот случай на отборочных, — не согласилась девушка, выдвинувшая кандидатуру Ходона.

— Он волочился за суккубой! — негодовала Лан Роу.

— Да что эти бойцы?! — за ширму заглянула Эйша с Пэном на плече. — За кэпом сам король Лютерии увивался. Я сама видела.

— Эйша! — Аньюриэль осуждающе смотрела на помощницу.

— О-о-о! — хором впечатлились девушки.

— Он ей подарил галеон, — Эйша многозначительно посмотрела на лунных дев. — А на что эти ваши бойцы способны? Только кулаками махать. А сами по себе голь и рваньё.

— Кто разрешил запускать мужчину?! — Фэй Амун ткнула пальцем в Пэна.

— Да где это мужчина?! — вступилась за Пэна Эйша. — Он же с палец ростом!

— Ещё какой мужчина! — возмутился Пэн. — В самом расцвете лет!

— Вон из лазарета! — приказала Верховная жрица.

Эйша хмыкнула и демонстративно развернулась, возвращаясь к столу.

— А я знаю одного, у которого с палец... — начала было Харико, но осеклась, поймав рассерженный взгляд Фэй Амун.

Её подруги явно не остались довольны тем, что Лунную фею прервали и очень хотели

узнать подробности, но против наставницы идти не решились. Фэй Амун закончила лечить последний синяк и кивнула, позволяя чародейке встать с кушетки.

— Как себя чувствуешь? Ещё что-то беспокоит?

— Это худший день в моей жизни, — смотря исключительно себе под ноги ответила Аньюриэль.

— Ну вот на что ты дуешься, кэп? — Эйша умиротворенно улыбалась. — С королём обнималась? Обнималась. Галеон он тебе подарил? Подарил.

— Мы с Силлианом не любовники, — проворчала в ответ Аньюриэль.

— Это незначительные нюансы, — отмахнулась Эйша. — Зато утёрла носы этим зазнавшимся жрицам. Они явно не могут похвастаться тем, что крутили шашни с королём.

— В Аньшу нет монархии, — подметила очевидное Лан Роу.

— Тем более, — Эйша многозначительно покивала. — У них нет и шанса на то, чтобы превзойти тебя в этом. А то что ты прошляпила короля — это уже твои проблемы...

— Да что вы ко мне пристали с этим! Не нужен мне никто!

Аньюриэль круто повернула, подходя к «Шестому месту» и дергая за дверную ручку. Трактир неожиданно оказался закрыт. Чародейку это не остановило и она принялась колотить в дверь кулаком.

— Она всегда такая? — полушепотом спросила Лан Роу.

— Характер у неё не подарок, но так её, на моей памяти, ещё никто не выводил, — так же полушепотом ответила Эйша.

— Я, вообще-то, всё слышу! — чародейка обернулась к ним.

— «Мне никто не нужен», как правило, говорят те, кого мужик обидел, — подметила Эйша. — Рассказывай, кто этот самоубийца, мы все вместе пойдём и оторвём ему всё, что торчит и выпячивает, включая уши.

— Глупости! — возмутилась Анью, но выглядела при этом весьма сконфуженной. — Нет и не было никого.

— А кто такой Аман? — подал голос Пэн. — Я как-то тебя будил, а ты сказала: «Аман, отстань».

Повисло молчание. Анью заливалась предательским румянцем. Сейчас она больше всего походила на нашкодившего ребёнка, пойманного в самый разгар шалости с поличным.

— Значит «нет и не было»? — губы Эйши растянулись в довольной улыбке.

Анью быстро взяла эмоции под контроль. Сделала шаг к ним и пересадила Пэна на плечо к Эйше.

— Друзья так не поступают, — отчеканила колдунья и тут же вернулась к двери, яростно колотя в неё уже ногой. — Вонтон! Я слышу что ты там!

— Я что-то не то сказал? — удивленно смотрел на спину чародейки Пэн.

— Всё правильно сказал, — успокоила его Эйша. — А может кэп ещё что-то говорила про этого Амана?

Аньюриэль обернулась к ним, её глаза ярко сверкнули зеленоватым светом — верный признак того, что магические потоки в теле восстановились и контроль над магией возвращается к ней. Не успела колдунья прокомментировать услышанное, как открылась дверь таверны. На пороге стоял Вонтон и выглядел он не лучшим образом. Мужчина явно

пил. И пил он далеко не чай.

— Тебе чего?

— Я есть хочу, — ответила Аньюриэль.

— А я тут при чём? — Вонтон изумленно осмотрел их компанию.

— А ты повар, — Аньюриэль, игнорируя удивленный взгляд хозяина таверны, проскользнула внутрь.

— Я тоже есть хочу, — Эйша не растерялась и проследовала за своим капитаном.

— А я всегда голодный, — поддакнул ей Пэн.

— Да и я не откажусь от ужина, — Лан Роу улыбнулась остолбеневшему мужчине и прошла внутрь.

В таверне было непривычно пусто. Даже ставни, выходящие на главную улицу, были закрыты. Терпкий запах вина заполнил всё помещение. Аньюриэль, приглушенно фыркая, прошла к дальнему столику и открыла окно, выходящее во двор, впуская свежий воздух. Чародейка с абсолютно невозмутимым видом села за столик и махнула рукой, словно подзывала подавальщицу. На её жест никто не отреагировал. Вонтон стоял, скрестив руки на груди и недовольно смотрел на них.

— Какого демона ты там расселась? Таверна закрыта, — в полупустом помещении голос мужчины эхом отразился от стен.

— Я хочу есть, — Аньюриэль совершенно спокойно смотрела в ответ, нисколько не смутившись. — Неси всё, что есть.

— У меня только вонтоны в меню.

— Неси побольше. И чай, — она благосклонно кивнула.

Вонтон шумно выдохнул, словно смиряясь с неизбежным, и ушёл на кухню. Эйша бодро проследовала за стол, усаживаясь напротив Аньюриэль и прожигая её требовательным взглядом. Чародейка этот взгляд игнорировала, смотря исключительно в окно. Лан Роу села рядом с Эйшей, присоединяясь к молчаливому противостоянию. Повисло напряженное молчание, нарушаемое лишь тихим кряхтением Пэна,двигающего тарелки по столешнице. Малыш решил, что раз он единственный мужчина, то ему и ухаживать за женщинами. Анью и Эйша никак не вмешивались в его инициативу, хотя было заметно, что чародейка изредка бросает быстрые взгляды, контролируя происходящее.

— Аман ведь человеческое имя, — Эйша сменила тактику, перейдя в наступление. — У тебя был роман с человеком?

— Не было.

— И поэтому ты в первую очередь подумала о нём спросонья? — не унималась Эйша. — Может потому, что спали вместе?

— В этом нет ничего постыдного, — вмешалась в разговор Лан Роу. — Любовь — это благо и счастье. Признаться, по юности я была влюблена в одного парня. Он обучался в той же школе боевых искусств, что и я, но был на пару лет старше. Он очень красиво за мной ухаживал. Дарил разные безделушки, гуляли по ночам, любуясь звёздами. Правда, у нас не сложилось.

— Почему? — Аньюриэль, забыв про свой настороженный настрой, смотрела на неё с искренней заинтересованностью.

— На соревнованиях я его победила, — Лан Роу неловко улыбнулась. — Его самолюбие и гордость непоправимо пострадали и это стало причиной разрыва отношений. Да и я не могу принять рядом с собой мужчину, который слабее меня. Не знаю почему так, просто не

смогу...

— Потому что рядом с мэлдо ты можешь быть слабой. Потому что он может тебя защитить. Но нельзя быть слабой рядом с тем, кто слабее.

На какой-то момент ними сложилось странное понимание. Они обе искали одно и тоже — чувство защищенности.

— Как всё запущенно... — Эйша покачала головой. — Если опираться на твой уровень силы, кэп, то выбор окажется весьма ограниченный.

— Мне не нужен выбор, — Аньюриэль отмахнулась.

— А Аман сильный? — с совершенно детской непосредственностью спросил Пэн.

Аньюриэль выглядела глубоко несчастной. Кем бы не приходился ей этот мужчина, разговор о нём причинял ей слишком много боли. Можно было не сомневаться, что этот человек напрямую связан с той чернотой, что разъедает колдунью изнутри.

— И да, и нет, — уклончиво ответила Аньюриэль.

— Это как? — удивился Пэн. — Сильнее и слабее одновременно.

Аньюриэль кивнула. Стало ещё непонятнее. Чародейка обвела их печальным взглядом, словно пытаясь так передать им то, для чего не хватало слов. Была в словах Аньюриэль странная тоска, передававшаяся и им. Эйша смутилась, отвернувшись к окну.

— Где он сейчас? — тихо спросил Пэн, явно непонимающий, что переходит черту. — Почему он не с тобой?

— Он... Его больше нет в этом мире, — чародейка попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какой-то кривой.

Тихо ругнулась Эйша. Лан Роу глубоко вздохнула, догадываясь о том, что не было озвучено. Аньюриэль было, откровенно говоря, жалко. Вынужденная изо дня в день жить с этим чувством и не имея возможности что-то исправить, она продолжала идти вперёд. Под всей этой злостью, под всем этим гневом скрывалось чувство вины и боль. Вина за то, что не смогла уберечь кого-то близкого и боль от потери того, кого любила.

Тот, кто слабее, но в тоже время сильнее... Разве такое бывает?

Неловкое молчание прервал Вонтон, зашедший в зал с целой стопкой бамбуковых пароварок. Он сгрузил эту башню на стол и молча удалился, чтобы практически сразу вернуться с подносом уставленным чашками и парой заварников.

— Садись с нами, — Аньюриэль пересела ближе окну, освобождая стул.

— Ну... Это... — Вонтон неуверенно топтался возле стола.

— Ты из-за кумихо пьёшь? — глядя мужчине в глаза спросила чародейка.

Вонтон молча рухнул на стул, налил себе стакан чая и тут же опрокинул в себя, словно вино. После чего занюхал это рукавом. Таким разбитым Лан Роу Вонтона прежде не видела. Даже череда выбываний из отборочных в последних турнирах его так не выбивала из равновесия, как новость о том, что Мидзури оказалась оборотнем.

— Да что вы понимаете?! — ни к кому толком не обращаясь пробасил мужчина.

— У нас образовался вечер разбитых сердец, — Эйша удивленно присвистнула.

— Да что там сердце, — Вонтон пренебрежительно махнул рукой. — Я на ней жениться хотел. Украшения дарил такие, что под стать жене советника носить. Платья у лучших ткачих оплачивал. Самые редкие деликатесы. Я таверну заложил, чтобы всё это оплатить, а вот как всё обернулось... Я в долгах, как аристократка в шелках. Одно радуется — эта лисица не одного меня так обчистила. Вроде и не так стыдно...

— Ты хотя бы живой остался. А вот торговец из Дайфена заплатился жизнью и

печенью за знакомство с кумихо. И боги знают, скольких ещё она погубила, — постаралась поддержать мужчину Лан Роу.

— А толку то? «Шестое место» я потерял. Мне не выплатить долг в срок.

— У тебя же тут народу столько, что не продохнуть, — удивилась Эйша. — Я думала, что все хотят попробовать твою стряпню.

— Не продохнуть, пока турнир в разгаре. А в обычные дни один-два человека заглянут и всё. Это ж как было, — Вонтон принялся раскладывать ужин по тарелкам. — Я и не думал, что стану владельцем таверны. Всё это просто удачное стечение обстоятельств. У меня всегда всё получалось из рук вон плохо. Из бойцов меня выгнали — есть я любил больше, чем тренироваться. Попробовал торговать, да дело всё никак не шло. Денег не было, я уже почти на грани был. Вот и состряпал из последнего что было, да и не ожидал, что получится так, а людям понравилось. Да только просто всё это — любой так приготовить может. Вот и подался на турнир, это же главное событие года. Участники — кумиры толпы. Кто откажется отведать блюда, которое приготовил один из претендентов? Вот и пошли люди. Много людей раньше было, каждый день ажиотаж... Сперва я старался продвинуться как можно выше, дошёл даже до шестого места, а сейчас уже возраст не тот, да и закрывать таверну приходится каждый раз, когда у меня бой. Выбывать пораньше мне выгодно — прибыль не теряю. Вот только денежки считаю только в эти две недели, а потом в потолок плевать можно. А сейчас и денег нет...

— Приготовь ещё что-нибудь, — посоветовала Аньюриэль.

— Куда тебе? — удивила Вонтон. — Ты ещё это не доела.

— У тебя подадут только это, — чародейка ткнула пальцем себе в тарелку. — Скучно каждый раз есть одно и то же. Приготовь ещё что-то.

— Слушай, меня конечно считают самым лучшим поваром в Лазурной гавани, да только я это... Шарлатан я. Только эти вонтоны готовить и умею — бабулин рецепт, — полушепотом признался Вонтон. — Ты думаешь чего ко мне это прозвище прицепилось? Вонтон. Только их от меня люди и видели.

— А что тебе терять? — задала резонный вопрос Аньюриэль.

Вонтон не успел ответить — в дверь требовательно постучали. Владелец таверны устало вздохнул, но с места не встал.

— Не откроешь? — удивилась Лан Роу.

— Да мало ли кого принесло. Я сегодня закрыт.

— Это не моё дело, — Анью через плечо глянула на дверь. — Но, кажется, там Рёла. И она плачет...

— Ну только если Рёла, — Вонтон мгновенно подобрался, постарался придать выражению лица серьёзность, но вышла только глуповатая полуулыбка, и пошел открывать дверь.

Эйша немного наклонилась вбок, чтобы лучше видеть вход. Анью села вполоборота, а Пэн так и вовсе перебежал на край стола. Лан Роу покачала головой, но отбиваться от коллектива не стала, тоже слегка наклонившись. В дверях и вправду стояла зарёванная Рёла. Девушка посмотрела на Вонтона так, как смотрят на людей брошенные котята или щенки, и шмыгнула носом.

— Опять? — устало спросил мужчина.

Вместо ответа Рёла сразу перешла к истерике.

— Ну пошли, — он аккуратно подтолкнул её, заводя внутрь и закрывая дверь.

Рёла прошла пару шагов и замерла на месте, увидев их. Что-то в её картине мира не складывалось настолько, что она икнула и перестала плакать. Медленно обвела взглядом пустую таверну, затем вернулась к их столику. Вонтон снова подтолкнул её, направляя. Рёла послушно подошла к столику и села на свободное место. Ещё раз обвела их взглядом, напряженно о чём-то размышляя.

— А вас что, тоже мужики бросили?

Ненадолго повисло неловкое молчание. Рёла смотрела как-то слишком уж выжидательно.

— Меня однажды бросил, — неожиданно для всех выдал Пэн. — Больно так бросил, в железную клетку. И уродливый такой был этот мужик. И рожа у него как у дохлой рыбы. Да и сам он вонял как дохлая рыба...

Все уставились на Пэна, удивленно слушая о злоключениях малыша.

— Мелкий, тут не об этом речь, — перебила его Эйша.

— О! — глубокомысленно изрекла Рёла. — Даже так бывает...

— Мы тут это, — Вонтон глупо улыбнулся и потёр затылок. — Кумихо поминаем... Недобрым словом.

— Вот оно что, — грустно пробормотала девушка, подтягивая к себе пароварку с вонтонами. — Тебе, кстати, засчитали как победу. Проходишь дальше в турнир.

— Уже знаю, — Анью кивнула.

— Ну рассказывай, — решила перейти к сути Лан Роу. — Кто дурак на этот раз?

Рёла мгновенно покраснела, на глазах навернулись слёзы, нижняя губа мелко задрожала. Девушка шмыгнула носом, готовясь разразиться новой порцией рыданий.

— Говори уже. Мы слушаем, — Лан Роу мягко коснулась её руки.

— Ходон! — выдала Рёла, начиная рыдать.

Вонтон устало вздохнул и ушел куда-то на кухню, откуда быстро вернулся с целой стопкой чистых платков. Лан Роу оценила арсенал и подготовленность мужчины, а также то, с каким философским спокойствием он воспринял истерику девушки.

— И часто так? — она кивнула на Рёлу.

— Постоянно, когда ей сердце разбивают, — Вонтон положил платки рядом с девушкой и налил ей в чашку чай. — Сейчас прорывается и начнёт заедать горе.

— Значит часто, — Лан Роу понимающе кивнула.

Рёла усиленно искала любовь всей своей жизни и сердце ей разбивали раза по два-три в неделю. Большинство свободных мужчин предпочитали не связываться с влюбчивой девушкой и сразу давали ей от ворот поворот. Неудачи ненадолго выбивали ту из колеи, спустя пару дней Рёла снова принималась за поиски. Вся Лазурная гавань знала об этом и бывали даже ушлые люди, которые делали ставки на то, кого же в итоге захочет девушка и сколько ещё она проходит в рядах незамужних. Лан Роу не особо вдавалась в подробности чужой личной жизни и была удивлена узнав, что плакаться Рёла прибегает именно в «Шестое место». Да и сам факт того, что девушка так эмоционально переживает отказы стал для неё новостью.

— А что случилось-то? — Эйша заинтересованно смотрела на Рёлу, ожидая, когда станут известны подробности.

— Я пригласила его на свидание, — Рёла шумно высморкалась. — А он... Он не пришел!

— Вот гад! — выдала Эйша. — И как он пострадал за это?

— Никак, — жалобно шмыгнула носом девушка. — Я пошла к «Голове Рунаана», хотела узнать почему, а по пути мне встретился один из тех эльфов, что прибыли из Берна. Я ему улыбнулась и подмигнула, а он просто прошел мимо, словно я пустое место.

— Ну, это они умеют, — фыркнула Анью. — Что?! Я из Рохэнделя и на меня они смотрят примерно так же.

— Нашла из-за чего убиваться, — Лан Роу ободряюще улыбнулась девушке. — Ходон же идиот, это все знают. Самовлюбленный напыщенный индюк. Даже хорошо, что он не пришел — ты не потратила на него своё время.

— Дело не только в нём, — Рёла снова высморкалась, кинула смятый платок в предусмотрительно подставленную Вонтоном корзинку, и взяла следующий. — Когда я пришла к гостинице, то увидела Золотую Маску. Он зашел в проулок возле гостиницы. И я подумала, а почему бы и нет? Он, конечно, немного в возрасте, но такой...

— Загадочный, — подсказала Лан Роу.

— Да, — Рёла радостно кивнула. — Высокий и так ладно сложен — ноги длинные, плечи широкие, руки сильные. В этой маске и ореоле загадочности. И так успешно выступает, как наша леди-рыцарь. Соперников побеждает легко, словно играючи. А волосы... Белые и в хвосте, ветром развиваются. Красавец!

— Да, — Эйша кивнула. — Слышала о нём, да и на арене он действительно неплох. В турнире прежде не участвовал, но начал неплохо, все победы со значительным перевесом в силе. Маска и кэп — оба стали новостями в этом году. Вот только Золотая Маска — тёмная лошадка. Никто не знает ни имени, ни откуда он. Только прозвище...

— Правилами не запрещено, — Рёла пожала плечами. — В общем, зашла я в переулок, догнала его, поздоровалась, улыбнулась...

— И что было дальше? — нетерпеливо спросил Пэн.

— А он так зыркнул на меня злобно, как будто это не я подошла, а крыса из подворотни выскочила и... — Рёла снова готова была разрыдаться. — И говорит: «Проваливай отсюда, дура!»

— Вот же гхыр помоечный! — Вонтон стукнул кулаком по столу.

— Обсос, — не стесняясь высказалась Аньюриэль.

Пэн подошел к Рёле и погладил её по руке.

— Не плачь. Зато ты красивая, — поддержал её паренёк.

Это был, по мнению Лан Роу, не самый удачный комплимент, но Рёла растрогалась. За день её отвергли трижды, так что ласковое слово, даже от такого маленького мужчинки как Пэн, пролилось исцеляющим бальзамом на потрёпанное девичье сердце.

— Значит так, — в голосе Эйши прорезались капитанские нотки. — Отставить нытьё! Ты, девчуля, берега не попутала? Ты зачем за мужиками бегаешь? Молодая, красивая — они должны за тобой бегать, а не наоборот.

— Но я... Но они не бегают, — растерялась девушка. — А как же я любовь всей жизни найду, если буду на месте сидеть?

— Ты её уже нашла, — отрезала Эйша. — Ты себя полюби для начала. Научись быть счастливой самостоятельно, а не смотреть щенячьими глазками на всех проходящих мимо мужиков. Вот когда полюбишь себя, тогда и побегут за тобой эти кобели. А то кому ты нужна, если не самой себе? И вообще, Вонтон, ты чего этот чай принёс?! Неси что покрепче! А то мы как на поминках. У нас тут вечер счастливых и свободных образовался. К тому же, мы ещё не отпраздновали победу кэпа.

Если со «свободными» поспорить было сложно, то «счастливыми» за столом даже не пахло. Рёла нервно икнула на это предложение. Анью недоуменно хлопала ресницами, тоже не улавливая, как разговор дошел до этого. Один лишь Вонтон пожал плечами и пошел на кухню. Похоже он уже смирился с тем, что этим вечером пить в одиночестве не получится.

— Вот, — Вонтон вынес пыльный ящик. — Это от лунных дев — их особое вино. Голову не дурманит, а кровь отменно веселит.

— Неси! — бодро скомандовала Эйша.

Глава 5. Азарт

*Без тени сомнений,
Не пряча лица,
Идти к своей цели
Дорогой бойца.
Без страха и лени,
Не веря глупцам,
Вперёд к своей цели
Идти до конца.*

Лоупа — Дорога бойца

С утра лил дождь. Облака, что ещё вечером собрались пугающей чернотой у линии горизонта, под покровом ночи подкрались к Аньшу и, ещё до восхода Солнца, обрушились на Лазурную гавань со всей яростью, на которую способна стихия. Ветер завывал в водосточных трубах, гнул деревья к земле, швырял в лицо редким прохожим капли дождя, отрывал флажки и ленты с гирлянд. Крупные капли стучали по черепичным крышам, отбивая яростный ритм гнева непогоды. Потоки воды стремились к морю, унося с собой опавшие листья.

Буйство стихии внесло свои коррективы в праздник. Большинство жителей и гостей города сидело дома или в гостиницах. Люди собирались у очага, пили горячий чай с пряностями, болтали с близкими. Изредка можно было заметить в окнах одиноких романтиков, что наблюдали за непогодой.

Особенно живописно стихия разгулялась на побережье. Море яростно бросалось на скалы, будто желало пошатнуть материк, но разбивалось на множество мелких брызг, разлеталось клочьями беловато-желтой пены в порывах ветра. Оно ненадолго отступало, чтобы собраться с силами и снова броситься вперёд, раз за разом продолжая эту неистовую борьбу, крупица за крупицей обтачивая скалы.

Всё живое затаилось, ожидая, пока пройдёт непогода. Затихли птицы, скрылись в своих убежищах мелкие животные. Лишь парил над городом дух грозы, обращённый крупной хищной птицей. Он раскинул свои огромные крылья, паря в потоках ветра и насыщаясь яростью родной стихии.

Лан Роу была одной из немногих, кто рискнул выйти на улицу, несмотря на ливень и сейчас сидела в трюме «Гордости Лютерии», завернувшись в плед, и отогреваясь возле очага. Аньюриэль окинула мокрую девушку оценивающим взглядом и положила в чай ещё одну ложку мёда, протягивая гостю напиток. Аман часто говорил, что травы с мёдом способны защитить от простуды. Судя по тому, что воительница промокла до последней нитки, совет сейчас был очень своевременным.

— Может тебя всё-таки высушить магией?

— У природы не бывает плохой погоды, — улыбаясь ответила воительница.

— Бывает отвратительная, — проворчала Эйша.

Старпом полулежала на столешнице, прижимая ко лбу влажную тряпку и медленно пила настой от похмелья — вечерние посиделки в «Шестом месте» как-то незаметно превратились в попойку, почти опустошившую винные запасы Вонтона. Аньюриэль

благодаря разумно ограничилась одним бокалом, а вот Эйша не сочла нужным вовремя остановиться, за что теперь расплачивалась. Из-за непогоды «Гордость Лютерии» ощутимо покачивало, что заметно сказывалось на самочувствии девушки.

Хуже Эйши выглядел только Пэн, которому единогласным решением было запрещено пить. Все его возражения о том, что он совершеннолетний мококо в самом расцвете лет и на родине постоянно пил медовуху из апидового мёда, были отклонены. Под конец вечера Вонтон всё же сжалился и налил бедолаге немного ягодного вина в напёрсток, пока никто не видел. Сейчас Пэн пластом лежал на столе и тихо стонал, прося оставить его и идти дальше самим. Аньюриэль изо всех сил пыталась привести свою команду в норму, но её знания о борьбе с такой болезнью, как похмелье, были весьма поверхностные.

— У тебя бой сегодня в полдень, — Лан Роу отпила немного чая. У неё единственной не наблюдалось симптомов похмелья, хотя воительница пила наравне с Вонтоном, Рёлой и Эйшей.

— Разве праздник не отменили из-за непогоды?

— Выступления артистов отменили. Бои отменяют только в крайнем случае. Настоящий боец не испугается непогоды. У тебя не будет проблем с огненной магией из-за ливня?

— За кого ты меня держишь?! — Анью, не скрывая негодования, смотрела на гостью. — Проблемы с магией у меня пока были только из-за тебя.

— Не принимай близко к сердцу. Твой следующий соперник ардетайнец, так что сложно сказать, чего от него ждать.

— Можно начать с ружей и гранат, — пробормотала Эйша. — В Ардетайне много что изобрели за последние годы. Особенно оружие. Порой на чёрный рынок просачиваются такие штуки, что становится страшно за тех, кто с этим столкнётся.

Аньюриэль нахмурилась. С ружьями она уже встречалась и они были в разы опаснее арбалета. Хотя, её соперник, так же как и она, будет вынужден сдерживаться, чтобы не убить. Впрочем, правила не помешали Мидзури попытаться её убить. Совет в итоге признал появление кумихо и невозможность небесных дев вмешаться «особыми обстоятельствами» и ей позволили продолжить участие в турнире. Анью догадывалась, что отчасти это решение основывается на их договоренности с советником Фарханом, но жаловаться всё равно было бессмысленно. Ей нужны дневники Сиена, Фархану нужен кто-то, кто будет собой отвлекать внимание от Лан Роу. Это вполне можно было считать взаимовыгодным обменом.

— Думаешь этот человек мог заключить союз с Фетранией?

— Бэнбрюс?! — Лан Роу покачала головой. — Это уж вряд ли. Он одержим разве что своей наукой. Здесь его прозвали «Железный человек», у себя на родине он, вроде как, врачеватель. Приезжает на турнир каждый год и он действительно полон сюрпризов. Постоянно что-то в себе меняет. Называет все свои эксперименты «научным подходом». Не думаю, что для него важна победа. Здесь он скорее чтобы испытать то, что создал. Если демоны не пообещают ему что-то ценное для экспериментов, то он на них даже внимания не обратит. Ардетайнцы все со странностями. Да и он остановился в другой гостинице, а не в «Голове Рунаана».

— Он может заблокировать мою магию?

— Нет, на это способны только лучшие мастера боевых искусств. Бэнбрюс не из их числа. Он скорее безумный исследователь, чем боец.

— Ты не единственная, кто может так закрыть дар?! Не скажу, что меня это радует... А как вообще продвигаются поиски той крылатой тени? — Анью смочила в воде новый

компресс и протянула его Эйше в обмен на тот, который уже нагрелся. Старпом вымученно улыбнулась.

— Отвратительно, — призналась Лан Роу. — Проторчала под гостиницей всю ночь и утро — ничего. Проверила всех выбывших бойцов. Круг сужается, но и противники становятся сильнее. Осталось ещё несколько человек и есть те, кто вызывает особое подозрение...

Воительница выглядела встревоженной и растерянной. Её явно что-то тяготило, но Анью не знала, как спросить об этом, как предложить помощь. Да и нужна ли эта помощь? Лан Роу пока вполне не плохо справлялась с расследованием сама, хоть и не слишком успешно.

— А ты не думала, что демоны могут просто открыто вторгнуться в Лазурную гавань?

— Открыто? Нет, — воительница покачала головой. — Они и во времена Второго Вторжения не решились на это. Всё время действуют исподтишка. Уговорами и лестью склоняют людей на свою сторону, развращают, поработают и убивают, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

— Но почему? В Боэр Морхен они пытались взять числом, напав на крепость...

— Рунаан, — Лан Роу подняла вверх указательный палец, указывая на потолок. — Если фетранияцы открыто нападут, то привлекут его внимание. Рунаан — один из трёх сильнейших Хранителей. Он лишь немногим уступает по силе Эвергрейсу. Злить его — опасно для здоровья.

— Что ж, приятно, что некто столь сильный на нашей стороне, — Анью улыбнулась.

— Эйша, — Лан Роу повернулась к старпому. — Ты же будешь делать ставки.

— Угу.

— Вот, — воительница положила на стол увесистый мешочек. — Мне по статусу не положено участвовать в азартных играх, а подзаработать не помешает.

— Я ставлю только на кэпа, — Эйша подтянула к себе мешочек и пересчитывала золотые и серебряные монеты с ловкостью бывалого торговца.

— А я разве просила на кого-то другого?

— У вас обеих просто нет совести, — Анью покачала головой.

— Не вздумай проиграть! Это — все мои сбережения, — кивнула на деньги Лан Роу.

— Я и не собиралась.

Прогулка под дождём становится в разы приятнее, когда ты владеешь магией. И пусть это не особо сдерживает порывы ветра, а сапоги всё равно хлюпают по лужам, но хотя бы не поливает водой как из дырявого ведра. Их маленькая процессия спешно двигалась в сторону арены. Не смотря на непогоду, на улицах было весьма оживленно. Люди кутались в плащи и почти бежали в сторону арены. Те, кто побогаче, носили зачарованные плащи или передвигались в небольших крытых повозках.

На неё оборачивались и показывали пальцем. Шептались за спиной. Не то чтобы Аньюриэль сильно заботили сплетни и перешептывания за спиной — за годы жизни она уже привыкла к этому, как и к тому, что в человеческих землях привлекает излишнее внимание, но неожиданно было слышать то, что люди всерьёз обсуждали её шансы на победу. Причём далеко не все их них с корыстными целями, хотя большинство всё же делало ставки. В

основном переговаривались о том, есть ли у неё шансы одолеть Железного человека.

— Лан Роу, ты уверена, что ставить надо было на меня? — она искоса глянула на воительницу. — Большая часть перешептывающихся поставила на Железного. Говорят, что он всегда оказывается в десятке лучших, а мне пока просто везло.

— На тебя коэффициент лучше, — отрешенно ответила воительница. — И я в тебя верю. Не слушай, что там говорят, ты ещё не показала всё, на что способна.

— И кто виноват в том, что я не могла колдовать весь вчерашний день?!

— Лао Кан! — Лан Роу выскочила из-под магического купола, сдерживающего гнев стихии и побежала в какую-то подворотню.

— Чего? — они с Эйшей непонимающе смотрели ей вслед.

— Кажется это был не ответ на мой вопрос, — Анью пожала плечами и двинулась следом.

— Что случилось? — из кармана выглянул Пэн, отсыпавшийся в тепле всё это время.

— Сейчас узнаем.

В небольшом неприметном закутке Лан Роу пыталась поднять с земли мужчину. Тот недовольно сопротивлялся и хамил в ответ. Анью медленно вдохнула, прислушиваясь к запахам. Мокрая земля, ароматы выпечки от чайной неподалёку, Лан Роу пахла специями, Эйша морем и вином. От мужчины шёл кисловатый запах грязи и пота, но не выпивки.

— Да что ты ко мне пристала?! Я не просил у тебя помощи. Займись своей жизнью, — мужчина выдернул руку, садясь обратно на кучу тряпья.

— Я просто хочу помочь, — Лан Роу растерянно стояла рядом. — Где ты остановился?

— Здесь. А что, незаметно? — мужчина махнул руками, указывая на переулок, в котором они были.

— Тебе не стоит ночевать на улице.

Воительница потянулась к мужчине, но тот оказался проворнее и перехватил её за запястье, потянув на себя, вынуждая наклониться.

— Мне. Твоя. Помощь. Не нужна, — зло отчеканил Лао Кан.

Анью телепортировалась ближе, перехватывая его руку и сжимая пальцы. Не так, чтобы навредить, но чтобы было ощутимо.

— Отпусти её.

Мужчина медленно повернулся к ней. Их взгляды встретились. На секунду повисло молчание. Он разжал пальцы. Анью отпустила его руку.

— Пойдём, — чародейка подтолкнула Лан Роу в спину, вынуждая вернуться на дорогу.

Остаток пути до арены прошёл в напряжённом молчании. Лан Роу задумчиво покусывала губу и выглядела растерянной.

— Кэп, — Эйша протянула руку, забирая к себе Пэна. — Я пошла сделаю ставки и займу места. Не вздумай проиграть, Я поставлю всё, что есть.

— Это уже хамство... Почему вы вообще допускаете мысль, что я могу проиграть?! — Анью недовольно смотрела вслед старпому.

— Потому что ты не воспринимаешь турнир всерьёз, — Лан Роу развела руки в стороны. — У каждого из участников есть причина, чтобы сражаться. Ради денег, ради идеи или мечты, ради славы или ради привлечения людей в свою таверну. Все преследуют свою цель, кроме тебя. Ради чего сражаешься ты?

— Потому что такова цена сделки с советником Фарханом, — она пожала плечами.

— Но ради этого тебе не нужно побеждать. Внимания ты привлекла к себе уже более

чем достаточно — вся Лазурная гавань только о тебе и говорит. Вот только побеждать у тебя нет причин.

— Всё это просто нелепо.

— Что именно?

— Это, — Анью махнула рукой, обозначая всё вокруг себя. — Турнир, бои, эта арена. В любой момент в Акрассию явится армия демонов, а вы тут соревнуетесь, кто кому сильнее может врезать, не проломив при этом череп.

— Мы можем умереть в любой день и без участия демонов, — Лан Роу улыбнулась. — Нельзя жить в страхе. Жизнь — это не только путь к смерти, это нечто большее, но ты сама решаешь, чем её наполнить. Можно петь, плясать и плести венки из полевых цветов, можно беспрестанно тренироваться, готовясь к битвам, а можно найти баланс. Можно и тренироваться, и быть счастливой, понимаешь? Важно найти в себе эту внутреннюю гармонию.

— Я могу задать вопрос?

— Личный, я полагаю, — Лан Роу устало улыбнулась, догадываясь о том, что сейчас услышит.

— Тот мужчина в переулке... — Анью ненадолго задумалась, подбирая слова. — Он важен для тебя.

— Мы были друзьями, но у него случилось горе и итог ты видела. Лао Кан слишком гордый, чтобы принять помощь от меня. А теперь иди и побеждай.

Было странное ощущение, что Лан Роу что-то недоговаривает, но настаивать чародейка не стала. Эта человеческая девушка хоть и лезла ей в душу, но не делала это так настойчиво, как остальные. Придётся довольствоваться полуправдой. Анью свернула в коридор для участников. Сегодня её бой был первым в очереди. Возле выхода на арену дежурил всё тот же стражник. Снаружи затихли голоса людей — Рёла приветствовала зрителей, что не побоялись прийти, не смотря на дождь, и объявляла имена бойцов. Зрители радостно приветствовали Бэнбрюса, прозванного Железным человеком. Стоило крикам толпы отгреметь и Рёла пригласила её.

— Слушай, — окликнул её стражник. — Я это... Деньги на тебя поставил. Не подведи.

Они все здесь помешались на ставках.

Анью молча отвернулась, выходя на арену. Лунные девы создали над ареной магический купол, защищающий от непогоды. Стоило ей начать спуск по ступеням, как зрители начали голосить, выкрикивать приветствия и махать какими-то красными флажками. Чародейка спокойно спускалась по ступеням, не обращая внимания на толпу. Её приветствовали ничуть не тише, чем её соперника. Всем этим людям было плевать на них, важно было лишь кто победит, потому что ставки на участников турнира делали практически все.

Для чего я участвую в этом безумии?

Она не понимала. Можно было выбыть из турнира ещё тогда, когда Лан Роу заблокировала её магию. Никто бы ничего не сказал. Не пришлось бы сражаться с оборотнем, а потом терпеть издевательства и насмешки лунных жриц. Анью нашла девушек взглядом. Жрицы стояли неподалёку от Рёлы, активно перешептываясь и посматривали то на неё, то на ардетайнца.

Подумаешь, я не спала с мужчиной, а они протащились через все койки в Лазурной гавани. Было бы чем гордиться...

Она отмахнулась от этих мыслей. Ей нужно быть предельно сосредоточенной и спокойной, чтобы победить. Об остальном она подумает позже.

Для чего я сражаюсь?

Анью ступила на камни арены, обводя взглядом трибуны. Эйша радостно замахала руками, стоило ей повернуться к тому сектору, где они сидели. Лан Роу улыбнулась и кивнула.

— Я слышал о тебе, рыцарь Лютерии, — Бэнбрюс шагнул вперёд, протягивая левую руку.

Анью удивленно смотрела на его правую руку, покрытую металлом, не спеша с рукопожатием.

— Знаю, что обычно правая, но хотел прикинуть, какая у тебя температура тела, — мужчина смущенно улыбнулся и протянул к ней металлическую руку.

Анью отчетливо слышала тихий скрежет при этом движении. Рука этого человека не просто была покрыта металлом, она была из него сделана. Это откровенно смущало, если не пугало.

— Не видела прежде такое? — Бэнбрюс демонстративно сжимал и разжимал пальцы. — В Ардетайне эта технология появилась всего пару лет назад, но, как видишь, весьма успешно. По правде говоря, подсмотрели идею у ваших магов. Я видел, как они выращивают себе руки и ноги из дерева и двигают их с помощью магии.

— Ты не маг, — подметила очевидное Аньюриэль.

— Верно. Но ваш творец — Кратос — не только свой народ наделил мудростью. Что ж, начнём?

Она молча кивнула в ответ. Лунные девы создали купол вокруг арены. Вновь оказаться в этом месте под куполом было неприятно. Вспомнилась лисица-оборотень. Если все здесь сражались ради чего-то, то и у Мидзури, наверное, была какая-то цель, иначе зачем было рисковать жизнью и лезть туда, где ей точно не будут рады.

Получается, я единственная, кто здесь сражается просто так?

— Пусть победит сильнейший, — проголосила Рёла, ударив в гонг.

— Давно мечтал сразиться с магом, — Бэнбрюс улыбнулся полубезумной улыбкой. — Это будет прекрасный поединок.

Аньюриэль не испытывала такого воодушевления от показательного боя, как соперник, и просто ждала, что он сделает. Необычный противник добавил немного интереса к происходящему, но не настолько, чтобы эмоционально проникнуться в происходящим. Бэнбрюс достал из сумки округлую колбу с ярко-красным содержимым и покрутил в руке. Она, слегка наклонив голову, наблюдала за этими действиями.

— Дамы вперёд, — мужчина галантно поклонился.

— Делай уже хоть что-то, люди ждут, — Анью махнула рукой на трибуны.

— Ты правда в огне не горишь? — Бэнбрюс дождался, пока она кивнёт. — Тогда лови!

Он бросил ей в руки склянку. Аньюриэль, не задумываясь, поймала предмет. Жидкость в склянке вспыхнула, снаряд разорвался прямо у неё в руках. Все вокруг заволкло пламенем, осколок неприятно царапнул по щеке, но большая часть стекла вонзилась в ладони. Чародейка повела рукой, собирая огонь, сжимая его в сферу и оставляя её парить возле ладони.

— И правда не горишь! Восхитительная устойчивость к огню и высоким температурам без каких-либо дополнительных приспособлений, — Бэнбрюс покопался в сумке, доставая

ещё одну склянку, на этот раз с ядовито-желтым содержимым.

— Ты собрался на мне испытывать эти штуки? — она рассерженно смотрела на мужчину, поражаясь его нездоровому энтузиазму.

— Ну ты же всё равно пока не торопишься драться. Прежде мне не попадались маги такого уровня, хочу знать где у таких как ты предел. Мне нужно как можно больше сведений. Лови! — он кинул в неё снаряд.

Анью взмахнула второй рукой, отправляя склянку вверх. Столкнувшись с магическим барьером та взорвалась вспышкой яркого света. Анью чувствовала, что уже не просто раздражена, она медленно теряет контроль над гневом, а ничем хорошим это не закончится, насколько она могла судить.

— *Что за люди пошли?! Никакого уважения к старшим расам!* — возмутилась Энвиса.

— Предел говоришь, — чародейка совсем не по-доброму улыбнулась. — Как насчёт предела моего терпения? Он уже близок.

— Как думаешь, что будет быстрее: ты создашь заклинание или я выстрелю?

Мужчина держал в руке револьвер. Анью напряглась, готовая в любой момент телепортироваться в сторону.

— Малейшее движение и я прострелю тебе плечо или колено. Это не убьёт, конечно, но больно будет. У твоей расы есть способности к регенерации?

— Глупец, — Анью улыбнулась. — Ты всерьёз надеешься, что сможешь попасть в меня?!

— Ты про свою телепортацию? — Бэнбрюс улыбнулся в ответ. — Я наблюдал за твоими боями и уже просчитал возможные точки, куда ты можешь перенестись.

— А вот это просчитал?

Купол над ареной треснул, разлетаясь тысячами ярких искр. С оглушительным грохотом разорвался барьер, которым лунные девы накрыли арену. Анью телепортировалась к противнику, разгоняя кровь в теле, ударом ноги ломая металлическую руку, выбивая оружие. Молния ударила рядом, оставляя чёрное пятно на белых камнях. Буревестник раскинул крылья, сверкая молниями и громко вскрикнул, имитируя орла. Бэнбрюс пытался пошевелить искореженными пальцами. Рука натужно скрипела, из суставов летели искры. Мужчина выглядел искренне удивленным, но не испуганным. Анью снова телепортировалась, поднимая его оружие. Буревестник сел ей на плечо. В груди приятным теплом разливалось мрачное удовлетворение.

Крупные капли дождя практически сразу промочили одежду и волосы. Впрочем, намочила не только она. Зрители, изначально радостно восприняв магический взрыв, сейчас недовольно голосили, требуя у лунных дев восстановить купол над ареной.

— Впечатляет, — Бэнбрюс полез в свою сумку.

— Это ещё не всё, — Анью улыбнулась, демонстративно крутя револьвер в руках. — Вот тебе ещё немного, для размышлений на досуге.

Она неторопливо согнула дуло револьвера и кинула его к ногам противника. Осколки стекла глубже вошли в кожу, но это было уже не так важно. Ошарашенное лицо противника и вопли толпы того стоили.

— Если твои взрывающиеся побрякушки — это всё что у тебя осталось, то лучше сдавайся и не трать моё время. Я могу прошить тебя молнией насквозь. Это не убьёт, конечно, но больно будет, — она улыбнулась и поманила к себе огненную сферу. — Или может проверим, насколько ты огнеупорный?

— Великолепно! Признаю поражение, — Бэнбрюс поднял руки.

— Невероятно! — прокатился над ареной, усиленный магией, вопль Рёлы.

— Поверить не могу, — возмущалась Эйша. — Ты действительно поймала бомбу! Свет левее. Ты чем думала, кэп?

— Я не думала. Он сказал «лови», вот я и поймала, — Анью сдвинула шар света немного левее.

Эйша пинцетом вытаскивала из её ладоней осколки стекла. Если судить по скептическому выражению лица и вздохам, старпом сомневалась в её умственных возможностях. Пэн тем временем подтаскивал из стоящей на столе корзинки рулоны с повязками. Аквандер очистил от крови воду и довольно квакнул, радуясь, что помог.

— Я принесла мазь от Аюра, — по лестнице бегло спускалась, промокнув до последней нитки, Лан Роу. — И почему ты так принципиально не хочешь идти к Фэй Амун?

— Они меня раздражают, — призналась чародейка. — Да и не ладится у меня с целителями. Они все такие... — она задумалась. — Раздражающие.

— Нашла кого слушать... — Эйша внимательно осматривала ладонь, проверяя не пропустила ли осколки. — У тебя есть король, вот они и завидуют.

— И не только он, — воительница поставила баночку с мазью на стол и села на стул возле очага. — Возле схода топтался Бэнбрюс. Говорит, что хотел узнать о твоём самочувствии и убедиться, что о тебе позаботятся. Настойчиво предлагал свою помощь, напоминая, что у себя на родине он врачеватель. Кое-как прогнала. Так что у тебя появился ещё один поклонник.

Игнис аккуратно налил в чашку травяной отвар и поставил на столе перед воительницей. Лан Роу погладила его по макушке — она уже привыкла к тому, что на корабле постоянно крутятся духи и относилась к ним весьма дружелюбно.

— Да кэп такая красotka, что за ней мужики толпами бегать должны, — гордо заявила старпом, накладывая мазь на раны. — Не особо сообразительная, но зато красивая, как говорит Пэн.

— Я вам жалованье плачу не за сомнительные комплименты. И не надо за мной бегать, — растерянно пробормотала Аньюриэль.

Новость не была радостной, а, скорее всего, предвещала проблемы. Что делать с поклонниками она не знала. Таллеан объяснял, что делать в том случае, если мужчина нарушает границы её личного пространства, но он не словом не обмолвился о том, что делать если мужчина будет за ней бегать. У Илании проблем с поклонниками не было, если таковые и были, то они предпочитали держаться на расстоянии, не желая гнать её супруга. Сейчас ей бы не помешал совет, вот только обращаться к Лан Роу или Эйше не хотелось.

— *Просто не обращай внимания и ему надоест за тобой таскаться,* — сжалась над ней даро. — *Человеческие мужчины хоть и влюбчивые, но непостоянные в своих чувствах. Сегодня он клянётся тебе в вечной любви, а завтра ведёт в храм другую. Когда жила в Берне, у меня были поклонники люди и со всеми сработало. Главное — не поощрять и за годик-другой он к тебе охладает.*

— Ты не выглядишь счастливой, — подметила очевидное воительница.

— А есть повод для веселья?

— Очередная победа в турнире — это навскидку. Нужно уметь радоваться мелочам.

— Я бы не сказал, что тот мешок денег, который Эйша забрала у того мужчины — это мелочи, — глубокомысленно подметил Пэн.

— У кого вы уже забрали деньги?! — Анью устало перевела взгляд с мококо на старпома.

— Не надо так на меня смотреть. С пиратством я завязала. Забирала свой честный выигрыш за твою победу. И планирую поставить всё, на твой следующий бой. Ты — верняк.

Эйша улыбалась настолько счастливо, что казалось ещё немного и у неё из уголка рта потечёт слюна. Алчность была одним из пороков человечества, но некоторые люди не знали в ней предела.

— Мне начинает казаться, что ты отправилась со мной в путешествие исключительно ради денег. Только люди могли придумать наживаться на кровавом развлечении.

— Не только ради денег, — старпом многозначительно улыбнулась.

— На мне наживается половина Лазурной гавани, но они не часть команды.

— Как же плохо ты разбираешься в людях и не только людях, кэп, — Эйша кивнула на Пэна.

Анью перевела взгляд на мококо. Верить в подобное просто не хотелось, но Пэн краснел слишком стремительно и медленно отходил от неё спиной вперёд, стараясь спрятаться за шкатулкой.

— Ты ведь платишь мне как юнге, — мямлил Пэн. — И я могу делать с этими деньгами всё, что захочу...

— Здесь есть хоть кто-то, кто не наживается на мне?!

— Уру-ур, — Игнис подошел к ней ближе и положил голову на колени.

— Хоть кто-то ценит меня, а не мои боевые заслуги, — Анью гладила тёплую, шероховатую кожу элементалю. — Возьму и проиграю нарочно.

— Если хочешь проиграть кому-то, то проигрывай достойным, а не этому самовлюблённому засранцу Ходону, — Лан Роу недовольно покачала головой. — Он, между прочим, первый в рядах тех, кто мог заключить союз с демонами. Месяц назад Ходон, который предпочитает, чтобы его называли Ходон Непобедимый, именно так и сделал на испытаниях посредников.

— Думаешь, это он? — Анью, взмахом руки подманила на стол блюдо с пирожными. — И что за посредники?

— В Аньшу много разных школ, но самые древние — Алая хризантема и Белый лотос, я тебе уже рассказывала, что их основали последователи Сиена. Не то чтобы они враждуют, но некоторое соперничество между ними есть. Раз в пятьдесят лет школы выдвигают по одному бойцу для испытания посредников. Лучший становится связующим звеном между жителями Аньшу и Великим Рунааном. Испытания проводились не так давно, от Алой Хризантемы выступал Ходон. От Белого Лотоса — я.

— Так ты, оказывается, посредник между людьми и Хранителем? Я догадывалась, что ты не последний человек в Лазурной гавани, — Анью улыбнулась. — Всё же советник и прочие общаются с тобой весьма почтительно. Но не думала, что настолько... Теперь понятно, почему ты не делаешь ставки открыто.

— Посредник может и звучит почётно, но жалованье не то чтобы большое, — Лан Роу пожала плечами. — Да и хлопот много. Я не столько общаюсь с Рунааном, сколько помогаю людям сама, в меру своих сил. Великому дракону нет дела до того, что он посчитает «мелкой

проблемой». Разбойники, междоусобицы между школами, торговцы опиумом, оборотни и прочее — моя забота. Вот если демоны заявятся в открытую, тогда да, Рунаан вмешается. А до тех пор гармония в Аньшу на мне.

— Получается, — чародейка крутила в руках чашку с горячим чаем, наслаждаясь теплом. — Этот Ходон заключил союз с демонами, чтобы те помогли ему стать посредником?

— Да, это доставило мне немало хлопот. Особенно отмывание Храма Рунаана от опшётков демона... Ходон молод, силён и очень честолюбив. Везде стремится стать лучшим. Его отец — мастер школы Алой Хризантемы. Хотя долгое время об этом никто не знал — они скрывали родство. Ходон рванул вперёд так же, как и ты. Все победы с значительным перевесом в силе и мастерстве. Он не только силён, но и способен на подлость, готов на всё, чтобы стать лучшим бойцом. Как и все чемпионы Аньшу — остановился в голове Рунаана. Завтра ваш бой, так что будь настороже. А я отогрелась и пойду следить за гостиницей.

Лан Роу допила чай, поставила чашку, улыбнулась и вышла на палубу. Аньшу молча размышляла об услышанном. Люди поражали её всё больше и больше.

— Аньшу, у тебя такое странное выражение лица, — Пэн обеспокоенно смотрел на неё.

— Просто это странно... Сговориться с демонами ради победы в соревновании. Разве это цель? Неужели для кого-то это может быть настолько важно?! Я не понимаю людей... Уже пятый месяц я путешествую, столько повидала, узнала столько людей, но всё равно не понимаю так много...

— Да что там понимать?! — Эйша махнула рукой и принялась отмывать посуду. — Нами движут всего три цели — любовь, деньги и месть. Всё остальное — лишь этап на пути к достижению этих трёх.

— Лан Роу сказала, что на своём посту получает не так уж и много...

— Получается, этот Ходон Непобедимый стремится либо к любви, либо хочет кому-то отомстить? — Пэн подтянул к себе пирожное и стащил с него кусочек персика.

— Теперь всё стало только запутаннее... — Аньшу грустно выдохнула.

Лучи Солнца ярко искрили на поверхности луж. Лазурная гавань снова гудела множеством голосов. Вынужденные бездействовать вчера из-за непогоды, музыканты и артисты явно решили наверстать упущенное и, со всей непосредственностью людей творческих профессий, громко и помпезно выступали на каждом подходящем и не очень клочке земли. Для тех, чей слух хоть немного чувствительнее человеческого, улицы превратились в жуткую какофонию звуков. Аньшурриэль же к звукам была намного чувствительнее...

Она нервно дернула кончиком уха — у музыканта, игравшем на причудливом инструменте, напоминавшем скрипку, лопнула струна. На соседней улице артисты показывали какую-то драму и, судя по воплям, кого-то весьма шумно убивали на сцене. Всё это дополнялось равномерным гомоном толпы и криками торговцев, зазывающих посмотреть на их товар. Идея Эйши пройтись по рынку и что-нибудь купить уже не казалась такой интересной. До боёв оставалось ещё пара часов и можно было побродить по улочкам, пробуя местную кухню и любуясь результатами труда аньшуйских ремесленников.

Впрочем, одним любованием дело не ограничивалось. Анью очень скоро поняла, что старпом потащила её на рынок ради возможности скупить всё, что ей приглянется и не тащить это в руках. Закрадывалось подозрение, что скоро в магическом пространстве закончится место...

— Ты уверена, что тебе нужна эта ваза? — чародейка с сомнением смотрела на вазу, высотой почти с неё. — Ты в ней спать будешь?

— Ты только глянь, какая на ней роспись! — доводы разума на Эйшу не действовали.

— На том чайном наборе похожие цветы, почему ты не хочешь чайный набор?!

— Ваза дороже и такую большую редко встретишь, — пояснила Эйша.

— Не понимаю...

— Всё просто, кэп, — Эйша зашептала ей на ухо, чтобы торговец не услышал. — Аньшуйская посуда, ткани и пряности очень ценятся во всей Акрасии. И здесь их можно купить практически даром. Куплю здесь дешевле и потом продам намного дороже там, куда отправимся дальше. Это грамотное вложение денег. Кстати, а куда мы дальше?

— Я раздумываю над этим, — чародейка старалась, чтобы голос прозвучал как можно увереннее.

Мыслей о том, куда двигаться после того, как закончится вся эта ерунда в Аньшу у неё не было. Энвиса явно почувствовала внутреннее смятение, но сказать ей, похоже, было нечего.

Наверняка странно чувствовать себя одинокой посреди толпы. Наверное странно чувствовать себя одинокой, когда рядом есть товарищи. И уж совсем ненормально чувствовать себя одинокой, когда у тебя в теле живёт ещё одна душа. Но сейчас, стоя среди всех этих людей, Аньюриэль, как никогда прежде, чувствовала себя одинокой. И одиночество это прибывало день за днём, как вода во время прилива. Казалось, что ещё немного и оно утянет её на самое дно. Ещё немного и она захлебнётся, утонет в этих эмоциях, в этой невыносимой тоске. И не с кем было поделиться этим, не было подходящих слов, чтобы объяснить, рассказать о той боли, что пустила в ней корни. Ведь ей говорили, ведь её предупреждали и всё равно она решила, что сможет удержать в ладонях огонь, и обожглась...

Нужно было решать, что ей делать дальше. Как искать Ковчег? Идей не было и она просто бездумно брела в людском потоке, следуя за Эйшей. Так же, практически бездумно, она согласилась на сделку с Фарханом, просто потому, что не знала, где искать, а тут предложили готовое решение проблемы. Предложили сразу нужные записи в обмен на то, что она умеет лучше всего — драку.

Что мне делать дальше?

— Кэп, смотри, это тот парень, — Эйша потянула её за руку, указывая куда-то в сторону складов.

Анью присмотрелась в указанном направлении. Из склада, перекинув через плечо довольно крупный мешок, вышел молодой аньшуец. Оголённый по пояс, на потную кожу налипла пыль, нельзя было сказать, что он отличается могучим телосложением, но, тем не менее, рельеф мускулатуры был заметным даже с расстояния.

— Это тот мужчина, который вчера огрызнулся на Лан Роу в подворотне.

— Ага. Ты только глянь, какие мышцы... — Эйша мечтательно провожала мужчину взглядом.

— Он же участник турнира. Почему он тут таскает мешки? И тогда во время дождя он

просто сидел в подворотне...

— Кэп, тебе больше не о чем думать? — старпом перевела на неё взгляд. — Взрослый мальчик — сам разберётся со своей жизнью. Пошли дальше, я ещё тканей прикупить хотела. Аньшуйский шелк ненамного уступает бернийскому, а стоит в разы дешевле.

— Иди. Я догоню, — Анью развернулась, следуя за мужчиной.

— Ну как знаешь, — проворчала старпом, отправляясь дальше по торговым рядам.

Знакомый Лан Роу отнёс мешок в небольшой ресторанчик и снова отправился на склад. Перенёс ещё пару мешков и ящиков. Получил деньги за свою работу и отправился дальше, бродя между складов в поисках работы.

— *Объясни, зачем мы следим за ним?* — не выдержала Энвиса.

— За исключением Вонтона, чемпионы Аньшу занимаются тем, что день и ночь оттачивают навыки. Этот человек ищет где бы заработать.

— *Ну и что в этом такого?!*

— Деньги, любовь и месть. Эйша сказала, что эти три цели — основополагающие для людских поступков. Знакомый Лан Роу явно нуждается в деньгах, а значит мог связаться с демонами.

Мужчина тем временем слонялся от склада к складу, пытаясь договориться о работе. Где-то просто молча качали головой, где-то его прогоняли криками. Склады закончились и он двинулся в сторону порта, высматривая, где грузят товар на корабли, но и там успехов не добился. До начала боёв оставалось меньше часа и все постепенно заканчивали работу, чтобы успеть занять места. Мужчина свернул в какой-то проулок. Анью выждала с минуту и свернула следом. В переулке никого не было и, как оказалось, он заканчивался тупиком.

— *Он тебя заметил,* — подвела итог даро.

Анью прошла в глубь переулка, приюхиваясь и пытаясь понять, куда сбежал человек. Пахло сыростью, плесенью и какой-то тухлятиной. Всё это заглушало запах пота. Позади неё кто-то едва слышно спрыгнул на землю.

— Что тебе от меня нужно? — он явно не был рад новой встрече.

— Слежу за тобой, — Анью повернулась, всматриваясь в черты лица мужчины.

Наверное, его можно было бы назвать красивым. Правильные, но слегка грубые, черты лица, по-женски пухлые губы, высокий рост, чёрные, как у всех аньшуйцев, волосы. Но внешнюю привлекательность портили растрепанные и немытые волосы, презрительный изгиб губ и холодные, практически безжизненные глаза. Такой взгляд Аньюриэль видела лишь у тех, кто потерял всё...

— И ты думаешь я тебе поверю?! Ты... — он на мгновение замолчал, словно заготовленная фраза вылетела прежде, чем осознал услышанное. — И даже не отпираешься, что следила за мной?

— И не собиралась, — чародейка пожала плечами.

— Зачем?

— Интересно, не занимаешься ли ты чем-то нехорошим, — при этих словах мужчина заметно напрягся. — Ходят слухи, что кто-то из участников турнира водит дружбу с демонами...

При ближайшем рассмотрении оказалось, что одежда мужчины вся изношена и многократно заштопана. Там, где ткань уже изрядно истрепалась, красовались разномастные заплатки. На поясе висели ножны. Не смотря на то, что рукоятка клинка выдавала работу мастера, ножны выглядели дешевыми и не менее поношенными, чем одежда. Человек перед

нею не просто нуждался в деньгах, он всем своим видом показывал, что на дне нищеты.

— Не твоё дело, чем я занимаюсь. И Лан Роу передай, что если не перестанет лезть в мои дела... — он не договорил, разворачиваясь и уходя.

— Любопытно... — она принялась шарить в сумке в поисках кошелька.

— *Зачем ты ищешь деньги?* — Энвиса, уловив частичку её внутреннего порыва, напряглась.

— Ему же нужны деньги...

— *Не вздумай! Он не просит милостыню, а ищет работу. Не унижай его. Мужчины держатся за свою гордость больше, чем за некоторые другие достоинства. К тому же, для них унижительно получать помощь от женщин, даже если эта женщина сильнее их.*

— Вообще-то, я его нанять хотела. Эйша скупает целую кучу всего — пусть он таскает это барахло на корабль. Как бы там ни было, думаю, стоит поговорить с Лан Роу, — Анью вышла на оживлённую улицу. — Она, скорей всего, придёт посмотреть на бой, так что поговорю с ней после победы.

— *Мне нравится твой настрой. А ты не думала тоже начать ставить деньги на саму себя?*

Анью проигнорировала вопрос, не понимая, как даро умудрилась поддаться этой волне азарта, захлестнувшей всю Лазурную гавань. Её бой был первым сегодня. Стоило поторопиться, она и так потратила немало времени, следя за этим грубым мужчиной.

Чем ближе к арене она подходила, тем плотнее становилась толпа. Люди махали ей руками, показывали на неё пальцами и активно обсуждали шансы на победу. Некоторые порывались подойти и что-то сказать, но, натолкнувшись на суровый взгляд колдуньи, решали, что не так уж им это нужно.

— *А потом говорят, что у силлинов непомерное самомнение...*

— Папочка! Папочка, смотри, это она! — какая-то девочка, сидящая на плечах отца, махала ей нефритовой фигуркой чародейки-силлина с длинным посохом.

Анью растерянно смотрела на игрушку в детской руке, не зная, как реагировать на подобное.

— Это как понимать...

— *Надо же, какое сходство для человеческой поделки. Надо бы узнать, где её сделали, и заказать десяток,* — Энвиса, судя по интонации и эмоциональному фону, потешалась над её растерянностью. — *Помаши девочке в ответ, ну что тебе стоит.*

Анью помахала рукой, вызвав бурю счастья у своей маленькой поклонницы. По крайней мере эта малышка искренне ей радовалась, а не потому что поставила деньги на её победу. Хотя колдунья и не понимала, как можно тащить ребёнка на кровавые развлечения. У людей, с её точки зрения, были странные понятия о воспитании.

Стражники, охраняющие вход для бойцов, вежливо ей кивнули. Потребовалось пара секунд, чтобы глаза перестроились к полумраку коридора. Суетливо бегали работники, завершая приготовления к боям. Мимо прошла Рёла. Можно было предположить, что девушку снова кто-то отверг — выглядела та растроенной. Приставать с расспросами Анью не стала.

— Вот ты где! Где тебя демоны носили?! — Лан Роу подхватила её под руку, уводя по коридору. — Эйша и Пэн уже заняли свои места. Я хотела тебя предупредить...

— Я встретила твоего знакомого, — перебила Анью. — Он искал работу.

— Лао Кан? — воительница на мгновение замерла. — Сейчас не о нём. Ходон ошивался

возле «Гордости Лютерии», приставал к Эйше с вопросами о тебе и твоей магии, так что будь осторожна и не дай ему себя ударить.

— Я ведь уже говорила, что не собираюсь проигрывать, — она отмахнулась.

— Дело не в ставках, — Лан Роу остановилась, разворачивая её и кладя руки на плечи. Взгляд воительницы был предельно серьёзным. — Ходон если и уступает мне в мастерстве, то не на много. Он тоже может закрыть тебе чакру. Он спрашивал о твоей магии для того, чтобы наверняка знать куда бить. Если попадёт своей ки тебе по магическому источнику, то ты останешься без магии. Снова.

— Я поняла, — она кивнула. — Спасибо.

— Ходон — мастер в управлении ки. Если не сможешь уклониться — направь свою ки в место удара, чтобы заблокировать атаку, иначе он тебя переломает. И, думаю, он запасся амулетами, защищающими от магии. Правилами они не запрещены, так что не рассчитывай на лёгкую победу. На арену можно проносить всё, что можешь принести сама, так что будь готова ко всему. Ходон стремится победить и ни перед чем не остановится, он — лучший боец Алой Хризантемы. На испытаниях посредников он подговорил товарищей, чтобы они «помогли» мне выбыть из испытания. А потом волочился за суккубой, пуская слюни.

— Что-то подсказывает, что это не сильно помогло ему выиграть, — чародейка улыбнулась. — Да и вряд ли у него в кармане завалилась толпа громил, которых можно достать во время боя.

— Ты хоть к чемунибудь относишься серьёзно? — устало вздохнула Лан Роу. — Все слабые претенденты уже выбыли. Легко побеждать не получится.

— Лёгкие победы мне не интересны. Буду аккуратна — не хочется опять остаться без магии.

— Я рада, что ты начинаешь серьёзно относиться к турниру. Удачи, — воительница кивнула и свернула в боковой коридор, оставляя её одну.

Анью молча смотрела ей вслед. Говорить о том, что она просто не может серьёзно относиться к боям, которые сами по себе несерьёзные, она не стала. Другие участники сражались за славу и почёт, за уважение, за деньги и известность, но ей ничего из этого не было нужно. Это была своеобразная плата за ту информацию, которую ей пообещали. Проигрыш был опасен лишь тем, что она просто потеряет время. Время было ценным, единственным, что сейчас имело для неё ценность.

В тишине Аньюриэль проследовала к дверям, ведущим на арену. Её встречал всё тот же стражник, что караулил прежде. Мужчина приветливо ей улыбнулся и Анью кивнула в ответ.

— Давай, размажь там этого напыщенного засранца! — напутствовал он ей вслед.

Над трибунами прокатился голос Рёлы, приветствующей собравшихся и объявляющей имена претендентов, которым сейчас предстоит сразиться. Аньюриэль дождалась, пока объявят её выход и шагнула на свет. Зрители кричали и хлопали в ладоши. Кто-то в толпе горланил признание в любви. Чародейка раздраженно дёрнула ухом. Когда в первые дни турнира её приветствовали настороженным молчанием, было в разы приятнее.

Анью размеренно спускалась по ступенькам. Привычно нашла взглядом Эйшу, Пэна и Лан Роу. Старпом, поймав взгляд, помахала рукой с зажатыми в ней билетиками — напоминала про ставки.

— *Помни, что здесь есть как минимум один человек, который бескорыстно верит в тебя. Думай о той малышке, — подбодрила её Энвиса. — Да и разве тебе самой не интересно, как далеко ты сможешь зайти в этом турнире? Подумай, ты выступаешь как*

рыцарь Лютерии. Твоя победа или поражение скажется в том числе и на Силлиане.

Не то чтобы победа в турнире сильно заботила Аньюриэль, но здоровое зерно в рассуждениях даро было. Силлиан уж точно не стал бы ставить деньги на её бои и искренне переживал бы за неё. Вполне возможно, он и сам бы принял участие... Её победа наверняка порадует Силлиана, хотя, узнает он об этом нескоро, но она ведь обещала писать письма и вполне можно отправить пару сувениров.

— Ставки всё выше! Встречайте лучшего бойца Алой Хризантемы — Ходон Непобедимый! — прокричала Рёла, заметно скривившись.

Трибуны взорвались новой волной криков, хотя местами слышалось и улюлюканье. Ходон, с совершенно юношеской стремительностью, сбежал по ступеням на арену и махал зрителям руками. Наличие недоброжелателей его не сильно заботило. Анью остановилась у края арены, ожидая, когда ударят в гонг, и рассматривая соперника. Ходон был молод. Вероятно, ему лишь немного перевалило за второй десяток лет. Он ослепительно улыбался, подмигивая симпатичным девушкам, однако Рёлу улыбкой не удостоил. Одежда на нём выглядела дорого, металлический пояс и пряжка ремня отличались замысловатым орнаментом и были украшены самоцветами. Волосы Ходон носил, собирая в высокий хвост, как делали многие аньшуйцы, вот только не каждый мог похвастаться заколкой с драгоценными камнями. Помимо самоуверенности назваться непобедимым, мужчине явно не чужда были гордыня.

— Да начнётся бой! — провозгласила Рёла. — И пусть победит сильнейший!

Распорядительница ударила в гонг. Металлический звук прокатился над ареной. Зрители затихли, выжидая. Ходон наконец-то изволил к ней повернуться и высокомерно смерил её взглядом. Что уж поделать, он был выше её по меньшей мере на голову, а вероятно, больше. Впрочем, рост не обязательно преимущество, иногда это помеха в битве.

— Я ждал этого поединка, — мужчина зашагал по окружности арены, пристально наблюдая за ней.

— Да неужели? — Аньюриэль тоже неторопливо двинулась по кругу, следя за его движениями.

Всё обаяние и веселье, которые мужчина источал трибунам, вмиг исчезли. Сейчас он внимательно и неторопливо изучал её взглядом, словно хищник, размышляющий как лучше напасть на дичь. Аньюриэль выровняла дыхание, медленно вдыхая и выдыхая, успокаивая сердцебиение и энергию внутри себя, как учил Таллеан. Лан Роу сказала, что этот человек силён, значит ошибку ей не простят, а победить, внезапно, стало очень важно. Пусть она назвалась рыцарем Лютерии для того, чтобы новости, которые вполне могут долететь до Рохэнделя, не связали с ней, но её победа или поражение влияли на репутацию друга. Стало быть, поражение отныне для неё недопустимая роскошь.

— Сначала я думал, что ты просто магичка-выскочка, каких полно, но твой бой с кумихо оказался весьма занятным. В тебе есть зачатки бойца, но не хватает опытного учителя.

Анью фыркнула, весело улыбаясь. Было интересно, что бы ответил на такой выпад Таллеан. Скорей всего, Ходон ещё долго бы ползал по арене, собирая собственные зубы.

— Что скажешь насчёт соревнования исключительно в мастерстве, без магии? — не дождавшись какой-либо реакции предложил мужчина.

— *Не соглашайся*, — встряла даро. — *Магия — твоё перед ним преимущество.*

— И почему я должна принять твоё предложение? — она улыбнулась. — Разве в этом

есть смысл?

— Значит ты признаёшь, что в боевом искусстве уступаешь мне? — Ходон остановился.

— А ты признаёшь, что уступаешь мне потому, что я маг? — она тоже замерла на месте.

— Толку от этих навыков, если я сожгу тебя ещё до того, как ты сможешь прикоснуться ко мне?

— Для тебя наши боевые искусства — ничто. Для нас это — Путь! — выкрикнул Ходон, рассерженно смотря ей в глаза. — Я покажу тебе, что твоя магия — лишь пустое сотрясение воздуха.

Ходон рванул ей навстречу, собираясь ударить.

— *Не подпускай его...* — попыталась вмешаться с советом Энвиса.

Анью отскочила в сторону, уходя от удара и запихнула даро поглубже в подсознание, не желая выслушивать непрошенные советы и комментарии. Бой становился тем интереснее, чем сильнее противник был перед ней. Ходон был интересным. Он явно не нуждался в деньгах, у него не было причин ей мстить, и раз Рёла пыталась завязать с ним отношения, то можно было предположить, что возлюбленной у мужчины не было. Что им двигало? Для чего сражался он?

Ходон круто развернулся, размашисто ударяя ногой. Аньюриэль откинулась назад, прогибаясь в спине, касаясь ладонью прохладных камней арены и тут же распрямилась, попытавшись контратаковать. Соперник уклонился. Она чувствовала напряжение, исходящее от мужчины рядом, чувствовала огромную концентрацию энергии в его теле. Он не был магом крови, но умело управлял ки, как называли эту силу аньшуйцы.

Мужчина ударил, целясь ей в грудь. Анью блокировала удар, собирая свою энергию в руках, противопоставляя её энергии соперника. Два потока энергии встретились с лёгким хлопком. Она телепортировалась за спину сопернику, собирая энергию в кулак и атакуя. Ходон резко обернулся, ловя её кулак ладонью. Снова раздался хлопок, словно лопнул какой-то невидимый пузырь.

Она не уследила за второй рукой и получила сильный удар в живот. На мгновение стало невозможно вдохнуть и в глазах потемнело. Анью использовала запасной заряд телепортации, чтобы избежать следующего удара и дать себе секунду на то, чтобы оправиться от удара. Наверняка она могла бы использовать магию и победить противника, не подпуская его к себе, но в этом не было никакого интереса. Азарт битвы с сильным, способным соперником захлестнул её с головой.

Ходон одним рывком сократил расстояние между ними. Аньюриэль попыталась атаковать первой, но он пригнулся, уходя от удара. Колдунья заблокировала удар предплечьем — соперник снова целился ей в грудь. Магия в ней была преимуществом и он определенно пытался заблокировать её источник, вот только давать противнику такую возможность она не собиралась. Ходон не сдавался, пытаясь пробиться сквозь её защиту. Анью блокировала удары и уклонялась. В напряженной тишине арены хлопки энергии были похожи на редкие аплодисменты.

Соперник резко отскочил назад, а затем так же быстро подпрыгнул, разворачиваясь вокруг собственной оси. Анью уклонилась от удара ногой, но удар кулаком в рёбра откинул её в сторону. Энвиса волной негодования билась в сознание, но слушать нравоучения не было никакого желания. Времени на жалость к себе тоже не было — Ходон снова атаковал. Анью уклонилась, ударяя его по руке снизу. Хлопок получился громче, чем предыдущие. Она не стала давать противнику время на отдых, откидывая его ногой от себя. Ходон несколько

раз перевернулся, но успел затормозить падение практически у самого края арены.

— Тварь! — прокричал он, вытирая потекшую из разбитой губы кровь.

Анью глубоко вдохнула и выдохнула в ответ противнику струю пламени. Лунные девы спешно подняли над ними магический купол, защищая зрителей. Ходон отпрыгнул в сторону.

— Это всего лишь соревнование, — холодно отметила Аньюриэль. — Не стоит переходить на личности.

— Значит огонь, — мужчина улыбнулся.

— У тебя ведь артефакт под одеждой. Я чувствую магический фон от него, — она улыбнулась в ответ.

— Маленькая предосторожность, — Ходон провёл рукой по одежде в том месте, откуда она чувствовала магию. — Знал, что ты не станешь играть на равных.

— Не стоило мне хамить, — она пожала плечами.

— Надо же, какое самомнение.

— Ничуть не более, чем у тебя. Долго тебе ещё отдыхать надо, а то я уже заждалась.

Он молча бросился в атаку. Анью собрала энергию в руках. Это больше напоминало какой-то жестокий танец, нежели битву. Удары, контратаки, уклонения, всё смешалось в странную последовательность, отбиваемую звонкими хлопками. Мир за пределами арены перестал существовать. Звуки, запахи, люди — всё смешалось и потеряло значимость. Остался лишь этот ритм ударов, поглотивший всё её внимание.

Ходон ударом в грудь откинул её, Анью успела лишь слегка отвести его руку — энергия не задела источник магии. Её проволокло по камням. Ходон подскочил в воздух, словно собирався взлететь, и перекувыркнулся в прыжке. Чародейка успела лишь почувствовать, как изменился поток энергии и откатилась в сторону. Нога соперника практически по колено вошла в камни. Она телепортировалась в сторону, удивленно наблюдая, как Ходон с абсолютным спокойствием достаёт ногу из дыры. Такой удар должен был сломать кости, но конечность была целая.

Так вот, на что он способен...

Такой удар не для показательно-развлекательных боёв. Таким ударом пробивают доспехи рыцарей или чешую дракона. Таким ударом убивают. Ходон действительно был готов на всё ради победы, даже если это оставит в ней дыру...

Как он это сделал?

Это был какой-то другой уровень управления энергией. Ходон в момент удара изменил свою ки, что позволило ему неимоверно усилить атаку. Но что именно он сделал, чародейка не понимала.

Аньюриэль сорвалась с места, готовая продолжать бой и полностью сосредоточившись на потоках энергии вокруг них. Ей нужно было понять, что произошло. Её нужно было уметь так же. Ей нужно было стать сильнее. Прямо сейчас.

Ходон попытался опередить её, размашисто ударяя ногой. Анью подпрыгнула, уходя от удара, перекувыркнулась в воздухе, как это совсем недавно делал он и ударила соперника ногой по голове. Хлопок прозвучал неожиданно громко. Ходон покачнулся, но устоял. Несколько капель крови упали на камни. Мужчина рывком распрямился, рукавом вытирая потекшую носом кровь и тут же ударил в ответ. Энергия в его руке снова изменилась. Аньюриэль телепортировалась в сторону, уходя от удара.

Их взгляды встретились. Ходон смотрел на неё с совершенно нечеловеческой яростью,

будто один факт того, что она его ударила, стал чем-то невероятным. Он бросился в атаку. Анью на мгновение приоткрыла кровавый дар, улавливая изменения в потоках энергии соперника. Ходон не просто собирал энергию в руке, он выпускал её сквозь кожу, формируя что-то наподобие острия вокруг ладони. Колдунья метнулась навстречу сопернику, пытаясь повторить то же, что делал он.

Аньюриэль слегка наклонилась. Рука Ходона мелькнула в опасной близости от лица, кожу на щеке и ухо обожгло волной боли. Её рука застряла в чём-то приятно-теплом и влажном. Потребовалась секунда, чтобы она поняла, что пробила противнику плечо насквозь, но при этом не почувствовала никакого сопротивления плоти и кости. Ходон закричал от боли. Анью отшатнулась, выдергивая руку из его тела. Раздался мерзкий чавкающий звук. Кровавое пятно быстро растекалось по белой одежде мужчины. Он упал на колени, стараясь зажать рану здоровой рукой. Анью отступила на пару шагов назад, потрясенно смотря на результат своих действий. Кровь на её руке медленно остывала. Люди вокруг них перешептывались.

— Бой окончен! — прокричала Рёла. — Ходон больше не может сражаться. Победитель — Аньюриэль — рыцарь Лютерии.

— Я не хотела.

Аньюриэль до красноты терла мочалкой кожу на руке. Принюхалась — казалось, что запах крови въелся в неё — и снова принялась тереть с ещё большим остервенением.

— Прекрати, — Лан Роу перехватила её руку. — Ты так мясо с кости себе обдерёшь. Чего так распереживалась?

— Я могла его убить!

— Не велика потеря, — равнодушно ответила воительница.

— И давно тебя заботят вопросы морали? — удивилась Эйша.

— Ты всегда так ловко расправлялась с врагами, — заметил Пэн.

Старпом сидела за столом, раскладывая монеты по кучкам — свою, Лан Роу и Пэна. Окружающих не сильно волновал тот факт, что она голой рукой пробила человека насквозь, они скорее приятно удивились. Масло в костёр её самобичевания подлила Эвиса — даро ментально закрылась, демонстративно с ней не разговаривая.

— Я не убиваю невиновных! — возмутилась Аньюриэль. — Это же просто представление, а не война.

Эйша и Лан Роу переглянулись между собой с такими выражениями на лицах, будто считали её по меньшей мере сумасшедшей. Аньюриэль плеснула на лицо водой — не помогло. Её всё ещё мелко потряхивало. Находиться в тесноте камбуса было невыносимо. Под растерянные взгляды товарищей она прошла к лестницу, выходя на палубу. Легче не становилось. К дрожи добавилась тошнота.

Аньюриэль знала, что целила ниже. Она понимала, что руку отвела магия. Она понимала, что удар должен был попасть в сердце. Она едва не убила того, кто ни в чём не виноват... Чувство было новое и неприятное. Всё это время Анью сражалась с разбойниками, бандитами и демонами, с теми, кто был врагами, с теми, кто был угрозой для её близких. Ходон, может и был заносчивым и самовлюбленным, но врагом не был. Именно по этой причине что-то бессознательное внутри неё в последний момент отвело удар.

Она сбежала по сходням, уходя подальше от корабля. Хотелось убежать куда-нибудь, но бежать было некуда. Вернее, перед ней был весь Аньшу, но... Она бездумно бродила по городу. Призывно светились огнями чайные, наполняя улицы ароматами выпечки. Суетились торговцы, складывая товары на ночь — рынок закрывался. Людей на улицах становилось всё меньше, а Анью всё бродила, не зная, куда себя девать. Брусчатка под ногами сменилась гравием. В воздухе витал запах яблок и прелой листвы. Яблоки напоминали ей о Силлиане. Стало ещё тоскливее.

— Гляньте, это же та неопытная эльфиечка!

Звонкий девичий голос выдернул её из раздумий. Анью вздрогнула, оборачиваясь. Возле пруда стояло несколько лунных дев во главе с Харико. Бежать было уже поздно — её заметили...

— Нет, это никуда не годится! Девушку боевые раны не красят, — разглагольствовала Харико, волоча её за собой по коридору.

Анью вяло упиралась, понимая, что от неё не отстанут. Да и численный перевес был на стороне жриц. Её затащили в лазарет, с рук на руки передавая Фэй Амун. Та бегло осмотрела ссадину на щеке, поцокала языком, глядя на рассечённое ухо и быстро всё залечила. Даже царапины на руках, оставшиеся после боя с Бэнбрюсом.

— Благодарю, — тихо сказала Анью, неуверенно переминаясь с ноги на ногу и не зная, стоит ли спрашивать то, что её беспокоит.

— Ну говори давай, — махнула рукой женщина. — Вижу, что тебя распирает.

— Ходон. Он...

— Что, приглянулся тебе этот мальчишка? — усмехнулась Фэй.

— Нет. Совестно...

— По коридору направо, последняя дверь. Дыру я залечила, так что жить будет, не переживай, а вот крови потерял изрядно, так что сейчас отсыпается.

— Спасибо, — она кивнула, выходя из лазарета.

Дверь за её спиной закрылась. Она медлила, не зная, куда идти дальше. Фэй Амун сказала, что исцелила Ходона, значит можно не волноваться. Её ошибку исправили. Вот только всё равно было как-то беспокойно. Чародейка медленно шла по коридору. В конце концов, если Ходон сейчас спит, то и не узнает, что она заглядывала. Последняя дверь в крыле была слегка приоткрыта, но, даже будь она закрыта, это бы не помешало ей услышать то, о чём говорили.

Она не была знакома с тем, кто говорил, но понимала — этот человек жесток и не уступчив. Бросаться такими выражениями мог только тот, кто совершенно не ведал жалости и сострадания и не признавал в других права на ошибку. Даже ей хотелось провалиться сквозь пол, что уж говорить о том, кого сейчас распекали на чём свет стоит. Хотелось вот прямо сейчас прекратить понимать общий язык, чтобы не слышать всех этих жестоких слов, которые могли убить ничуть не хуже, чем остро заточенный клинок. Минуя плоть, эти слова, каждое из которых было подобно отравленной стреле, проникали в сердце. Нужно было бежать, но ноги словно вросли в пол.

— Отец, послушай... — в повисшей на пару мгновений тишине голос Ходона прозвучал как-то глухо и жалко.

— Ты не имеешь права меня так называть. Я — твой мастер и не более того, — жестоко отчеканил мужчина.

Аньюриэль хотелось сбежать как можно дальше, но не было сил пошевелиться. Её

решение участвовать в турнире привело к этому. Её победа, которая ей самой совершенно не нужна, разрушила чужую жизнь. Звук шагов приближался. Чёткий, уверенный, так шагают солдаты на параде. Дверь резко распахнулась, ударив её по плечу. Чародейка неуверенно отступила на пару шагов. Высокий мужчина окинул её презрительным взглядом. О его холодной жестокости и высокомерии говорило все: поджатые губы, глубокая морщина между бровей, но хуже всего был взгляд — внимательный, холодный и в то же время прожигающий насквозь. Не удостоив её и словом, мужчина прошел мимо. Звук шагов удалялся, а она всё так же стояла возле приоткрытой двери, пытаясь понять, отчего так горько внутри.

— Долго будешь там стоять? Либо заходи, либо уходи... — проговорил Ходон.

Анью несколько мгновений стояла на одном месте, решая, какой вариант, из предложенных, выбрать. Уйти было проще, но, по какой-то неясной причине, она всё же шагнула в комнату. На небольшом прикроватном столике стояла одинокая свеча, помещённая в светильник из тонкой белой бумаги. Огонёк едва заметно трепетал в своём хрупком убежище. Ходон полулежал на кровати, откинувшись на подушки. Выглядел он вполне здоровым, не считая неестественной бледности и синеватых губ.

— Наверное, мне надо было что-то принести. У вас так принято... — она неуверенно топталась возле двери.

— Переживу, — устало отмахнулся Ходон.

Повисла уютная тишина, лишь тихо трещала свеча.

— Мне жаль...

Пожалуй, это прозвучало в высшей степени глупо. Ну что это изменит? Кому легче от её жалости? Кому вообще нужна её жалость? Явно не этому человеку.

— Он всегда такой, — Ходон смотрел на стену, прямо перед собой, словно и не с ней разговаривал. — Не припомню, чтобы хоть раз услышал от него доброе слово.

— Почему? — она спросила и тут же поняла, что, наверное, не стоит ей приставать с вопросами о личном.

— Кто его знает? Мастер Зодо всегда был таким, сколько я его помню. Только поступки и достижения имели для него смысл. Он всегда говорит: «Гордиться можно только тем, чего добился сам». Он с моей матерью не супруги. У него вообще нет супруги. Я пошел в Алук Хризантему, надеясь, что мы станем семьёй, но он заставлял меня скрывать наше родство, пока я не стал первым учеником. Я для него сплошное разочарование.

— Ему следует гордиться тобой, Ходон, ты очень сильный воин.

— Этого недостаточно. Всегда недостаточно, — мужчина грустно улыбнулся. — Знаешь, я был претендентом на роль посредника между Аньшу и Рунааном. Мне так важно было победить, чтобы отец признал меня... Я тогда дел наворотил и он узнал. Я месяц мыл котлы на кухне и нужники, но это ерунда. Хуже всего было то, как он на меня посмотрел, когда узнал. Я себя тогда грязью под ногами почувствовал...

Анью не знала, что может сказать, как поддержать. Теперь она понимала, почему Ходон так стремился победить на турнире и понимала, что не может исправить то, что уже сделано.

— Ты победила честно, так что не вини себя, — Ходон уверенно посмотрел ей в глаза.

— Не всё ещё потеряно, — слова казались лишь жалкой попыткой что-то изменить. — Ты жив и скоро поправишься. И твой отец жив. Всё ещё может наладиться.

— Ты его не знаешь. Я ошибся. Дважды. Он со мной и не заговорит. Какой смысл

пытаться? Уже поздно что-либо делать.

— Я не знаю, — она покачала. — Мой отец давно умер. Как и мать. Я уже и не помню толком, какого это... Помню, что папе всегда было некогда, он постоянно что-то мастерил в своём кабинете, куда меня не пускали. Я видела его лишь раз в день, когда он выходил пообедать с нами и даже тогда он был поглощён своей работой. Он отвлекался лишь на маму — она была его светом... Тогда казалось, что времени впереди ещё много, что всё успеется, а потом их не стало. Твой отец жив. Поздно — это когда погребальный костёр пожирает тело. Вот тогда поздно. Тогда уже ничего не исправить.

Ходон растерянно смотрел на неё. Анью и сама недоумевала, откуда в ней взялась эта откровенность перед совершенно чужим человеком.

— А что ты будешь делать, если отец никогда не признает тебя? — она смотрела на его растерянное выражение лица. — То, что ты, по каким-то причинам, недостаточно хорош для него, ещё не значит, что ты ничего из себя не представляешь. Ты — сильный воин. Сильнее многих людей, с которыми мне доводилось сражаться. Ты уже многого добился. Будь собой, а не тенью своего отца.

— Пожалуй, ты права. Быть собой — это всё, что мне сейчас остаётся.

Он улыбнулся и Аньюриэль, к своему собственному изумлению, отметила, что в глазах мужчины появилась искра интереса к жизни.

Глава 6. Одиночка

*Деревья меняют листья,
Змеи меняют кожу.
Приходит циклон и ветер
Меняет свое направление.
Как плавно перетекают
Друг в друга зыбкие формы.
Похоже, ты и не заметил,
Как совершил отречение...*

Flëur — Отречение

Аньюриэль.

— Ты не в своём уме, — покачала головой Лан Роу.

— Я так не думаю, — Аньюриэль упрямо стояла на своём.

— Это глупо. У тебя не получится. Ты же понимаешь, что для старших рас существует божественный запрет на использование ки.

— Я уже делала это. И ты сама видела.

— Я не знаю, что я видела., — Лан Роу упрямылась ничуть не меньше.

Эйша и Пэн молча наблюдали за спором, переводя взгляд то на чародейку, то на воительницу. На палубе шумели рабочие, нанятые для мелкого ремонта «Гордости Лютерии». Буревестник наблюдал за ними, сидя на своём любимом месте — вороньем гнезде. На собственной шкуре осознав, что дух бдит и тут же докладывает капитану, работники не халтурили и старались не делать ничего, что может быть воспринято как воровство. Собственно, вопросы ремонта волновали Аньюриэль сейчас в последнюю очередь.

— В Аньшу огромное количество боевых школ, вы постоянно обучаете друг друга. Я ведь прошу не так много — научи меня, — она с вызовом посмотрела на Лан Роу.

— Ставлю на кэпа, — прошептала Эйша.

— Я тоже, — тихо проговорил Пэн.

— Я всё слышу! — она негодуяще посмотрела на свою немногочисленную команду.

— Да сколько тебе повторять?! — Лан Роу потеряла переносицу. — Ты — силлин. Ты не можешь развить в себе потоки ки. Мы обе впустую потратим время. И ты же маг, зачем тебе это?!

— Чтобы стать сильнее, — не собиралась сдаваться чародейка. — Не потратим. У меня получится.

— Ты упёртая, но это не причина, почему должно получиться. Я вообще не понимаю, как ты смогла пробить Ходона, но это просто случайность.

— Я — на четверть человек. Я могу управлять энергией, — использовала последний аргумент Аньюриэль.

— О! — удивленно протянула Эйша. — А теперь становится интересно...

— Так ты вправду смесок? — удивилась Лан Роу. — А чья ещё кровь?

— Только силлины и люди, — недовольно ответила Анью. — С чего ты взяла, что должна быть чья-то ещё?

— Аюр сказал, что у тебя три разных ки — силлина, человека и ещё чья-то.

— Глупости. Больше никакой быть не может, — Анью покачала головой. — Если это всё, то можем начинать тренировки прямо сейчас.

— Аюр не ошибается...

— Всё когда-то происходит в первый раз, — чародейка пожала плечами.

— Эйша, а в чём проблема? — Пэн непонимающе хлопал глазами, смотря на всех по очереди.

— Ни в чём, — Аньюриэль недовольно посмотрела на Пэна, отчего тот постарался спрятаться за руку Эйши.

— Ладно, я могу кое-что тебе показать, — сдалась Лан Роу. — Но тренироваться будем так, чтобы никто не видел. Не стоит на каждом углу кричать о том, что... Если жрицы Рунаана прознают, то делегации из Берна не позавидуешь...

Лан Роу вела её куда-то через всю Лазурную гавань. Позади остались людные улицы, наполненные шумом и суетой. Воительница выглядела необычно задумчивой. Аньюриэль шла следом. Нарушать молчание не хотелось.

Небольшая протоптанная тропинка петляла между стволами странных деревьев. Высокие, зелёные и тонкие стволы вздымались вверх, словно солдаты по стойке «смирно». Лишь вершины деревьев распускались пышной лиственной. Ветер плавно покачивал гибкие стволы, отчего лес был наполнен приятным звуком, словно мелодия, которую играют на непонятном, неизвестном ей инструменте. Этот звук умиротворял, успокаивал.

В гармонию ветра врезался резкий неприятный звук — так хороший клинок рассекает воздух. Анью остановилась, вслушиваясь. Звук повторился, и его источник был там, куда они шли.

— Что не так? — Лан Роу обернулась, внимательно смотря на неё.

— Там кто-то есть... Кто-то размахивает оружием, но не похоже, что идёт бой.

— Кто-то тренируется... Не думала, что моё место кто-то займёт...

— Твоё место? — Анью перевела взгляд на воительницу.

— Обычно там тренируюсь я. Мне нравится этот бамбуковый лес.

Бамбук значит.

Аньюриэль с любопытством осматривала зелёные заросли. Они неторопливо шли дальше. Дорога пошла под уклоном, между стволов бамбука виднелись небольшое озеро и вытоптанная площадка, на которой тренировался мужчина. Аньюриэль увлечённо наблюдала за его движениями.

Там, где теряется всё лишнее, рождается грация. Мужчина вскинул руку, клинок очертил в воздухе изящную дугу. Шаг вперёд. Клинок снова со свистом рассёк воздух, повторяя движение. Одно и то же, раз за разом, оттачивая мастерство так же кропотливо, как вода точит камни. Мужчина дошел до края поляны и круто развернулся. Меч описал в воздухе восьмерку.

— Лао Кан, — Лан Роу поджала губы и скрестила руки на груди. — Стоило догадаться, что я могу найти тебя здесь.

Он замер, медленно поворачиваясь к ним. На лице мужчины на краткий миг проскользнуло удивление, но потом оно снова стало привычно-равнодушным. Рука с мечом

опустилась. Острие едва касалось земли. Лао Кан молча и настороженно смотрел в ответ. Между ним и Лан Роу повисло такое напряжение, что находиться рядом было некомфортно.

И надо было нам идти именно сюда...

— Даже не поздороваешься? — нарушила тишину Лан Роу.

— Я просил не ходить за мной, — вместо приветствия проворчал Лао Кан.

— Я пришла потренироваться.

— В обед?

— Ты же тренируешься, — она пожала плечами. — И я за тобой не хожу — много чести, не находишь?

— Твоя новая подруга следила за мной в порту, — Лао Кан кивнул на неё.

— Я говорила, — ответила Анью на удивлённый взгляд Лан Роу. — Он подозрительный.

— Это не ваше дело. Я предупредил, мои дела тебя не касаются.

— Это правда? Те слухи правда?

Лао Кан развернулся, не посчитав необходимым отвечать, и ушел в заросли бамбука. Ситуация была неловкой. Было неприятное ощущение, что она влезла в нечто глубоко личное и, пожалуй, интимное. Лан Роу явно злилась на этого мужчину, но причину Аньюриэль не понимала.

— Ладно, — воительница медленно вдохнула и так же медленно выдохнула. — Начнём. Сперва медитация.

Лан Роу прошла к краю берега и села на песок лицом к озеру, скрестив ноги так, что ступни лежали на противоположных бёдрах. Руки она сложила на коленях ладонями вверх. Анью села, повторяя позу. Положение, определённо, нельзя было назвать удобным.

— Очисти сознание. Сосредоточься на движениях энергии в своём теле, — тихо проговорила Лан Роу, закрывая глаза.

Анью тоже закрыла глаза, послушно пытаясь сосредоточиться. Она направила энергию в ладони и задумалась, не зная, что делать дальше. Чародейка приоткрыла один глаз — Лан Роу всё так же сидела на месте, как и минуту назад. Она снова закрыла глаза, нервно дергая кончиками ушей.

Я ожидала большего от тренировок с ней...

Ничего не делать становилось слишком скучно. Умиротворяющий свист ветра в бамбуковых зарослях начинал казаться нудным и монотонным.

— А когда мы начнём тренировку? — не выдержала Аньюриэль.

— Мы уже, — умиротворённо ответила Лан Роу.

Она это серьёзно? Это и есть тренировка?!

Было неприятное ощущение, словно её жестоко обманули. Она осмотрелась по сторонам: озеро и заросли бамбука. По водной глади пробежал водомерка. Больше ничего интересного не происходило. Если на кого-то это место и действовало умиротворяюще, то у неё оно вызывало лишь уныние.

— *Попробуй расслабиться и ни о чём не думать,* — посоветовала Энвиса.

Анью послушно закрыла глаза. Вот только ни о чём не думать было слишком сложно. Какие-то мысли постоянно крутились в голове. Особенно её беспокоил Лао Кан. Мужчина вёл себя слишком подозрительно. Так, словно замешан в чём-то недобром и боится, что его в этом обличат.

Мог ли он заключить сделку с фетраниями?

Лан Роу и Лао Кан, судя по всему, не ладили между собой. Мог ли он желать мести воительнице?

Вряд ли. Скорее причина в деньгах.

Казалось странным, что горстка монет может стать для кого-то достаточной причиной, чтобы переметнуться к врагам, но если принимать во внимание то, как много людей одержимы тем, что делают ставки на победителей... Кроме того, победитель получал не только почёт и славу, но и денежное вознаграждение. Лао Кан нуждался в деньгах, в этом не было никаких сомнений.

— Думаю, этот человек мог заключить союз с демонами.

— Кто? — Лан Роу подняла на неё взгляд.

— Лао Кан. Он мог пойти на сделку из-за денег.

— Нет. Это не он, — воительница покачала головой.

— Ты его уже проверила?

— Он не останавливался ни в одной гостинице. Лао Кан ночует на улице.

— И всё?! Только по этому ты его не подозреваешь? — она удивленно приподняла брови.

— Лао Кан не мог заключить союз с демонами, — сказала, как отрезала Лан Роу. — А теперь возвращайся к медитации.

— Я думала, ты будешь меня обучать, — недовольно проворчала чародейка.

— Я этим и занята. Для начала тебе нужно найти внутреннюю гармонию. Это место идеально подходит для медитаций. Здесь сплетаются воедино ветер, земля и вода.

— А давай сразу к боевым занятиям. Это слишком скучно.

— Тебе нужно успокоиться.

— Я спокойна.

— Ты беспрестанно дёргаешься.

— Потому что мне скучно просто так сидеть и ничего не делать. Я уже умею контролировать потоки энергии в теле. Давай сразу перейдём к нормальным тренировкам.

— Ты постоянно трещишь как костёр, — Лан Роу покачала головой.

— Я и есть огонь!

— Ты можешь быть спокойна. Когда сражалась с кумихо, прежде чем отсечь ей голову, ты была абсолютно спокойна.

— Тогда я действовала как тень, но я не могу находиться в этом состоянии долго. Мой наставник может быть недвижимым и незаметным часами, но я так и не смогла постичь тонкости его ремесла.

— Твой наставник, — перевела тему Лан Роу. — Кто он?

— Шагающий в тенях. Вы называете их...

— Ассасин, — понимающе кивнула Лан Роу. — Чтобы постигнуть гармонию мироздания, ты должна прийти к внутренней гармонии. Иначе не сможешь достигнуть мастерства. Ты должна не только управлять энергией, но и понимать её. Пойми, энергия движется всегда, а не только тогда, когда ты её к этому принуждаешь. Весь мир, всё, что есть вокруг нас, наполнено энергией. Она постоянно в движении, но эти потоки не хаотичны, они подчиняются определённым законам. Те, кто понимают законы мироздания, способны менять мир вокруг себя. А теперь возвращайся к медитации.

Анью послушно закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться. Получалось ненамного лучше, чем в первый раз. Вернее, не получалось совсем. Ноги, непривычные к такому

положению, начали затекать. Она поерзала, но удобнее не стало.

Она просто хочет, чтобы я сдалась и отступила...

— А что за слухи?

— Ты о чём? — устало вздохнула Лан Роу.

— Ты спросила у своего друга про какие-то слухи, но он не ответил. Что это за слухи?

— Кое-кто сказал мне, что Лао Кан продал свою честь воина и убивает за деньги... —

после недолгого молчания ответила Лан Роу.

— И ты думаешь, что он не мог заключить сделку с демоном. Он за деньги убивать готов, — скептически подметила Анью. — Уж не знаю, что вас двоих связывает, но, кажется, ты совсем не знаешь его.

— Ты просто не понимаешь... — воительница покачала головой. — Лао Кан был одним из лучших бойцов школы Белого лотоса. Все считали, что именно его выдвинут на испытания посредников. Стойкий телом и духом, преданный школе. Но однажды его жена тяжело заболела. Врачи ничем не смогли помочь, даже Аюр лишь развёл руками. Никто не мог исцелить её недуг. Тогда Лао Кан услышал о целителе-чудотворце, живущем далеко за морем. Говорили, что он творит чудеса и исцеляет даже тех, кого считали безнадежным.

— Целитель-чудотворец, говоришь... А «далеко за морем», — это в Артемисе? — недоверчиво уточнила Аньюриэль, садясь по-нормальному и чувствуя, как покалывает затекшие ноги.

— Да. Видимо даже до эльфийских земель дошла слава об этом чудотворце, — кивнула Лан Роу. — Лао Кан попросил у мастера занять денег на путешествие — хотел уговорить целителя приехать в Аньшу. Но мастер отказал и посоветовал Лао Кану смириться... Я никогда прежде не видела его настолько злым. Он кричал, что никто не понимает его, что никому нет дела до судьбы Сюрэн... Он отрёкся от учений Лотоса и покинул школу. Он брался за любую работу, нанимался в охрану торговцам и путешественникам, но чаще всего выходил на бой за деньги. Лао Кан — сильный воин... Спустя пару месяцев он отправился в плавание, но вернулся ни с чем... Того целителя уже не было в храме и никто не мог сказать, куда тот отправился. Ему сказали, что тот покинул Артемис, и не присылал никаких вестей.

Было очень неловко от того, что она знала часть этой истории. Знала, о каком чудотворце шла речь, знала почему его больше нет в Артемисе и, более того, была причастна ко всему этому. Она согласилась и позволила Аману отправиться с ней в путешествие, она не смогла его уберечь и, сама того не ведая, она лишила неизвестную ей девушку возможности исцелиться... Даже разминись Лао Кан с Аманом в Артемисе если бы она не допустила той ошибки, то они всё равно бы прибыли в Аньшу. Несомненно, глупый святоша, услышав о несчастной, от которой отказались все врачи, отправился бы спасать девушку.

— Что с ней? Чем больна та девушка? — тихо спросила Анью.

— Никто точно не знает, что происходит, но она медленно деревенеет, — Лан Роу пожалала плечами.

— Она, прости, что?!

— Она превращается в дерево. Не в том смысле, что укореняется в землю и обрастает листвой. Её кожа становится деревянной.

— *Больше похоже на проклятие, чем на болезнь,* — прокомментировала даро.

— Разве это болезнь?! — изумилась Аньюриэль.

— Лао Кан тоже так решил. Он обошел всех колдунов в Аньшу — никто не может помочь. Они не понимают, что происходит с Сюрэн. Все думали, что Лао Кан смирится с

неизбежным, но он продолжает поиски. Слышала, что он хочет отправиться в Берн. Якобы там есть сильный маг, разбирающийся в проклятиях. Так Лао Кан и живёт, отчаянно пытаюсь спасти свою возлюбленную.

— А если демоны предложат ему исцелить ту девушку?

— Он, конечно, отчаявшийся человек, но Лао Кан не предаст... — Лан Роу на мгновение задумалась. — Не предаст никогда. Даже если демоны и придут к нему, то ему хватит стойкости отказаться от сделки.

— А на что пойдёшь ты, чтобы спасти того, кого любишь? — Анью внимательно смотрела на воительницу. — Думаю, мне стоит поговорить с ним.

Анью поднялась на ноги. Упрямая вера Лан Роу в невиновность мужчины начинала раздражать. Из всех, кого она встречала прежде — этот человек больше всех остальных был похож на того, кто мог бы сговориться с демонами.

— Не надо! — Лан Роу подскочила, намереваясь ей помешать.

Аньюриэль сорвалась с места, забегая в заросли. Лао Кан ушел несколько минут назад и вряд ли успел уйти далеко. Лан Роу старалась поспеть за ней, но проще было поймать ветер.

Лао Кан, действительно, нашелся практически сразу. Анью попыталась схватить его за руку, но мужчина вывернулся, отскакивая в сторону и кладя ладонь на рукоять клинка. Опустошенность во взгляде сменилась гневом, но для того, чтобы её напугать, нужно было что-то в разы существеннее.

— Ты заключил сделку с демонами? — прямо спросила она, не утруждаясь долгими словесными расшаркиваниями.

Лао Кан открывал и закрывал рот, не в силах выдать из себя ни звука. То ли нечего было сказать в своё оправдание, то ли её прямота его шокировала.

— Аньюриэль, ты что творишь?! — Лан Роу схватила её за плечи и весьма ощутимо потрянула.

— То, что ты должна делать, пока я развлекаю толпу на этом дурацком турнире — ищу того, кто связался с фетранийским сбродом. И он, — она ткнула пальцем в Лао Кана. — Самый подозрительный из всех, кто мне тут встречался.

— Лао Кан не снимал номер в «Голове Рунаана», я же тебе уже говорила.

— А кто сказал, что заключить сделку с демоном мог только кто-то один? — всплеснула руками Аньюриэль.

— То, что я стою здесь, не мешает вам меня обсуждать? — раздраженно поинтересовался мужчина.

— Нисколько, — отмахнулась Анью. — Ради того, кого любишь, можно пойти на всё, не так ли? А может ты не прочь и отомстить тем, кто не поддержал тебя в трудное время, что скажешь, Лао Кан?

— Скажу, что ты не в своём уме, эльфийка. До встречи на арене, — он развернулся, уходя прочь.

— Я знаю, что случилось с чудотворцем из Леонхольда.

Лао Кан резко остановился и медленно поворачивался к ним. Лан Роу напряженно замерла, чувствуя как накалилась атмосфера. Пение ветра в бамбуковых зарослях стало каким-то печальным, будто даже природа почувствовала, что сейчас будет.

— *Не надо*, — попыталась вразумить её Энвиса.

— Откуда ты знаешь? — он перевёл полный гнева взгляд на Лан Роу. — И после этого ты смеешь утверждать, что хочешь мне помочь? Да ты треплешься обо мне на каждом углу!

— Я не... — попыталась оправдаться воительница.

— Аман. Ты ведь его искал?

Оба смотрели на неё с выражением глубочайшего потрясения на лицах.

— Амана не было в Леонхольде, потому что он сопровождал меня. Хочешь знать, почему его сейчас нет со мной?

— *Не провоцируй его. Ну зачем тебе ещё один враг?!*

— Почему?

— Потому, что из-за моей ошибки его больше нет в этом мире.

— *Великолепно! Раз не можешь исправить, решила испортить окончательно...*

Энвиса обиженно-демонстративно удалилась в подсознание, оставляя её одну в этом шокированном молчании. Лан Роу, приоткрыв рот, смотрела на неё и просто хлопала ресницами. Лао Кан медленно извлекал клинок из ножен. Анью равнодушно отметила, как дрожат при этом у него руки.

— Верно. Но знаешь, он не мёртв. Есть много того, что хуже смерти. Амана забрали к себе демоны. Прокляли и утащили в Фетранию. Кто знает, что там происходит с несчастным служителем Руфеона...

Мужчина отвел руку немного назад, принимая боевую стойку, но между ними встала Лан Роу.

— Я не позволю. Она под моей ответственностью.

— Ты слышала, что она сказала?! — прокричал ей в лицо Лао Кан.

— Каждое слово, — равнодушно ответила воительница. — Она не убивала того чудотворца. Если нападёшь, я не останусь в стороне. Уверен, что хочешь этой битвы?

— Мы всё равно встретимся на арене и там ты будешь не в праве вмешиваться. А до тех пор, — Лао Кан убрал клинок обратно в ножны. — Следи за своей эльфийкой, а то мало ли что с ней может случиться.

Мужчина развернулся, уходя. Анью недовольно смотрела ему в спину. Вероятно, Лао Кан чувствовал этот, практически прожигающий насквозь, взгляд, но даже не повёл плечом.

— Ты совсем дурная?! Ты что вообще творишь?

— Думала, если его разозлить, он может что-то сболтнуть, — призналась Анью.

— Ты перешла все границы допустимого! Я рассказала тебе не для того, чтобы ты тут же пошла и надавила ему на больное. Тренировки закончились. Возвращайся на корабль и постарайсяшний раз не высовываться. Я что-нибудь придумаю. Радует, что Лао Кану не с руки выбывать из турнира за убийство, но покалечить тебя он точно попытается. Ваш бой через пару дней. И откуда только узнала про то, как зовут этого чудотворца?!

— Я и так знала, — она пожала плечами, стараясь выглядеть как можно равнодушнее. — Я не лгала. Амана нет, потому что я его не уберегла.

Аньюриэль развернулась, уходя в сторону Лазурной гавани. Растревоженное в груди горе неприятно давило на сердце. Хотелось закрыться в своей каюте и молча смотреть на стену. Произошедшее оставило неприятный осадок, вставший комом в горле. Отчасти она понимала, что чувствует Лао Кан. Несчастный мужчина был вынужден день изо дня наблюдать, как страдает его возлюбленная и метаться по миру, в отчаянной надежде найти хоть кого-то, кто может её спасти. Когда тебе больно, ты можешь спать. Но ты не уснёшь, если больно тому, кто тебе дорог.

Лан Роу.

Утро выдалось пасмурным и туманным. Белое марево опускалось в долину с вершин гор, будто сползающее с кровати одеяло. Влага мелкими капельками оседала на одежде, коже и волосах.

Видно было лишь на пару метров вокруг, туман глушил все звуки, создавая странное ощущение притворного уединения. Она чувствовала вокруг себя много разной ки. Растения, птицы и животные. Людей поблизости не было, что было неудивительно. В этот храм Рунаана посетители приходили очень редко и на то было причина. Вернее одна тысяча семьсот причин. Ровно столько ступеней нужно было преодолеть, чтобы подняться к Святилищу. Этот нелёгкий путь преодолевали только те, кому действительно было важно поведать о чём-то Хранителю, большинство предпочитало возносить молитвы в небольшой зале при храмовом комплексе. Увы, но даже преодолев весь подъем чаще всего можно было увидеть лишь пустые своды Святилища. Великий дракон редко посещал храмы, воздвигнутые в его честь. Лан Роу искренне надеялась, что туман и низкие облака привлекут Хранителя и удастся спросить у него совета.

Последняя ступенька осталась позади. Ноги неприятно гудели, но она просто не обращала на этот дискомфорт внимания. Лан Роу, скорее по привычке, нежели надеясь что-то рассмотреть, обернулась. В ясную погоду с вершины горы было видно всю Лазурную гавань и море. Сейчас видно было лишь десяток ступеней и туман. Она прошла к Святилищу, опускаясь на колени.

— О, великий Рунаан, я прошу тебя поделиться со мной своей мудростью.

В ответ была лишь тишина. Лан Роу упрямо продолжала стоять на коленях, ожидая — Хранитель никогда не отвечал сразу. Пару минут ничего не происходило. Затем в облаках мелькнула длинная гибкая тень. Воительница постаралась сдержать улыбку. Статус посредника давал ей определенные привилегии — на её призыв Рунаан обычно отвечал.

— Слушаю тебя, посредник.

Из тумана показалась огромная голова, увенчанная тремя парами ветвистых рогов. Длинные извивающиеся усы оплели колонны, могучие когтистые лапы высекли искры из скалы. В облаках тенью извивалось длинное змееподобное туловище.

— Я ищу, но никак не могу найти того, кто связан с демоном. Мне нужен совет, — Лан Роу низко поклонилась, кладя ладони на каменные плиты и касаясь их лбом.

— Ты сможешь найти то, что ищешь, лишь тогда, когда желание искать прекратит быть для тебя уздой и ты прекратишь говорить о своей цели, как об исскомом, — прокатился по святилищу громоподобный голос дракона.

— Благодарю за мудрость, — ответила Лан Роу, не поднимая головы, боясь, что не сможет скрыть разочарования. Слова Рунаана никогда не были прямым ответом на поставленные вопросы.

— Дитя звёзд, за которым я просил присмотреть, — продолжил Рунаан. — Она уже достигла внутренней гармонии?

— Нет, — пробормотала Лан Роу. — Нечто терзает её изнутри. Не знаю, смогу ли помочь ей.

— От неё многое зависит, приложи больше усилий.

Лан Роу почувствовала, как один из усов дракона погладил её по голове. Прикосновение было тёплым и ласковым. К людям Рунаан относился с тем же трепетом, что и старик к

своим маленьким несмышленным внукам. И от этого вдвойне тяжелее было признавать тот факт, что она пока не справилась ни с одним из поручений, что ей доверили.

— Почему она так важна? Кто такая Аньюриэль? — она осмелилась поднять взгляд.

— Она — Искра, — дракон повернул голову так, что в упор смотрел на неё ярким янтарным глазом с вытянутой щелкой зрачка. — Искра, которой суждено разгореться в могучее пламя. Огонь может дарить свет и тепло, а может прокатиться волной разрушения, сжигая всё, до чего сможет дотянуться.

— Я понимаю, — Лан Роу кивнула. — Я всё сделаю.

— Не существует холода, есть лишь отсутствие тепла. Не существует тьмы, есть лишь отсутствие света. Не существует зла, есть лишь отсутствие любви. Помни об этом, — пророкотал Рунаан, возвращаясь в небо.

На «Гордость Лютерии» Лан Роу возвращалась в смешанных чувствах. Необходимость присматривать за эльфийкой и одновременно искать того, кто мог связаться с демонами, забирали у неё всё время. Порой хотелось просто прилечь и поспать хоть немного, но времени на это не хватало. Если бы Аньюриэль была хоть немного сговорчивее... Вот только эта колдунья была полна сюрпризов, как ящик бродячего фокусника.

Ветер разогнал туман, оставив лишь низкие облака, что изо всех сил цеплялись за вершины гор. Аньюриэль сидела на перилах в позе лотоса спиной к сходям, её красные волосы трепетали в потоках ветра. Судя по тому, что длинный кончик уха едва заметно дернулся — её приход не остался незамеченным.

— Как постигается гармония? — мягко спросила Лан Роу, стараясь сдержать улыбку.

— Никак, — проворчала чародейка.

— Нашла причину?

— Ага. Счета за ремонт, — Аньюриэль развернулась к ней, в волосах тонкой изломанной линией вспыхнула и тут же потухла маленькая молния — верный свидетель раздражения. — Это же натуральный грабёж!

— Да, я слышала, что содержание корабля обходится недешево, — кивнула Лан Роу.

— Это не то слово! — продолжала негодовать чародейка. — Новый построить дешевле будет. Они ободрали ракушковых рачков с обшивки, а денег за это потребовали столько, что можно безбедно прожить пару лет целой семье!

— И что ты с ними сделала? — настороженно уточнила воительница.

— Заплатила, а что ещё?!

— Не убила и то счастье. Ладно, продолжим тренировки, пока у меня есть немного времени.

— Я хотела спросить кое о чём. Где я могу найти ту девушку — жену Лао Кана?

— Зачем она тебе? — Лан Роу растерялась из-за неожиданной смены темы разговора.

Тем временем на палубу поднялась Эйша, вылила ведро грязной воды за борт, затем привязала к ручке верёвку и кинула в море. Страннее всего смотрелся Пэн, сидящий у девушки в декольте. Паренёк явно чувствовал себя не очень счастливым даже несмотря на то, что место было весьма интимным.

— Его вчера чайка чуть не сожрала, — верно распознала немой вопрос в её глаза Эйша.

— Я бы справился, — возмущенно проворчал Пэн. — Я не ребёнок!

— Да, да. И главное, даже если тебя сожрут, у тебя будет целых два выхода...

— Анью! — взмолился Пэн.

— Не в моей компетенции, — чародейка отвела виноватый взгляд и снова повернулась к ней. — Я тут подумала, одеревенение не особо похоже на болезнь. Это скорее проклятие. Я могла бы попробовать что-то сделать. Не обещаю результат, но постараюсь.

— Хочешь, чтобы я отвела тебя к Сюрэн? — догадалась Лан Роу. — Но это далеко. Если выйдем сейчас и возьмем лошадей, то вернёмся только завтра.

— До боя есть ещё пара дней. Слышала, на арене сегодня выступают какие-то артисты. Завтра сражаются другие участники.

— Можно я с вами? — взмолился Пэн. — Ну пожалуйста! Она душил меня опекой в самом прямом смысле!

— Это — грудь, а не опека, — Лан Роу сдавленно хихикнула.

В Лазурной гавани ни для кого не было секретом, что рыцарь Лютерии путешествует в весьма скромном сопровождении из девушки-старпома и нескольких стихийных духов. Аньюриэль и Эйша привлекали к себе внимание практических всех моряков и работников порта. Две девушки с яркой, экзотичной внешностью, одна из которых успешно выступает на арене, стали предметом для обсуждения наравне с Небесным турниром. И если Аньюриэли воспринималась как недостижимый идеал из-за своей расовой принадлежности и взглядом «не лезь — убью», то Эйше приходилось порой лично отстаивать собственные границы, показывая особо рьяным ухажерам, что женщина далеко не всегда «слабый» пол. Сейчас Пэн, оказавшись прижатым к груди старпома, осуществлял мечту как минимум половины рабочих порта, но бедняга совершенно не выглядел счастливым.

— Это может быть опасно, — Анью покачала головой. — Если хочешь с нами — придется выпить тебе увеличитель. У меня есть с собой пара склянок.

— Зачем? — Пэн удивленно смотрел в ответ.

— Чем длиннее ноги, тем быстрее ты сможешь убежать в случае чего. Ты, хоть и храбрый, но не боец, — Анью развела руками в стороны.

— Но на меня не подействует. Я не вырасту.

— Почему? — пришла пора Анью удивляться.

— В зелье же пыльца Неясеня. На мококо она не действует. Мы же — дети древа Неясень.

— Так какого демона у вас там целый склад этого зелья?! — всплеснула руками Анью.

— Божьих коровок увеличиваем и муравьёв. Ну, чтобы в хозяйстве польза от них была. А то маленькие они бесполезные, — пояснил Пэн.

— Ну значит будешь помогать Эйше, — Аньюриэль пожала плечами. — Присмотри за ним. Не продавать, не терять, не сдавать в аренду и не показывать за деньги.

— Да помню я, кэп, — раздраженно отмахнулась девушка, подтягивая за верёвку ведро с водой. — И ещё кое-что. Работы много, а я одна.

— Поняла. Я займусь этим в ближайшее время. Духи на корабле.

Чародейка шустро сбежала по сходням вниз. Лан Роу прошла следом. Стоило подняться на корабль, как появлялось ощущение качки, к которому быстро привыкаешь и потом, когда спускаешься на твердую землю, его не хватает. Аньюриэль всматривалась куда-то в облака, напряженно поворачивая ушами в разные стороны.

— Всё в порядке?

— Вроде да, — Анью продолжала напряженно наблюдать за небом. — Просто странное

чувство. Как будто кто-то смотрит.

— Рунаан посетил Лазурную гавань сегодня на рассвете. Может ещё не улетел. Хранитель любит отдыхать в облаках и оттуда наблюдать за жизнью людей. Пойдём, возьмем лошадей — так быстрее будет.

Дорога, по которой они ехали проходила через ротанговый лес. Густые заросли плотно обступали дорогу с обеих сторон. Перистые листья образовывали над их головами зелёный потолок, в редких просветах которого можно было увидеть тёмные облака. Небо словно ещё не определилось, будет ли погода солнечной или разразится гроза. Идея ехать куда-либо именно сегодня уже не казалась такой хорошей. Мокнуть бестолку не хотелось.

В случае, если дождь будет сильным они, конечно, могут остановиться в её нынче бывшей школе. Посредник терял права относить себя к какой-либо школе или учению, но то на словах, а сердцем она всегда была рада увидеться с теми, с кем рядом тренировалась долгие годы или перекинуться парой слов с мастером. Именно с Белым лотосом были связаны её самые счастливые воспоминания: первые успехи в обращении с ки, первые победы, первая влюбленность...

Глупо было удивляться тому, что едва услышав о возможности помочь Лао Кану, она согласилась на эту авантюру, наплевав на поиски демона и предателя. На самом деле, посредник должен был сохранять отстранённость от остальных людей и не ставить личные интересы выше блага всего Аньшу, но пока Лан Роу не достигла этого уровня благости. Их с Лао Каном уже давно ничего не связывало, кроме дружбы и покрывшихся налётом времени воспоминаний. Но всё равно было невыносимо видеть, как тот опускается и предаёт то, что когда-то было ему дорого, ради призрачной возможности спасти Сюрэн. В итоге она точно так же ухватилась за не менее призрачный шанс помочь, хотя и не была уверена, что Аньюриэль сможет что-то сделать. Да, магом эта эльфийка была сильным, но в основном в отношении разрушений, ничего созидательного с момента их знакомства чародейка пока не сделала.

Впрочем, робкая надежда в её сердце всё же была. Аньюриэль, хоть и была склонна сжигать и крушить всё подряд, сейчас вела себя вполне спокойно с любопытством осматривая заросли и крупные, красноватые, чешуйчатые плоды.

— Из ротанга делают мебель, — пояснила Лан Роу.

— Но он же весь покрыт колючками, — Анью удивленно глянула на неё и тут же вернулась к изучению природы.

— Кору обдирают, а побеги ненадолго погружают в кипяток — так они становятся гибкими.

— В Аньшу много интересного, — ни к кому не обращаясь, отметила Аньюриэль.

— Природа здесь, действительно, очень богатая. Всё дело в том, что потоки ки здесь очень близко к поверхности земли. Поэтому такие плодородные почвы и мягкий климат. Осень близится к концу, но станет лишь немного прохладнее. Здесь не выпадает снег, только высоко в горах, да и природа засыпает лишь на пару месяцев, а потом всё опять начинает цвести. Аньшу — благодатный край.

— Разве энергия может влиять на климат и растительность? — Аньюриэль выглядела удивленно-заинтересованной.

— А ты разве не знала? Я думала твой народ уделяет много времени изучению магии.

— Магии, — чародейка кивнула. — Но не энергии. Как бы тебе так объяснить... Те, кто посвящает себя изучению тайн магии, свысока смотрят на тех, кто магии лишен. Энергию, что течёт в теле и вокруг, считают чем-то вроде ткани мироздания. Многие силлины воспринимают её как нечто само собой разумеющееся, просто потому, что не способны в полной мере ощутить её и как-то взаимодействовать.

— Но ты не такая, — пришла к логичному выводу Лан Роу. — Потому что способна чувствовать ки и управлять ею.

— Да, вероятно поэтому. У меня на родине очень удивились бы, узнав, на что способны люди. Тот удар, когда Ходон пробил камни арены — это впечатляет!

— Он тебе в голову целил, если на то пошло, — покачала головой воительница.

— Я хочу научиться так же, — в глазах Аньюриэль плескалось бесовское пламя энтузиазма.

Лан Роу ненадолго задумалась, размышляя о перспективах такого обучения. С одной стороны — Аньюриэль ищет Ковчег и будет раз за разом сталкиваться с демонами. Владея ки, а не только магией, она станет в разы сильнее и с большей вероятностью выживет. Раз сам Рунаан проявил участие к её судьбе, то можно было сделать вывод, что эта девушка важна для Акрасии. Вот только тот факт, что Аньюриэль станет в разы сильнее пугал воительницу. Если к вспыльчивому, в самом буквальном смысле этого слова, темпераменту и огромной магической мощи прибавить ещё и разрушительный потенциал мастера боевых искусств, то масштаб последствий страшно было представить. Аньюриэль была слишком эмоционально нестабильна...

— Сперва медитации, — уклончиво ответила воительница.

— Это скучно, — фыркнула Аньюриэль, отворачиваясь.

— Дело не в том, что тебе должно быть скучно, а в том, что ты поглощена гневом, — начала аккуратно Лан Роу.

— Вовсе нет! — Анью недовольно глянула в ответ.

— У каждого внутри существует предел. Предел чувств. Предел боли. Предел слёз. Предел ненависти. Предел прощения. Порой мы можем очень долго терпеть. Долго молчать и не показывать, как больно внутри. А потом, в один миг, эмоции перевесят рассудок и тебя захлестнёт неконтролируемой яростью. В твоём случае это ещё и сжигает всё вокруг, разве я не права? Ты на пределе, Аньюриэль.

— Ты не понимаешь... — прошептала она в ответ.

— А ты понимаешь, что я права. Подчини свой гнев, иначе он подчинит тебя.

Анью отвернулась, делая вид, что заросли ротанга очень сильно её интересуют. Лан Роу несколько минут молчала, давая ей возможность обдумать услышанное.

— Что случилось? Что произошло с тобой и Аманом? Это ведь из-за него с тобой это творится?

— Я ведь уже сказала, — устало проговорила чародейка. — Я ошиблась и его больше нет...

— Совесть, она такая... Мучает не тех, кого должна, а тех, у кого она есть, — глубокомысленно изрекла воительница. — Мы не можем исправить то, что уже сделано, но можем извлечь опыт из своих ошибок.

— Извлечение опыта не вернет тех, кто погиб.

Чародейка снова начинала злиться, искря молниями в волосах. Лан Роу старалась не

выдавать внутреннего напряжения. Полыхающая ярость Аньюриэль её откровенно пугала, даже несмотря на тот факт, что сил и энергии на то, чтобы усмирить девушку, ей должно хватить. Вот только подпустит ли чародейка её к себе так близко во второй раз?

— Научись отпускать. То, что предназначено тебе — всегда найдёт дорогу назад, — Лан Роу по-доброму улыбнулась. — Может он ещё жив и найдёт способ вернуться. Демоны лезут в Акрасию со всех возможных щелей, наверняка найдётся лазейка и для человека. Пока ты не знаешь наверняка, погиб он или нет, считай, что твой... друг жив.

— Откуда в тебе столько сил и веры в лучшее? — чародейка скептически смотрела в ответ.

— Когда есть, что защищать, слабый становится сильнее. Когда есть, что терять, сильный должен стать ещё сильнее. Так любит повторять мастер Фархан.

— Ты сегодня — кладезь мудрых высказываний, — Анью улыбнулась.

— Большинство — не мои, — Лан Роу пожалала плечами. — Иногда всё, что нам остаётся в тяжелые времена — полагаться на мудрость тех, кто когда-то пережил трудный период. Можно ещё сплотиться и верить друг в друга. Даже самый трудный путь становится легче, если ты не одна идёшь по нему.

— Ты поэтому так веришь в невиновность Лао Кана?

— Отчасти поэтому, — кивнула Лан Роу. — Мы с ним выросли вместе в Белом лотосе. Вместе тренировались, постоянно соперничали и в то же время крепко дружили. Я всегда старалась равняться на него. Сильный, нестигаемый, верный идеалам школы. Боевые искусства были его единственной страстью. Ему пророчили пост мастера или посредника.

— Ты так веришь в него, так восхищаешься...

— Мы были лучшими друзьями... А потом Лао Кан встретил Сюрэн и всё изменилось. Она затмила для него всё. Мастер позволил ему построить дом недалеко от школы и жить там с Сюрэн. Они произнесли клятвы в храме Рунаана. Целый год Лао Кан был счастлив словно парил над землёй. Счастливцем, так его называли, пока он не стал Одиночкой. Сюрэн заболела. Её кожа стала покрываться ужасной проказой, похожей на кору дерева. Никогда прежде никто в Аньшу не слышал и не видел ничего подобного. Лекари ничем не смогли помочь, даже Аюр лишь разводил руками. Лао Кан очень сильно изменился тогда, стал замкнутым, озлобленным, но я верю, что он всё так же чтит заветы школы. Кто ещё будет в тебя верить, если не друзья?

— Я видела его глаза, — задумчиво проговорила Аньюриэль. — Они пустые. Это глаза мёртвого человека...

— Если ты сможешь сказать, что происходит с Сюрэн, это даст ему надежду. Мы уже приехали.

Заросли ротанга редели, открывая вид на небольшую полянку у реки. Маленький домик с терракотового цвета черепицей, небольшой огородик с покосившейся оградой, несколько молодых плодовых деревьев. Где-то неподалёку кудахтали куры. Всё аккуратное и ухоженное. Сюрэн занималась тем, что перекапывала грядки, подготавливая их к отдыху. Рядом с ней была куча прелой листвы. Девушка, услышав как они подъезжают, быстро убежала в дом.

Ну кто бы сомневался, что будет легко...

— Лао Кана с нами нет! — прокричала Лан Роу ей вдогонку, но девушка не остановилась. — Когда лекари ничего не смогли поделать, Сюрэн поругалась с Лао Каном, прогнала его и не показывается больше никому на глаза. У них всё сложно сейчас.

Аньюриэль лишь фыркнула в ответ и спрыгнула со спины своего коня на дорогу. Лан Роу тоже спешила и уверенной походкой прошла к двери, дергая за ручку. Дверь оказалась заперта изнутри. Воительница постучалась, но никто не ответил. Попытка Сюрэн сделать вид, что никого нет дома была жалкой.

— Сюрэн, это Лан Роу. Помнишь меня? Я привезла мага из эльфийских земель, она может сказать, чем ты больна.

— Уходите! Вы не сможете мне помочь. Никто не сможет, — донеслось из дома.

Она с Аньюриэль переглянулись. Чародейка демонстративно возвела глаза к небу.

— Давай хотя бы попробуем. Хуже всё равно не будет, — продолжила уговоры Лан Роу.

— Можно я? — Аньюриэль как-то излишне кровожадно смотрела на дверь.

— Только не выламывай дверь, — кивнула Лан Роу. — И вообще ничего не ломай.

Теперь скептический взгляд достался ей. Анью просто повела рукой вдоль двери и засов открылся. Лан Роу быстро, не давая Сюрэн опомниться, зашла внутрь. Девушка жалась к дальней стене. Воительница оценила закрытую одежду, перчатки и замотанное платком лицо так, что можно было увидеть лишь глаза.

— Мы ехали из Лазурной гавани не для того, чтобы, наткнувшись на запертую дверь, развернуться и уехать.

— Маг мне не поможет, — срывающимся голосом ответила Сюрэн. — Не подходите ко мне. И не смотрите на меня. Я чудовище!

— Надо же... — пробормотала Аньюриэль.

Лан Роу оглянулась на неё. Глаза чародейки ярко светились зелёным. Анью медленно шагнула к Сюрэн. Девушка испуганно сжалась в углу маленькой кухоньки, затравленно бросая взгляды то на дверь, явно ведущую в спальню, то на выход, который они перегородили. Чародейка тем временем преодолела разделяющее их расстояние и аккуратно коснулась руки Сюрэн.

— Ты великолепна... — после недолгого молчания проговорила Аньюриэль. — Кто тебя сделал?

— Что значит «сделал»? — не поняла Лан Роу.

— Ты сказала, что она больна, но эта девушка не больна и не проклята, — Аньюриэль обернулась к ней. — Она — одушевлённый голем.

Глава 7. Кукла колдуна

*Очень жаль, что ты тогда
Мне поверить не смогла,
В то, что новый твой приятель
Не такой, как все.
Ты осталась с ним вдвоём
Не зная ничего о нём.
Что для всех опасен он
Наплевать тебе.
И ты попала!
К настоящему колдуну
Он загубил таких, как ты, не одну.
Словно куклой в час ночной
Теперь он может управлять тобой.*

Король и шут — Кукла колдуна.

Аньюриэль.

Небольшой импульс магии, что она пустила в ладонь Сюрэн, проявил письмена, вложенные в девушку её создателем. Колдовской узор заполнил практически всю кухоньку. Аньюриэль смотрела на переплетение колдовских рун и узоров, не в силах оторвать взгляд. Это было по меньшей мере гениально. Неизвестный маг предусмотрел всё. Голем перед ней, если напитать её магией, будет практически неотличим от обычного человека.

— Так где твой создатель? — спросила Анью у Сюрэн.

— Он мёртв, — сдавленно прошептала девушка.

— Так вот почему ты снова принимаешь свой настоящий облик — магии не хватает, — Анью понимающе покачала головой. — А можно я плетение перерисую? Оно великолепно. Никогда не видела ничего подобного. Оно невероятно сложное, но не перегруженное. Всё так...

— Ты сдурела! — за её спиной отошла от шока Лан Роу. — Эта... Этот голем выдавал себя за человека! Она облапошила Лао Кана! А ты восхищаешься тем, какое там заклинание на ней?!

— Чисто теоретически, Сюрэн можно назвать человеком. Несмотря на рукотворное тело, у неё человеческая душа и разум, — пояснила Анью, нервно дергая кончиками ушей — орать Лан Роу умела так, что оглушит даже глухого. — Так ты не против, чтобы я зарисовала плетение? Оно достойно того, чтобы быть представлено самым могущественным магам Рохэнделя. Они очень удивятся человеческой изобретательности. А мне ещё говорили, что люди магически бесполезны... Да они локти кусать будут...

— Не надо, пожалуйста, — Сюрэн жалобно смотрела на неё. — Я не хочу, чтобы кто-то повторял этот ритуал. Не хочу больше жертв...

Анью раздосадовано вздохнула и всмотрелась внимательнее, запоминая нюансы и особенно сложные участки магического плетения. То, что Сюрэн отказалась быть натурщицей ещё не означало, что нельзя зарисовать по памяти, хотя и был риск ошибиться.

— Да к демонам плетение! — продолжала негодовать Лан Роу. — Что нам теперь с ней делать?! Как я Лао Кану об этом скажу?! Он ведь не знает? Ты не посчитала нужным сказать, не так ли?

Если Сюрэн и до этого выглядела забитой и жалкой, то сейчас она готова была провалиться сквозь пол. Анью бросила взгляд через плечо — Лан Роу выглядела очень злой и отчасти была права. Лао Кан имел право знать, на ком женат, вот только кого это сделает счастливым? Можно придумать, как вернуть Сюрэн прежний облик, и все снова будут счастливы...

— А может не стоит ему говорить? — задумчиво предложила Аньюриэль.

На неё уставились две пары ошарашенных глаз. Сюрэн хлопала длинными ресницами и, кажется, не верила, что обрела союзника. Лан Роу побагровела от злости.

— Что значит «не стоит»? Ты в своём уме?! Как я ему врать буду?

— А ты не ври, просто не рассказывай, — предложила вариант чародейка. — Он же не станет прямо спрашивать не знаешь ли ты чего такого о его жене, чего не знает он. Сюрэн же хватило ума не рассказывать...

— Ей наглости хватило, а не ума! — гнев Лан Роу всё нарастал. — О таких вещах принято рассказывать, когда создают семью. Милый, у меня перед дождём ноют колени. Или я люблю есть рыбу со сливовым соусом. Или я — бревно, в самом буквальном смысле этого слова.

— *А вот это жестоко*, — смущенно прокомментировала Энвиса.

— Я боялась, — тихо прошептала Сюрэн. — Что, узнав правду, он от меня отвернётся...

— И поэтому решила врать ему всю жизнь?!

— Ты просто надеешься, что, бросив меня, Лао Кан вернётся к тебе! — в сердцах выпалила девушка.

Повисло тягостное молчание. Анью села за стол и подтянула к себе яблоко. Разговор принимал очень интересный оборот. Лан Роу молча стояла, вероятно не зная, что ответить на этот выпад. Кажется, Сюрэн ударила по больному.

— *Магия первозданная*, — встрепелась Энвиса. — *Да у них тут любовный треугольник! Становится всё интереснее.*

— Вовсе нет! Я ему помочь хочу! А ты — лживая тварь! — кричала воительница. — На лжи счастья не построишь.

— Он был счастлив, пока это не началось! — девушка сдернула с лица платок.

Анью заинтересованно рассматривала её лицо. От лба до носа Сюрэн была вполне обычной девушкой, а ниже была деревянной куклой. Работа была выполнена великолепно. Точеные черты лица, аккуратные пухлые губы. Мастер вложил в своё творение душу не только буквально.

Яблоко в её руке постепенно становилось всё меньше, а скандал продолжал нарастать. Девушки уже скатились до личных оскорблений, позабыв об изначальной цели их визита. Аньюриэль наблюдала за этими воплями, не планируя вмешиваться, если не дойдёт до драки. Не было похоже, что Сюрэн создавали для боя, а терять такой великолепный образец одушевлённого голема не хотелось.

— Ты — просто кусок дерева! — брезгливо бросила Лан Роу. — Как он мог не заметить, что спит с бревном?!

— Тот, кто зачаровал её, был гением. Плетение выполнено великолепно, но магия в нём заканчивается, поэтому человеческая внешность теряется, — спокойно ответила Аньюриэль.

— Возможно, я смогу её заполнить, но это поможет лишь временно, потом она снова начнёт... деревенеть.

— И что мне делать потом? — спросила Сюрэн, успокаиваясь и присаживаясь за стол.
— Искать другого мага?

— Не каждый сможет, — Анью покачала головой. — Нужен маг с тем же даром, что тебя создал. Если я разберусь в плетении, то, возможно, смогу его немного изменить, чтобы ты так сильно не зависела от наличия рядом мага. Но мне нужны записи того, кто тебя сотворил.

— Ты же сказала, что она идеально заколдована. Так почему тогда она теряет магию?
— Лан Роу оперлась спиной о дверной косяк, пристально наблюдая за Сюрэн.

Обстановка по-прежнему была напряженной. Девушки явно друг друга недолюбливали, но хотя бы перестали орать. Анью задумчиво обвела взглядом простенькую обстановку дома. Хоть Сюрэн и вела уединённый образ жизни в последнее время, но дома всё равно было чисто и уютно. Стоящая на полках простая глиняная посуда, чистые полотенца и занавески, мешочки и коробочки с чем-то ароматным. Уютное семейное гнездо, где жила, на первый взгляд, обычная аньшуйская семья.

— Наверное, он хотел, чтобы это было для меня вместо поводка... — прошептала Сюрэн. — Чтобы я не могла убежать далеко.

— Кто он? — не поняла Анью.

— Мой отец.

Аньюриэль рассматривала магические руны, заполнившие всю маленькую кухню, и размышляла, что может с этим сделать. Часть рун были насыщенного темно-фиолетового цвета — работа чернокнижника — их изменить ей не по силам. Но больше половины плетения светилось багряно-алым — магия крови. Кровавую часть переписать для неё возможно, вот только придётся открыть Лан Роу ещё один секрет. Сама воительница бросала косые взгляды на воплощенное магическое плетение, но никак не комментировала. Напряжение между девушками всё ещё было но, по крайней мере, не переросло в драку. Сюрэн, поняв, что дальше скрывать информацию нет смысла, и убивать её никто не собирается, согласилась дать себя изучить и попутно рассказывала как она стала такой.

История девушки оказалась грустной и незатейливой. Отец Сюрэн был чернокнижником и владел кровавым даром. Когда-то он был известным в Аньшу магом, но его жена, будучи беременной, заболела. Супругу спасти мужчина не смог, но выходил дочь, которая родилась раньше срока. Всю жизнь Сюрэн тяжело болела. Она задыхалась и теряла сознание даже тогда, когда шла из одной комнаты в другую. Лекари и целители разводили руками — такой уж уродилась — и выписывали настойки для поддержания сил, которые не сильно помогали. Тогда её отец и углубился в изучение кровавой магии — надеялся излечить единственную дочь. Но годы шли, Сюрэн становилось всё хуже, она уже не могла подняться с постели и была больше похожа на обтянутый кожей скелет, чем на молодую девушку. Отец ходил мрачнее тучи и уговаривал продержаться ещё немного, ведь скоро он сделает так, что у Сюрэн будет сильное и здоровое тело.

Сюрэн плохо помнила свои последние дни в человеческом теле, просто однажды она проснулась уже вот такой. Вот только проснулась она раньше, чем отец ожидал и увидела

записи. Когда до Сюрэн дошла вся ужасающая правда о том, какой ценой досталось ей это тело, она испугалась родного отца и убежала. Он кричал ей вслед, что она ещё вернётся, ведь без него не сможет жить как человек, но тогда девушка не придавала значения его словам. Какое-то время она бродила в лесах, не зная, куда ей теперь идти. Тогда она встретила Лао Кана. Пусть в её теле не было настоящего сердца, но это не помешало Сюрэн влюбиться в красивого, статного мужчину. От Лао Кана она и узнала, что тот совсем недавно, вместе с другими воинами из своей школы, победил чернокнижника, живущего в этом лесу и убившего много людей. Отца ей было жаль, но Сюрэн не могла не понимать, что казнь была более чем заслуженной, после того, что тот сделал. Когда-то она мечтала быть здоровой, ходить по лугам и лесам, наслаждаться Солнцем и держать кого-то за руку, но когда узнала цену такой жизни, поняла, что лучше бы умерла.

У Сюрэн не хватило духу рассказать кто она. Не хотела, чтобы возлюбленный в ней разочаровался. Хотелось хоть немного пожить в иллюзии счастливой жизни. Но с каждым днём трясина лжи затягивала её всё больше и больше. Лао Кан назвал её своей женой, построил этот дом для них, мечтал о детях... Казалось, что если сердца нет, то и болеть нечему, но день изо дня Сюрэн было всё больнее от своей лжи. А потом случилось то, чего она втайне всегда боялась. Запас магии, который был в её искусственном теле, стал заметно меньше и там, где прежде была нежная тёплая кожа, словно какая-то проказа, появилась шероховатая древесина. Лекарши не смогли распознать в ней подделку — ещё сильно было заклинание отца, но чем меньше магии в ней оставалось, тем больше была вероятность, что целители прознают правду. И даже тогда Сюрэн не нашла в себе сил сказать Лао Кану правду. Всё, на что ей хватило сил — прогнать его, сказав, что между ними всё кончено.

— Я даже думала попытаться убить себя, но Лао Кан предупредил, что если со мной что-то случится, то он, не задумываясь, уйдёт за мной следом, — Сюрэн печально смотрела на них, закончив рассказ.

— Значит записи всё же были, — ухватилась за самую важную мысль Анью. — Они сохранились?

— Если за последние пару лет логово чернокнижника не разграбили, то, наверное, сохранились, — пожалала плечами Лан Роу. — Ты уверена, что хочешь помочь ей?

— У того ардетайнца, с которым я сражалась, была железная рука, но от этого ты не считаешь, что он почти человек. Мой наставник потерял ногу во времена Второго Вторжения, но никто и заикнуться не посмеет, что он теперь не совсем силлин. Где граница, когда можно сказать, что кто-то утратил право называться человеком? У неё есть душа, разум, чувства, тебе так важно из чего сделано её тело?

— Лао Кан имеет право знать правду, — отчеканила Лан Роу.

— Как знаешь, держать не буду, — Анью пожалала плечами, не считая нужным вмешиваться в эти разборки. — Где было убежище того колдуна? Хочу полистать записи.

— Я покажу, — Сюрэн снова повязала платок на лицо и поднялась.

Лан Роу молча развернулась, покидая дом и куда-то уходя. Сюрэн с тоской смотрела ей вслед, но ничего не сказала.

Когда говорят о логове чернокнижника, то большинство наверняка представляют себе жуткую башню из чёрного камня или какое-то мрачное подземелье, где с потолка свисают

цепи и в углах скребутся крысы. Анью тоже представляла себе нечто подобное. Но ожидания и реальность иногда расходятся. Иногда даже в лучшую сторону. Сюрэн привела её к настолько большой древовидной лиане, что потребовалось бы пара десятков человек, чтобы полностью обхватить ствол.

— Это — Первая глициния, — указала на дерево Сюрэн. — Говорят, её посадила сама Гивена, богиня Гармонии, когда создала этот край. Все деревья в этом лесу — потомки первого дерева. Летом здесь очень красиво. Глициния невероятно красиво цветёт.

— Поверю тебе на слово, — Анью лишь пожала плечами. — Ждать лета не стану. У меня ещё столько дел...

— Я понимаю, — смутилась Сюрэн. — Отец построил небольшую хижину в ветвях. Здесь должна быть лестница.

— *Чернокнижник построил себе миленький домик на цветущем дереве... Эти тёмные маги совсем растеряли... Как бы это правильно назвать... Стиль, что-ли?* — усмехнулась Энвиса.

Анью приглушенно фыркнула, соглашаясь с даро. Вот чего от тёмного мага ожидаешь в последнюю очередь, так это милых занавесок с цветочками и лоскутный коврик под дверью. Дверь, правда, была сорвана с петель и валялась внизу, а занавески истрепались от ветра, свободно гуляющего через разбитые окна. Время и природа брали своё и дом, оставшийся без хозяев, ветшал. Где-то обвалилась черепица, где-то прохудились доски. Растения в горшках завяли и сейчас уже невозможно было сказать, что это был за цветок. Половицы жалобно скрипели под ногами. Анью ступала как можно аккуратнее, надеясь, что доски выдержат.

— Отец хранил все свои книги и рукописи здесь. На этих полках, — Сюрэн прошла вглубь комнаты.

Чародейка выпустила Шанти, позволяя ему облететь комнату и создала пару светящихся сфер. Обстановка была весьма скромной. Небольшой письменный стол с кривоногим табуретом, кухонный уголок, где вместо печи стоял простенький нагревающий артефакт, две широкие лавки, заменявшие кровати, и множество книжных полок вдоль всех стен. Хозяин явно большую часть своего времени посвящал книгам, нежели всему остальному. Изредка по стенам или полу проползали мелкие насекомые, под крышей пищали летучие мыши, чувствуя скорый закат.

— Если я могу чем-то помочь... — начала было Сюрэн.

— Мне нужны все записи, что делал твой отец. Всё, что касается кровавых ритуалов, — Анью бегло листала книги, откладывая на стол те, которые её заинтересовали.

— Если для того, чтобы вернуть мне прежний облик потребуются кого-то убить... — девушка осеклась. — Я не хочу новых жертв.

— Кровавое искусство всегда требует свою плату, — Анью твердо смотрела в ответ. — Но то, что нужна кровь, ещё не означает, что кто-то должен умереть.

— Признаться, я не думаю, что Вам стоит тратить на это своё время, — Сюрэн поймала её недоуменный взгляд. — Лан Роу наверняка отправилась искать Лао Кана. Она всё ему расскажет. И совету донесёт. Меня уничтожат. Это даже не плохо, я ведь и так прожила больше, чем мне было отмерено.

— Бросай эту привычку решать за других.

— Но...

— Не «но». Представь, что ситуация стала противоположной. Ты — человек и узнала

что Лао Кан — одушевлённый голем. Ты отвернёшься от него? Назовёшь чудовищем и подкинешь дров в костёр, на котором его будут сжигать?

— Нет! — Сюрэн аж подскочила от негодования. — Я бы никогда так не поступила. Я ведь люблю его!

— Так не делай выводы за него. Лао Кан, насколько я могу судить, взрослый и вполне разумный мужчина. Хотя характер... Но речь сейчас не о том. Он сам примет решение. А тебе придётся принять его решение. Как-то так, — Анью отвернулась, вчитываясь в записи чернокнижника.

Девушка подносила и складывала на столе книги. Исследования отца Сюрэн были весьма интересными. Анью периодически загибала страницы, отмечая те места, к которым хотела вернуться после и перечитать более вдумчиво. А некоторые из трудов чернокнижника вполне можно было и прихватить с собой. Здесь книги ветшают, их портит влага и неторопливо грызут мыши. А она вполне могла бы использовать эти знания для битв с демонами или для расширения собственных возможностей. Пусть пользоваться кровавым даром ей запрещено, но это ведь не означает, что обучаться этому она не может.

— Почему вы взялись мне помогать? — тихо спросила Сюрэн. — Я понимаю, что вы как то связаны с Лан Роу, но после того, как она ушла, у вас больше нет причин оставаться со мной.

— Причины есть, но знать о них тебе не нужно. Я помогаю — ты не лезешь мне в душу. По-моему, вполне честные условия.

— Простите, — стусевалась Сюрэн и продолжила молча складывать стопки книг на столе.

Анью внимательно просматривала одну рукопись за другой. Изыскания чернокнижника действительно были интересными, помогали отвлечься от мыслей и ввевшейся в душу тоски. Да и что она может сказать Сюрэн? Что если бы не её ошибка, то тот чудотворец, на помощь которого рассчитывал Лао Кан, явился бы в Аньшу и не смог бы пройти мимо страдающей девушки. Всё равно сложилось бы так, что она, уже по просьбе Амана, разгребала бы записи колдуна, пытаясь разобраться в том, как переписать заклинание.

Аман всегда помогал всем, кому мог. Не было такого, чтобы он прошел мимо какого-нибудь страдальца, оставшись равнодушным. Всегда он помогал тем, кто в этом нуждался. Где магией, где парой монет, где куском хлеба, а где и просто добрым словом. Они вместе начали это путешествие и теперь, оставшись одна, она несла и его ношу. Казалось правильным помочь девушке, просто потому, что так сделал бы Аман.

Ближе к полуночи пришла Лан Роу. Анью лишь дернула кончиком уха, показывая, что услышала, но взгляда не подняла, увлеченная магическими расчётами. Эмоциональный фон в помещении стал ощутимо напряженным, но никто не произнёс ни слова. Снаружи тоже не было слышно посторонних шумов. Куда бы Лан Роу не уходила, вернулась она одна. Для себя Анью уже решила, что не позволит убить Сюрэн. Девушка не виновата в грехах своего отца и имеет право на жизнь, пусть и в таком теле. Если потребуется, то ей хватит сил, чтобы отбиться от отряда стражи и провести Сюрэн на «Гордость Лютерии». Корабль под флагом Лютерии, значит законам Аньшу не подчиняется, а уж с Силлианом она договорится при необходимости.

— Нашла что-нибудь? — Лан Роу подошла к ней.

— Да. Много и интересного, — не отрываясь от записей, ответила Анью. — Я могу переписать часть заклинания, чтобы Сюрэн не зависела от подпитки магией. Это не то

чтобы просто, но не невозможно. А ты где была?

— Тут недалеко моя старая школа. Навестила товарищей и отправила голубя с посланием в Лазурную гавань, — Лан Роу наклонилась ниже, всматриваясь в рукопись. — Ты не сможешь переделать это заклинание. Это же кровавая магия.

— Я? Смогу, — Анью твердо посмотрела воительнице в глаза. — Я могу провести ритуал и переписать плетение так, чтобы Сюрэн могла сама восстанавливать свой внешний облик и цена у этого будет не настолько высокой, чтобы об этом беспокоиться.

— Цена? — Сюрэн испуганно посмотрела на них. — Только не говорите, что придётся принести кого-то в жертву...

— Придётся, — чародейка кивнула. — Я не создаю заклинание с нуля, а просто меняю часть, так что моей крови хватит, если я рассчитала правильно. В дальнейшем будешь использовать кровь животных, чтобы поддерживать человеческий облик. Для этого нужна какая-то не крупная животина — я покажу, как делать мазь на основе крови. Это лучший из вариантов, который я могу предложить.

— Животных? Не людей?! — скептически уточнила Лан Роу.

— Это глупый стереотип, что для кровавой магии обязательно нужно резать кого-то истощенно вопящего на жертвенном алтаре. Для многих несильных заклинаний достаточно своей крови или крови животных. В их крови достаточно жизненной силы для подпитки заклинаний. Так что теперь главный вопрос — где нам найти жертву?

— Я держу кур. Принести? — Сюрэн переступала с ноги на ногу, неуверенно поглядывая на Лан Роу.

— Неси, — Анью кивнула, возвращаясь к своим схемам.

Сюрэн аккуратно обошла Лан Роу и вышла из дома. Повисло напряженное молчание. Воительница пыталась прожечь её взглядом, по крайней мере, так это ощущалось. Анью всегда считала, что у неё очень высокое сродство с пламенем, поэтому поджечь её практически невозможно, но отступить воительница не думала.

— Кому ты отправляла письмо, если не секрет, — Анью поняла, что спокойно заниматься расчётам ей просто не позволят.

— Лао Кану. Сказала, что у меня есть новости, касающиеся Сюрэн. Попросила прийти сюда.

— Не сказала, какие именно новости? — удивилась Анью.

— Пока нет. Не смогла найти слов, — она присела на краешек стола. — Не знаю, как вообще можно сказать об этом...

— Я не знаю, насколько быстро подействует ритуал. Возможно, человеческий облик вернётся не сразу... Ты и вправду думаешь, что он, отказавшись от Сюрэн, свяжет жизнь с тобой?

— Мы расстались ещё до их знакомства, — отрезала Лан Роу. — Ни на что я не надеюсь. Лао Кан — мой друг, не более того. Но он имеет право знать правду.

— Даже если это разрушит его счастье?

— А если это счастье построено на лжи?

Разговор зашел в тупик. Анью вернулась к записям. Лан Роу, взяв со стола первую попавшуюся книгу, начала листать её.

— Нужно было сжечь здесь всё. Ну и мерзость здесь описана... — она бросила книгу обратно на стол.

— Но не сожгли же...

— Мастер хотел, но потом подумал, что в стенах тоже наверняка есть тайники. Уничтожать дерево из-за одного безумного колдуна не стали. Эта глициния простояла много веков. Она пережила два вторжения демонов, жалко было жечь её из-за такой ерунды. И так было много погибших.

— Да, ритуал, что создал этот человек, очень сложный...

— Он убил семью советника, что жил тут неподалёку и тех, кто работал в особняке, — Лан Роу задумчиво смотрела в стену. — Семнадцать человек... Только мальчишка, что работал на конюшне, смог убежать. Прибежал к нам в школу, чтобы позвать на помощь. Бойцов собрали быстро, но всё равно опоздали. Когда прибыли в поместье, обнаружили лишь обескровленные тела... Сюрэн сейчас живёт, если можно это так назвать, потому что тогда погибло семнадцать человек. Она ждала Лао Кану всё это время. И ты сейчас хочешь убедить меня в том, что нужно помогать этой кукле?

— Ну, для начала, я хочу тебе сказать, что для такого ритуала семнадцати человек было бы недостаточно, — задумчиво проговорила Анью.

— Погибло семнадцать.

— Значит должны были пропадать люди. Прикрепить душу к предмету не сложно. Для этого достаточно энергии того, чью душу забирают и самого заклинателя. Хотя, если учесть тот факт, что Сюрэн умирала, то жизненную энергию для переноса души забрали у кого-то другого. Впрочем, тут и животные вполне сгодятся. Но вот для создания такого голема... На этот ритуал нужно не меньше сотни жертв.

— Люди не пропадали, — Лан Роу покачала головой. — И ты понимаешь, что вообще не помогаешь мне принять ситуацию?

— Это значит, что пропадали те, кого не стали бы искать: бродяги, бездомные, одинокие путники. Этот человек годами готовился к ритуалу, собирал чужую жизненную силу и, судя по всему, никто его даже не заподозрил.

— Если этот колдун и вправду долгие годы незаметно убивал, то почему потом пошел и столь демонстративно вырезал целую семью и всю прислугу?

— Думаю, время поджимало. Одиночки, которых никто не хватится, всё же редкость, а здоровье Сюрэн могло резко ухудшиться, это и вынудило мага пойти на отчаянные меры. Но ты обвиняешь дочь в грехах отца. Это он поставил на одну чашу весов жизнь своего ребёнка, а на другую — жизнь сотни человек. Не Сюрэн убивала, хотя она и вынуждена нести на себе тяжесть этого поступка. Я не стану её осуждать. В моих силах ей помочь и не вижу причин этого не делать.

— А не связано ли это с тем пропавшим целителем? — Лан Роу скрестила руки на груди. — Лекари... Они ведь все такие — не могут пройти мимо тех, кому нужна помощь. Думаешь, помогая ей, ты как-то исправишь то, что произошло с ним?

— Я и тебе помогаю, если на то пошло. Так что не тебе меня судить. Я трачу своё время, развлекаю толпу на этом проклятом демонами турнире, просто потому что советник пообещал мне записи Сиена. Но пока ни одного листочка я не увидела. Не в твоих интересах рассказывать мне о том, кому и почему стоит помогать, — отчеканила Анью.

— Эта злость, что тобой движет, разъедает тебя изнутри, — не унималась воительница. — Я всего лишь пытаюсь тебе помочь. Это чувство мешает тебе достичь внутреннего равновесия. Если не сможешь справиться с этим гневом — однажды он сожрёт тебя целиком.

— Ты говоришь глупости, — Анью старалась говорить как можно равнодушнее.

— Она, если подумать, права, — подала голос Энвиса. — Тебе ведь больно, а она может помочь.

— Всё дело в том, что ты не можешь контролировать свою злость и она выходит хаотичными выбросами магии. Однажды ты можешь ненароком причинить себе или кому-то другому вред. А если ты потеряешь контроль и убьешь кого-то?

— Я себя контролирую! — Анью поднялась, раздраженно смотря на воительницу.

— Я ещё ничего толком не сказала, а ты уже злишься. А знаешь, что самое важное в этом. Под всей этой магией, под всей твоей злостью, скрывается то, что ты винишь себя в том, что случилось. Тебя убивает не гнев, а чувство вины. Тебе больно потому, что потеряла того, кто был тебе близок. Ты считаешь, что это произошло по твоей вине, но если бы была возможность прожить тот момент заново, неужели бы ты поступила по-другому?

— Да! Я оставила его одного, с теми ублюдочными жрецами! — волна магии смела записи и книги со стола. — Ты думаешь я не думала об этом?! Я знала, что Аман проклят! Знала, что он не в себе, и всё равно оставила его без присмотра. Из-за глупой ссоры! Из-за того, что не смогла обуздать свою гордость и спесь, я бросила его! Ты презираешь Сюрэн, считаешь, что из-за неё много людей убили. А ты хоть представляешь, сколько погибло из-за моей ошибки? О, Аман не единственный. Там крови было столько, что земля уже не могла в себя впитать. Я могла остаться, усмирить свои чувства и уязвленную гордыню, но я ушла, бросив всё на самотёк... И я прекрасно знаю, что случившееся — моя вина! Так что не надо отчитывать меня, словно ребёнка. Я делаю то, что должна.

Она села, растерянно смотря на опустевшую столешницу. Глаза неприятно щипало от сдерживаемых слёз, в горле комом застряла неприятная горечь. А ещё было гадко от того, что сорвалась и позволила эмоциям взять над собой верх.

— Полегчало? — участливо спросила Лан Роу.

— Слегка, — Анью магией вернула бумаги на стол и принялась перебирать их, пытаясь найти свои расчёты.

— Ну, для начала и это сойдёт.

Солнце только поднималось над вершинами гор, разгоняя зыбкий предрассветный туман. Роса, что каплями осела на пожелтевших листьях и тонких ветках, ярко переливалась в лучах нового дня, похожая на россыпь самоцветов. Лан Роу спала, устроившись на небольшой кушетке в углу. Анью глянула на её умиротворенное выражение лица, поймав себя на мысли, что выслеживая демона и помогая ей, воительница, наверняка, почти не отдыхала. Будить её не хотелось, но шаги были всё ближе.

Сюрэн, которую чародейка отправила собирать смолу глицинии, ещё не вернулась, да и звук шагов был другой. Закудахтала курица, привязанная на улице и воительница резко подскочила.

— У нас гости? — Лан Роу сонно осматривалась по сторонам.

— Лао Кан пришел, — Анью глянула в окно.

— Он что, всю ночь бежал? — воительница растерянно смотрела на неё.

— Это ведь было твоё решение...

— Где Сюрэн?

— Собирает смолу глицинии для мази. Недавно ушла. Не похоже, что они встретились в

лесу.

— Может, так даже лучше... — Лан Роу вышла из хижины и спускалась по верёвочной лестнице вниз.

Анью не подала вида, но слышала, как ускорилось у воительницы сердцебиение. Это было правильно и неправильно одновременно. Она не могла понять, что именно чувствует, наблюдая за тем, как медленно, словно на казнь, Лан Роу идёт к мужчине. Заслуживал ли Лао Кан права знать правду? Да, но... Заслуживала ли Сюрен возможности быть счастливой? Да, но, казалось, что в их случае правда и счастье несовместимы. Энвиса, так же как и она сейчас, наблюдала за разговором, вслушивалась в спутанные объяснения Лан Роу. Мужчина, нахмурившись, стоял, скрестив руки на груди, слушал, не перебивал, только мрачнел всё больше и больше. За деревьями мелькнуло платье Сюрен — девушка вернулась, но не торопилась показываться на глаза, прячась от своего супруга, прекрасно понимая, о ком сейчас идёт речь.

— И ты думаешь, я об этом не знаю? — спросил Лао Кан, стоило Лан Роу замолчать.

В повисшей тишине до смешного нелепо прозвучало кудахтанье курицы. Птица каким-то невероятным образом поняла, что подала голос весьма не вовремя и принялась ковыряться в земле в поисках корма.

— Ты знал... — растерянно пробормотала воительница.

— Аюр сказал.

— И всё это время...

— Мне не важно, из чего сделано её тело. Душа Сюрен прекрасна и чиста. Для меня этого достаточно. Ты позвала меня сюда только за тем, чтобы сказать то, что я и так знал? Думаешь, что сможешь заставить меня бросить поиски? — черты лица мужчины исказились от гнева.

— Но если ты знал... — Сюрен вышла из-за дерева. — То почему... Почему ты всё ещё... Я же чудовище.

Лао Кан медленно оборачивался. Девушка держала в руках банку со смолой и жалась к стволу дерева, словно искала в нём поддержку. Даже со своей позиции Аньюриэль видела, как сильно несчастная дрожит. Сюрен было искренне жалко, а ещё в сознании проскочила неуместная мысль, что та может уронить банку со смолой.

— Потому что я тебя люблю, — ответил Лао Кан.

— Но ты не понимаешь! — закричала Сюрен. — Я не настоящая, а просто подделка! Как ты можешь быть счастлив со мной?! Я не смогу сделать тебя счастливым, не смогу родить тебе ребёнка!

— Мы возьмем сирот и будем растить как своих, — спокойно ответил Лао Кан, словно уже давно всё решил. — Так у нас будет столько детей, сколько мы захотим. Я сказал, что люблю тебя и от того, кто ты есть, это не изменится. Я вижу перед собой не голема, не куклу из дерева. Я вижу тебя. И я счастлив.

Такие простые слова, в то же время несли просто бездну смысла. Анью почувствовала, как к глазам подступают слёзы, хотя и не могла толком понять почему воспринимает всю эту ситуацию так эмоционально.

— Я рада, что для этих двоих ещё не всё потеряно. Он так отчаянно искал способ спасти любимую, глупо было сомневаться в том, что он не сможет принять правду, — Энвиса явно была рада не меньше неё, но предпочла сделать вид, что ни секунды не сомневалась в том, как всё обернётся.

— Осталось провести ритуал, — чародейка улыбнулась. — Но ничего страшного, если дать этим двоим немного времени, чтобы они успели наобниматься... И смолу всё же придётся собирать заново.

— *Лан Роу узнает, что ты — маг крови,* — предостерегла её даро.

— Я ей нужна, никуда она не денется до конца турнира. А Лао Кан не станет распространяться, так как это поставит под угрозу Сюрэн.

— Всё запомнили? — Анью бегло проверяла записи, которые собиралась оставить.

— Да, — Сюрэн растерянно кивнула.

Ритуал прошёл на удивление спокойно. Лан Роу просто растерянно сидела в углу, пытаясь осмыслить тот факт, что у неё под опекой не просто силлин, а силлин — маг крови. Видимо на то, чтобы переосмыслить картину бытия, ей требовалось время. Лао Кан отнесся к ситуации с философским спокойствием, как только Анью удалось заверить его, что для Сюрэн этот ритуал абсолютно безопасен. Мужчина был готов пожертвовать для магической печати свою кровь и даже немного расстроился, узнав, что кровь не одарённого магией не годится. Сама Сюрэн шагнула в кровавую печать так, словно прыгала в жерло вулкана. На то, чтобы переписать руны заклятия, потребовалось немало времени, но сейчас всё было позади.

— Пока наноси мазь каждый день. Потом, для поддержания результата, достаточно будет раз в пять-семь дней. Со смолой глицинии и кровью проблем не будет, остальные травы найдёте? У меня есть ещё немного в запасе.

— Они не настолько редкие, — Лао Кан покачал головой. — В Лазурной гавани их можно купить круглый год. Я даже не знаю, как выразить благодарность. Мне так неловко за то, что я был груб с тобой... с Вами...

— Можно на ты, я не против, — Анью складывала в магическое пространство книги и записи чернокнижника.

— Аньюриэль? — к ней подошла Лан Роу.

— Я не стану никому вредить, используя эти знания, можешь не волноваться. Но кому-то они могут помочь, — она выжидательно смотрела на воительницу.

— С тобой невозможно спорить, — та махнула на неё рукой и повернулась к мужчине. — Сюрэн скоро снова сможет показаться на людях, не кутаясь в платки, и я подумала, может ты сходишь и поговоришь с мастером. Тебя с радостью примут обратно в Лотос. Хватит тебе бродяжничать.

— Я тогда столько ему наговорил... — Лао Кан смутился и почесал затылок. — Вы спасли меня, хоть и не должны были.

— Да брось, — Лан Роу махнула рукой. — Я товарищей не бросаю.

— Вы не понимаете, — мужчина стал серьёзен. — Вы... Я ведь почти опустил до бесчестья и предательства. Демон приходил ко мне. Жуткая крылатая тварь. Предлагала исцелить Сюрэн в обмен на печать из школы Белого лотоса. Я знал, что это ложь, да и Сюрэн никогда не согласилась бы на такое.

Девушка кивнула, подтверждая его слова, и погладила супруга по руке.

— Не знаю, что меня удержало. Наверное, что-то из того, что вкладывал в меня мастер Раон, ещё осталось. Я прогнал демоницу... И всё же продолжал колебаться. Вернись она ещё раз, я мог и согласиться. Даже если бы Сюрэн возненавидела меня... Я готов был потерять

её любовь, лишь бы она была счастлива.

— Стало быть, демону нужен тот, кто знает где спрятаны печати, — Анью задумчиво смотрела в окно.

— Мастер Раон сейчас в гавани, вместе с остальными бойцами, так что время подумать у тебя есть. Но, я думаю, все будут рады твоему возвращению, — Лан Роу положила руку ему на плечо. — Больше нет причин быть одиночкой.

— Ты сказала, что мастер в Лазурной гавани? — Анью повернулась к воительнице.

Что-то ей определенно не нравилось, но она не могла понять, что именно. Что-то было не так, как должно. Энвиса почувствовала её тревогу и тоже напряглась. Сознание активно искало причину беспокойства.

— Ну да, — воительница непонимающе смотрела в ответ. — Сейчас же турнир. В Лазурную гавань съехались почти все, в том числе мастера и лучшие бойцы. Лаон — претендент от Белого лотоса — проиграл бой Лао Кану и запил с горя. Мастер отправился в гавань, чтобы вытащить его из трактира...

— Если мастер твоей школы и лучшие бойцы сейчас в Лазурной гавани, то кто охраняет печать, которая в школе?

Анью поняла что ей не нравится в сложившейся ситуации. Лан Роу и Лао Кан переглянулись. Повисшее молчание было тревожно-напряженным.

Глава 8. Печать Белого лотоса

*На дешевой картине
В ныне чужой гостиной
Я стою на вершине мира.
Мне невыносимо
Знать, что я медленно падаю в бездну.
Взять бы реванш, да уже бесполезно.
Если вдруг моя боль достигнет дна
Я все сожгу дотла.*

LASCALA — Агония

Анью надеялась, что смутное ощущение, которое грызло её изнутри, не оправдается, но труп, что ожидал их подле входа в школу, красноречивее любых слов говорил о том, что они опоздали. Лан Роу подбежала к юноше, но делать что-либо было уже поздно. Чародейка не знала никого, кто мог бы выжить с вырванным позвоночником.

— Наверное, он хотел позвать на помощь, — пробормотал себе под нос Лао Кан.

Она бросила беглый взгляд на лицо юноши, подмечая, что он совсем ещё мальчишка. Анью не исключала и того, что этот человек мог просто пытаться сбежать, но держала свои мысли при себе. Воздух вокруг неприятно пах кровью, ещё свежей, и серой.

— Демоны ещё здесь, — она внимательно обводила взглядом двор школы, пытаясь высмотреть врагов.

В поле зрения не было никого живого. На вытоптанной площадке лежало несколько мертвых тел. Вокруг была странная, ненормальная тишина. Даже птицы смолкли, лишь ветер покачивал стебли бамбука, играя свою странную, умиротворяющую мелодию, будто отпевал погибших.

— *Мастер и сильнейшие бойцы ушли. Эти юные, неопытные воины стали лёгкой добычей для демонов,* — Энвиса была зла и расстроена одновременно.

— Если демоны ещё здесь, — Лан Роу опустила погибшему мальчишке веки. — То, возможно, они ещё не нашли печать. Мы ещё можем успеть.

Воительница поднялась, первая вбегая через ворота во двор школы. Анью поспешила следом. За ней, словно тень, следовал Лао Кан, держа руку на рукоятке клинка.

— Ты знаешь, — мужчина поравнялся с ними. — Где мастер хранит печать? Да и зачем она демонам? Открыть разлом?

— Печати не открывают разлом, — на бегу ответила Лан Роу. — Они открывают тайник Сиена.

Лао Кан заметно помрачнел и кивнул. Анью бегло осматривала двор школы. На большой площадке, усыпанной мелким желтоватым песком, лежали несколько дохлых демонов и погибшие ученики. Весь песок был чем-то изрыт. Тёмными пятнами в него впиталась кровь. И людей, и демонов. Даже не смотря на то, что в школе остались лишь юные ученики и те, кто провинился, бойцы не сдавались, сражаясь до последнего вздоха. Однако, человеческих тел было заметно больше. Кроме того, некоторые из них были настолько изуродованы, что сложно было представить, кто их так изувечил.

В углу, у самой стены, стояли какие-то чучела и пара стоек, на которых хранилось

оружие. Часть стоек была пустой, но это несильно помогло защитникам школы. Живых демонов пока видно не было, вероятно, убив всех, кто встал на пути, они отправились искать печать.

Впереди был целый комплекс из построек разной высоты. Школа Белого лотоса, даже навскидку, занимала обширную территорию. Если верить тому, что рассказывала Лан Роу, то ученики здесь жили, учились, постигали азы разных наук и непрестанно тренировались, совершенствуя тело и дух. Кроме того, в крупных школах так же были святилища Рунаана, и Белый лотос не стал исключением.

Изображение Хранителя — небесный дракон с змееподобным телом — было везде, где только можно. Статуи на крышах, перила и даже желоба для слива дождевой воды — всё было стилизовано под дракона. Даже черепица на крышах построек была похожа на зелёную чешую. Увы, не смотря на столь почтительное отношение, Рунаан не вмешался и не помог бойцам Лотоса отразить нападение...

Не успела Анью удивиться тому, насколько далеко умудрились зайти люди, обожествляя Хранителя, как на крыше ближайшего строения раздался подозрительный шорох. Она отскочила в сторону, создавая в ладони пульсар. Демон спрыгнул с крыши, стараясь достать её когтями. Яркой вспышкой отразились лучи Солнца на поверхности клинка и в стороны брызнула чёрная кровь. Лао Кан с выражением безразличия стряхнул кровь с меча.

— Мерзость, — прокомментировал мужчина. — Нападать исподтишка.

— Не убирай меч, — Анью достала посох из-за спины. — Тут их ещё много...

Демоны, до этого момента сохранявшие неподвижность, пришли в движение. И двигались они в их сторону явно не для того, чтобы поприветствовать как дорогих гостей. Анью окинула взглядом надвигающуюся чёрную волну. Тварей было много. Твари были уродливы, как и подобает демонам Фетрании. Короткие ноги демоны компенсировали длинными руками с костяными наростами, напоминающими клинки и длинными когтями. В остальном вполне привычные глазу фетранийцы — алые глаза, клыки, тёмная кожа, покрытая чешуей, лохмотья вместо одежды. Губы чародейки растянулись в подобии улыбки. Демонов она не встречала со времён битвы за Боэр Морхен. Немного раздражала необходимость присматривать за людьми, да и школу желательно было оставить целой, но до чего же давно она не убивала демонов...

Рядом с ней нарастала концентрация энергии. Лан Роу ударила кулаком по воздуху. Сгусток ки отлетел метров на десять вперёд и разможил череп ближайшего демона. Разлетелись в стороны брызги крови и ошметки мозга. Воительница лупила по воздуху, весьма неплохо прорежая толпу фетранийцев. Выглядело впечатляюще.

Анью хмыкнула и послала в демонов стаю горящих птиц. К запаху крови и серы примешался резкий аромат горелого мяса. Те демоны, что каким-то чудом умудрились подобраться непростительно близко, встречались с Лао Каном. Клинком мужчина владел виртуозно. Он настолько играючи разрубал демонов на куски, что Анью впервые задумалась о том, что владение оружием, определённно, можно считать искусством. Она пустила магию по спирали и бросала беглые взгляды на мечника, наблюдая за этим танцем с клинком.

Лао Кан двигался легко, будто и вовсе парил над самой поверхностью земли. Быстрым и точным взмахом меча он отсёк демону лапу, отчего тварь завалилась на один бок. Мужчина вонзил клинок демону в горло и, шагнув вперед, провернул руку так, что лезвие раскрыло череп врага на две половины. Подбежавший демон замахнулся на него своим шипом-

оружием. Лао Кан легко ушел от удара в сторону и, крутанувшись на одной ноге, рассёк фетранияца напополам. Чёрные потроха глухо чавкнули, выпав на землю. Мужчина тем временем продолжал двигаться по дуге вокруг них. Парировал атаку и тут же контратаковал, рассекая очередного врага.

На него напали сразу два демона, но Лао Кан лишь едва заметно улыбнулся, отрубая лапу ближайшему из них, отталкивая его ударом ноги. Тут же переключился на второго, разрубая его на две половины одним эффектным ударом. После чего добил демона, который, скуля, пытался отползти в сторону.

Демон подбирался к мужчине со спины. Анью телепортировалась к Лао Кану на выручку, вливая энергию в посох, пробивая грудную клетку демона в том месте, где у твари, по её мнению, было сердце. Кончик меча просвистел прямо у неё перед носом. Голова демона рухнула вниз и из шеи во все стороны брызнула чёрная кровь. Чародейка зажмурилась и отступила, пытаясь стереть с лица мерзкую, вязкую, едко пахнущую серой, кровь.

— Не лезь, — Лао Кан бросил на неё беглый взгляд. — Я его видел.

— Пожалуйста, — фыркнула Аньюриэль.

Она вскинула руки, направляя в оставшихся демонов разряды молнии. Бой закончился, а в груди было странное ощущение, что этого не достаточно. Слишком просто. Слишком мало...

— И это всё?! — Анью недоуменно осматривалась по сторонам, магией убирая с лица демоническую кровь.

— Если бы ты не глазела по сторонам, то заметила бы, что тварей было больше, — проворчала Лан Роу.

— Красиво было, — чародейка пожала плечами. — Никогда не видела, чтобы кто-то так владел мечом. Больше похоже на танец...

— Благодарю, — Лао Кан отвернулся, заметно краснея.

— Впрочем, тут ты права, — воительница ткнула носком сапога ближайшую к ней тушу. — С этими и ученики вполне могли справиться. Кроме того, вчера вечером здесь были бойцы, которых мастер оставил за старших. Им эта шушера не страшна.

Анью замерла на месте, прислушиваясь к ощущениям. Что-то странное происходило рядом с ними. Она наклонилась, кладя ладонь на песок и чувствуя, как вибрирует земля.

— Что такое? — Лан Роу внимательно смотрела на неё.

— Земля дрожит и... — она обернулась в ту сторону, откуда донесся грохот.

Пока было не ясно, что к ним движется, но это что-то точно было огромным и тяжелым. Бамбук с треском ломался и падал вниз. Лао Кан встал в боевую стойку, Лан Роу заметно напряглась, Анью перехватила посох по-удобнее. К ним двигалось нечто большое и, скорей всего, недружелюбно настроенное. Каменная кладка стены с грохотом разлетелась, из облака пыли на них катился огромный каменный шар. Не сговариваясь, они бросились в рассыпную.

— Да ладно! — Анью отскочила в сторону, недоумевая, почему каменный шар повернул за ней.

— *Это не каменный элементаль. Аура как у демона,* — предостерегла её Энвиса.

Враг тут же сменил направление, продолжая преследовать её и даже ускорился.

А то я не вижу.

Анью телепортировалась в сторону.

— Вэн аэнье.

Огненная птица разорвалась всполохами пламени, нисколько не навредив демону. Лан Роу пробежала по крыше небольшой пристройки, подпрыгнула в воздух и обрушилась на демона, явно вложив в удар немало энергии. В стороны полетели осколки камня и на этом всё. Пробить броню она не смогла. Воительница отпрыгнула в сторону, переворачиваясь в воздухе и мягко приземляясь на ноги.

— Не помогло, — пробормотала она, глядя на то, как каменный шар сменил направление и покатился уже на неё.

Лао Кан попытался прийти на подмогу, но прямо за его спиной нечто огромное разнесло трехэтажную постройку. Обломки стен, каменное крошево и битая черепица похоронили мужчину под завалом. Демон шагнул вперед. Высокий, с огромными руками и ногами и непропорционально-маленькой головой. Серая бугрящаяся кожа, судя по всему, была каменной, но внимание привлекала не столько она, сколько каменные полусферы, что демон носил на руках. Огромные каменные щиты по размеру были даже больше, чем остальная туша демона. Шел он очень медленно, словно тащить столько камня ему было тяжело.

— Арса рион!

Аньюриэль не стала дожидаться, пока демон разберётся в происходящем, и атаковала первая. Тварь закрылась одним из своих щитов. Магическое копьё, треща молниями, вонзилось в камень. Тем временем из-под завалов выбрался Лао Кан. Демон повернулся к нему, недобро рыча. Чародейка щёлкнула пальцами. Взрыв заставил демона пошатнуться, что дало Лао Кану возможность подготовиться к бою. Лан Роу тем временем, с усердием зайца, спасающегося от лисицы, петляла по двору, убегая от каменного шара-демона.

Взрыв не сильно навредил врагу, скорее разозлил. Демон прижал руки к телу, закрываясь щитами и покатился в её сторону. К огромному разочарованию Аньюриэль, твари эти предпочитали передвигаться не привычным шагом...

— *Беги! Ты его разозлила,* — прокомментировала даро.

Анью, в кое-то веке, решила прислушаться к мудрому совету Энвисы и сорвалась с места. Демон покатился за ней. Чародейка лихорадочно перебирала в голове заклинания, ища то, которое сможет пробить каменную шкуру. Набегу послала нескольких огненных птиц, но толку от них не было. Вибрация под ногами стала сильнее — демон ускорился. Хороших идей не было.

— *Голова и глаза под слоем камня, но как он тогда ориентируется на местности?*

Вопрос был более чем уместным. Анью глянула через плечо. Враг за её спиной был практически не отличим от камня. Она вильнула в сторону — демон повторил движение. Она снова сменила направление. Демон не отставал. Нужно было немного времени на то, чтобы решить, как одолеть врага.

Аньюриэль на бегу коснулась наверху посоха земли, превращая её в зыбучий песок. Демон закрутился на месте, поднимая вокруг себя клубы песка и увязая ещё больше.

— А теперь держи. Моргул!

Каменный змей вздыбился из-под земли и ощерился каменными клыками на врага. Чародейка направила магию. Челюсти сомкнулись на демоне. В стороны летели песок и каменное крошево. Демон взревел, распрямляясь и разрывая ткань заклинания. Лао Кан спрыгнул с крыши, атакуя. Тварь закрылась от удара щитом. Клинок вошел в камень по самую гарду, но особого вреда не причинил. Демон ревел размахивая руками и шустро

выбираясь на твёрдую поверхность. Лао Кан отлетел в сторону, пробивая спиной стену стоящего рядом здания.

— Да чтоб тебя! — она создала огненное копье, метя в голову.

Демон, весьма шустро для такой громадины, снова свернулся шаром и покатился на Аньюриэль. Она забежала по ступеням в какую-то пристройку. Демон не отставал. К грохоту за спиной прибавился треск досок и бьющейся черепицы.

— Да ему плевать куда катиться! — она обернулась, смотря через плечо, и тут же споткнулась обо что-то.

Анью едва успела телепортироваться в сторону, шлёпнувшись на пол в нескольких метрах от того места, где должна была упасть. Демон прокатился ещё пару метров и замедлился, словно искал её каким-то своим внутренним ощущением. Чародейка, не дожидаясь, пока тварь сориентируется, поднялась на ноги выпрыгнула в окно. Демон покатился за ней следом, быстро сокращая дистанцию. Она взглядом нашла Лан Роу, и повернула к ней, махая рукой. Воительница заметила её манёвр и сменила направление. Идея была безумная, но именно безумные идеи всегда срабатывали лучше остальных. Они бежали друг другу навстречу. Краем глаза Анью заметила Лао Кана, бегущего к ним наперерез через двор.

Расстояние между ними стремительно сокращалось. Прямо за ней катилась каменная глыба, грозя в любой момент раздавить, размазать равным кровавым слоем по земле. За мгновение до столкновения Анью перехватила Лан Роу за руку, утягивая за собой в воронку телепортации.

Из портала они покатались кубарем, пачкаясь в пыли и мешанине из крови и грязи. В стороне, с оглушительным треском, врезались друг в друга демоны, не успевшие сориентироваться. Анью коснулась ладонью земли, вливая магию, сплетая заклинание, ловя демонов в песчаную ловушку. Каменные исполины раскрывались, пытаясь нащупать огромными руками край этого зыбкого болота. Лао Кан запрыгнул на спину одного из них в несколько прыжков добираясь до головы и вонзил добытый непонятно где клинок точно в макушку. Демон поднял было руки, словно хотел прихлопнуть мужчину, как назойливое насекомое, но завалился на бок, шумно выдыхая в последний раз.

— В сторону! — выкрикнула Аньюриэль, сплетая нити магии в заклинание.

Лао Кан отскочил от демонов как раз вовремя. Три полыхающих копья вонзились в оставшегося демона. Два тварь успела заблокировать щитом, но третье попала в шею, немного выше плеча. Анью дернула связь заклинания, разрывая накопленную в копьях магию. В сторону разлетелись клочья пыли, куски камня и брызги черной крови. Демон взревел, яростно молотя руками. Каменная шкура кусками осыпалась, обнажая череп и тёмно-синее, почти лиловое мясо. Лан Роу стрелой метнулась к врагу, добивая одним ударом.

Анью отпустила магию, возвращая земле привычную твердость. Она поднялась на ноги, вслушиваясь в окружение. Новых врагов пока не было слышно. Лао Кан вытаскивал своё оружие из поверженного демона. Лан Роу аккуратно спрыгнула с туши, неуверенно ступая, будто боялась, что в любой момент тоже может провалиться в песок.

— Все целы? — воительница бегло окинула их взглядом.

Анью молча кивнула в ответ.

— Самолюбие пострадало в разы больше, — Лао Кан вытащил из волос какую-то щепку.

— Нужно торопиться, раз демоны всё ещё здесь, значит они ещё не нашли печать.

— А нам где её искать?

Чародейка озиралась по сторонам, вслушиваясь в магический фон, пытаясь найти хоть что-то, что может быть похоже на магический ключ. Найти артефакт проблем не составило, вот только артефактов вокруг неё было много. Проверять все подряд — тратить время впустую. Время, которого у них было в обрез.

— Если бы я был мастером, — задумчиво пробормотал Лао Кан. — То спрятал бы печать в святилище Рунаана. Там полно всяких артефактов и прочей ерунды.

Лан Роу кивнула, принимая его версию.

Они бежали через всю школу. Мимо мелькали постройки, мертвые тела демонов и учеников. Анью на бегу бросала взгляды в окна и открытые двери. Были и простые, понятные ей, кухни и какие-то хозяйственные помещения, что-то похожее на общежитие для учеников, а временами были просто пустые залы.

Ей нужно было сосредоточиться на демонах и печати, но мысли непроизвольно возвращались к тому, как прежде текла жизнь в этой школе. Это не было похоже на жизненный уклад башни, где её обучали. Все эти вещицы, комнаты, аромат благовоний, пробивающийся сквозь запах крови, всё это было ново и интересно. Хотелось узнать больше, хотелось понять этих людей, понять, как они жили тут до того, как пришла смерть в облики демонов.

Статуя Хранителя, что стояла у входа в святилище, встречала посетителей уже не одно столетие. Камень местами источился дождём и ветром, однако взгляд каменного изваяния Рунаана по-прежнему был суровый и внимательный. Он словно всматривался в каждого, кто осмеливался подойти к его святилищу, заглядывал прямо в душу. В другое время Аньюриэль обязательно уделила бы этому образцу человеческой архитектуры чуть больше внимания, но едкий запах серы и тухлятины, что шел из распахнутых дверей, красноречиво говорил о том, что либо Лао Кан оказался прав и печать спрятана в святилище Рунаана, либо демоны рассудили так же, как и мечник.

Как бы там ни было, но внутри их ждали несколько демониц, одетых в какие-то ошметки ткани, хотя проще было бы назвать их раздетыми. Лао Кан мгновенно развернулся, выбегая из зала, и с хлопком закрыл за собой дверь. Анью лишь рот раскрыла от изумления. Такого дезертирства от мужчины она не ожидала... Но времени на возмущения не было. Кончик хлыста рассёк воздух прямо у неё перед носом. Она успела телепортироваться в сторону. Хлыст с щелчком ударил по деревянному полу, оставив трещину в половице.

Лан Роу перехватила следующую атаку на руку. Хлыст несколько раз обернулся у неё вокруг запястья. Воительница дёрнула противницу на себя. Демоница не успела сориентироваться и встретилась лицом с кулаком Лан Роу. Красивое лицо суккубы вмялось в череп с отвратительным звуком ломающихся костей. Анью взмахнула посохом, собирая воду из купелей, обращая её льдом. Острые грани ледяных копий на краткое мгновение сверкнули в свете свечей, после чего в стороны брызнула кровь.

— Ломать и крушить совершенно не обязательно, — Лан Роу недовольно покосилась на результат её колдовства.

Прибитая ледяными копьями к стене демоница ещё трепыхалась, но не было похоже, что воительнице жаль врага. Лан Роу быстро добила суккубу и повернулась к дверям, словно чего-то ждала. Анью придирчиво осмотрела зал и ещё одну статую Рунаана. Несколько дыр в стенах и полу не сильно портили помещение, по её мнению. В отличие от фетранийских отродий.

— Заходи уже, мы с ними закончили, — воительница покосилась на дверь.

Лао Кан медленно вошел внутрь. Анью бросила удивленный взгляд сперва на него, потом вопросительно посмотрела на Лан Роу. Мужчина наспех намотал на голову какую-то повязку, закрывая глаза.

— Суккубы зачаровывают мужчин взглядом, — пояснил Лао Кан. — Так надёжнее.

— А сражаться ты как будешь? — Анью выразительно изогнула бровь, выражая неодобрение этой идее.

— Мне не нужно видеть врага, чтобы его убить, — мужчина покачал головой. — Не стоит за меня беспокоиться.

— Как знаешь, — чародейка пожала плечами и повернулась к Лан Роу. — Демоны тут хоть и были, но печати не видно.

— Статую двигали, — воительница кивнула на изваяние Рунаана.

Анью подошла ближе к мраморному дракону. На досках остались характерные царапины. В небольшой зазор между статуей и полом задувал сквозняк. Анью принюхалась — пахло сыростью, плесенью и зловонием демонов.

— Как она двигается? — чародейка глянула на спутников.

Лао Кан пожал плечами. Лан Роу покачала головой. Демоны опережали их... На поиски рычага или ещё какого тайного механизма времени не было. Решение нужно было как можно быстрее.

— *Не дури, она слишком большая и тяжелая,* — предостерегла Энвиса, хотя и понимала, что в их положении нет других вариантов.

— Мне хватит сил, — она толком не знала, кого хочет убедить в этом: себя, даро или людей. — Отойдите немного.

Лан Роу, не став спорить, отошла на пару шагов назад и потянула за рукав Лао Кана. Магия оплетала статую, цеплялась за изгибы и малейшие шероховатости. Всё тело пробило волной напряжения, будто она сама, своими руками, пыталась поднять каменного дракона. Мраморное изваяние приподнялось над полом и неторопливо двинулось в сторону. В глазах медленно темнело. Разворошить пол магией было бы в разы проще, чем вот так аккуратно перемещать с места на место тяжелый кусок камня. Что-то звучно треснуло — видимо сломался механизм, который должен был открывать потайной люк. Анью предпочла сделать вид что не слышала этого. Она поставила статую на пол, немного в стороне и заглянула в открывшийся проход. В пыли на ступенях чётко выделялись следы, да и паутину, которую пауки плели долгие годы, кто-то безжалостно оборвал.

— У тебя кровь носом пошла.

— Ерунда, — отмахнулась чародейка. — Я в полном порядке.

Доски натужно затрещали и пол под статуей провалился. Каменное изваяние грохнулось вниз, подняв облака пыли. Грохот эхом прокатился по каменному коридору. Анью зажмурилась и отступила от воительницы на пару шагов, виновато прижимая уши к голове. Злость Лан Роу ощущалась даже на расстоянии. Лао Кан приподнял край повязки, оценивая масштаб разрушений, причиненных святилищу, и присвистнул.

— Тебе кто-нибудь говорил о смысле слов «бесшумное проникновение»? — ненавязчиво поинтересовалась Лан Роу.

— А давайте скажем, что это демоны сломали? — прошептала Анью.

— У нас есть время на эту ерунду? — спросил Лао Кан, первым спускаясь по лестнице.

— Потом поговорим, — Лан Роу зыркнула на неё и пошла следом.

— Я же не специально, — проворчала Анью. — Какие-то люди сделали такие хлипкие полы, а крайней стала я...

Коридор петлял, но не разделялся на боковые проходы и очень быстро они вышли в небольшой природный грот, тускло освещаемый парой факелов. Их уже ждали, что было неудивительно с учётом того, какой грохот она подняла. Огромный жирный демон неторопливо к ним повернулся, отчего белёсая кожа твари мерзко затряслась, словно пудинг. Анью с трудом сдержала порыв к тошноте. Демоница воняла как рыба, что неделю провалялась на берегу, но хуже чем запах был внешний вид. Одутловатое жирное тело, разодетое в кожаные полоски, вызывало отвращение. Оскал кривых желтых зубов был аккуратно очерчен алой помадой. Маленькие глазки были подведены чёрным, видимо, чтобы не потерялись за жирными щеками. Вместо пальцев на руках и ногах шевелились мерзкие щупальца. Демоница уперла одну из рук туда, где в теории должна быть талия, и немного отвела ногу в сторону. От этого движения жирные складки мерзко затряслись а свисающая до пупа обнаженная грудь отвратительно покачнулась.

— Это что за... — Лан Роу тоже замерла на месте, словно недоумевающая, из какого цирка уродов сбежала эта тварь.

— Имя мне Райкис, — демоница поклонилась, демонстрирую жиденькие волосики на макушке, сквозь которые просвечивала бледная кожа. — Я — королева суккубов, высший демон похоти.

Анью прикрыла рот рукой, сдерживая порыв рассмеяться, что не укрылось от недовольного взгляда демоницы. Лао Кан напрягся. В отличии от них он имел счастье не лицедреть это воплощение крылатой фразы «красота — страшная сила». Вероятно, воображение мужчины сейчас рисовала демоницу невиданной красоты, способную одним своим видом сводить с ума самых стойких мужчин.

— Убьём её и заберём печать, — предложила Анью.

— Вы опоздали, малыши, — Райкис облизнулась. — Госпожа Белакис и её чемпион уже забрали печать. А я осталась чтобы показать вам то, о чём вы и мечтать не могли в своих самых дерзких фантазиях.

— Нет, спасибо, — Лан Роу покачала головой, вставая на изготовку.

— А я настаиваю.

Райкис вскинула перед собой руки. Щупальца, извиваясь, потянулись к ним. Анью телепортировалась в сторону. Лан Роу шустро отпрыгнула и, ловко уворачиваясь, пыталась подобраться к врагу ближе. Лао Кан парой взмахов меча отсек несколько щупалец, отчего демоница захохотала так сильно, что с потолка посыпались мелкие камушки.

Аньюриэль создала стаю грозовых птиц, атакуя. Щупальца извернулись, сбивая заклинание. Пусть и уродливая, но тварь назвалась высшим демоном. Лёгкий бой никто не обещал, кроме того, чародейка была вынуждена сдерживаться из-за того, что рядом люди, да и пещера могла обрушиться им всем на головы.

Лан Роу послала во врага заряд ки. Энергия ударила демоницу в брюхо. Кожа прогнулась и тут же вернулась в изначальное состояние, отбрасывая сферу энергии обратно. Воительница едва успела уклониться. Камень за её спиной пошел трещинами. Райкис истерично рассмеялась, поворачиваясь к девушке.

— Какая шалунья, — тварь облизнулась, замахиваясь.

Щупальца метались из стороны в сторону, пытаясь схватить девушку. Лан Роу изворачивалась и отбивалась как могла. Отрезать или оторвать кусок от щупальца было

несложно, вот только культияпки практически мгновенно делились надвое, становясь ещё длиннее. Лао Кан отчаянно отбивался уже от десятка.

Анью пригнулась, уворачиваясь от очередного склизкого захвата. Она телепортировалась немного вперёд на свободный участок, сплетая нити магии в заклинание.

— Хадро террион.

Волна магической энергии придавила демоницу к полу и практически сразу спружинила, отчего по потолку пошли трещины. Райкис снова засмеялась. Её смех был отвратительно высокий, почти писклявый, что вызывало ещё больше отвращения.

— Не доламывай школу! — рявкнула Лан Роу, отсекая очередное щупальце.

— Деточки, не ссорьтесь — меня на всех хватит, — улыбка демоницы стала ещё шире. — У меня много сюрпризов.

Пол под ногами треснул. Взвились вверх несколько десятков щупалец. Анью увернулась от ближайшего, создавая огненное копьё, посылая его во врага. Магия взорвалась, прокатившись по гроту гулким эхом и облаками пыли. Где-то закашлялись Лан Роу и Лао Кан. Злобно смеялась демоница, словно сильнейшее заклинание, на которое Аньюриэль была способна, для неё всего лишь щекотка. Щупальце сбilo воительницу, бросив её в Лао Кана. Тот едва успел отвести клинок, чтобы не убить ненароком девушку. Лан Роу упала напрямик на него.

Анью бросилась на подмогу, сбивая магией особо шустрые щупальца, тянущиеся к товарищам. Райкис зашипела и крутанулась вокруг своей оси, поднимая клубы пыли. Мелкая взвесь попала в лицо. Аньюриэль отчаянно тёрла глаза. Что-то мерзкое и склизкое обвилось у неё вокруг ноги, дёргая в сторону. Чародейка беспомощно взмахнула руками, заваливаясь на пол. Она больно приложилась о камни спиной и затылком. Где-то взвизгнула Лан Роу, что-то кричал Лао Кан.

Чародейку протащило по полу. Спина и голова очень четко отметили каждый выступ и камень, что попались на пути. Демоница, отвратительно хихикая, подняла её в воздух, ударяя об потолок. Практически сразу её приложило об пол, а затем об стену. В голове загудело. В глазах потемнело, лишь изредка вспыхивали яркие искры при очередном ударе. Новое щупальце обвилось вокруг шеи и ещё пара вывернули руки за спину.

— Какая же ты страшенькая, — Райкис наклонилась, её дыхание окатило чародейку волной смрада. — Ну ничего, сейчас я с тобой поиграю.

От мерзкого запаха на глазах навернулись слёзы. Ещё одно щупальце обвилось вокруг груди, больно стискивая и не давая нормально дышать. Кончик склизкой дряни пытался протиснуться под одежду. В глазах всё ещё плясали искры. Лан Роу яркой вспышкой взметнулась к потолку, оттолкнулась от него и обрушилась на Райкис лавиной ударов. Воительница молотила демоницу, словно собиралась превратить её в кровавое месиво, вот только плотная шкура и невероятный слой жира не давали возможности пробиться до жизненно важных органов.

Ещё одно щупальце обвилось вокруг бедра, медленно заползая под мантию. Анью испуганно дернулась, но хватка на шее стала сильнее. Казалось, что сердце стучит в ушах. Подоспевший на подмогу Лао Кан отсек щупальца, державшие Аньюриэль. Она рухнула на пол, судорожно вдыхая. Отвращение и злоба смешались в груди. Внутри неё клокотал огонь, требуя уничтожить врага. На коже заплясали языки пламени, сжигая скользкие пути. Воздух наполнился тошнотворным ароматом горелой тухлятины.

— Забирай Лан Роу и убирайся отсюда, — чародейка сдёрнула с шеи обгорелое

щупальце, рассыпавшееся в руках пеплом.

— Ты не останешься тут одна, — мужчина схватил её за руку, поднимая на ноги.

Демоница скинула с себя Лан Роу и швырнула её в стену. Аньюриэль создала вихрь, стараясь смягчить удар. Лао Кан толкнул чародейку в спину, принимая на себя удар щупальца. Склизкая дрянь обхватила мужчину поперёк туловища. Райкис притянула к себе Лао Кана, сдёргивая повязку с его лица. Анью оттаскивала оглушенную Лан Роу в сторону и жалела, что сейчас не видит выражения его лица.

— Люблю красивых мальчиков, — демоница улыбнулась и припечаталась губами к лицу мужчины.

Анью почувствовала, как желудок свело спазмом. Лао Кан, не глядя, вонзил в грудь демоницы клинок и вогнал кинжал твари в щёку.

— Гадкий мальчишка! — Райкис отшвырнула его в сторону. — Вы все поплатитесь за свою дерзость.

— Унеси её, — Анью перехватила взгляд Лао Кана и бросилась наперерез демонце. — Вы двое мне только мешаете!

Мужчина кивнул, уворачиваясь от щупалец. Он подхватил Лан Роу на руки и припустил в сторону коридора. Анью создала нескольких огненных лошадей, не давая демонице помешать бегству товарищей.

— Думаешь, что сможешь справиться со мной, девочка, — тварь оскалилась, демонстрируя весь арсенал клыков. — Я ведь ещё даже не начинала играть серьёзно.

— Я тоже.

Звук шагов за её спиной удалялся. Лао Кан должен был быть уже достаточно далеко, чтобы она не навредила ему и Лан Роу. Чародейка отпустила магию, давая волю гневу.

— Ты посмела облапать меня... — факелы на стенах ярко вспыхнули, подпитываемые магией и злобой.

Потянувшиеся к ней щупальца смела волна пламени. Анью свела руки, создавая огненный смерч. Чародейка вливала в огонь всё больше и больше магии, наращивая жар. Огонь из красно-оранжевого стал желтым, а потом и вовсе бело-золотым. Плавился камень. Орала, стгорая живьём демоница. Казалось, что мерзкий запах горелого жира ещё долго будет её преследовать. Потолок треснул. Столб пламени поднялся в небо.

Они сидели в кабинете советника Фархана. Такие, как были после боя, только ещё и вымотавшиеся после пробежки. Времени на то, чтобы привести себя в порядок у них не было. Анью вяло слушала как рассказывала о случившемся в школе Белого Лотоса Лан Роу. Надо было хотя бы от грязи и сажи себя почистить, но чародейке было откровенно всё равно, как она сейчас выглядит. Апатия и злость попеременно брали верх, но сейчас было не ясно, что делать и приходилось сидеть и ждать. Голова гудела нещадно.

Они трое являли собой весьма жалкое зрелище. Побитые, грязные, пыльные, лохматые, обляпанные зловонной слизью. Лао Кан цветом лица всё ещё был слегка зеленоватый. Когда Анью вылезла из воронки, оставшейся на том месте, где совсем недавно было святилище Рунаана, мужчина блевал в кустах...

Помимо уже знакомого ей Фархана, в комнате собрались другие советники и мастер Раон — глава Белого Лотоса. Мужчина выглядел мрачнее грозовой тучи и приглушенно

скрипел зубами. Лан Роу бросала на него виноватые взгляды, хотя и было понятно, что они сделали всё, что смогли. Но этого оказалось недостаточно...

Анью равнодушно осматривала присутствующих. Совет Аньшу состоял из тех, кто прежде были мастерами в своих школах. Все мужчины, хоть и были внешне стары, но не утратили физической формы и не заплыли жиром. И пусть на лицах каждого из них были морщины, но взгляд был ясным, а горделивой осанке позавидовали бы многие. Этих людей подняли среди ночи, но никто не выказывал недовольства. Все были сосредоточены.

Дослушав рассказ о случившемся, мастер Раон молча поднялся и ушел. Анью предполагала, что он отправился в Белый Лотос. Про то, что сражение с демонами оставило весьма существенные последствия на территории школы, Лан Роу не сказала. Аньюриэль малодушно надеялась, что скорбь по погибшим ученикам окажется сильнее негодования за разрушенное святилище. Лао Кан вышел вслед за мужчиной.

Советники о чём-то активно переговаривались. Вопреки ожиданиям, новость о нападении демонов не вызвала криков и паники. Мужчины спокойно, не перебивая друг друга, обсуждали, как обезопасить мирное население и не допустить больших жертв. Кто-то отправился будить мастера Зодо — главу Алой Хризантемы. Вторая печать хранилась в его школе и, можно было предположить, что именно это место станет следующей целью демонов.

Аньюриэль устало потёрла виски. Казалось, что ещё немного и голова расколется пополам. Радовало, что советники обсуждают сложившуюся ситуацию спокойно, а не орут друг на друга, но сейчас очень хотелось отдыха и тишины. Она аккуратно прикоснулась к затылку, где всё ещё неприятно саднило — там коркой запеклась кровь. Перспектива вымывать свернувшуюся кровь из волос не обрадовала.

— Лэри Аньюриэль, — советник Фархан опустил на колени перед креслом, в котором она сидела, и положил ей на колени какой-то сундучок. — Бумаги, о которых мы договаривались. Вам следует посетить целителя. Вы итак уже сделали очень много. Ступайте. Лан Роу проводит вас к жрицам Рунаана.

Она послушно поднялась, уходя за Лан Роу. Общаться с шумными и назойливыми жрицами не сильно хотелось, но спорить сил не было.

Её настойчиво тормошили, но просыпаться совершенно не хотелось. Громкие голоса раздражали.

Ну почему меня просто не оставят в покое?!

Аньюриэль подтянула к себе одеяло и завернулась в него целиком. Голоса стали громче.

— А ну вставай!

Одеяло сдёрнули и её насильно посадили на кровати. Аньюриэль сонно смотрела на Лан Роу, одеяло в руках воительницы и толпящихся в дверях жриц во главе с Харико.

— Так дело не пойдёт, — Лан Роу покачала головой. — Её нельзя в таком виде на арену выпускать.

— На какую арену? — чародейка переводила взгляд с воительницы на одеяло, надеясь вернуть его себе и поспать ещё немного.

— У тебя бой меньше чем через час! — негодовала Лан Роу. — Ты что, легла спать и не отмылась?! Девочки, сбегайте к Рёле, пусть поставит её бой последним. Тут работы...

Одна из жриц кивнула и вышла. На её место тут же протиснулась Эйша, на макушке которой стоял Пэн.

— Так, — старпом быстро оценила масштаб проблемы и взяла всё под контроль. — Нужна ванна с горячей водой. Чем горячее, тем лучше. Она может и в кипятке сидеть, ничего ей не сделается. Мыльный корень тоже несите... И побольше.

Её чуть ли не волоком потащили в купальню. В несколько рук принудительно раздели и спихнули в бассейн, где уже нагревалась вода. Аньюриэль недовольно ворчала от того, что её против воли трогают и трут, но это помогало проснуться. Она повела рукой, нагревая воду сильнее. Стало в разы приятнее. Горячая вода с какими-то травами и маслами вытягивала усталость из натруженных мышц.

— На пустой желудок драться нельзя, — Харико сунула ей в руку кусок хлеба с сыром и веточкой какой-то ароматной травы.

Анью быстро съела угощение и посмотрела на жрицу голодным взглядом. Желудок требовал ещё и побольше. Она уже и не помнила, когда ела до этого.

— Ты её что, вообще не кормишь? — Лунная фея глянула на Лан Роу, покачала головой и вышла.

Анью надеялась, что за едой. Лан Роу тем временем пыталась привести её волосы в порядок и распутать собравшийся на затылке колтун. Фэй Амун ещё ночью вылечила все раны и синяки, но сил на то, чтобы отмыться уже не было и Анью рухнула спать в чём была, мгновенно забывшись тревожным сном. Казалось, что торопиться некуда. Демоны ведь уже напали, не побоявшись гнева Рунаана, а значит турнир отменяют...

— Стоп, — она резко встала. — Какой к демонам бой?!

— Твой, — Лан Роу надавила ей на плечи, усаживая обратно в воду. — С Лао Каном.

— И не смей не прийти, — Эйша сурово глянула на неё. — Я на тебя поставила.

— Вы рехнулись с этим турниром? Демоны украли печать и вот-вот явятся за второй, а вас волнует показная драка и ставки?! Я последняя сознательная в Аньшу?

— Фархан отправил в Алую Хризантему отряд солдат. Мастер Зодо вернул часть бойцов в школу. Печать надёжно охраняют. Но Совет принял решение, что турнир должен продолжаться. Сейчас в Лазурной гавани большая часть населения Аньшу и сильнейшие бойцы. Рядом живёт Рунаан. Если демоны нападут, защитить один большой город будет в разы проще, чем множество маленьких деревень. А если объявить о новом вторжении — начнётся паника. Защищать людей здесь будет проще.

— Рунаан не сильно помог сражаться с демонами, нападшими на твою школу. И паника начнётся в любом случае, если дойдёт до открытого вторжения.

— Рунаан не может быть везде одновременно. Да и школа уже не моя, — Лан Роу покачала головой. — Советники и посредник не принадлежат ни к одной школе, даже если прежде были учениками и мастерами. Это позволяет сохранять непредвзятое отношение.

— Что-то я не припомню непредвзятого отношения к Ходону, — съязвила Анью. — Я отправляюсь в Алую хризантему и заберу печать прежде, чем до неё доберутся демоны.

— Печати — просто безделушка, если не знать где тайник. Сиен никому не сказал, где спрятал Ковчег. Фархан надеется, что в тех записях, что он тебе передал, есть подсказки. С одной печатью демоны ничего не смогут сделать. А у нас есть ещё время, чтобы понять, кто из участников спелся с фетранийцами, да и зачем им этот союз как таковой. Та уродливая тварь сказала, что Белакис со своим чемпионом забрали печать, а значит, я была права. Титул чемпиона турнира может стать серьёзным искушением для многих.

— Я ещё не читала ничего из того, что передал мне советник...

— После боя займётся.

— Да не собираюсь я идти на арену, — от волны негодования вода в купальне закипела.

— Что?! — взревела Эйша. — Я на тебя поставила всё, что у меня есть! Ты не посмеешь кэп!

— И я, — робко подал голос Пэн, наблюдающий за происходящим с небольшого столика, заставленного пузырьками из разного цвета стекла.

Анью недовольно зыркнула на них. Толпящиеся в дверях лунные девы стыдливо отводили глаза. У одной из них Анью заметила в руках подозрительно знакомые бумажки.

— Ты на корню уничтожаешь их корыстные планы, — веселилась Энвиса.

— Это даже не смешно! — она рассерженно обводила взглядом присутствующих. — Вы что, все на мне наживаетесь?!

— Я на Лао Кана поставила, — робко прошептала одна из девушек. — Просто он такой красивый...

— Он женат, — отрезала Лан Роу.

— Ну и что? Всё равно красивый, — жрица покрылась румянцем.

— Если ты не выйдешь на арену, турнир это не сорвет, — воительница серьёзно посмотрела на неё. — Турнир всё равно продолжится. И я продолжу искать предателя. Если обезвредить его — демонам будет сложнее действовать. Жизнь продолжится, если ты не выйдешь на арену, но будет она крайне нищей и голодной, поэтому одевайся и вперёд к победе. Моё финансовое благополучие на твоей совести.

— У тебя вторжение демонов на носу, а ты переживаешь о деньгах? — она непонимающе смотрела на воительницу. — У тебя с головой всё хорошо? Может Фэй тебя не долечила.

— Вторжение может будет, а может и не будет. А есть мне надо каждый день. Ну, кроме разгрузочных. Одежду приготовили? — Лан Роу повернулась к жрицам.

Одна из них, гордо улыбаясь, вытянула вперёд коробку.

— Это обязательно? — Анью поправила пояс. — Не понимаю, как в этом ходить...

Ткань, на удивление, была приятной к коже, вот только само платье, в которое её нарядили, было слишком непривычного кроя. Практически голая грудь, широкий пояс и длинная юбка с двумя глубокими вырезами по бокам. Сальный взгляд, которым провожали её стражники, говорил о том, что открытой кожи слишком много. Анью потянула верх платья, пытаясь скрыть по-больше.

— Это традиционное платье аньшуйских воительниц. Сама Фэй Амун облачалась в такое в былые годы, — Лан Роу поправила заколку у неё в волосах и явно осталась довольна её внешним видом. — Будем считать, что это — культурный обмен между нашими народами. Я бы с удовольствием одела что-то из рохэндельских одежд.

— Видимо аньшуйские воительницы предпочитают сражаться обнаженные, — проворчала Аньюриэль. — Тут же всё напоказ.

— С твоей фигурой, можно и показать малость. Удачи и не смей проигрывать, — она развернулась, уходя по коридору.

— Да-да... — Анью двинулась к воротам.

Знакомый ей стражник, что и прежде нёс вахту у этого выхода на арену, встретил чародейку потрясенным взглядом и приоткрытым ртом. Аньюриэль спешно прошла мимо, некомфортно ощущая себя под таким пристальным взглядом.

— *Не переживай, здесь половина женщин так одевается, а те бернийцы всё равно не приходят наблюдать за боями. Никто не увидит тебя в таком виде,* — поддержала Энвиса.

— Никто, кроме нескольких тысяч человек, — Анью окинула взглядом толпу.

Рёла объявила её выход. Люди заголосили. Аньюриэль на мгновение замерла, решая чего она больше хочет: выйти на свет или сбежать подальше от арены. Сбежать хотелось сильнее, но она всё же сделала шаг вперёд. Люди махали ей руками и флажками, хлопали в ладоши.

Они ведь даже не знают, что в любой момент всё это может закончиться. В любой момент на город нападут демоны.

Она спускалась вниз, обводя взглядом зрителей. Всматривалась в лица. Мужчины, женщины, дети, старики. Если демоны нападут на город, хватит ли сильных бойцов, чтобы защитить всех? Анью сильно сомневалась, что получится провести сражение так, чтобы спасти всех. Погибшие будут, это неизбежно. В любой момент жизни этих людей могут трагически оборваться. Они смеются, выкрикивают её имя, улыбаются и даже не осознают, какая угроза нависла не только над Аньшу, но и над всей Акрасией.

У прохода сидела уже знакомая девочка с нефритовой фигуркой в руках. Малышка радостно махала ей ладошкой. Анью улыбнулась и помахала в ответ, а потом сотворила из магии светящегося мотылька и отправила девочке. Малышка завизжала от восторга, когда магическая бабочка приземлилась ей на руку.

Какая малость порой нужна для того, чтобы почувствовать себя счастливой.

Лестница закончилась как-то слишком быстро. Она стояла на краю арены, ожидая противника. Драться с Лао Каном не сильно хотелось. Это казалось глупым. Им нечего делить, не за что соперничать. Они сражались вместе против общего врага буквально вчера, а теперь вынуждены будут скрестить оружие в угоду чужому развлечению.

— Лютерийский рыцарь на арене! — Рёла помахала ей рукой. — Встречайте! Лучший мечник Аньшу! Одиночка Лао Кан!

Мужчина появился не из ворот, а вышел на крышу над ними. Зрители встречали его не менее радостно. Лао Кан улыбнулся, сдержанно кивнув людям, после чего снял с головы шляпу, красивым жестом запуская её в воздух. Он оттолкнулся от крыши, подпрыгивая вверх, несколько раз перевернулся в воздухе и мягко приземлился на арену. Мужчина вытянул руку перед собой, ловля шляпу и одевая обратно. Арена потонула в ликующем вопле зрителей. Особенно звонко кричали девушки, на которых этот жест явно произвёл впечатление.

— *Это, разумеется, позёрство, но до чего же красиво,* — Энвиса смущённо удалилась в подсознание, стараясь скрыть восхищение.

Анью улыбнулась. Рёла ударила в гонг. Лао Кан опустился на одно колено. Чародейка изумленно смотрела на мужчину, не понимая, что происходит.

— Я признаю своё поражение, — громко заявил Лао Кан.

— *Ого!* — встрепелась Энвиса. — *Он отдаёт тебе победу.*

— Невероятно! — в повисшей тишине голос Рёлы показался неожиданно звонким. — Вы это видели?! Не верю своим глазам! Лао Кан отказался от боя, Рыцарь Лютерии проходит дальше.

Лао Кан поднялся, довольно улыбаясь. Проигрыш и выбывание из турнира его ничуть не

заботили.

— Почему? — она непонимающе смотрела на несостоявшегося соперника.

— Это меньше, что я могу для тебя сделать, — Лао Кан развернулся, уходя с арены, проигравший, но не побеждённый.

Люди что-то кричали. Громче всех голосила Эйша, то ли празднуя её победу, то ли свой выйгрыш. Анью бросила беглый взгляд на старпома. Лан Роу рядом не оказалось.

Побежала к Лао Кану, наверное.

Что-то говорила Рёла, но Анью не обращала внимания на слова девушки. Какая-то мысль крутилась в голове, но никак не получалось ухватиться за неё. Лао Кан поднялся по лестнице, скрываясь в тёмном проходе ворот. Она сделала шаг за ним, понимая, что не спросила то, что очень важно.

Анью бежала, перепрыгивая через ступеньки. Лао Кан неторопливо шел по коридору.

— Постой! — она догнала мужчину. — Я хотела спросить. Почему?

— Я ведь уже сказал...

— Я не об этом. Ты знал, что Сюрэн не такая как другие, но всё равно остался с ней, даже когда она прогнала тебя... Почему?

— Тот, кто любит, разделяет судьбу того, кого он любит, разве не так?

— Вот вы где! — из-за поворота выбежала взволнованная Лан Роу. — Прилетел сокол с посланием от командира отряда, который Совет выделил для защиты Алой Хризантемы. Демоны похитили вторую печать. Когда солдаты пришли, сражаться уже было не с кем...

Глава 9. Лёгкость бытия

*Одному милый дом,
Другому — тюрьма,
Одному нужен мир,
Другому война,
Между этих светил,
Рвётся-мечется след,
Нам всегда нужен мир,
Где его уже нет.*

*Ясвена — Игры
Я потеряла обе печати...*

Ноги подкосились. Звуки стали глухими. Что-то говорил Лао Кан, но она просто не слушала. Не желала слушать. К горлу подступила тошнота.

Всё это время... Всё это время, пока я занималась ерундой...

— Пока я занималась ерундой, демоны нашли Ковчег... — она, не скрывая ярости, подняла взгляд на Лан Роу.

— Лишь печати. Фархан разослал солдат по Аньшу. Стоит демонам появиться — мы узнаем. Ещё не всё потеряно, — Лан Роу попыталась коснуться её руки.

— Не всё потеряно?! — Анью отшатнулась от неё. — Я потеряла осколок, пока отплясывала как шут на этой идиотской арене, чтобы ты и тебе подобные набивали карманы! Я потратила время на эту ерунду, вместо того, чтобы заниматься тем, что действительно важно! А ты, если уж так не хватает денег, попроси у Совета прибавку к жалованию.

— Тот, кто заключил союз с демонами — участник турнира. Осталось не так много. Семеро, кроме тебя. Я смогу вычислить его и остановить демонов, но мне нужна твоя помощь.

— Ты предлагаешь мне и дальше скакать по арене, когда с минуты на минуту начнётся новое вторжение?! Я уже помогла тебе и потеряла Ковчег!

— Ты не понимаешь...

— Нет! Это ты не понимаешь. Для тебя всё это, — она обвела руками коридор. — Просто развлечение. Кто-то победит, а кто-то проиграет. Только цена всего этого — человеческие жизни. Демоны не шадят, не берут пленных. Там, где прошлись эти твари, остаётся лишь залитое кровью пепелище.

— Я сталкивалась с демонами и знаю, на что они способны. Я тоже была в Белом лотосе сегодня днём. Это ты не понимаешь, я делаю всё, что в моих силах!

— Развлекайтесь с турниром дальше сами. У меня есть дела поважнее.

Она развернулась на каблуках, уходя по коридору. Внутри клокотала злость. К глазам подступали слёзы. Молчала Энвиса. Вероятно, даро понимала, что обвинения сейчас излишни. Аньюриэль лучше, чем кто-бы то ни было в Аньшу, понимала, что начнётся в гавани, когда явятся демоны. Нужно было решить, что делать дальше.

Это был провал. Во всех смыслах. Анью мерила шагами свою каюту, пытаясь решить, что делать дальше. Обе печати, открывающие тайник Сиена, были у демонов. В любой момент твари найдут осколок Ковчег, а она даже не знала, куда они отправятся. Невозможность ничего сделать была в разы тяжелее, чем ощущение от того, что провалила возложенную на неё миссию.

Она мерила каюту шагами, будто зверь клетку. Мысли хаотично метались в голове. Она искала возможные решения проблемы, но не находила их. Притихла Энвиса, вероятно, тоже не зная, что делать. Можно было, конечно, отправиться в Алу ю хризантему. Вот только особого смысла в этой поездке не было. Демоны уже перебили учеников, забрали печать и вряд ли будут дожидаться, пока приедут сильные бойцы. Фетранийские отродья предпочитали вести войну исключительно подлыми методами, открыто нападая только тогда, когда были уверены, что преимущество на их стороне.

Какое преимущество даст Фетрании осколок Ковчег, даже думать не хотелось. Аньюриэль на себе прочувствовала, что просто так держать в себе божественную силу под силу не каждому, да и демоны создания Тьмы, для них это должно быть в разы сложнее... Но если вспомнить о том, что Второе Вторжение отразили лишь силой эсдо и Ковчег, то достаточно будет просто лишить акрасийцев этого преимущества, чтобы одержать победу. Ковчег был последней надеждой её мира.

Из эсдо в живых остались, насколько она знала, Азена и Шанди. За Азenu она не переживала — Ард Рена была на пике могущества и осколок Ковчег, скорей всего, хранится где-то в Рохэнделе. Злить Азenu станет лишь тот, кто хочет умереть максимально болезненно. Даже без силы Ковчег владычица силлинов невероятно могущественна.

Шанди — йоз, который встретился ей в Лютерии — уже стар и, вероятно, растерял большую часть своей силы. Кроме того, Анью не знала, что с ним стало. Последний раз она видела его возле церкви безумных сектантов. Возможно, Шанди погиб, сражаясь с демонами где-то на равнинах близ Боэр Морхен.

Лютеран, как и Сиен, были людьми, и давно уже умерли. Калатур — гномий эсдо — тоже умер примерно век назад. Нинав давно пропала. То видение, что явилось ей на Тортоике, не было призраком, скорее всего, просто остаточная магия, собранная в фантом. И, тем не менее, что случилось с эсдо, было неясно. Кадан тоже исчез несколько столетий назад и его судьба была загадкой для всех.

Стало быть, из всех эсдо можно положиться лишь на Азenu.

Перспектива была удручающая. Сколь бы могущественна не была Ард Рена, в одиночку спасти Акрасию не под силу никому. Сама Аньюриэль, без лишних вопросов, встанет рядом с Ард Реной, как того требует долг крови. Других вариантов она даже не рассматривала, вот только опыт игры в асар подсказывал, что расстановка сил на доске мироздания не в их пользу. Если она потеряет Ковчег, хоть осколок... Последствия для Акрасии будут ужасными. Если она сможет уберечь Ковчег, то в тот момент, когда демоны нападут, можно будет найти тех, кто станет новыми эсдо. Тогда у их мира будет шанс.

Нужно найти решение. Оно обязательно есть. Не может не быть. Безвыходных ситуаций не бывает.

На глаза попала шкатулка, которую передал ей советник Фархан. Она откинула крышку, бегло перебирая бумаги и какие-то свитки. Большую часть содержимого шкатулки представляли потрепанного вида письма и ветхие дневники в кожаном переплёте. Нос тут

же зачесался от того, сколько пыли было в записях, но чародейка просто не обращала на это внимания, мельком просматривая записи.

Идея была предельно простая. Если она узнает, где Сиен спрятал свой осколок, то сможет опередить демонов или хотя бы перехватить их. Вот только Сиен любил писать обо всём, кроме того, что было важно. Эсдо любил любоваться водопадами и рассветами, на две страницы расписывал как колышется бамбук на ветру. Были и полезные записи о медитациях, управлении энергией и развитии внутренней силы. Вот только именно сейчас было совершенно не до этого.

Она отбрасывала дневники в сторону один за одним, медленно теряя надежду. Она скользила взглядом по последней странице, уже и не надеясь найти в записях хоть что-то.

«Демоны могут вернуться...»

Взгляд зацепился за фразу, и Аньюриэль вмиг стала внимательней, вчитываясь в мелкий почерк эсдо.

«Тогда Аньшу понадобится сила Первозданного Света, чтобы противостоять им. Когда я уйду, я оставлю им Ковчег. Я скреплю тайник печатью и отдам её части моим лучшим ученикам. Школа Лотоса получит чёрную печать, а Алая хризантема — белую. Соединив их вместе, они получают оружие для борьбы с демонами. Мне остаётся лишь надеяться, что найдётся тот, кто сможет управиться с этим могуществом.»

Она перевернула страницу, продолжая читать. Робкая надежда снова поселилась в душе.

«А что если демоны найдут печати? Эта мысль не даёт мне покоя долгие месяцы. И я нашел решение. Я не позволю демонам добраться до тайника. Я наложу ещё одно заклинание на печати. Объединить их сможет лишь аньшуец, истинный боец и мастер боевых искусств, сильный телом и духом. Даже если демоны получают печати, в их руках они будут бесполезны.»

— Что ж, — Анью оторвалась от чтения. — То, что демоны не могут сами открыть тайник — хорошая новость. А вот то, что нашелся обсос, который делает это за них — уже не так хорошо.

— *Нужно ещё знать, где этот тайник открывать...* — Энвиса тоже не сильно обрадовалась новостям.

После записи шел длинный отступ. Внизу страницы было лишь несколько строчек, которые явно писались в спешке.

«Я увидел в нём червоточину и отшатнулся. Как это возможно? Он был лучшим среди прочих. Первым, среди моих учеников, но в его сердце проникла тьма...»

На этом дневник заканчивался.

— И что? И это всё?!

Анью суматошно перебирала другие записи. Вот только все остальные дневники и письма явно писались ранее. Основание школ Лотоса и Хризантемы, набор учеников, развитие духовных путей. Всё это было не то, что нужно.

— Да быть этого не может! — Анью схватила злополучный дневник, яростно всматриваясь в последнюю страницу. — Куда ты его дел?!

— *Глянь, что это за бахрама?*

Анью всмотрелась внимательнее. Страница с записью была не последняя. Вернее, она когда-то не была последняя. Кто-то аккуратно вырвал последнюю страницу.

— Я разнесу этот Совет по камушку и оторву Фархану голову! Дурить меня вздумал?!

Она подскочила на ноги, выбегая из каюты. Эйша с Аквандером, намывающие палубу,

повернулись, удивлённо глядя на неё.

— Ты что делаешь?! — чародейка бросила взгляд на старпома.

— Как что? — Эйша упёрла руки в бока. — Ты команду нашла? Нет! Приходится мыть полы мне, на пару с этим чудиком.

— Тут демоны со дня на день нагрянут, а тебя волнует, что тут натоптано?!

— И что с того? Я, если и помру, то на чистой палубе!

— Как знаешь, а мне пару голов оторвать надо, — она сбежала по сходням вниз.

На причале её уже поджидали. Мужчина, про которого она и думать забыла, перегородил дорогу, широко расставив руки в стороны.

— Рыцарь Аньюриэль, — Бэнбрюс широко улыбнулся. — Я тебя с утра дожидаюсь. Хотел посмотреть на бой с Одиночкой, но не довелось.

— У меня нет времени, — она попыталась обойти человека.

— Я быстро, — он шагнул в сторону, снова преграждая ей дорогу. — Это очень важно.

— Быстро, — буркнула Аньюриэль, понимая, что этот человек всё равно не отстанет.

— Не могла бы дать мне немного своей крови, — он протянул пару стеклянных колб.

— Что?! — она смотрела на колбы с выражением искреннего недоумения.

— До меня тут дошел слух, что когти кумихо ядовиты. Ты сражалась с ней, будучи раненой, и не выказывала никаких признаков отравления. Я хочу протестировать твою кровь с разными видами яда...

— Прочь с глаз моих! — она яростно посмотрела на сумасшедшего исследователя и телепортировалась ему за спину, шустро убегая в сторону Совета.

Руки мелко дрожали от распирающей изнутри злобы. Она проталкивалась сквозь толпу людей. Шум голосов эхом отражался в голове. Этот гул, похожий на рассерженное жужжание растревоженного улья, раздражал ещё сильнее. Все эти люди — стая стервятников, наживающихся на кровавом зрелище! То, что вот-вот нагрянут демоны и всех поубивают, даже начинало казаться правильным.

Какая-то телега с кучей хлама перегородила дорогу. Анью легко запрыгнула наверх, в пару шагов преодолевая нагромождения, и спрыгнула с другой стороны. Музыканты, артисты, зазывалы чайных лавок, резкие запахи и гомон людей — всё это раздражало. Злость стремилась вырваться, покалывала магическими искрами в кончиках пальцев, призывая сжечь. Сжечь этих праздных глупцов, позабывших заветы своего эсдо. Сжечь всё. Сжечь хоть что-то...

— Аньюриэль, — кто-то схватил её за руку.

Она резко развернулась. Пальцы сплели нити магии в пульсар. Люди расступились, опасливо косясь на неё.

— Не надо раскидываться магией на людной улице, — Лао Кан отпустил её, поднимая руки ладонями вверх.

— Я тороплюсь.

— Я вижу. Могу спросить, куда?

— Уничтожить Совет, — она развернулась, собираясь уходить.

— погоди, — он быстро взял её под руку. — Давай сперва я кое-что тебе расскажу, а потом пойдёшь устраивать государственный переворот. Десять минут ничего не решат.

— Ты это демонам скажи.

— *Давай послушаем, что он скажет,* — Энвиса говорила ласково, словно увещевала маленького ребёнка. — *Пара минут промедления не сильно скажутся на результате. Пусть*

советник ещё немного поживёт.

Аньюриэль недовольно кивнула, соглашаясь с даром. Лао Кан завёл её в ближайшую чайную. Подавальщица приветливо улыбнулась, предлагая небольшой столик в глубине помещения.

— Мятный чай с кардамоном. Покрепче и побыстрее, — Лао Кан аккуратно отодвинул стул, предлагая ей присесть. — Что-нибудь ещё?

— Нет, — она села, сцепила пальцы в замок и требовательно смотрела на мужчину.

— Говорят, сладкое помогает поднять настроение, — он сел напротив.

— Не хочу. Говори, что хотел, и я пойду.

— Для начала, может объяснишь, чем тебе Совет не угодил? Ты ведь понимаешь, что это немного усложнит отношения между Аньшу и Рохэнделем. Да и, насколько мне известно, ты выступаешь от имени королевского дома Лютерии, а у Аньшу с Лютерией торговый договор.

— Фархан нарушил договорённость — вырвал страницу из дневника Сиена.

Девушка вернулась, поставила на столик заварник и пару чашек. Лао Кан положил ей в ладошку пару монеток. Судя по улыбке подавальщицы — больше, чем стоил чай.

— Ты понимаешь, — мужчина повернулся к ней. — Что это очень громкое обвинение. Вещи Сиена, особенно его записи — величайшая ценность для любого аньшуйца. Никто не решится портить их. И уж тем более, мастер Фархан. Да и он всегда был верен своему слову.

Анью достала дневник из сумки, положила его на стол и открыла на последней странице.

— Смотри, тут осталась бахрома.

— Но это не значит, что это сделал кто-то из Совета. Сиен сама мог вырвать страницу, чтобы скрыть от всех то, что там написано.

— Вот здесь, — Анью ткнула пальцем в текст. — Он пишет о том, как зачаровал печать. На утерянной странице могла быть информация о тайнике.

— погоди. Попей чай пока. Только аккуратно — горячий, — Лао Кан бегал взглядом по записям. — Так демоны не могут открыть тайник? Сиен всё предусмотрел.

— Не радуйся, они нашли себе помощника, — она сделала большой глоток, не обращая внимания на то, как растерянно смотрит на это мужчина.

— Да, — Лао Кан тряхнул головой, после чего аккуратно отпил немного из своей чашки и отставил её в сторонку. — И этот человек — кто-то из участников. Они все сейчас в Лазурной гавани. Если понять, кто это, то его можно поймать и тогда демоны, пусть и с печатью от тайника, всё равно ничего не смогут сделать. Понимаешь?

— А не проще ли просто собрать всех на арене и допросить?

— А ты бы призналась прилюдно в том, что предала свой народ и весь мир? Ради чего, кстати...

— Я умею пытаться, — предложила Аньюриэль, улыбаясь.

— Ради чего он пошел на сделку с демонами? Только идиот будет помогать врагу просто так, — Лао Кана передёрнуло от её улыбки, но нить размышлений он не потерял. — Подумай сама. Кто-то согласился помогать демонам, согласился открыть тайник Сиена, возможно, догадываясь, что там осколок Ковчега. Что он хочет от Белакис взамен?

— Любовь, деньги или месть, — Анью пожала плечами, глядя на недоуменное выражение лица собеседника. — Эйша говорит, что это — основные мотивы поступков у людей.

— Допустим, — Лао Кан кивнул, принимая её версию. — Только любовь и месть — маловероятны. Кроме меня никто из участников в этом году не сражается за кого-то... В общем ты поняла, что я пытался сказать. Месть — слишком сложно. У каждого есть кто-то, на кого может быть затаённая злоба, но все, кто выходят на арену, достаточно сильны, чтобы самостоятельно решить такие вопросы. Награда за победу, конечно, большая, но это не та сумма, за которую можно предать родину.

— Странно, что в твоём понимании есть такое понятие, как «достаточная» сумма для предательства, — съязвила Анью.

— Я не об этом, — Лао Кан рассерженно посмотрел на неё, но быстро взял эмоции под контроль. — Думаю, смысл не в награде, а в самой победе. Она даёт в разы больше преимуществ, чем просто деньги.

— Допустим, — она налила себе ещё чай. — Вот только победить хотят все.

— Кроме тебя, — Лао Кан улыбнулся. — И осталось всего семь участников. Все они из Аньшу, а значит — сделку заключил кто-то из них. Но есть и хорошая новость.

— Это какая? — она непонимающе смотрела на собеседника.

— Если мы правы, и демоны пообещали этому глупцу победу в турнире, то у нас есть ещё пара дней. Кем бы он не был, он не настолько глуп, чтобы открывать тайник до того, как Белакис выполнит свою часть сделки.

— Ты сам себе противоречишь. Этот обсос достаточно глупый, чтобы повестись на уговоры демона, но в то же время не сильно-то и тупой, раз требует оплату вперёд.

— Примерно так, — кивнул Лао Кан. — Но нельзя исключать и тот факт, что он просто хочет забрать Ковчег себе. Могущество эсдо тоже может стать сильным искушением. Не зря ведь Сиен спрятал осколок от всех.

— Значит он ещё глупее — Ковчег просто сожжет того, кому не хватит силы с ним управиться, — она с наслаждением отпила чай, гнев улёгся, и пришло понимание, что делать дальше.

— Думаешь? — Лао Кан с неподдельным интересом смотрел на неё.

— Знаю. По себе.

— Тебе нормально пить кипяток? — не выдержал мужчина.

— Вкусный чай, что тебе не нравится?

— Да нет, всё в порядке. Что будешь делать дальше?

— Думаю проверить тех, кто ещё не выбыл из турнира. В случае крайней необходимости — опущусь до пыток.

— Пытки — варварство. И запрещены законом Аньшу. Пытать кого бы то ни было просто бесчеловечно. Мне казалось, что тебе не чуждо сострадание. Ты помогла Сюрэн, хотя могла просто пройти мимо.

— Во первых — я не человек, поэтому бесчеловечность меня волнует постольку-поскольку. Во-вторых — мой корабль под флагом Лютерии и, с точки зрения закона, он — территория Лютерии.

— В Лютерии тоже запрещены пытки, — Лао Кан так пристально смотрел, словно сомневался в том, что она в своём уме.

— Как хорошо, когда король Лютерии — твой друг... — Анью отпила ещё немного чая.

— Ты не посмеешь.

— Это не от меня зависит, — она пожала плечами. — Кто должен быть моим следующим противником?

— Ты же больше не участвуешь в турнире, — настороженность на лице мужчины сменилась неподдельным удивлением.

— Я передумала. Так кто?

— Женщины... — проворчал Лао Кан. — И даже не важно, какой вы расы. Гарудал твой соперник. Лан Роу долгое время подозревала его, но вчера, когда демоны громили школы Лотоса и Хризантемы, он был в «Шестом месте». Наслаждался вниманием поклонниц и скрежетом зубов Вонтона.

— Лан Роу его подозревала? — схватилась за любопытную мысль Аньюриэль и махнула подавальщице рукой. — Ещё фрукты в карамели.

Девушка кивнула и ушла на кухню, передавать заказ поварам. Чародейка осмотрела чайную. Заведение оказалось вполне уютным. Выдержанное в приятных светло-зелёных тонах, оно наполнялось светом через большие панорамные окна. В центре зала было большое углубление, наполненное водой, где плавали яркие карпы. Над импровизированным прудом был мостик, чтобы посетители могли любоваться рыбками и угощать их из стоящей рядом корбочки с кормом. Приятный запах чая и выпечки настраивал на миролюбивый ряд. Несмотря на то, что на улице было многолюдно, внутри людей было немного. Лишь несколько парочек да женщина с детьми.

— Дело в том, — мужчина пригубил чай. — Что Гарудал сильно поругался со своим мастером. До изгнания не дошло, да и не станет Панфуций прогонять своего лучшего ученика, но ругань была такая, что чуть ли не на всю Тихую долину слышно было. Это Лан Роу от лунных дев узнала — у них в Тихой долине главное святилище. Панфуций был против того, чтобы Гарудал участвовал в турнире в этом году, но тот пошел против воли мастера. Вполне возможно, уязвленная гордость сказалась — хочет отыгаться за унижительное поражение.

— Прямо такое унижительное? — Анью обернулась на скрип двери, вожаденно смотря на блюдо с фруктами, которое несла к их столу подавальщица. Расплатившись с девушкой она с наслаждением принялась за десерт. — Угощайся.

— Благодарю, но я лучше подожду, пока остынет. Большинство людей не могут пить и есть то, что ощутимо горячее, — он покачал головой.

— А... Ну да. Я иногда забываю о том, что не у всех внутри горит огонь... Так что там с унижительным проигрышем? Думаешь, Гарудал хочет отыгаться?

— Слушай, — Лао Кан наклонился к ней ближе. — Ты ведь знаешь, что среди людей встречаются оборотни?

— Да, Лан Роу рассказывала про ту лисицу, что это всё Хранительница Акерия наворотила — научила людей обращаться а потом ушла из Аньшу. Красивая, но грустная история.

— Гарудал когда-то был просто подростком, с трудным характером. Его выгоняли из многих школ за лень и нежелание совершенствоваться дух. Тогда его и подобрал мастер Панфуций. Он тоже тогда был немного не в почёте из-за своей философии. Никто тогда и не обратил внимание на это. Ну сошлись два... человека со схожей философией. Панфуций тогда разглагольствовал о том, как достичь духовного просветления через потакание низменным желаниям и лень, хотя и называл он это чуть более красивыми словами. В общем, пока все в поте лица тренировались и медитировали, Гарудал лежал на лугу с соломинкой в зубах и смотрел в небо. Никто не ожидал, но, спустя пару лет праздного препровождения, Гарудал обернулся птицей и взлетел к облакам. Он открыл в себе дар к

ветру, а потом и к огню. К Панфуцию, впервые за долгие годы, стали прислушиваться другие мастера и даже советники. Появились ученики. А потом, в прошлом году, Гарудал заявился на Небесный турнир в качестве претендента. И, скажу тебе, он очень хорош. Я проиграл ему и это был честный бой, хотя этот гад не только летает, но и сливается с ветром. Сложно победить того, кого не видишь, но речь не об этом. Гарудал дошел до финала и стал вторым. Он проиграл Отшельнику. Тот просто схватил его за хвост и отмутузил об камни арены.

— Согласна, — она покачала головой. — Даже звучит унижительно.

— Панфуций попытался запретить Гарудалу участвовать в этом году. Но тот не подчинился своему мастеру. Кроме того, до меня доходили слухи, что Панфуций, в разговоре с одним из советников сказал, что Гарудал в последнее время ведёт себя очень странно. А ещё, совсем недавно, я сам лично слышал, как Панфуций ругался с Зодо — мастером Алой Хризантемы. Он что-то при этом говорил про Гарудала, но мастер Зодо орал так, что ничего понять я не смог, да я и не пытался тогда.

— Вот значит как... — Анью задумчиво ковырялась шпажкой в кусочке яблока. — Этот Гарудал вполне может оказаться нашим предателем.

— Вчера он весь день был в гавани. Его видели многие.

— Но проверить не помешает. Очень уж подозрительная вся эта история... — она задумчиво посмотрела в окно, решая, с чего начать. — Раз его мастер в городе, то он должен был остановиться где-то.

— Да. Как и Гарудал — в «Голове Рунаана». Ты хочешь поговорить с Панфуцием?

— Да, — она поднялась из-за стола. — Узнаю, что именно изменилось в Гарудале, и когда это началось.

— Уверена? — Лао Кан тоже поднялся. — Панфуций, как бы это сказать, странный... Немного необычный для человека.

— Нет времени на все эти расшаркивания. Спрошу, что мне надо, и всё, — она вышла, направляясь в потоке людей в сторону гостиницы. — Если ты прав, и предатель будет ждать до финала, то эти пять дней — большее, что есть у нас и вот у них, — она махнула рукой на людей. — Мне кажется, или людей стало больше? И я краем глаза видела какие-то повозки.

— Это прибыли люди из ближайших поселений, — Лао Кан старался не отставать. — Совет распорядился перевезти людей в гавань. Тут безопаснее.

— А как же не поднимать панику?

— Так паники и нет. Здесь собрались лучшие бойцы, рядом живёт Рунаан. Лазурная гавань — самое безопасное место в Аньшу. Люди знают, что здесь их будут защищать, а многие и сами обучены воинскому ремеслу. Если демоны нападут — здесь они встретят достойный отпор.

— Ты поэтому здесь, а не с Сюрэн? — она внимательно глянула на мужчину.

— И поэтому тоже, — он кивнул и показал на брошь, что была приколата к вороту рубахи. — Мастер Раон принял меня обратно в Белый Лотос. Защищать людей — мой долг. А Сюрэн по-прежнему не хочет показываться мне, пока кожа не станет такой, как была раньше. Я попросил мастера присмотреть за ней. Она в надежных руках.

— Так о чём ты хотел со мной поговорить?

— Да не то чтобы прям хотел, — мужчина смущённо улыбнулся. — Я патрулировал улицы и заметил тебя. И вид у тебя был такой... Будто ты готова была жечь людей живьём, вот и решил отвлечь тебя.

— Нормальный у меня был вид, — она отвела взгляд. — Просто торопилась.

— А вообще, тебе бы поговорить с Лан Роу. Она не желает тебе зла. Я в какой-то мере понимаю тебя. Ты потеряла кого-то, кто был тебе дорог?

— С чего ты взял?

— Взгляд. Глаза, как известно, зеркало души. Слова могут лгать, а взгляд — никогда. У тебя такой взгляд, будто внутри что-то треснуло. Тебя штормит внутри.

— Глупости, — она рассерженно отмахнулась.

— Нет, не глупости. Ты делаешь вид, что всё хорошо, а внутри тебя разрывает от эмоций. Я сам прошел через это. Я знаю какво это, когда тебя ломает сама жизнь. Она делает это без шума, без криков, без слёз, незаметно... Просто одна за другой рвутся все связи. И самое страшное, что ты сама их рвёшь. Своей грубостью, злостью и отчуждением. Тебе может казаться, что ты одна, что никто тебя не поймёт, что никто не поможет, но это не так. Всё может наладиться. Мне и Сюрэн помогла ты. И обязательно найдётся тот, кто поможет тебе. Не может быть иначе. Но нужно будет усмирить свой гнев и впустить того, кто предложит помощь. Ты так поглощена тем, что случилось в прошлом, что не видишь перед собой будущего.

— Я не знаю, смогу ли исправить то, что натворила...

— Ты не одна, просто знай это. Есть те, кто окажет тебе помощь, кто поддержит и выслушает. Просто дай Лан Роу возможность, она и вправду делает всё, что может. Она не показывает виду, но ей самой очень трудно.

— Думаешь? — она заинтересованно глянула на мужчину.

— Я давно её знаю, — он кивнул. — Лан Роу никогда не стремилась стать посредником. Она всё время тренировалась, оттачивала навыки, но к власти не стремилась. Потом я ушел из Лотоса, и весь груз ожиданий мастера лёг на неё. А теперь ей нужно поддерживать гармонию в Аньшу... Лан Роу ведь совсем недавно стала посредником. Всего месяц как. И уже столько всего случилось: и демоны, и кумихо, и предатель.

— Ладно, я чуть позже найду её, — устало согласилась Аньюриэль.

— Лан Роу пока не в гавани — отлучилась по своим делам сегодня на рассвете. Обещала вернуться завтра.

Анью кивнула. Так даже лучше — у неё будет время, чтобы обдумать что сказать. Они уже подошли к гостинице, когда двери распахнулись и навстречу им вышел Ходон. Встретившись с ней взглядом мужчина улыбнулся и кивнул. Анью кивнула в ответ. Лао Кан окинул Ходона внимательным взглядом.

— Это мастер Зодо решил? — спросил Лао Кан.

— Нет, — Ходон покачал головой. — Я решил идти своим путём.

— Удачи, — Лао Кан улыбнулся.

— Благодарю, — Ходон приложил кулак правой руки к ладони левой и поклонился, после чего поправил ремень заплечного мешка и ушел.

— Я не понимаю, о чём сейчас вы говорили... — Анью растерянно смотрела вслед бывшему сопернику.

— Ходон ушел из Алой Хризантемы. Полагаю, мастер Зодо в ярости. После нападения демонов от него ушел лучший ученик, да и сын, к тому же...

— Думаю, у него всё получится, — Анью улыбнулась. — Ходон сейчас выглядел так, будто снял с себя тяжкий груз.

— Панфуций остановился в гостинице. Кто-нибудь из работающих там девушек проводит тебя, — Лао Кан улыбнулся. — А мне надо продолжить патрулировать. И не

забуди, что сегодня и, если победишь, то и завтра у тебя бои. Если ты не передумала участвовать.

— Можешь поставить на меня, — она улыбнулась в ответ и открыла дверь гостиницы.

«Голова Рунаана» не просто так считалась самой дорогой из гостиниц Лазурной гавани. Всё вокруг разве что не кричало о роскоши. Мягкие ковры, резная мебель, картины и гобелены с великолепными изображениями природы и прекрасных воительниц. От множества позолоты и красивых безделушек рябило в глазах. Персонал был настолько вежлив и предусмотрителен, насколько это вообще возможно. Уточнив у мастера Панфуция, готов ли он принять гостью, Аньюриэль проводили в номер, поинтересовались, не желает ли она что-нибудь, и удалились, даже не оставшись подслушивать под дверями.

Солнечные лучи пробивались сквозь оконный витраж и яркими бликами ложились на пол. В комнате пахло благовониями. Приятный запах напоминал что-то древесное, но она не могла понять, что именно. Аньюриэль, поджав ноги на аньшуйский манер, сидела на небольшой подушке и смотрела на того, кого называли Панфуцием. Когда Лао Кан сказал о том, что этот человек не совсем обычный, он забыл упомянуть, что Панфуций — вообще не выглядит как человек. Перед ней на стене висел свиток пергамента, на котором чернилами был нарисован портрет мужчины с густой бородой и мохнатыми бровями. Абсурдность ситуации заключалась в том, что лицо на портрете было подвижным.

— Вот уж не ожидал таких гостей, — портрет улыбнулся и подмигнул ей. — Сама леди-рыцарь пожаловала — будущий соперник моего Гарудала. Вольный ветер, что залетел в нашу гавань и обратился ураганом. Помнится, Зодо смеялся над вами, пока вы не уничтожили его Ходона.

— Он был интересным соперником, — она постаралась улыбнуться как можно вежливей. — Вы из-за этого ругались с мастером Хризантемы?

— Ох, это! Пустяки. Пospорили, чей мальчишка победит, — Панфуций изобразил печальный вздох. — На неплохие деньги поспорили, между прочим. Ходон проиграл, а мой Гарудал прошел дальше. Я намекнул Зодо, что уже готов получить причитающийся мне выигрыш, но тот разразился бранью. Дескать, не Гарудал одолел его чемпиона, и деньги мне причитаются лишь в том случае, если Гарудал сможет одолеть тебя.

Даже мастера наживаются на турнире...

Он со смесью любопытства и разочарования рассматривала Панфуция. Аньшу поражал её своей культурой, людьми, развившими в себе талант к управлению энергией, и необычными способами применения кровавой магии. А в том, как именно закрепили душу в свитке, можно было и не сомневаться. Но только аньшуйцы могли догадаться поместить душу в столь хрупкий сосуд.

— Магия крови разве не запрещена в Аньшу? — она выразительно изогнула бровь.

— Сила — это лишь сила. Во благо её использовать или во вред — каждый решает сам. Увы, старость, как и смерть, неизбежна. Когда данный мне богами сосуд изнашивался и стал непрестанно болеть, я решил сменить его, чтобы продолжать постигать прелесть мироздания, не отвлекаясь на страдания. Жизнь — это ведь не только битвы и медитации, как думают многие мои земляки. Это сладость спелого персика, звон полых стволов бамбука, аромат сандала, не говоря уже о других, более чувственных, удовольствиях. Я

говорил, говорю и буду говорить, что лишь в счастливом теле может быть счастливый дух, способный к самосовершенствованию. Познавая жизнь, преображаешься душой и телом. Буквально воспаришь. И мой Гарудал — живое тому доказательство.

— Стало быть, — она задумчиво покивала. — Отбросив тело, ты стал счастливее?

— Какие твои годы, девочка. Однажды, пусть и через очень много времени, но и ты состаришься. Начнёт ломить поясницу, и колени будут ныть перед грозой. Однажды, ты начнёшь ценить прожитый день просто за то, что у тебя ничего не болело, тогда и вспомнишь мудрого Панфуция. Впрочем, твой народ живёт долго, и ты ещё познаёшь сладость жизни, а пока я хочу попросить тебя кое о чём.

— И о чём же? — удивилась Аньюриэль.

— Я хочу, чтобы ты одолела Гарудала.

Она удивленно смотрела на Панфуция. Тот был настолько серьёзен, насколько это вообще может передать нарисованное лицо. Не было похоже, что над ней насмеются, но в услышанное просто не верилось.

— Он же твой ученик.

— Да, я ещё не впал в старческое слабоумие, так что нет нужды напоминать мне о столь очевидных вещах.

— Это связано с тем, что Гарудал изменился? Или с той ссорой, что была между вами? — настороженно поинтересовалась чародейка.

— Ох, как быстро разлетаются слухи в Аньшу... — Панфуций по-доброму улыбнулся. — И вправду, конфликт имел место. Многие в Аньшу скажут, что я учу своих последователей лени и всяческому потаканию низменным потребностям, но это не так. Я учу их брать лишь то, что нужно, не более. Многие мастера говорят об аскезе, но я лишь предлагаю отказаться от излишеств. Лишь тогда, когда у тебя есть то, что нужно, и ты не стремишься к большему, тогда ты познаёшь лёгкость бытия. Но есть те, кем руководит страх или алчность. Им нужно больше, и больше, и больше.

— Так Гарудал поддался алчности?

Так это всё-таки он — предатель?

— И да, и нет. Гарудала одолела гордыня. Он начал красоваться перед зрителями, упиваться собственным превосходством. Каждый полёт — как фейерверк. Прежде он проживал каждый миг будто жизнь, чувствуя её всем своим естеством, а сейчас... Побеждать на арене для него стало слишком важно, а проигрыш воспринимается как абсолютное поражение. Ему важно видеть восторг в глазах окружающих. От гордыни он отяжелел, уже не в силах подняться высоко в небо. Скоро и вовсе не взлетит. Вот я и подумал, что тебе точно должно хватить силы и мастерства, чтобы выбить из него всю спесь. Вернуть, так сказать, с земли обратно в небо.

— Ты же деньги на него поставил...

— Ты про спор с Зодо? Ничего страшного. Так как оба наших бойца тебе проиграют, то каждый останется при своём.

— Победить значит... — она задумчиво смотрела в стену, чуть выше Панфуция.

Проигрывать Аньюриэль, при любом раскладе, не планировала. Что уж тут поделать, но в отношении победы или поражения, гордости у неё будет ничуть не меньше, чем у того же Гарудала. Если уж выходить на арену, то только ради победы. Хотя сейчас речь была не об этом. Если верить словам Панфуция, то Гарудал — зазнавшийся мальчишка, погрязший в ощущении собственного превосходства над окружающими. Мог ли он связаться с демонами?

— Вчера демоны разгромили школы Лотоса Хризантемы...

— Печальная новости, — Панфуций покивал и утёр чернильную слезу. — Это сильный удар для Зодо. А тут ещё, судя по ругани, Ходон ушел из Хризантемы. Столько потрясений всего за пару дней. Но сердце у него крепкое как кусок мрамора — выдержит и не такое.

Аньюриэль сдержала при себе комментарий, что сердце у мастера Зодо непросто крепкое, словно кусок камня, но и такое же холодное. Всё же не ей судить человека, зная его лишь с чужих слов. Хотя, если вспомнить то, как мужчина разговаривал с Ходоном, то сочувствовать его потерям почему-то не получалось.

— Слышала, что кто-то из аньшуйцев им помогал. Кто-то из участников турнира.

— Гарудал гордец, но не глупец! Он вчера весь день кутил с лунными девами в «Шестом месте». Поболтай с девушками — они всё время были рядом с ним. Полагаю, эта история доставит тебе удовольствие, — Панфуций многозначительно улыбнулся и пошевелил бровями вверх-вниз.

— Благодарю за честность. Я помогу тебе и закину твоего ученика обратно к облакам, — она поднялась и вежливо кивнула на прощание.

— Жги, девочка, — донеслось ей вслед.

— Харико, есть минутка? — Анью помахала свободной рукой.

— О, эльфиечка! — лунная дева подняла на неё взгляд. — Каким ветром тебя занесло в наш храм?

— Я принесла сладостей из чайной лавки, — чародейка улыбнулась, демонстрируя коробку.

— Так чего мы ждём?! — Харико посмотрела по сторонам, отложила метлу и поманила Анью за собой.

Чародейка махнула рукой, вливая немного магии в метлу и обозначая для той пространство, где нужно прибираться. Метёлка послушно начала сметать сухие листья в кучу. Харико несколько секунд удивлённо смотрела на происходящее, но тут же вспомнила про сладости и уже шустрее направилась вглубь храма.

В большой столовой, совмещённой с кухней, приятно пахло выпечкой, пряностями и травами. Несколько девушек пили чай и звонко смеялись. Стоило Харико зайти, они замолкли и обернулись. Девушки глянули на неё, потом на Харико и снова захихикали. В отличие от жрецов Первозданного Света, жрицы Рунаана не были скованы какими-либо правилами и запретами. Они жили и радовались жизни, такие же свободные и вольные, как ветер и могучий дракон-покровитель этих земель.

Харико тем временем поставила на стол заварник из прозрачного стекла, налила в него кипяток и кинула какой-то бледно-зелёный шарик. Потом поставила на стол пару чашек из тонкого фарфора с красивым цветочным узором и тарелку с печеньем. Девушки переглянулись и подсели к ним ближе, нетерпеливо смотря на Лунную фею и коробку в её руках.

— Так что ты так сильно от меня хочешь, что пытаешься подкупить сладостям? — Харико принялась раскладывать конфеты из коробки на блюдо.

— Хотела спросить про Гарудала...

Кухня заполнилась девичьим смехом. Одна из жриц сползла со стула на пол, держась за

живот. Харико закрыла лицо руками, всхлипывая от смеха. Анью растерянно смотрела на них, не понимая, что такого смешного она сказала.

— Так ты, — вытирая проступившие на глазах слёзы и с трудом сдерживая смех, произнесла Харико. — За подробностями пожаловала?

— Ну, если про Гарудала, то да, — Анью ещё не понимала, о чём речь, но уже было интересно.

— Ну, значит, слушай, — Харико села напротив. — Вчера я и ещё пара девочек пересеклись с Гарудалом в торговом квартале. Он был столь любезен, что предложил нам своё общество. Мы немного погуляли, потом зашли пообедать в «Шестое место», вонтоны и вино из обеда перетекли в ужин. А когда стемнело, Гарудал предложил нам прогуляться и посмотреть на источник, что недалеко от Лазурной гавани.

Девушки, весело захихикали — судя по всему, эту историю они уже слышали и знали, что будет дальше. Шарик в заварнике тем временем распускался, становясь похожим на какой-то цветок. Анью всмотрелась внимательнее — «цветок» был сделан из чайных листьев и лепестков каких-то цветов, связанных причудливым образом.

— А что интересного в том, чтобы смотреть на источник? — не поняла чародейка.

— Какая же ты наивная, — Харико разлила чай по чашкам. — Не смотреть он нас звал, а купаться.

— Купаться? — она всё ещё не понимала суть.

— Да. Купаться. При Луне. Гольшом.

— С мужчиной?! — Аньюриэль подавилась чаем. — Но ведь источник — не ванна, там нет пены! Он же всё увидит!

— Видишь ли, скромная ты наша, — Харико хищно улыбнулась. — Этот извращенец постоянно подсматривает за нами в Тихой долине. Есть там горячий источник недалеко от нашего храма, мы часто с девочками ходим туда по вечерам. И вот как-то раз колокол ударил, а этот гад возьми и свались с дерева. Повезло ему, что не поймала и не общипала как курицу. Пользуется магией, чтобы становиться невидимым, и подглядывает за нами. Теперь ходим мыться только тогда, когда панфуцианцы вечернюю отбивают в свой колокол — Гарудал теряет концентрацию и становится видимым. Уже не раз его ловили на этом подлом деле, Фэй ругалась с Панфуцием, а Гарудалу хоть бы что. Ему как мёдом намазано возле нашего источника.

— Извращенец! — поразились Анью.

Девушки согласно закивали.

— В общем позвал Гарудал нас на пруд, — вернулась к истории Лунная фея. — И мы согласились. Пришли. Он уже весьма пьян был — вино у Вонтона что надо. Мы Гарудала раздели и отправили греть воду — маг он или как. И вот он, сверкая в лунном свете ягодицами, заходит в пруд, пыжится, греет водичку... А мы собрали его одежду и улетели.

Девушки смеялись так заразительно, что Аньюриэль не могла не присоединиться. Заливалась смехом в подсознании Энвиса. Гарудала никто не жалел, и Анью даже поймала себя на мысли, что кара мужчине настигла вполне заслуженная. Силком его никто не тянул, сам предложил девушкам покупаться, да и вряд ли сопротивлялся, когда его раздевали.

— А самое смешное, — продолжила покрасневшая от смеха Харико. — Что пьяным он не смог перекинуться птицей и улететь. Так что пришлось бедолаге топтать в «Голову Рунаана» гольшом. Кое-кто видел, как он ночью перебежал из одной подворотни в другую, прикрываясь листом кувшинки.

Если бы смех был ещё хоть немного громче, то чашки запрыгали бы по столешнице. Дверь в столовую распахнулась и вошла грозная Фэй Амун. Она окинула взглядом их чаепитие и остановила взор на Харико. Та медленно пыталась уползти под стол. Девушки мгновенно притихли и почти не двигались. Даже Аньюриэль замерла, настолько суровой выглядела Верховная жрица.

— Ты где должна быть? — тон Фэй Амун был таким, что хотелось сбежать как можно быстрее и как можно дальше.

— Просто маленький перерыв, — Харико виновато улыбнулась.

— И я запретила использовать магию при уборке.

— Это не моё заклинание, — Харико медленно пятилась к другому выходу.

— Не твоё значит...

Анью прижала кончики ушей к голове, стараясь выглядеть как можно более непричастной к произошедшему. Впрочем, Фэй поняла, кто зачаровал метлу, и без лишних подсказок. Верховная жрица окинула её пристальным взглядом.

— Знаешь, за что она наказана?

Анью догадывалась, что за выходку с Гарудалом, но всё равно покачала головой. Как бы там не считала Верховная жрица, а Гарудал заслужил.

— За то, что попалась, — Фэй стрельнула взглядом в Харико. — Все стражники видели, как вы развешиваете одежду Гарудала на здании Совета. Мне пришлось выслушивать нотацию от Фархана, которому прямо на окно достались портки. И это надо было догадаться забрать ещё и бельё?!

— Но, Фэй, там же такая по... — Харико осеклась. — Польза для общества...

— Марш отрабатывать наказание!

Харико словно ветром сдуло. Аньюриэль с удивлением для себя отметила, что Верховная жрица имеет немалый авторитет у лунных дев. Хотя сперва создавалось впечатление, что жрицы без царя в голове и творят всё, что вздумается. Впрочем, во многом так оно и было.

— Думаю, — Аньюриэль медленно, без лишних движений, поднялась из-за стола, — Мне тоже уже пора. Рада была повидаться.

— Удачи на арене, — Фэй Амун по-доброму улыбнулась.

Глава 10. Алый Феникс

*И сладко и горько, наивно плывут облака
Создатель, как ловко ты не дал людям крыла
Я тебя обману — стану птицей сама.
Я взмахну сизым крылом
Что была моя боль, то окажется сном
И ветер закружится с песней вешней
Один взмах стальным клинком
Рассечет мою кровь на тогда и потом
И я забуду что значит быть прежней.*

Ясвена — Птица

Аньюриэль.

— *И вот сдался тебе этот торговец именно сейчас...* — негодовала даро. — *Если опоздаешь на бой — Эйша тебя не простит.*

— Он дурить меня вздумал! Я по-твоему не знаю, сколько стоит акрасиум?! Не переживай по пустякам, мы успеваем.

— *Ты с таким скептицизмом отнеслась к тому, что Эйша скупает барахло, а теперь занимаешься этим сама...*

— Ты что, счёт за ремонт не видела?! Если меня так в каждом порту обдирать будут, то очень скоро деньги закончатся. За спасение мира мне никто не платит. Даже не кормят просто так. Если есть возможность заработать на торговле — будем зарабатывать.

— *Пусть Эйша за тебя на тебя денег поставит. Победить — заработаешь. Как ты, кстати, собираешься сражаться с тем, кто может стать невидимым?* — спросила Энвиса.

— Невидимый — не значит бесшумный, — Анью торопливо шагала к арене.

До её выхода на бой оставалось не так много времени. Большинство людей уже ушли занимать свои места, отчего, ещё совсем недавно многолюдные, улицы казались пустыми. Редкие прохожие бросали на неё удивленные взгляды. В Рохэнделе никого не удивишь, идя по улице и ведя разговоры с даро. А вот в человеческих землях её зачастую принимали за сумасшедшую, но сейчас не было лишнего времени. Нужно было торопиться. С арены доносился голос советника Фархана, приветствующего тех, кто пришел посмотреть на турнир и перечисляющего имена претендентов.

— *Судя по шуму — там как раз всё начинается.*

Резкий грохот в стороне привлек её внимание. Чародейка бросила беглый взгляд — группа артистов спешно собирала свои музыкальные инструменты. Один из молодых музыкантов уронил барабан, но внимание привлек не он, а висящие на дереве колокольчики. Отлитые из бронзы с ярко-красными шнурами, колышущимися от ветра, они были развешаны по веткам деревьев, украшая импровизированную площадку. Задумка, родившаяся в голове была простая и в то же время гениальная.

— Сколько стоят колокольчики? — она подбежала к музыкантам.

— Они не продаются, — пожилой мужчина, вероятно, главный в труппе, даже не поднял на неё взгляд. — Мы торопимся.

— Я хорошо заплачу, — она нетерпеливо топталась на месте.

— Не продаются, — человек старательно укладывал в сумки вещи, по-прежнему не поднимая на неё взгляд, хотя его более молодые коллеги уже перешептывались и показывали на неё пальцами.

— На турнир торопитесь, — решила зайти с другой стороны Аньюриэль.

— А куда же ещё? — мужчина спешно затягивал шнуровку на сумке.

— На кого поставили? — всё так же вежливо поинтересовалась чародейка.

— На Рыцаря.

— Много? — её тон стал ещё участливее.

— Двадцать золотых. И надеюсь, что они превратятся в тридцать. Она фаворит в этом бою, а вот Гарудал уже не тот.

— Ну, тогда я тут посижу, — она демонстративно села на траву. — Боя не будет.

Кто-то из музыкантов издал тихий полуприглушенный писк — наверное, тоже поставил на неё. Мужчина наконец-то соизволил обратить на неё внимание. Его лицо медленно вытягивалось от изумления. В глазах видно было, как он прощается с двадцатью золотыми.

— Берите любой, леди, — голос мужчины из раздраженного мгновенно сделался до отвращения вежливым и даже заискивающим. — Вы меня просто неверно поняли. Они не продаются, они бесплатные. Вы можете взять любой, который приглянется, только поторопитесь на арену, умоляю.

— Вот уж спасибо, — она магией подманила самый большой колокольчик и, махнув музыкантам на прощание, побежала в сторону арены.

Аньюриэль взбежала по ступеням. Стражники, что до этого выглядели весьма печальными — бой внутри, а они охраняют внешний периметр — проводили её растерянными взглядами.

— *И всё же не ожидала, что ты решишь продолжить сражаться на арене. Хотя я не чувствую, что тебя это радует.*

— Надо же мне делать хоть что-то, пока не пойму, где искать тайник и демонов — это раз. Да и Силлиан удивится, если вдруг узнает, что я проиграла — это два. И, честно говоря, я хочу посмотреть на этого оборотня-извращенца.

— *Тебе той лисы мало было?*

— Она не впечатлила. Всего лишь отрастила когти и десяток хвостов.

— *Девять, если быть точной.*

— И зачем ей столько?

Она почти бежала по коридорам. Рёла уже объявляла её выход. Знакомый стражник нетерпеливо махал ей рукой, показывая на коридор, ведущий на арену. Она, словно порыв ветра, пронеслась мимо него. Люди уже кричали, приветствуя. Анью спешно спускалась по ступенькам, взглядом нашла Эйшу и Пэна. Место рядом с ними, где обычно сидела Лан Роу, сегодня пустовало.

— Одни говорят, что он непобедим, — Рёла взмахнула рукой, указывая на вторые ворота. — Другие считаю, что он сдал. Парит как птица, жалит как огонь — Феникс Гарудал!

Среди радостных криков слышались смешки и улюлюканье. Вероятно, история ночных походов мужчины так же гордо шествовала из уст в уста, как и сам Гарудал спускался по лестнице. Анью отметила, что в отличии от остальных аньшуйских мужчин, он одевается слишком уж роскошно. Откровенно говоря, Гарудал был больше похож на

зазнавшегося сына вельможи, чем на бойца. Его кафтан украшали вышитые алыми и золотыми лентами птицы, белоснежная накидка тоже была расшита золотой нитью. Но хуже всего смотрелась шляпа с фигурами фениксов, к хвостам которых крепились ветряные колокольчики. Всё выглядело настолько вычурно, что создавалось ощущение будто мужчина напрочь лишен чувства меры в одежде. Всё в нём кричало о том, какой исключительный маг и оборотень предстал перед публикой.

— *Спроси его про кувшинку,* — смеясь предложила Энвиса. — *Полагаю, это его неплохо смутит.*

Анью усмехнулась, но следовать совету не стала.

— И пусть победит сильнейший! — Рёла ударила в гонг и очень выразительно посмотрела на Аньюриэль.

Вспомнилось, что Гарудал был одним из тех, кто отверг влюбчивую распорядительницу боёв. Можно было даже не сомневаться, на кого поставила Рёла.

— Ты никогда не нападаешь сразу, — Гарудал достал из-за пояса веер.

Анью улыбнулась при виде этого весьма необычного оружия, больше подходящего девушке. В крупной мужской руке веер смотрелся неуместно. Гарудал распахнул оружие. На металлических гардах и пластинах веера сверкнули магией письмена. Чародейка достала посох, выжидательно смотря на мужчину.

Ожидания более чем оправдались. Гарудал взмахнул веером. Ярko вспыхнули магические руны. Силуэт мужчины словно расплывался. Анью внимательно следила за ощущением от чужой энергии, но так и не поймала момент, когда аура человека изменилась. Кумихо, во время их боя, менялась медленно, будто неохотно. Гарудал превратился в птицу мгновенно. Жалобно звякнув колокольчиками упала на камни арены шляпа. Распахнулись рукава накидки, и в небо взмыла крупная птица с красно-коричневым оперением, практически сразу растворяясь в воздухе. Анью повела кончиками ушей в стороны. Возможно, у неё и был шанс услышать, где летит Гарудал, вот только вопли зрителей заглушали все остальные звуки.

Порыв ветра ударил внезапно, едва не сбив её с ног. Анью вытянула руку с колокольчиком, магией подвешивая его в воздухе и дёрнула за шнурок. Простое заклинание усиления звука, такое же, каким пользовалась Рёла. Всего капля магии, а звон получился такой, будто кто-то со всей силы ударил в огромный колокол. Гарудал мгновенно стал видимым. Огромная, похожая на орла, птица раздраженно била крыльями по воздуху, стараясь удержаться на месте.

— Попался, — Аньюриэль метнула в соперника пульсар.

Огненная сфера взорвалась, отбросив пернатого в сторону. Гарудал с трудом сумел выровнять полёт и направился к ней. Крылья его вспыхнули алым пламенем, окатив огнём арену. Чужое пламя собралось вокруг неё в вихрь, но обжечь не смогло. Чародейка улыбнулась. Даже будучи сильным магом, по человеческим меркам, Гарудал не мог сравниться с ней в могуществе. Она вытянула руку, притягивая к себе и беря под контроль чужой огонь. Стихия, хоть и неохотно, но подчинилась, собравшись в десяток небольших огненных шаров. Аньюриэль улыбнулась, услышав недовольный вопль Гарудала. Что он пытался сказать ей в своём птичьем облике, так и осталось загадкой, но создавалось впечатление, что оборотень от души выругался.

Гарудал взмыл выше и, круто развернувшись в воздухе, устремился вниз. Анью один за другим отправила в него огненные сферы. Если она верно понимала правила, то пока

мужчина в воздухе — считается что он на арене. А вот если он коснётся земли в любом месте, кроме обозначенного для боя круга — будет считаться, что его с арены выбили, и победа будет за ней. Нужно было просто сбить оборотня на землю. Вот только проигрывать Гарудал не хотел. Он умело маневрировал в воздухе, уклоняясь от огненных шаров, и стремительно приближался к ней. Анью напряглась, готовясь, и заноса руку для удара. Гарудал сложил крылья, ускоряясь, и будто падал с неба. Огромные крылья распахнулись в последний момент, заслонив солнце. Когти, острые будто лезвия, полоснули по руке и плечу. Её пальцы сжали перья. Анью дёрнула руку на себя. Гарудал от неожиданности вякнул совершенно не величественно для птицы такого полёта.

— А вот теперь ты попался! — Анью даже не пыталась скрыть то мрачное удовлетворение, которое родилось в душе.

Чародейка отбросила в сторону посох, хватаясь за хвост Гарудала уже обеими руками. Она старалась не думать о том, чем является эта часть тела в человеческом облике. Оборотень бился, сиюсь вырваться, отчаянно верещал и хлопал крыльями. На его беду клюв и когти были спереди, а хвост, в который вцепилась Аньюриэль, сзади. Оборотень попытался покрыть перья пламенем, вот только на его огонь Аньюриэль было всё равно. Она лишь сильнее потянула птицу за хвост, резко разворачиваясь и прикладывая Гарудала о камни. Толпа кричала и улюлюкала, наблюдая над этими издевательствами. Птичку никому не было жалко. Она успела ещё несколько раз ударить Гарудала о камни и даже пару раз лягнуть, прежде чем прозвучал удар гонга. Кто-то из Совета принял решение прекратить избиение несчастного оборотня.

— Эта оглушительная победа определила четвёрку финалистов, — перекрикивала ликование толпы Рёла. — Рыцарь Лютерии проходит дальше! Гарудал повержен!

Лан Роу.

Поездка оказалась пустой тратой времени. Она не нашла Вэя и, судя по всему, тот уже давно не появлялся в своём убежище. Сейчас ей как никогда нужен был сильный союзник, вот только мастер Вэй имел отвратительную привычку избегать людей и появляться только тогда, когда сам того захочет. А она так хотела расспросить его про Сиена...

— Благодарю, — она передала поводья коня мальчику.

Будучи посредником, она имела право пользоваться городскими конюшнями бесплатно. Вот только таких приятных мелочей в её работе было до прискорбного мало, а хлопот много.

Аньюриэль права. Надо поговорить с Фарханом о повышении жалования. Может пару сотен лет назад на эти деньги и можно было прожить, но сейчас — только выживать.

Несмотря на всеобщий ажиотаж вокруг Небесного турнира, тем, кто занимал государственные должности, запрещено было делать ставки. Впрочем, никто не следил за этим правилом, и всегда можно было найти того, кто сделает это за тебя. Развлечение было не только азартное, но и опасное. Можно было как разбогатеть, так и проиграть всё подчистую. Пока Лан Роу везло и, даже несмотря на скудное жалованье, она уже смогла накопить неплохую сумму денег. Она ведь не так много хочет: спать в нормальной постели и есть пару раз в день. Ну и доспехи обновить не помешало бы. А ещё то копьё, что она заприметила в лавке Вонга...

Чёрнёная сталь, лезвие стилизовано под драконью голову, рукоятка из ятобы, которая

растёт лишь на востоке Аньшу. Это копьё было самым красивым, что она видела за всю свою жизнь. Вот только накопить на этот образец оружейного искусства она сможет разве что за пару лет. Можно и за полгода, вот только тогда спать ей придётся на улице и есть только то, что поймает в лесу сама. Собственно именно это великолепное, во всех возможных смыслах слова, оружие и сподвигло Лан Роу поступиться своими принципами и попытаться заработать на боях.

Сейчас она спешно шла в сторону небольшой гостиницы на окраине города, где остановился Лао Кан. Копить деньги на поездку в Берн ему уже не было нужды, и он всё же решил снять номер в гостинице и даже прикупил обновок. Кроме того, путешествовать Лао Кану скорей всего больше не посчастливится — поговаривали, что мастер Раон хочет сделать его следующим мастером Белого Лотоса. За друга было радостно.

Лао Кан нашёлся во внутреннем дворике гостиницы. Он сидел под сливой и читал письмо. Судя по выражению безграничного счастья на лице — от Сюрэн.

— Что пишет? — Лан Роу, не утруждаясь приветствиями, села рядом, с наслаждением вытягивая ноги.

Лошадь скрасила лишь часть пути. Большую часть подъёма в гору пришлось преодолевать на своих двоих. В придачу к нелюдимому характеру, мастер Вэй предпочитал селиться исключительно где-нибудь повыше в горах.

— Сюрэн почти вернулась в норму, — с улыбкой сообщил Лао Кан. — Мастер разрешил ей работать на кухне, так что она рада, что может таким образом помогать. Ну а я рад, что она в безопасности. Вряд ли демоны нападут на школу во второй раз.

— Тебе должно быть тяжело не видеться с ней сейчас, когда разлад...

— Тяжело, но это мой долг, — Лао Кан поискал по карманам и передал ей небольшой кожаный мешочек. — Твой выигрыш.

— Гарудал, наверное, рад лёгкой победе, — Лан Роу убрала деньги в сумку, всё ещё стесняясь того, как приходится зарабатывать.

Лао Кан приглушенно засмеялся. Воительница слушала его мягкий смех и чувствовала, что губы расползаются в улыбке.

— Эльфийка оттащила несчастного Феникса за то место, что пониже поясницы, — Лао Кан разразился хохотом. — Давно я так не веселился. Если в том году поражение Гарудала было сокрушительным, то в это — ещё и унижительным.

— Ты хочешь сказать, что Аньюриэль вышла на бой? — она непонимающе смотрела на друга.

— Ну, мы немного поболтали и вот... — он развёл руками.

— Я же просила поставить на Гарудала...

— Хорошо, что я проявил немного инициативы. У Феникса не было и шанса против неё. Аньюриэль ведь даже в пол силы не дерётся. В драке с демонами она показала в разы больше.

— Никто на арене не дерётся в полную силу, кроме... — Лан Роу замерла и нервно сглотнула. — Церен ведь проиграл, да? Только не говори мне, что её следующий противник...

— Да, завтра у неё бой с Отшельником, — Лао Кан заметно помрачнел.

— Он её убьёт, — Лан Роу подскочила на ноги.

— Ты куда?

— Сниму Аньюриэль с турнира. Не знаешь, где сейчас может быть Рёла?

— Ты не можешь снять участника, — Лао Кан покачал головой. — Это вне твоих полномочий. Да и она не нарушала правил, так что даже Совет не имеет законного основания отказать претенденту в участии. Особенно иноземке, выступающей от имени короля. Это может вылиться в международный скандал. Фархан не одобрит такое.

— Намного лучше будет, если её останки в коробке отправят королю Лютерии?!

— Не всё так плохо. Сама знаешь, Джи Канг не убивает.

— Только калечит. Как Церен? — скептически поинтересовалась Лан Роу.

— Жить будет... — уклончиво ответил Лао Кан.

— Я ведь всё равно узнаю, — она выжидательно смотрела на друга.

— Лекари сумели прирастить ему на место руку и даже сохранили ей подвижность... Я понимаю, что после прошлогоднего турнира ты... Слушай, единственный способ не допустить битвы между Аньюриэль и Отшельником — чтобы она сама не вышла на арену.

— Значит, сделаю так, что не выйдет, — Лан Роу, сжав кулаки вышла со двора, направляясь к пристани.

Лао Кан провожал её неодобрительным взглядом, но ничего не сказал. Выставлять Аньюриэль против Джи Канга было просто нельзя. Ни один из них не отступится и, в лучшем случае, просто придётся отстраивать арену заново. И, как бы Лан Роу не хотела верить в силу Аньюриэль, она знала, на что способен Джи Канг. Не смотря на то, что вечер был душным, по спине скатилась капля холодного пота. Вспомнилось ощущение собственной беспомощности и отчаянье. Абсолютное отчаяние человека, который пытается пошевелить ногами, но просто не может это сделать. В районе поясницы неприятно кольнуло от воспоминаний и Лан Роу постаралась отбросить их в сторону. «Гордость Лютерии» едва заметно покачивалась на волнах.

Воительница заметила, что Буревестник, бесменно несущий вахту на своём излюбленном месте — вороньем гнезде — повернул к ней голову, и помахала ему ладонью. Аньюриэль, с её слов имеющая магическую связь с духами, скорей всего, уже узнала о том, что у неё гости. Но не было похоже, что гостей сегодня принимают — неподалёку от сходен топтался Бэнбрюс.

— Добрый вечер, — Лан Роу учтиво кивнула. — А я слышала, что судно из Ардетайна отчалило сегодня утром...

— Я решил немного задержаться, — Бэнбрюс ей улыбнулся. — Вы вроде часто сопровождаете леди-рыцаря... Не могли бы попросить её выслушать меня... Это не займёт много времени. Просто эта сварливая птица меня не пускает. Жуткая тварь — не спит и никогда никуда не улетает.

— Сделаю, что смогу, — она кивнула, и поднялась на борт, надеясь, что хотя бы её выслушают.

На палубе, как обычно, никого не было, но из камбуза слышны были голоса. Она уже сделала было шаг в сторону лестницы, но из люка медленно показалась красная макушка. Лан Роу удивленно замерла. Макушка всё так же медленно поднималась, уже показались кончики ушей, затем на неё уставились два ярко-зелёных глаза.

— Он всё ещё там? — тихо спросила Аньюриэль.

— Бэнбрюс? Да, ждёт возле сходен.

— Не говори ему, что я тут, — чародейка поманила её ладонью и снова спряталась.

Меня не было всего один день, а уже столько пропустила.

Лан Роу спустилась в камбуз. Приятно пахло мясом, тушеным с овощами, на столе

стояли блюда с фруктами и сыром — явно отмечали победу. Эйша отвлеклась от котелка и приветливо помахала ей.

— Ты вернулась! — Пэн подпрыгивал на столе от радости.

— Да, нужно было отлучиться по делам.

— Лао Кан сказал, что тебя до завтра не будет... — Аньюриэль расставляла приборы на столе и махнула ей, предлагая присесть.

— Хотела найти мастера Вэя — он ученик Сиена. Думала, что он нам поможет, но в убежище его не оказалось и, судя по тому, как всё заросло паутиной — он давно там не появлялся.

— Погоди? — чародейка удивленно глянула на неё. — Но ведь Сиен был человеком и давно умер. Если он кого-то и обучал, то этот человек тоже уже умер... Или этот Вэй не человек?

— Человек, насколько мне известно, — Лан Роу пожала плечами. — Мастер Вэй очень нелюдимый. На глаза показывается редко. Я видела его лишь однажды и тогда он прикидывался странствующим торговцем. Вэй весьма молодо выглядит для своих лет, но ки у него обычная, человеческая. Я думала попросить его о помощи. Да и тебе он мог бы помочь — может знает что-то о том, где Сиен сделал свой тайник... Зажгла свечу на окне и оставила послание, вдруг Вэй решит навестить в своё убежище, но надежды на это немного.

— Если его там давно не было, то может помер? — предположила Эйша.

— Маловероятно, — она покачала головой. — У Вэя не одно убежище — он постоянно путешествует по Аньшу, редко задерживаясь где-то надолго, насколько мне известно. Иногда помогает кому-нибудь, так и узнаём, что он всё ещё жив. Учеников у него нет и никогда не было, хотя желающих всегда было много. Он, как-никак ученик Сиена, он сделала его своим наследником, доверил тайны своего мастерства, а Вэй хранит их в секрете.

— Думаешь, — взгляд Аньюриэль стал очень внимательным, — Сиен мог сказать ему, где сокрыл Ковчег?

— Если кому и сказал, то Вэю, — воительница кивнула. — Насколько известно, Сиен так и не создал семью, детей у него не было. Только ученики. А Вэя он всегда выделял среди остальных и часто уходил тренироваться с ним куда-то в горы, а потом и вовсе назвал его лучшим, среди своих учеников. Одним богам, да, может быть, Рунаану, ведомо, что он рассказывал ему на этих тренировках...

— Жаль, очень жаль. Этот Вэй мог бы нам помочь...

— Значит, будем думать, как нам решать проблемы без него, — Эйша расставляла тарелки с рагу.

Пэн помогал ей изо всех сил — разносил по столу ложки. Лан Роу не уставала поражаться неисправимому оптимизму маленького мужчины. Он старался сделать всё, что в его силах, чтобы хоть как-то принимать участие в жизни команды и проявить себя и ни на миг не задумывался, что без его помощи вполне могут обойтись. Пэн просто радовался жизни и тому, какие сюрпризы она ему готовит.

— Кстати о проблемах, — Лан Роу перевела взгляд на Аньюриэль. — Может тебе стоит поговорить с Бэнбрюсом? Объясни ему, что ничего не чувствуешь и...

— Я к нему и близко не подойду! — она помрачнела. — Он сумасшедший.

— А что случилось? — не поняла воительница. — Мне казалось, что он хочет добиться твоего расположения...

— Он крови моей хочет. Буквально! Для каких-то своих безумных экспериментов.

Буревестник не пускает его на корабль и я тут вроде как в безопасности, но кто знает, на что способны безумцы...

— Вот как...

Лан Роу растерянно ковырялась ложкой в рагу, не зная, что ещё можно тут сказать. Аньюриэль внезапно напряглась. Один глаз ярко засветился от магии и она чему-то кивнула. Магическое свечение тут же погасло. Эйша и Пэн даже не обратили внимание на это: старпом просто продолжила ужинать, а Пэн выбирал, какой из сыров он хочет сегодня. Хоть и невероятно прожорливый для своего роста, он всё же не был бездонным и приходилось выбирать, что съесть, чтобы хватило вместимости попробовать то, что могла предложить ему кулинария Аньшу.

На ступенях раздался тихий шорох шагов. Лан Роу обернулась, удивленно смотря на Гарудала. Тот замер на мгновение, встретившись с ней взглядом, на щеках мужчины проступил едва заметный румянец, но он тут же взял эмоции под контроль и вежливо поклонился.

— У нас прям вечер гостей, — Эйша поднялась, готовя ещё приборы.

— Я ненадолго, не стоит утруждаться. Да и есть не особо хочется.

Гарудал теребил рукав рубахи. Лан Роу обратила внимание, что в этот раз одет он необычайно просто. На одежде не было никакой вышивки или орнамента, да и дорогим шелкам Феникс нынче предпочёл обычный хлопок. На Гарудала, каким его знали последние пару лет, это было не похоже.

— А где кувшинка? — с улыбкой поинтересовалась Лан Роу.

Эйша, стараясь скрыть смех, закашлялась. Анью прятала улыбку за чашкой чая. Пэн закрыл рот руками, стараясь смеяться как можно бесшумнее.

— Я выше этих шуточек, — постарался сохранить достоинство Гарудал. — Все мы порой переживаем трудные времена.

— Лекари с тобой уже закончили? — Анью выглядела немного смущенной. — Извини, я немного увлеклась.

— Не стоит извиняться. Я не в обиде. И даже благодарен. Собственно за этим я и пришел, — Гарудал всё же сел на лавку.

Анью магией подманила ещё чашку и заварник, наливая ему чай. Мужчина кивнул в ответ.

— Это было весьма поучительно. Когда ты била меня об камни, я вдруг вспомнил, как летал раньше. Высоко, в самых небесах, где был лишь я и вольный ветер. А теперь... Едва смог подняться над ареной. Прав был мастер, я отяжелел. Я проиграл, выбыл из турнира, а на душе так легко стало... Давно себя так не чувствовал. Будто всё лишнее сбросил, понимаешь?

— Не особо, но рада, что ты не грустишь из-за проигрыша, — она улыбнулась.

— В том году, когда проиграл Джи Кангу, было обидно до глубины души. Я когда из лазарета вышел, чувствовал себя преотвратно. Казалось, будто небо над головой треснуло. А сегодня понял, что жизнь-то не заканчивается.

— Из лазарета? — Анью удивленно посмотрела на мужчину. — Я слышала, что тебя в том году просто об камни приложили...

— Джи Канг меня приложил так, что крылья переломал. Пока целители меня не вылечили — не мог обратно перекинуться, — пояснил Гарудал. — Но я ещё легко отделался. Лан Роу так вообще после боя с Джи Кангом месяц...

Лан Роу пнула, ставшего слишком болтливым, мужчину под столом и приглушенно шикнула на него. Гарудал замолк. Повисла неуютная тишина.

— В общем благодарю, что помогла мне прочистить голову, — Гарудал поднялся из-за стола. — А я полетел. Небо зовёт.

Он торопливо поднялся по лестнице, а через пару секунд донеслось хлопанье крыльев — видимо и вправду решил полетать в ночном небе. Эйша и Аньюриэль смотрели на неё слишком уж выразительно. Даже Пэн прожигал заинтересованным взглядом, хотя обычно сплетни его не интересовали.

— Вы про кувшинку уже слышали? — сменила тему Лан Роу. — Я вчера затаилась на крыше «Головы Рунаана», караулила демонов. Слышу, ползёт кто-то в сторону чердачного окна. Смотрю, а там Гарудал. Гольшом и только лист кувшинки прижимает к причинному месту. Уж не знаю, кто из нас удивился больше...

— Ты что, в турнире участвовала?! — Аньюриэль смотрела на неё со смесью непонимания и восхищения.

— В прошлом году выступала от Белого Лотоса.

— А в этом почему не участвуешь?

— Теперь я — посредник. Мне не положено, так же как мастерам и членам Совета.

— Меня вот волнует другое, — Эйша отложила ложку и настороженно смотрела на неё. — У кэпа завтра бой с Отшельником. Он что, и вправду никогда не проигрывал и калечит соперников?

— Я поэтому и пришла, — Лан Роу устало вздохнула, — Откажись от боя.

— Чего?! — возмутилась Аньюриэль.

— Джи Канг слишком сильный и да, он постоянно калечит соперников. Я не думала, что всё зайдёт так далеко. Выходить против него слишком опасно. У него силы немерено, такой и сквозь гору пройдёт, если задастся целью. В том году Джи Канг стал чемпионом турнира...

— И что с того? — перебила Аньюриэль. — Я не собираюсь отступать.

— Ты не понимаешь, — Лан Роу покачала головой. — Джи Канг ни разу не проигрывал. Он словно отлаженный механизм для уничтожения всего, что попадётся под руку. Когда он был юн, то знатно потряс весь Аньшу. Начинал Джи Канг бандитом, потом стал контрабандистом, а потом и вовсе выбился в капитаны судна. Меня тогда ещё не было, но доводилось слышать, что у него в ларце всегда лежали два флага — лазурный, с изображением дракона, и чёрный с черепом, и менял их Джи Канг более чем вольно.

— Подумаешь, промышлял разбоем, — Аньюриэль отмахнулась. — Я разбойников и пиратов за последние пару месяцев перебила столько, что хватит на небольшой город.

— Совет ничего не мог с ним сделать. Никто не мог его одолеть. Даже мастерам с ним туго приходилось. Нанимали магов — ему всё нипочём. Немало шей Джи Канг посворачивал в ту пору, а потом вроде присмирел. Заходил в порт с полными трюмами денег и разного барахла и гулял со своей командой напропалую. То на неделю снимет всю улицу удовольствий, то сорит деньгами в трактирах, угощая всех выпивкой, а потом ни с того ни с сего вспомнит лихую юность и устроит погром. Потом возместит всё в троекратном размере и опять в море уйдёт.

— Типичный пират, — пожала плечами Эйша.

— Но в один год Джи Канг просто пропал. Все уж было вздохнули с облегчением. Надеялись, что он сгинул в море или достал его кто — врагов у него хватало... А потом

пошел слух, что Джи Канг поселился в Мглистых кряжах. Кто-то из травников видел, как тот сидит на уступе скалы и медитирует. Никто сперва не поверил, что Джи Канг да одумался и встал на путь исправления. Думали и месяца не пройдет — снова надо будет торговые кварталы отстраивать после его пьяных дебошей. А нет, не передумал, так и живёт в горах уже тридцать лет. Постарел, поседел, но духом и телом крепок как те скалы, среди которых он живёт. Ки у Джи Канга невероятно сильная. А в прошлом году подался он в турнире участвовать. Уж не знаю зачем, может по людям соскучился, кто его разберёт. Вот только Джи Канг неизменно побеждает, а соперники, все как один, после боя с ним в лечебницу попадают. Кому руки переломает, кому ноги, а кому и хребет.

— Сегодня он так раздробил плечо этому... — Эйша задумалась. — Как его звали?

— Церен, — подсказала Лан Роу.

— Да, ему. Там от плеча осталось кровавое месиво, а рука на клочке кожи повисла. Мерзкое зрелище было, честно говоря. Так вот, сколько у кэпа шансов против Отшельника?

Лан Роу задумалась. Глянула на Аньюриэль и задумалась сильнее. Потом прикинула, какой будет реакция чародейки на ответ. В благоразумие Аньюриэль верилось с трудом.

— Нисколько, — Лан Роу покачала головой.

— Что?! — Аньюриэль предсказуемо негодовала и подскочила на месте, опрокинув стул.

Лан Роу, ожидавшая такой реакции, сделала резкий выпад вперёд, ударяя ладонью в солнечное сплетение и блокируя источник магии в теле чародейки.

— Нисколько. И ты не пойдёшь.

— Ты! — Аньюриэль неверяще смотрела на неё. — Ты что... Ты зачем?

— Джи Канг тебя искалечит и повезёт, если не убьёт. Я по себе знаю, насколько он силён. Я ходить-то могу только потому, что Аюр меня выходил. Другие врачеватели тогда на мне крест поставили. Если не хочешь лежать всю оставшуюся жизнь — отсидишься завтра на корабле. Потом ещё спасибо скажешь.

— Я тебя прокляну, — она смотрела в ответ с совершенно детской обидой.

— Как тебе будет угодно. Главное, что целой и живой останешься, а мне не придётся тащить твоё истекающее кровью тело к Аюру.

Лан Роу поднялась, стараясь не обращать внимание на то, что атмосфера резко стала враждебной по отношению к ней. В абсолютной тишине она поднялась на палубу и сошла с корабля. Бэнбрюс выжидательно смотрел на неё, но Лан Роу молча покачала головой. Аньюриэль, судя по грохоту из камбуза, бесновалась от ярости.

Хотелось верить, что поступила правильно. Вот только внутри было неприятное ощущение, будто совершила подлость. Аньюриэль совершенно не ожидала удара, и она воспользовалась этим доверием.

Ей снился тот день, когда она проиграла. Кричали зрители, приветствуя её и противника. Она спускалась по ступеням, полная амбиций и волнений. Ещё две победы и она станет чемпионом. Это был первый раз, когда она участвовала в турнире, а не просто наблюдала со стороны. Прошлых соперников она победила легко, почти играючи. Приятно было слушать, что люди всерьёз обсуждают её шансы на победу, а многие даже подумывали отдать своих детей в Белый Лотос, глядя на её успехи.

По противоположной лестнице спускался Джи Канг. Он тоже участвовал впервые и тоже побеждал со значительным перевесом в силе. Лан Роу много слышала о нём, но и подумать не могла, что мужчина окажется таким огромным. Тогда ей показалось, что он похож на гору. Джи Канг смотрел на неё с таким снисходительным выражением лица, будто против него выставили не лучшего бойца известной школы, а котёнка. В то, что она может проиграть, тому, кто не способен оценить реальный уровень противника, полагаясь лишь на внешний вид, просто не верилось. Удар в гонг и начался бой. Лан Роу не раз приходилось сражаться с тем, кто превосходит её в грубой силе, это никогда не было проблемой. Все её противники были крупнее и мощнее, она же привыкла полагаться на ловкость, скорость и силу своего духа. Настоящее оружие воина, не кулак, не меч, не посох и не лук со стрелами, а его разум. На короткий миг она даже уверилась, что сможет одержать победу. Всего один миг, а потом она пропустила удар...

Лан Роу уже не помнила подробности того сражения, но чётко помнила эту вспышку боли, пронзившую всё тело так сильно, что она не смогла осознать, куда именно пришелся удар. Тогда показалось, что ударили её всю целиком. Сперва в глазах вспыхнули искры, а потом всё заволочло чернотой.

В сознание она пришла уже в лекарском крыле. Что-то кричала Фэй Амун, но звуки долетали будто через толщу воды. Хлопотали рядом лунные девы и лекари. Она лежала на животе и перед глазами всё плыло. Лан Роу не понимала, почему она не на арене, ведь ей нужно продолжать бой. Кто-то что-то кричал, какой-то мужчина, но она снова провалилась в темноту.

Через сколько она снова пришла в сознание, Лан Роу не помнила, а, может, и не знала. Тот день отпечатался в памяти какими-то смазанными отрывками. Что-то говорил ей Лао Кан, сидя на краю кровати. Тогда он уже ушел из Лотоса и было неожиданно приятно, что они, несмотря на разлад и его женитьбу, всё же остались друзьями. Он улыбался, но глаза при этом были грустные. А за дверью ругались мастер Раон и Фэй Амун. Верховная жрица кричала, что она просто не в силах ничего сделать. Больше не сможет ходить. Прозвучало как приговор. Только тогда Лан Роу поняла, что не чувствует ног и не может пошевелить ими.

Казалось, что мир стал чёрно-белым. Она просто смотрела в стену. Это всё, что ей осталось. Всё мироздание сузилось до небольшого участка стены, в котором она знала каждую выщербину. Кто-то приходил. Ей что-то говорили. Но она всё смотрела в стену, ни на что не реагируя. Лишь менялись день и ночь. Сколько прошло времени было неясно, но ночью кто-то поднял её на руки и куда-то понёс. Это тоже не волновало Лан Роу. Всё в жизни потеряло смысл. Она просто закрыла глаза, принимая свою судьбу, какой бы та не была.

Утро она встретила в маленькой лечебнице на окраине города. Пожилой лекарь ощупывал её спину и кивал своим мыслям. На небольшой прикроватной тумбе лежал грязный холщовый мешок. Сквозь дыры было видно, что он полон серого цвета земли, камней и каких-то корней. Из горловины торчал целый пучок невзрачного вида белых цветочков.

Позже Лан Роу узнала, что цветок этот называется тысячелетник. Одно из самых редких растений, что растёт высоко в горах Аньшу. Найти даже один — уже успех, а в том мешке их было с десяток... Именно благодаря тысячелетнику и невероятному таланту Аюра, она смогла встать на ноги. Уже через пару месяцев она могла не просто ходить, но и сражаться,

полностью вернув себе былую силу. Аюр не взял с неё денег, сказав, что лечение уже оплачено, но кто именно заплатил, лекарь так и не признался. Лан Роу полагала, что это был мастер Раон или Лао Кан, но оба отрицали свою причастность к её чудесному выздоровлению.

Она не думала, что новый турнир всколыхнёт воспоминания о былом. Хотя, возможно, виной всему был Джи Канг. Лан Роу всеми возможными способами избегала встреч с ним, испытывая безотчетный страх перед тем, кто однажды едва не оставил её калекой. Умом она понимала, что боится не самого мужчины, а того чувства беспомощности, что прочно с ним ассоциируется, вот только ничего поделать с этим не могла. Стоило ей заприметить его огромную фигуру где-то в толпе, как воительница, словно какой-то мелкий воришка, ныряла в ближайшую подворотню и убегала.

Она понимала, что таким образом пренебрегает своими обязанностями посредника, но ничего не могла с собой поделать. Разум понимал, что Джи Канг, с его-то прошлым и склонностью калечить противников, вполне может оказаться предателем. И в то же время очень хотелось, чтобы это был не он, просто потому, что при мысли о том, что ей вновь придётся вступить с ним бой предательски подкашивались колени и нестерпимо кололо в пояснице. Именно туда тогда и пришелся удар.

Утро в Лазурной гавани как всегда было шумным. Лан Роу ждала Лао Кана в небольшой подворотне и неуверенно крутила в руках мешочек с монетами. На площади зазывала предлагал сделать ставки на претендентов. Вокруг него толпились люди, обсуждая возможный исход соревнования. Сегодня было всего два боя, результат которых решал, кто сойдётся в финальной битве за право стать чемпионом в этом году. Имя одного из этих претендентов Лан Роу уже знала, но вот эта определённая совсем не радовала.

Она бы предпочла знать имя предателя. Варианта осталось всего два. Либо Джи Канг, всегда имевший склонность к насилию, либо загадочный Золотая маска. Третий боец — Ли Пайлон — был вне подозрений. Когда демоны громили Лотос и Хризантему, Пайлон проводил открытую тренировку на площади перед зданием Совета, набирая бойцов в школу Чистого пути, которую представлял на турнире.

Лан Роу не знала наверняка, кто из тех, кого она подозревает, виновен в стоворе с демонами, и боялась всё испортить. До сих пор предатель чувствовал себя в безопасности. Если она выступит открыто, это может спугнуть его, и цена ошибки будет катастрофической. Нужно действовать наверняка.

— У тебя такое выражение лица, будто на плечи легла вся тяжесть мироздания, — Лао Кан спрыгнул с крыши.

— Примерно так оно и есть.

— Решила, на кого ставить будешь?

— Нет, — она продолжала крутить мешок с монетами.

— Можешь поставить на эльфийку просто ради вашей с ней дружбы.

— Аньюриэль не выйдет на арену — я вчера заблокировала ей магию. Она до вечера колдовать не сможет.

— О... — Лао Кан сел на какой-то ящик, неверяще смотря на неё. — Ты, конечно, выглядела решительной вчера, но чтобы дошло до такого... Словами нельзя было решить?

— А она меня послушает?! — Лан Роу развела руками. — Я знаю, что поступила подло, но что ещё мне оставалось?! Не смогу я смотреть, как её избивают. Джи Канг магов в бараний рог скручивал по молодости, пару раз даже буквально. Аньюриэль — маг, а не воин.

— Как она отреагировала?

— Думаю, о той дружбе, которую ты не так давно упомянул, можно больше не заикаться, — ответила Лан Роу и печально вздохнула. Чародейка ей по-своему нравилась.

— Значит ставишь на Отшельника? — Лао Кан сменил тему, вероятно решив больше не давить на больное.

— На Золотую маску, — она вложила ему в руку мешочек. — Нечестно ставить на соревнование, результат которого знаешь заранее.

— Или ты просто не хочешь ставить на Джи Канга, после того, как он тебе спину сломал? — мужчина смотрел на неё слишком уж внимательно.

— Не напоминай, — она поморщилась. — Я постараюсь сегодня поймать и Золотую маску и Джи Канга.

— Ты сорвёшь турнир.

— Меньшее зло из возможных. Дам им выступить. Первый бой Маска против Пайлона Подожду его в коридоре, скручу. Потом как-нибудь разберусь с Джи Кангом... Пайлона объявят победителем, потому что остальные участники выбыли.

— Звучит так, будто сама сомневаешься в том, что получится.

— Выбора нет. Я должна сделать так, чтобы получилось. Сам понимаешь, что на кону.

— Хочешь, я помогу?

— Нет. Это — моя обязанность, мой долг как посредника, — она покачала головой.

— С тобой всегда было сложно, — Лао Кан с какой-то странной затаённой печалью смотрел на неё. — Ты никогда не просишь о помощи... Всегда всё сама... Никогда не примешь помощь от других. Мы постоянно соревновались, кто сильнее, кто лучше... И это соперничество делало несчастными нас обоих.

— Ты поэтому тогда решил расстаться?! Такова моя природа, я родилась воином.

— Я видел в тебе не только воина, — он покачал головой. — Но и женщину. Жаль, что ты не видишь её в себе.

Лао Кан вышел из переулка на людную улицу и затерялся в толпе тех, кто делал ставки. Лан Роу смотрела себе под ноги. Он никогда не понимал её. Не понимал, каково это родиться воином и женщиной одновременно. Ей всегда приходилось прикладывать больше усилий, больше тренироваться, просто чтобы быть на одном уровне с мужчинами. А если она хотела превзойти их, то нужно было трудиться на пределе, постоянно преодолевая границы собственных возможностей. И она трудилась. Сквозь боль в мышцах. Сквозь слёзы. Тренировалась до кровавых мозолей и дальше.

В тот день, когда мастер Раон поставил их с Лао Каном друг против друга, стал началом конца для них. В первое мгновение Лан Роу обрадовалась победе. Она стала лучшей. Она смогла превзойти всех. Но, посмотрев ему в глаза, она поняла, что так, как было у них раньше, больше не будет никогда. Тогда это было даже не осознанной мыслью, а смутным ощущением в области сердца. Тогда хотелось кричать: «Раз ты хочешь быть сильнее меня, так будь! Я же смогла, так чем ты хуже?», но она молчала и ждала, сама не зная чего. А потом всё закончилось. Просто в один прекрасный день, хотя, Лан Роу уже и не помнила толком, каким именно был тот день, они решили, что их пути расходятся и вместо «мы» стало два «я».

Лан Роу развернулась, переулками уходя в сторону арены. Как бы там ни было, но ей придётся встретиться лицом к лицу со своими страхами сегодня. Теперь это касается не только её лично, но и всего Аньшу. От того, справится она или нет, зависело слишком много.

Глава 11. Отшельник

Мы ничего не теряем, ведь ничего не имеем.

Не дожидайся прощанья — стучись в закрытые двери.

Мы так любить обещаем, как никогда не сумеем.

Но и на грани отчаяния я всё равно тебе верю,

Я всё равно тебе верю, я всё равно тебе верю.

Ясвена — Мы ничего не теряем

Лан Роу.

Она прислонилась спиной к прохладному камню стены. Бой между Ли Пайлоном и Золотой маской закончился победой Маски. Лан Роу прикрыла глаза, вслушиваясь в зрительские крики и аплодисменты. Она не следила за боем, ожидая окончания в коридоре. Сердце быстро стучало в груди и вспотели ладони. Она достаточно держалась в тени, пришло время действовать.

Лан Роу глубоко вздохнула, успокаиваясь, отошла от стены и двинулась по коридору в сторону выхода на арену. Сердце в груди стучало ровно, выражение лица задумчиво-мечтательное, никто и не заподозрит её в чём-либо. Из-за поворота показался Золотая маска. Мужчина, на ходу отряхивая полы боевого облачения, свернул в коридор, двигаясь ей навстречу. Лан Роу, с лёгкой полуулыбкой на лице, как бы невзначай обвела его взглядом, прикидывая, как лучше будет атаковать.

Она наблюдала за его боями — кем бы ни был этот мужчина, он не принадлежал ни к одной школе, но был необычайно способным бойцом и наверняка показал на арене далеко не всё, на что способен. Открытое противостояние создаст много шума, да и привлечёт излишнее внимание.

Будет лучше атаковать со спины, используя эффект внезапности.

Они поравнялись. Было видно, что Маска едва заметно повернулся к ней, словно оценивая. Лан Роу расслаблено шла дальше и мужчина потерял к ней интерес. Она медленно поворачивалась, просчитывая возможные варианты атаки. Идеально было бы вырубить Маску одним ударом. Они сейчас близко друг к другу, он ничего не успеет предпринять. Один удар...

Что-то ярко-красное мелькнуло в поле периферического зрения. Лан Роу замерла, оборачиваясь. В другой стороне коридора, бодрым шагом направляясь к выходу на арену, шла Аньюриэль. Сердце ёкнуло. Лан Роу сделала шаг в сторону чародейки и замерла, оборачиваясь на Маску. Мужчина неторопливо шел дальше по коридору, не замечая её заминки. С каждым его шагом таяло её преимущество внезапности, но сдвинуться с места воительница не могла. Чувство долга разрывало её на две части. Она должна была поймать и обезвредить предателя и, в то же время, Рунаан поручил ей оберегать Аньюриэль. Если она сейчас атакует Маску, то Аньюриэль выйдет на арену, но если сейчас помешать чародейке выйти на арену, то Маска просто уйдет... Секунда, что казалось, тянулась невыносимо долго и Лан Роу, понимая, что, скорей всего, пожалеет о своём решении, бросилась в боковой коридор, практически нос к носу сталкиваясь с Аньюриэль.

Она успела лишь раскрыть рот, ещё не понимая толком, что хочет сказать этой самоубийце, и пол под ногами исчез. Она провалилась вниз, застревая по самую грудь.

Камень неприятно сжался вокруг рёбер, мешая нормально дышать. Ноги беспомощно болтались в воздухе. Чародейка смотрела пугающе-высокомерно, так, как большинство силлинов смотрят на не одарённых магией людей. Кончик её посоха касался пола, не оставляя сомнений, кто именно создал эту ловушку.

Невозможно. Не могла так быстро.

— Как ты...

— Знаешь, что самое неприятное? — льда в её голосе хватило бы, чтобы заморозить всю Лазурную гавань. — Что ты настолько сомневаешься во мне, что не дала и шанса. Кто позволил тебе решать, где мой предел?

Аньюриэль развернулась. Рёла уже объявляла её выход. Лан Роу растерянно смотрела вслед чародейке. Разум отказывался признавать правду. Она ведь лично запечатала ей чакру, а значит, Аньюриэль не может колдовать до самого вечера. Вот только реальность упрямо не соответствовала этому утверждению. Каким-то невероятным образом, эта упрямая эльфийка вернула себе магию и оставила её болтаться в полу между этажами.

Кто-то выдернул её из состояния растерянности, прикоснувшись к щиколотке. Одновременно с этим взревели зрители приветствуя претендентов. Лан Роу дёрнула ногой, отгоняя в сторону кого-то излишне любопытного. Она собрала ки в ладонях и ударила по полу. Камень треснул, крошась. Лан Роу мягко приземлилась. Стражник изумленно смотрел на неё. Воительница сорвалась с места, не утруждаясь объяснениями, хотя и понимала, что Фархан будет недоволен тем, что в полу осталась дыра. Она за считанные секунды преодолела коридор, поднялась по лестнице и выбежала в ворота, но не успела. Рёла ударила в гонг, объявляя о начале боя.

Порыв ветра взметнул красные волосы Аньюриэль. Напротив неё стоял Джи Канг. В сравнении с миниатюрной эльфийкой Отшельник выглядел как великан. Он был таким же, каким Лан Роу запомнила — огромная гора мускулов, волосы, густые брови и борода серебристо-белые. Одевался Отшельник лишь в брюки и кушак, предпочитая демонстрировать окружающим тренированность тела и босые ступни. Лан Роу растерянно смотрела на происходящее, пытаясь решить, что же ей делать. Не в её власти было вмешиваться в бой, она не имела полномочий прервать сражение и это чувство бессилия тугим узлом затянулось вокруг горла.

Они сорвались с места одновременно. Аньюриэль взмахнула посохом. Волна магии обрушилась на Джи Канга сверху, на мгновение замедлив его рывок. Мужчина ударил вокруг себя энергией, разрывая ткань заклинания. Ки в нём было столько, что она становилась видимой, клубясь над кожей, будто горячий воздух над раскаленным песком пустыни. Аньюриэль увернулась от удара, проскользнув у мужчины под рукой и тут же ударяя его ногой в область печени. Раздался хлопок и чародейка отскочила в сторону.

Они замерли друг напротив друга. Сильный маг и могучий боец. Они лишь попробовали силы друг друга и сейчас замерли, словно решали, как действовать дальше. Замерли и зрители, напряженно наблюдая за развитием событий. Лан Роу медленно спускалась по лестнице. Аньюриэль выглядела непривычно сосредоточенной. Джи Канг стоял спиной и Лан Роу не могла видеть его лица, но видела, как напряглись мышцы на его спине.

Пожалуйста, только не принимай её всерьёз. Посмотри, да она же совсем как ребёнок...

Вскрикнула в небе чайка и противники вновь бросились в атаку. В руке Аньюриэль яркой вспышкой появилась шаровая молния. Джи Канг занёс руку для удара. Вокруг его

кулака вилось пугающе много ки. Лан Роу забыла как дышать. Мгновение стало медленным и тягучим, словно увязло в древесной смоле. Аньюриэль, крутанулась на каблуке, упав на одно колено. Кулак Отшельника пронесся в пугающей близости рядом с её плечом, сталкиваясь с камнями арены, и не просто кроша их, а обращая облаком пыли. В то же мгновение Аньюриэль исчезла в яркой вспышке и взорвалась шаровая молния.

Поток времени выровнялся. Лан Роу резко выдохнула и так же резко вдохнула. Оба соперника были живы и, пока, невредимы. В каменной кладке арены подле Отшельника была не маленькая воронка. Лан Роу нервно сглотнула, представив, кровавые ошметки, которые останутся от того, кто попадёт под такую атаку. Аньюриэль явно размышляла о том же, судя по тому, как у неё на лице проскользнуло выражение растерянности. На краткий миг захотелось крикнуть: «Я же предупреждала!», но волнение пересилило злорадство. Лан Роу неуверенно топталась на лестнице, не зная, что ей делать. Она не имеет права вмешиваться, но и не может оставаться в стороне.

Аньюриэль, что-то для себя решив, убрала посох, закрепляя его за спиной. Она обманчиво-неторопливо сделала небольшой шаг вперёд и сорвалась с места так быстро, что глаз не успел уследить за этим движением, уловив лишь смазанное красное пятно. Джи Канг ударил на опережение. Чародейка отскочила в сторону. На её руках вспыхнуло пламя. Джи Канг попытался подсесть её ногой. Аньюриэль оттолкнулась от арены, ловко переворачиваясь в воздухе и ударяя мужчину волной пламени.

Кокон из огня на мгновение окутал Отшельника, скрывая его от зрителей. Но Джи Канг не считался бы самым сильным бойцом в Аньшу, если бы одолеть его было так просто. Мощный выброс ки разорвал, разметал пламя в стороны. Аньюриэль едва успела отскочить в сторону, уходя от удара коленом, и тут же отпрыгнула в сторону, уклоняясь от ещё одной атаки.

Пока ей удавалось уворачиваться и уклоняться от ударов Джи Канга. Но проблема была не в этом, а в том, что магия не причиняла мужчине никакого вреда. Лан Роу прекрасно понимала, что у чародейки наверняка припасено что-то действительно мощное, но правила турнира вынуждают её сдерживаться. Кроме того, Лан Роу слышала, что некоторые особенно сильные заклинания требуют времени на подготовку, которого Джи Канг чародейке просто не даст.

Секундная заминка и они снова бросились в атаку. Сердце Лан Роу сжалось, когда в оглушительной тишине раздался хлопок. Аньюриэль отбросило в сторону. Чародейка едва не вылетела за пределы арены, успев затормозить падение воздушной магией. Джи Канг выглядел не менее удивлённым, наблюдая, как Аньюриэль медленно встаёт на ноги. У неё текла носом кровь, одно ухо странно косило вниз, но, на удивление, руки остались целыми. Люди возбужденно переговаривались и Лан Роу понимала почему. Удар Отшельника отправлял в лазарет всех, кто был недостаточно осмотрительным, а эта безумная противопоставила мощи Джи Канга свою силу и выстояла... Аньюриэль вытерла кровь тыльной стороной ладони и стала на изготовку.

Джи Канг изумленно посмотрел на неё и рассмеялся. Его хохот эхом прокатился в повисшей тишине. Лан Роу замерла, впервые слыша, как этот человек-гора смеётся и вообще проявляет какие-то эмоции.

— Маленькая, ты уверена, что готова продолжать? — голос Отшельника оказался глубокий, немного напоминающий рокот грозы в отдалении.

Аньюриэль молча смотрела в ответ и взгляд этот был красноречивее любых слов. Она

пришла за победой. Она не отступит. Пламя на её руках вспыхнуло ярче. Зрители радостно вскрикнули, когда Аньюриэль снова метнулась вперёд, атакуя. Джи Канг сделал резкий выпад. Она оттолкнулась от камней, легко взбежала по его руке и, перевернувшись в прыжке, соединила руки. Поток пламени, метнувшийся к мужчине, обратился распахнутой драконьей пастью. Джи Канг разорвал заклинание мощным ударом кулака. Дракон разлетелся в стороны всполохами ярких искр, будто кто-то взорвал фейерверк прямо на арене. Аньюриэль выскочила из этого клубящегося марева, ловко уворачиваясь от нового удара Отшельника и телепортируясь ему за спину, на краткий миг зависая в воздухе на уровне его головы. На её ноге вспыхнуло пламя. Аньюриэль ударила резко, отчего движение будто смазалось. Хлопок от соприкосновения энергий был больше похож на раскат грома. Она отскочила в сторону. От внимания Лан Роу не укрылось, что Аньюриэль старается перенести вес тела на другую ногу. Джи Канг медленно, будто сомнамбула, повернулся к чародейке. Выражение его лица было каким-то отрешенным. Мужчина сделал шаг к Аньюриэль, пошатнулся и рухнул на камни. Повисшую над ареной тишину, казалось, можно было потрогать. Лан Роу неверяще смотрела то на поверженного Джи Канга, то на тяжело дышащую Аньюриэль. Первой опомнилась Эйша — радостный вопль девушки разнёсся над ареной. Потом пришла в себя Рёла. Удар гонга возвестил о том, что бой окончен.

Ноги подкосились и Лан Роу села на ступеньку. К глазам подступали слёзы, то ли от радости, то ли от облегчения. Аньюриэль растерянно смотрела по сторонам. Их взгляды встретились. Лан Роу улыбнулась, вытирая ладонью предательски скользнувшую по щеке слезу. Чародейка кивнула в ответ. Тонкая струйка крови стекала у неё из уха.

Аньюриэль, заметно хромя, направилась к ней, обходя поверженного Отшельника по дуге. Лан Роу бросилась на подмогу, подхватывая чародейку под руку. Где-то сквозь толпу, раздраженно крича на зевак, проталкивалась Эйша.

— Как же ты меня напугала, — Лан Роу попыталась улыбнуться. — Я боялась, что он тебя вколотит в арену.

— Ругайся сколько угодно, — устало вздохнула Аньюриэль. — Я всё равно ничего не слышу.

Лан Роу искоса глянула на текущую из уха чародейки кровь. Смотрелось жутко. Так же, как и тонкая алая струйка, текущая из носа, и капающая с подбородка вниз. Эйша наконец-то смогла прорваться к ним, подхватывая Аньюриэль под вторую руку.

— В лазарет, к жрицам, — скомандовала Лан Роу.

Спорить Эйша не стала. Среди гомона толпы тихим шорохом доносились причитания Пэна. Аньюриэль растерянно смотрела прямо перед собой и тяжело дышала. Лан Роу попыталась прощупать её ки, с ужасом понимая, что чародейка почти пустая.

Сколько же она вложила в ту атаку?

Они брели по коридору. Из-за дыры в полу пришлось сделать ощутимый крюк. Аньюриэль с трудом переставляла ноги. Казалось, что ещё чуть-чуть, и она потеряет сознание. До лекарского крыла осталось совсем немного. Впереди раздался странный грохот и звуки драки. Среди возни раздался звук падения чего-то металлического на камни. Аньюриэль, будто почувствовала их с Эйшей напряжение и встрепелась, озираясь по сторонам.

— Эй, ты чего хулиганишь? — раздался за поворотом громоподобный голос Джи Канга.

Сердце Лан Роу ушло в пятки. Было неясно, что её пугает больше: тот факт, что Отшельник так быстро оправился от удара или то, что он караулил их подле лазарета.

Хочет поквитаться за проигрыш?

Она отпустила руку Аньюриэль, аккуратно заглядывая за поворот. Джи Канг на вытянутой руке держал Лао Кана за ворот рубахи, будто нашкодившего котёнка. Клинок Лао Кана лежал на полу, а сам он прижимал руку к груди. Воительница встала наизготовку.

— Совсем одичали в Лазурной гавани, — недовольно качал головой Джи Канг, совершенно не обращая внимания на её появление. — Нападают исподтишка.

— Что происходит? — Лан Роу старалась, чтобы голос прозвучал ровно.

— Воришку поймал.

— Я пытался его поймать.

Мужчины ответили одновременно. Лан Роу стояла на месте, пытаясь осознать всю абсурдность ситуации. Отшельник продолжал держать Лао Кана, его рука даже не выглядела напряженной, будто мечник совсем ничего не весил.

Сколько же в нём силы...

— О, вот ты где, маленькая, — Джи Канг посмотрел ей за спину. — А я тебя ищу. А ты, не воруи больше.

Он отпустил Лао Кана, потеряв к нему интерес, и двинулся к ним. Лан Роу напряглась, готовая защищать чародейку. Джи Канг поднял руку. Она отступила на шаг, собирая ки...

— Рад, что ты поправилась, шустренькая, — Отшельник погладил её по голове и прошел мимо. — Пошли, отнесу тебя к хорошему лекарю, а то этим девкам доверять нельзя.

Джи Канг подхватил Аньюриэль на руки, полностью игнорируя протесты Эйши, и пошел по коридору. Лан Роу ошарашенно моргала, пытаясь понять произошедшее. Ощущение от прикосновения к голове было странно-тёплым, и совсем не пугающим. У неё вообще создалось такое впечатление, что рука мужчины была такой огромной, что накрыла её, словно шляпа. Она посмотрела на Лао Кана, будто у него был ответ на вопрос, который она даже сформулировать не могла. За последние дни слишком многое изменилось в её картине мироздания. Слишком многое из того, что прежде казалось незыблемым, рушилось. Нужно было время, чтобы осознать и принять всё это.

— Куда он потащил кэпа?!

Возмущенный вопль Эйши выдернул её из протрации. Лан Роу бросилась следом. Джи Канг быстрым шагом направлялся к выходу с арены. Она кинулась вдогонку, преграждая ему путь.

— Ты куда её несёшь? — Лан Роу перегородила ему дорогу.

— К Аюру, — спокойно ответил Отшельник. — Маленькая поранилась и, кажется, оглохла. Совсем меня не слышит.

— Ты знаешь Аюра? — воительница растерянно смотрела то на мужчину, то на уснувшую у него на руках Аньюриэль.

— Он хороший лекарь. Лучше чем эти шумные жрицы. Те только языком чесать могут.

Джи Канг обошел её и двинулся дальше. Возразить Лан Роу было нечего. Она просто пошла следом, хотя, чтобы поспевать за Отшельником приходилось либо быстро идти, либо медленно бежать. Сам же Джи Канг не выражал каких-либо эмоций. Его будто и не волновал тот факт, что все встречные разве что шеи не сворачивают на их странную процессию. Лан Роу бегло обернулась — за ними старались поспевать Лао Кан и Эйша, на плече которой сидел Пэн.

Лан Роу бросала на Отшельника быстрые взгляды, пытаясь понять, почему он делает то, что делает. Это было не похоже на того пирата, от одного имени которого дрожала вся

Лазурная гавань. Тот, кому нравится калечить других, не будет потом нести их к лекарю...

Джи Канг не посчитал нужным стучаться и просто распахнул дверь в кабинет Аюра. Ему пришлось наклониться, чтобы протиснуться в дверной проём.

— Ты опять?! — раздался негодующий вопль Аюра. — В том году одну приташил и в этом опять?!

— Да я ж не виноват, — оправдывался Джи Канг. — Она сама всю ки в удар вложила. Даже сознание потерял, так она меня приложила. Маленькая, а такая отважная...

Лан Роу скользнула следом. Казалось, что Отшельник занимал всё свободное пространство в кабинете, но глядя на то, как от вжимает голову в плечи, робея перед лекарем, совершенно не верилось в то, что этот человек может лишь разрушать.

— Клади на кушетку, — скомандовал Аюр. — Я что тебе говорил? Не бей в полную силу!

— Да я же так, легонько. А они вот...

Джи Канг аккуратно положил Аньюриэль и бережно убрал с её лица волосы. Это выглядело совершенно нереально. Огромный, как скала, человек с репутацией бешеного тигра старался проявить заботу о той, кто только что его победила. Джи Канг покопался в кармане и выложил на стол лекаря горсть монет. Даже навскидку там было больше, чем стоили услуги Аюра.

Отшельник повернулся, зацепив плечом полку и сбросив с неё пару банок. Аюр заскрежетал зубами, но ничего не сказал. Джи Канг, заметно смутившись, поднял осколки и вышел. Лан Роу не была уверена, но кажется слышала, как жалобно скрипнули косяки, когда тот протискивался в дверной проём.

— С ней всё хорошо, — не глядя на неё проворчал лекарь. — Энергию она уже восстанавливает, соединившись с источником магии, который тут неподалёку. Ногу, уши и этот жуткий синяк на груди я ей вылечу. Отоспится до завтрашнего утра тут. И ты иди отдохни — лица на тебе нет.

Она кивнула, хотя и понимала, что Аюр не смотрит на неё, медленно вдохнула запах лекарственных трав и пряностей, что неизменно наполнял воздух кабинета, и вышла. Эйша требовательно смотрела на неё. Рядом топтался Лао Кан, бросая сердитые взгляды на Отшельника, и потирая запястье правой руки.

— Аюр сказал, что Аньюриэль надо поспать до завтра. С ней всё будет хорошо.

Эйша облегченно выдохнула, садясь на лавку, стоящую во дворе. Отшельник кивнул, уходя. Лан Роу смотрела ему вслед, пытаясь понять, что она чувствует по отношению к этому человеку. Безотчетный страх, что сковывал её прежде, ушел, но новые эмоции были ей непонятны. Вспомнились слова Аюра...

— Джи Канг! — Лан Роу сорвалась с места, догоняя мужчину.

— Что, шустренькая? — он обернулся.

— Тогда... В том году. Это ведь ты принёс меня к Аюру? — она внимательно смотрела ему в глаза. — И это ты нашел для меня тысячелетник? Но почему не остался? Почему не сказал?

— Потому что о таком нет нужды кричать, — Джи Канг улыбнулся, отчего в уголках глаз собралась сеточка морщин. — Я тогда был уверен, что ты увернёшься. Такая ловкая, быстрая и сильная. Давно у меня не было таких интересных противников, вот и увлёкся малость. Не хотел тебя ранить...

— И поэтому оплатил лечение?

— Ты вот какая важная стала, — он покачал головой. — Посредник при Рунаане. А я надеялся, что в этом году опять сразимся. Мне редко кто сильный попадается. Все хлипкие какие-то. Чихнёшь и они ломаются... Но и в этом году хороший турнир. Не жалею, что пришел. Тебя, вот, повидал. Ну, будь здорова, шустренькая.

Он сделал шаг навстречу, снова погладив её по голове. На этот раз жест мужчины не вызвал в ней напряжения. Скорее было странное чувство возвращения в детство.

— Я ищу того, кто связался с демонами, — сама не понимая почему выпалила Лан Роу.

— В молодости демоны меня сильно искушали, — задумчиво проговорил Джи Канг, продолжая гладить её по голове. — И плотские, и мысленные. Никак не мог с ними бороться. Всё верх надо мной брали. Оттого и ушел на гору. Поселился один. Выше меня только светило, а люди внизу — как муравьи. Да и заботы у них такие же мелкие и незначительные... Поначалу тяжело было. Всё, что меня в миру искушало, во снах возвращалось, а потом отпустило. Освободился я от бремени телесного и духовного. Долго жил без страстей, хотя порой и на людей посмотреть охота, вот и пошел на турнир. А недавно, до начала этого, явилось ко мне искушение. Да не какое-нибудь, а сама Белакис. Сулила вечность и силу. Я как замахнусь на неё, но сбежала демоница. Крылья распахнула и тенью скрылась во тьме. Видел я потом крылатую тень у тех пещер, где старый горбун живёт, но поймать её не удалось.

— Значит демоны в Мглистых кряжах, — Лан Роу неверяще смотрела на Отшельника. — Где живёт тот горбун?

— Пещер там много, — Джи Канг улыбнулся, видя её заинтересованность. — Старик живёт на северном склоне, там, где почти не бывает солнечного света. Прежде я его часто видел. Копошится чего-то у своей пещеры, какие-то травы собирает и обратно во тьму возвращается. Жалко мне его — злой, кривой, пугливый. Я как-то пытался с ним поговорить, может помощь какая нужна — старый он всё же — но злоба в нём пересилила, кричал на меня, камнями кидался, ну я и ушел. Как бы демоны бедолагу не забрали. Видел я тени там жуткие, многоногие...

— А сможешь нарисовать карту?

Аньюриэль.

Аньюриэль неохотно открыла один глаз. Потолок над ней был подозрительно незнакомым. Она закрыла глаз, пытаясь вспомнить, что было накануне. Получалось не особо. Вокруг было тихо и сильно, почти до тошноты, пахло разными травами. Никакого понимания где она и как могла тут оказаться не появилось. Анью открыла оба глаза, осматриваясь. Звонко стучалась в стекло большая, по-осеннему крупная, муха. За насекомое было немного неловко — рядом была открытая створка, но муха упрямо билась головой в закрытое окно. Смутно припомнилось, что в этот кабинет её приводила Лан Роу, когда нужно было подписать бумаги на участие в турнире. Вот только имя лекаря она не помнила. Да и его самого не было видно.

Она села, притянув к себе ногу и ошупала голень. Радовало, что ничего не болит. Шевелить стопой она могла как и прежде. Слух был в норме. Она аккуратно прикоснулась к груди — болезненных ощущений и, стало быть, синяка не осталось.

На лестнице раздался шорох шагов. Аньюриэль обернулась, ожидая, когда лекарь

спустится. Пожилой мужчина, стоило ему появиться в кабинете, недовольно смерил её взглядом. Чародейка кивнула, приветствуя его.

— Я вот не пойму, — лекарь сел за свой стол, принимаясь перебирать содержимое ящичков. — У тебя либо ума нет, либо дури слишком много. Потому что по-другому объяснить то, что ты вложила почти всю свою ки в один удар, я не могу.

— *Мне кажется, оба варианта сразу,* — недовольно высказалась Энвиса.

— Но ведь сработало. Я победила.

— Будешь так разбрасываться жизненной энергией — седых волос станет в разы больше. Иди уже отсюда, — лекарь махнул рукой на дверь.

— Сколько за лечение?

— Нисколько. Уже оплачено, — мужчина принялся что-то строчить в потрепанном на вид журнале.

Аньюриэль пожала плечами, но спорить не стала. После приятного полумрака кабинета лекаря, яркое поднимающееся над горизонтом солнце резануло по глазам. Она зажмурилась, привыкая к яркому свету. Вокруг пели птицы, приветствуя новый день, лёгкая дымка тумана быстро таяла. Лазурная гавань только просыпалась. С громким писком летали в небе быстрокрылые ласточки. Где-то во дворах пропел петух. Лениво стучали подковы по брусчатке. Чародейка обернулась, пытаясь понять, кого принесло в такую рань к дому лекаря.

На спине гнедой кобылы, радостно улыбаясь, сидела Лан Роу. Вторую лошадь, очевидно предназначавшуюся для неё, она вела на поводке. Анью удивленно приподняла бровь, не понимая причины такой радости.

— Как самочувствие? — поинтересовалась воительница, останавливая лошадей

— Хорошо.

— У нас выдались непростые дни, но как насчёт прогулки? Джи Канг сказал, что видел слишком подозрительные тени в Мглистых кряжах и успел перекинуться парой слов с Белакис, так что, вероятно, демоны обустроили себе логово в одной из пещер.

— Джи Канг — предатель? — она растерянно смотрела на воительницу. — Да ладно... Он вроде добрый.

— Нет, не предатель. Он прогнал демоницу. Слушай, я немного погорячилась и позволила себе лишнего. Мне жаль, что так получилось... И мне понадобится твоя помощь в охоте на демонов.

— Я тоже наговорила лишнего, — Анью улыбнулась.

Она подошла к лошади, нежно поглаживая её по бархатистой шерстке и создавая ментальную связь. Животное любопытно ткнулось губами ей в ладонь в поисках угощения. Анью покопалась в сумке, доставая яблоко, и подкармливая кобылку. Лошадь сразу прониклась к ней доверием. Чародейка улыбнулась, поражаясь тому, как простая ласка, угощение и доброта могут расположить к себе.

— Твой бой с Джи Кангом — это было впечатляюще, — Лан Роу протянула ей узел, из которого изумительно пахло свежей выпечкой.

— Он сильнее меня. Я вложила в удар всё, что могла, а он сдерживался, — Анью запрыгнула лошади на спину. — Ты и другие бойцы бьёте быстро, каждый удар, каждый выпад точно выверен. А Джи Канг просто махал руками. Ударил в полную силу лишь раз — когда раскрошил арену. Ты можешь научить меня так же?

— Я бы не отказалась сама так уметь, — Лан Роу улыбнулась, трогая лошадь пятками и

направляя в сторону городских ворот. — Просто разбить камень не сложно, если можешь направлять свою ки. Но вот так, чтобы в порошок — впервые такое увидела.

— Надеюсь, чтобы научиться так же не нужно тридцать лет сидеть на горе, — Анью отщипнула кусочек от лепёшки.

— Кстати, я вчера вечером попросила у Фархана прибавки к жалованию, — Лан Роу многозначительно улыбнулась.

— И как?

— Он был удивлён, узнав, как мало мне платят. Теперь буду получать в два раза больше. Надо было сразу так сделать.

Дорога постоянно петляла, то забираясь на сопку, то, извиваясь словно змея, спускалась в низину. Они остановились на утоптанной площадке в низине, где явно вставали на ночлег торговые обозы. По центру площадка была вытоптана до голой земли из которой порой торчали редкие, особенно живучие растения. Лошади утоляли жажду в небольшой заводи, что примыкала к поляне, и пощипывали траву.

Лан Роу показывала ей простые приёмы и объясняла, как усилить удар с помощью ки. Анью внимательно слушала, стараясь разобраться и уяснить смысл. В целом было похоже на магию. Колдуя, она брала магическую энергию вокруг себя, смешивала со своей собственной, пропуская через магический источник и сплетала нити магии в то, что хотела создать. Могло показаться, что это сложно, но, потренировавшись, можно было творить колдовство даже не задумываясь о том, что делаешь.

— Это как ходить, — пояснила Лан Роу. — Сперва падаешь и спотыкаешься, а потом очень легко. — Направь ки в кулак и ударь вот так.

Воительница резким движением ударила по воздуху. Сгусток ки выбил крошку из скалы в паре метров от них. Анью попробовала так же, но высвободить энергию не получилось. Она просто бесполезно била по воздуху кулаками.

— Да что за ерунда?! — она рассерженно махнула руками.

— Всё в порядке. И не должно получаться сразу. Ты уже можешь направлять ки и даже покрыть ею кожу, чтобы пробить что-то крепкое. Отделить ки и направить сложнее. Думаю, дело в том, что ты — маг.

— Прежде одно другому не мешало, — проворчала Аньюриэль убирая со лба мешающие волосы. — Да и жрицы Рунаана все одарены магией, но могут управлять энергией.

— Я не об этом. Ты пытаешься управлять ки как магией, но это не одно и то же. Смотри, в теле есть семь чакр. У каждой своя особенность. Первая чakra — чakra земли — расположена в лоне. Вторая — в животе, чakra воды. Третья — огонь — в солнечном сплетении, там, где у тебя источник. Четвёртая — чakra воздуха — в груди. Пятая — энергия — в той точке, где сходятся ключицы. Шестая — чakra разума — во лбу. И седьмая — чakra богов — на макушке. Каждая из этих чакр важна, особенно для магов, ведь в чакре рождается магический источник. Но ки идёт не из чакр. Ки идёт от сердца. Это жизненная энергия, которой полнится твоё тело. Мастера, развившие большой внутренний ресурс, живут дольше, чем обычные люди. Именно поэтому очень важно расходовать ки экономно: ки — энергия жизни.

— Тут ничего нового. Силлины не живут без магии в теле. То есть, я правильно

понимаю, надо пропускать не через источник, а через сердце? — попыталась уловить мысль Аньюриэль.

— Не совсем так, — воительница покачала головой. — Ты не пропускаешь через сердце. Ты бьёшь рукой. Для тебя это как просто кого-то ударить. А надо направить как бы от сердца, понимаешь?

Анью сосредоточилась, пытаясь представить сгусток энергии в области сердца. Получалось не очень. Она закрыла глаза, сосредотачиваясь на ощущениях. Медленно сжала кулак и ударила. Энергия метнулась по руке и задержалась щекоткой в пальцах.

— Да что не так? — она открыла глаза, растерянно смотря на скалу, где даже трещинки не появилось.

— У тебя получится, — подбодрила Лан Роу. — Ты ещё всех удивишь.

— Да куда уж там...

— Ладно, отдохнули и пора дальше в путь. Кстати, а как ты вернула себя магию так быстро? Я всё понять не могу, — Лан Роу забралась обратно в седло.

— А это, — она отмахнулась, тоже садясь верхом. — Сделала то же, что и ты.

— Не понимаю.

— Ударила себя своею же ки в источник. Видимо, моя энергия погасила твою и магия вернулась.

— Надо же, — Лан Роу задумалась. — Не знала, что так можно...

— Я тоже не знала.

— Погоди, — она непонимающе уставилась на неё. — Так ты что, ударила себя наобум?!

— Ну так сработало, — Анью улыбнулась и пожала плечами.

— Ты совершенно безумная...

— Да, мне уже говорили.

Лучше гор могут быть только горы, на которые не надо лезть... Уже темнело. Лошадей они оставили в долине и отправились искать ту самую пещеру, где Джи Канг видел тени, сильно напоминающие демонов. Вот только, к их огромному сожалению, будучи могучим бойцом, художником тот был весьма посредственным. Аньюриэль всматривалась в каракули, испещрившие лист, и не могла разобраться, куда же им идти.

— Кажется, нам всё же нужно было вот к той горе, — Лан Роу растерянно осматривалась по сторонам.

— Ты так и про эту говорила, — фыркнула Аньюриэль. — И про прошлую. Я же не горная коза скакать тут весь день и лазить по пещерам. Как вообще можно найти какую-то определённую пещеру в этих горах. Они же изрыты тоннелями как кусок сыра.

— Ну, тут раньше была большая популяция мирмицинов...

— Не напоминай, — Аньюриэль глянула на испорченный сапог.

— Я сразу сказала, что слизь у них едкая, — отмахнулась воительница.

— Это — кожа драколиска. Они из самой Юдии...

— Да ладно тебе. Это же просто сапоги. И вообще, радуйся, что ноги унесли. Мирмицины, когда ложатся в спячку, очень раздражительные. Хотя они вообще добротой не отличаются...

Их мне Аман купил...

— Горят хорошо и на том спасибо, — Аньюриэль глянула через плечо на пещеру, из которой они выбежали буквально пару минут назад.

Её чувствительный слух улавливал писк и скрежет в глубине пещеры, что издавали гигантские хищные насекомые. Рой, на который они случайно наткнулись, воспринял их как отличную возможность перекусить перед спячкой. Пара пульсаров немного сбавила нездоровый энтузиазм насекомых, но всё равно пришлось спасаться бегством. Аньюриэль пнула носком уцелевшего сапога какой-то осколок тарелки. Вокруг логова всё было усыпано обрывками тряпок и каким-то хламом, из-за чего они решили, что старик живёт именно тут.

— Не понимаю, — Лан Роу крутила карту в руках. — Вот гора, вот ещё гора, вот река. Мы пришли верно.

— А тебя не смущает, что вот эта гора со скошенной вершиной, а на рисунке все конусообразные?

— Ты посмотри на это, — воительница потрясла листом. — Он же все горы нарисовал треугольниками!

— Ладно. И что делать будем?

— Для начала — уйдём подальше от мирмицинов. Вряд ли старик живёт поблизости с роем. Джи Канг сказал, что старый горбун живёт на северном склоне, куда совсем не попадает солнечный свет. А ещё с вершины той горы, на которой живёт сам Джи Канг, видно Лазурную гавань, стало быть, это место должно быть где-то неподалёку.

Пока они спускались обратно в долину, стемнело. По небу неторопливо скользил рожок убывающей луны и звёзды. Воительница зябко поежилась, потирая предплечья. В низине собирался туман. Ухнула в подлеске неясность. На фоне темнеющего неба то и дело сновали тёмные силуэты летучих мышей.

— А почему мы вообще лазим по этим горам? Кроме поиска возможного убежища демонов. Может, сферу света создать? Мне достаточно света звёзд, а ты как будешь в темноте?

— Свет привлечёт к нам лишнее внимание. Помнишь про незаметное проникновение? Мы бродим тут, потому что мне не сидится на месте, — призналась Лан Роу. — Пока я наблюдала за твоим боем, Маска куда-то исчез. Никто в Лазурной гавани не знает, где он. Как будто и не было его. В своём номере в «Голове Рунаана» он практически не появлялся.

— А не лучше ли вместо врагов поискать того союзника, на которого ты рассчитывала?

— Не похоже, что Вэй появлялся близ гавани...

— Его помощь пригодилась бы в поисках тайника Сиена.

— Сама бы не отказалась, но ничего не поделаешь. Будем разбираться сами. Я могу задать вопрос? — Лан Роу бросила на неё быстрый, слегка виноватый взгляд.

— Смотря какой, — уклончиво ответила Аньюриэль.

— Личный, разумеется.

— Не обещаю, что отвечу.

— Кто такой Аман?

— Жрец ордена Первозданного Света.

— Я это и так слышала, — Лан Роу недовольно на неё посмотрела. — Я имела в виду, кто он для тебя.

Аньюриэль на краткий миг задумалась, пытаясь найти подходящее слово, но нужного в её запасе человеческого языка не находилось.

— Друг.

— За друзей так не переживают.

— Значит это не друзья. Аман — мой мэлринд. В твоём языке нет такого слова. Мэлринд — это тот, за кого без раздумий убивают.

— Возлюбленный? — в глазах Лан Роу заблестели искры веселья.

— Нет. На иссиларе это звучит «мэлдо» — друг души. Мэлринд не обязательно мэлдо. Зачем тебе вообще это знать?

— Потому что хочу помочь тебе.

— Лучше помоги найти тот осколок Ковчега, которым владел Сиен. Это намного важнее, чем копаться в моём прошлом.

— Знаешь, ты не такая, как другие силлины, — Лан Роу задумчиво посмотрела на горы, словно что-то прикидывая. — А я кажется поняла, куда нам. Вот эти две горы, что расположены рядом. Вершину той, что повыше, видно в ясные дни из Лазурной гавани. А та, что пониже, примыкает к северному склону, так что тот постоянно будет в тени. Думаю, тот старик-горбун должен жить там.

— А почему ты не попросила Джи Канга нас проводить? Было бы быстрее. Да и если бы завязалась драка с демонами, я бы посмотрела на то, как он дерётся в полную силу.

— Потому что Джи Канг ушел из Лазурной гавани в небольшую деревеньку на востоке. Вроде как у него там кто-то из старых знакомых живёт. Повидаться решил. По крайней мере так я слышала. Нужно что-то делать — времени у нас немного. До финала, и твоего боя с Золотой маской, осталось меньше, чем три дня. Если он победит, то демоны получают Ковчег.

— Если победит, — Аньюриэль улыбнулась. — А предателей у вас тоже судят, или можно разобраться на месте?

— Допрос обязателен. Мы даже не знаем, кто он такой, — отрезала Лан Роу. — К тому же, он нужен Белакис, чтобы открыть тайник. Если поймать предателя, то демоны, скорей всего, явятся за ним. Кроме того он, вероятнее всего, знает где тайник. Убьёшь его — не получишь информацию.

— Ладно, постараюсь не убить ненароком.

— Меня порой пугает твоя кровожадность...

— Меня вырастил шагающий в тенях. Может, это сказалось?

— Может...

Они какое-то время шли молча. Аньюриэль вслушивалась в то, как шелестит стеблями травы ветер и перекрикиваются ночные птицы. Мириады звёзд усеивали небосвод. Она подняла взгляд, рассматривая эти искры Первозданного света, что остались после сотворения Вечного Солнца. Одна из звёзд сорвалась со своего места, тонкой чертой расчертив небосвод, и исчезла за тёмным силуэтом горы.

— Знаешь, — задумчиво проговорила чародейка. — У людей есть легенда, что руфениты — это осколки, что откололись от Ковчега, когда Руфеон запечатывал Первый разлом. А мой народ считает, что эти камни — упавшие с небосвода звёзды.

— Почему тогда они угасают?

— Руфениты не угасают со временем, — Аньюриэль покачала головой. — Просто тем, кто владеет камнем, со временем становится мало того света, что он даёт. Некоторые маги с моей родины изучали руфениты, но обладать ими тяжело. Их свет завораживает, а могущество слишком велико. Но чем сильнее маг, тем проще ему противостоять такому соблазну.

— Никогда прежде не слышала о таком. Твой народ удивительный в том, что касается магии.

— Увы, только в этом, — Анью покачала головой и снова опустила взгляд, смотря как стелется по земле туман.

— О чём ты?

— Знаешь, когда меня обучали, то рассказывали о других народах. Вот только у моих наставников «младшие» народы звучало как «низшие». Живёте лишь краткий миг, магии крупица, да и то не во всех, алчные, а самомнения у некоторых выше гор. Когда я только прибыла в человеческие земли, то тоже так думала. Свысока смотрела на людей. Примерно так, как вы смотрите на несмышлёных детей или животных... Но, чем больше узнаю людей, тем больше поражаюсь тому, насколько вы необычные. Вам столько всего доступно. Вы меняете этот мир, а не подстраиваетесь под его законы. И я даже не могу понять, как к этому относиться. С одной стороны это удивительно, но с другой... Пугает.

— Надо же, ты первый силлин в Лазурной гавани, который не смотрит на людей как на пыль под ногами, — Лан Роу усмехнулась. — Вчера, по пути к Фархану, столкнулась с той делегацией из Берна. Они какие-то торговые соглашения с Советом подписывали. Честно говоря, это высокомерие раздражает.

— Не обращай внимания, — Анью фыркнула. — На меня они тоже так смотрят.

— Потому что из Рохэнделя? Не совсем понимаю, что там у твоего народа случилось, что вы разделились...

— Не в этом дело, — перебила Аньюриэль. — А в том, что я — это я. Этого достаточно.

— Не понимаю, — Лан Роу покачала головой.

— Посмотри на меня, — она остановилась, поворачиваясь лицом к воительнице. — Кого ты видишь?

— Ну... — воительница задумалась, непонимающе скользя по ней взглядом. — Тебя. Силлин как силлин. Явно маг, судя по посоху.

— Я — смесок. Это ведь очевидно.

— Объясни, куда смотреть, — она развела руки в стороны.

— Ростом не вышла, — Анью загибала пальцы. — Уши короче, чем должны быть, и кончик округлый, а не заострённый. Черты лица слишком округлые. Аура смешанная, хотя это только маги видят. Любой силлин распознает во мне смеска с первого взгляда. Разве что на лбу не написано.

— Надо же, — Лан Роу смотрела на неё в разы внимательнее, чем прежде. — Я видела, что ты отличаешься внешне от бернийцев, но не придавала этому значения. Люди тоже внешне не все одинаковые... А сколько в тебе от человека?

— Четверть. Отец был полукровкой, но это всё, что я знаю.

— Так это, получается, из-за человеческих корней ты можешь управлять ки... И кровью. У тебя поразительный потенциал.

— Люди всегда проще относились к вопросам кровосмешения, — Анью улыбнулась, задумчиво рассматривая тёмную громаду горы к которой они подошли. — Вам кажется, что если есть симпатия к представителю другой расы, то этого достаточно. Поэтому и к смескам относитесь с меньшей враждебностью.

— Дети от смешанных союзов редкость. Честно говоря, я кроме тебя никого и не встречала.

— А Джи Канг?

Лан Роу удивленно раскрыла рот, неверяще смотря на неё.

— Да ладно тебе. Тут даже магом не надо быть, чтобы понять, что он наполовину тавир.

— Ну, Джи Канг конечно высокий и сильный, но ты уверена, что в нём течёт ледяная кровь?

— Абсолютно. У него смешанная аура. Дети ледяного бога, насколько мне известно, часто создают семьи с людьми. Полукровки на севере не редкость. Правда мне не доводилось слышать, чтобы они были так равнодушны к тому, где жить. Тут так... мерзко. Неужели Джи Канг не мог выбрать другую гору?

Аньюриэль брезгливо рассматривала кривые чахлые деревья, заросшие паутиной. В белых тенетах копошились сотни мелких пауков. Чуть более крупные сновали под ногами. Чародейка брезгливо повела плечами и вспышкой пламени сожгла огромную паутину, перегородившую им дорогу.

— Ты уверена, что старик живёт тут? — Аньюриэль принюхалась. — Оттуда тянет таким зловонием...

— Может, его демоны убили? — предположила Лан Роу. — Ещё достаточно тепло и тело могло начать разлагаться.

— Несказанно радуется, — чародейка передернула плечами. — И почему где демоны всегда зловоние?

Вход в пещеру был окутан паутиной, будто норка паука. Из темного зева тянулись ключья грязно-серого тумана. Аньюриэль замерла, закрывая нос ладонью и прислушиваясь к ощущениям. Пещера вызывала у неё не только вполне обоснованную брезгливость, но и какое-то смутное беспокойство. Казалось, что кто-то смотрит на неё из темноты. Кто-то недобрый. Она медленно шагнула вперёд. Дымка закружилась вокруг ног. Браслет на запястье мгновенно нагрелся — туман был ядовит.

— Стой, — Анью вытянула руку в сторону, преграждая путь воительнице. — Эта дрянь ядовитая.

— И ты собираешься пойти туда одна? — Лан Роу недовольно нахмурилась, но отступила на пару шагов.

— У меня есть защита, — Анью глянула на кристаллит в браслете — камень был прозрачным. — Там внутри кто-то есть. Остаешься сторожить выход, чтобы никто не сбежал.

Она дождалась утвердительного кивка и шагнула в темноту, создавая небольшую сферу огня и сжигая паутину под ногами. Лан Роу не выглядела довольной, но вариантов всё равно было немного.

Аньюриэль медленно шла вперёд, сжигая облепившую стены паутину. От едкой вони свербило в носу и слезились глаза. По полу валялись какие-то мелкие кости, скорее всего, животных, осколки посуды. Под ноги попалась корявая палка, вероятно, служившая посохом владельцу этой пещеры. Где-то в глубине души шевельнулось чувство, похожее на жалость. Что мог противопоставить немощный старик демонам? Ничего...

Пещера немного вильнула в сторону, открываясь широким гротом. Со сталактитов капала вода. По полу туманом стелились отравленные миазмы. Стены тонули во мраке, из которого доносился скрежет и шорохи. Аньюриэль влила больше магии в сферу, освещая пещеру. Она ожидала увидеть демонов, но то, что поджидало её в пещере, не могло присниться даже в самом лютном кошмаре.

На стене, цепляясь за паутину огромными лапами, сидел паук. Огромная черная тварь внимательно за ней наблюдала. Таких огромных пауков ей прежде не приходилось видеть.

Насекомое такого размера должно было питаться как минимум коровами и лошадьми. Но не размер паука вызывал отвращение, а то, что на голове, в окружении шести тёмных округлых глаз, находилось человеческое лицо. Мужчина с седыми волосами и бородкой окинул её настолько презрительным взглядом, будто это её лицо приделали к уродливой туше паука.

— *Его аура похожа на человеческую. Это оборотень,* — Энвиса наблюдала за неторопливыми движениями паука с отвращением.

— Это самый уродливый оборотень из всех, которых я видела, — пробормотала Аньюриэль.

— Думаешь-шь, что можешь насмехаться надо мной? — губы мужчины двигались как-то медленно и неестественно, будто говорить в таком состоянии ему было непросто.

— Где демоны? Это ты заключил с ними сделку? — она стягивала вокруг себя магию, готовясь к атаке.

Вместо ответа тварь бросилась на неё. Аньюриэль метнулась вперёд. Клацнули жвала у неё над головой. Чародейка прокатилась под брюхом паука и отправила ему вдогонку пульсар. Всполохи пламени прокатились по плотной шкуре, никак не навредив чудовищу. Шорохи у стен стали громче. Аньюриэль озиралась по сторонам и ей не нравилось то, что она видит — из боковых переходов выползали крупные, размером с собаку пауки. Оборотень тем временем развернулся, приподнимаясь на длинных мохнатых лапах и подгибая под себя огромное жирное брюхо. Аньюриэль едва успела уклониться от сгустка белёсой дряни.

Пауку, что попытался напасть на неё сбоку, Аньюриэль пробила голову ударом посоха, затем создала стаю огненных птиц, откидывая в сторону остальных гадов. Твари лезли со всех сторон, зажимая её в кольцо. Чародейка сжигала пауков, но их словно становилось лишь больше. Оборотень упорно старался попасть в неё сгустком паутины. Аньюриэль крутанулась на месте, собирая пламя в вихрь, стараясь разогнать пауков. Насекомые вели себя совершенно ненормально. Все живое боялось огня, но эти пауки бездумно ползли к ней, пытаясь ужалить, и совершенно не обращали внимания на огонь и обгорелые трупы сородичей.

Один из пауков свалился с потолка пещеры ей на спину. Аньюриэль крутанулась, покрывая тело огнём и пытаясь сбросить врага. Что-то мерзкое, тёплое и липкое обхватило ногу, пригвождая её к полу. Жвалы полоснули по плечу. Что-то просвистело в воздухе и паук упал со спины. Она повернулась к врагу. Два огромных, блестящих в свете пламени жвала были прямо перед ней. С челюстей гигантского паука текла зеленоватая то ли слюна, то ли яд.

Она не успела среагировать, как сверху на оборотня обрушилась Лан Роу. Паук взревел от боли и негодования, метаясь по пещере и давя мелких тварей. Аньюриэль с трудом выдернула ногу из кома паутины.

— *Он прячется во тьме, значит боится света,* — подсказала Энвиса.

— Свет. У меня есть свет, — Анью спешно копалась в магическом пространстве. — Нашла!

Она извлекла фонарь-артефакт, вливая в него магию. Вспышка света показалась ослепляющей. Оборотень завизжал. Разбежались в стороны пауки. Что-то звучно шлёпнулось на пол. Аньюриэль приглушила свет, озираясь по сторонам. Оборотень, подволакивая брюхо, уползал в небольшое ответвление пещеры. Лан Роу пыталась подняться с пола, но шаталась и снова падала.

— Я тебе что сказала? — Аньюриэль подбежала, подхватывая воительницу под руку,

помогая удержать равновесие. — Ты зачем полезла в пещеру?

— Где я обронила повязку? — Лан Роу растеряно осматривала пол. — Показалось, что у тебя проблемы.

— Теперь они у нас обеих.

Чародейка бросила последний взгляд на то ответвление пещеры, где скрылся оборотень. Сейчас не было времени на то, чтобы преследовать его. Лан Роу становилось всё хуже. Ноги воительницы подкосились. Анью оттащила её из пещеры подальше, туда, где не было паутины. Стоило надеть на руку девушки браслет, как кристаллит мгновенно почернел.

— Это замедлит отравление, а я пока...

Она перебирала содержимое сумки, пытаясь понять, что же ей делать. Каких-либо универсальных трав от отравлений не было. Нужно было знать что за яд, но прежде Анью не озадачивалась таким, полагаясь на артефакт. Кожа Лан Роу стала пугающе белой в тусклом свете магического фонаря, губы посинели, она едва дышала.

— Энвиса, мне нужна помощь. И срочно.

Анью старалась выглядеть спокойно, но паника накатывала волнами. Понимания того, как действовать дальше, просто не было, но времени на размышления и причитания не было тоже. Она бросила быстрый взгляд на Лан Роу. На коже воительницы проступила испарина, её явно лихорадило.

— *Попробуй отвар из тижмы и корня краснолиста, но я не встречала отравлений с такими симптомами,* — Энвиса была растеряна не меньше неё.

Лан Роу закашлялась, отхаркивая кровь.

Глава 12. Ученик эсдо

*Так тебя обманывает механизм
Обещает в рай – а увозит вниз.
Я тебя найду, только ты мне снись
Даже там, где край.
Это стук копыт по мостовой
И моё последнее волшебство,
Голоса, зовущие нас из книг
На краю утра.
Мы пойманы
Там, где пришла весна.
Мне страшно. Мне странно.
Так пой, моя
Тёмная сторона,
Изнанка. Изнанка.*

Немного нервно — Изнанка

Аньюриэль.

Она дрожащими руками засыпала сухие листья и корешки в небольшой котелок с водой и магией нагрела воду. Сердце в груди Лан Роу стучало рвано, то ускоряясь, то замедляясь, дыхание было поверхностным и периодами переходило на хрип. Браслет сдерживал отравление, но того времени, что он ей давал, было пугающе мало. Анью спешно перебирала всё, что лежало в магическом пространстве. Как назло, то, что могло пригодиться, не находилось.

Ну должно же быть хоть что-то...

— Я могу помочь, — в круг света бесшумно вошел мужчина.

Аньюриэль подскочила на месте, притягивая посох. На кончиках пальцев заискрили молнии.

— Я не враг, — мужчина приподнял руки, демонстрируя ладони. — Просто травник, что...

— Вэй... — тихо прошептала Лан Роу. — Это — мастер Вэй.

— Он?! — Аньюриэль, не скрывая подозрений, смотрела на мужчину.

На того, кому должно быть около пятисот лет, он похож не был. Мужчина выглядел не сильно старше Амана, а значит ему было не больше тридцати. Среди чёрных, как у всех аньшуйцев волос, ярким пятном выделялась серебристая прядь у лба. Больше ничего примечательного в нём не было. Обычная, слегка потрёпанная одежда, да и телосложением ученик эсдо Сиена не сильно отличался от большинства местных мужчин.

— Вот. Это тысячелетник. Он поможет от яда, — Вэй достал из сумки пару высушенных корешков.

Анью настороженно потянулась, ожидая всего, но агрессии мужчина не проявлял. Лан Роу его узнала, но это не было причиной доверять незнакомцу. Она принялась. Корни пахли чем-то травянисто-жгучим, запах был резким, но не кислым. Чародейка лизнула корешок — вкус был предсказуемо горьким с каким-то землистым послевкусием. Она

вопросительно посмотрела на Лан Роу, та кивнула в ответ, принимая помощь.

— Только потому, что она тебе верит, — Анью магией покрошила корни в котелок.

Вода быстро закипела. Чародейка перелила немного отвара в чашку, забирая излишки тепла. Лан Роу с трудом приподняла голову, выпивая и морщась при этом.

— Все лекарства гадкие на вкус, — постаралась подбодрить её Аньюриэль.

Воительница устало прикрыла глаза. Анью вслушивалась в её дыхание и сердцебиение — явных улучшений пока не было, но и мгновенного результата от трав ждать не стоило. Амана сейчас не хватало особенно ощутимо — он всегда знал, что делать в таких ситуациях. Она же делала непонятно что, лишь бы сделать, просто потому, что нужно было действовать. Чародейка достала из сумки пару одеял, укутывая в одно из них Лан Роу, а второе, скрутив, положила ей под голову. Вспомнилось, что Аман клал больным на лоб компресс. Она не знала, нужно ли это сейчас, но рассудила, что мокрая тряпка на лбу хуже не сделает. Подходящий кусок ткани нашелся достаточно быстро, но вода во фляге закончилась. Анью нервно бросала взгляды то на воительницу, то на мужчину, присевшего неподалёку от магического огня. Река была не далеко, но оставлять Лан Роу с незнакомцем не хотелось.

— Я могу набрать воды, — Вэй верно понял её заминку. — Вы мне не доверяете?

— Уж подозрительно вовремя ты появился.

— Я нашел послание в одном из моих пристанищ, — Вэй достал из небольшой сумки смятый кусок пергамента. — И подумал, что стоит убедиться, что с посредницей всё будет хорошо. До меня дошли слухи, что не всё гладко в этих горах, хотя не ожидал увидеть такое...

Анью протянула Вэю флягу для воды и пустой котелок. Это был лучший вариант из возможных. Оставлять без присмотра беззащитную Лан Роу она не собиралась. Пока мужчина набирал воду, она быстро разбирала вещи, обустроивая лагерь. Магией установила палатку, перенесла туда девушку и закрепила заклинание, защищающее от кровососущих насекомых. Вэй вернулся, когда она чертила сигнальный контур.

— Надо же, как быстро... Давно путешествуешь? — он протянул флягу.

— Да, — Анью сделала вид, что не заметила этот переход на «ты».

Лан Роу устало улыбнулась, когда кожи коснулась прохладная ткань. Анью уговорила её сделать еще пару глотков отвара, после чего воительница уснула. Дыхание её стало заметно ровнее, как и ритм сердцебиения. Кристаллит стал прозрачнее, хотя всё ещё был тёмным. Тревога в груди чародейки успокаивалась. Она вышла из палатки, ища взглядом Вэя. Ученик Сиена сидел подле костра.

— Демоны похитили обе печати из школ Лотоса и Хризантемы.

— Знаю. Лан Роу написала об этом, — он кивнул.

— Ты знаешь, где тайник?

— Не стоит беспокоиться об этом. Сиен наложил чары на печать и тайник.

— Нашелся тот, кто откроет его для Белакис. Этот оборотень...

— Ханбэк. Так его зовут. Видел, как он перекинулся из паука в человека и исчез с демоницей в портале. А потом заметил твой фонарь и подумал, что тут может понадобиться моя помощь. Как видишь, не ошибся. Это руфенит там светится?

— Да. Ты сказал, что этого оборотня зовут Ханбэк. Ты знаешь его?

Аньюриэль подвесила над огнём котелок и кинула в него пригоршню ароматных трав и сушеных ягод. Ей выпала возможность поболтать с учеником самого эсдо Сиена, и разбрасываться такими возможностями она не собиралась. Быстро перебрав запас продуктов

чародейка пришла к выводу, что большее, чем чаепитие, предложить не может, но не было похоже, что человек перед ней привык к изыскам.

— Когда-то он был моим лучшим другом. Ханбэк — первый ученик мастера Сиена. Из знатной семьи, с выдающимися способностями. Не чета мне — приبلудному сироте, которого Сиен взял на воспитание. Все думали, что Сиен сделает его своим преемником и наследником, но он выбрал меня...

— Наверное, на то были причины, — Анью протянула Вэю лепёшку.

— Возможно, — мужчина кивнул в благодарность за угощение. — Ханбэк так и не смирился с этим. Он покинул Тихую долину и долгие годы его никто не видел. Я и представить себе не мог, что он поселится в пещере в Мглистых кряжах и будет лелеять свою злобу.

— И в итоге станет жирным пауком, — Анью поморщилась, вспоминая, до чего докатился ученик великого эсдо. — Для людей вы оба живёте необычайно долго. А ведь ни у тебя, ни у него, нет магии...

— В этих горах порой можно встретить тысячелетник. Он помогает от многих болезней и ядов... А так же поддерживает искру жизни.

— И сохраняет молодость? — она скептически смотрела на мужчину перед собой. В то, что человек может на протяжении пяти столетий оставаться молодым, питаясь каким-то корешком, верилось с трудом. — Джи Канг говорил, что в пещере живёт горбатый старик. Лицо на паучьей голове было слишком уж молодое для почтенного старца.

— Думаю, — Вэй задумчиво потёр подбородок. — Это какая-то демоническая магия. Ханбэк, как и я, был приближен к Сиену и знает многое. Белакис сильна, она вполне могла вернуть ему былую силу и молодость.

— И ей вряд ли пришлось долго его уговаривать, — она разлила по кружкам травяной чай, отдавая одну из них мужчине. — Если Ханбэк и Золотая маска с турнира — один и тот же человек, то становится понятно, что он хочет. Славу и признание чемпиона, доказать, что он сильнее и лучше остальных. Лан Роу права, он явится на финал, чтобы победить и лишь после этого сделает то, чего от него хочет Белакис. Так где тайник?

— Тебе нет нужды волноваться об этом. Я защищу тайник, если это потребуется. И явлюсь в гавань, если это будет нужно. Я исполню свой долг, как и обещал мастеру Сиену.

— Ты не понимаешь, Ковчег нужно защитить. Я уже перенесла два осколка в Тризион. И собираюсь сделать так с остальными. Демоны не должны добраться до Первозданного Света. Помоги мне, — она с затаенной надеждой во взгляде смотрела на Вэю.

— Когда придёт время. А пока ни о чём не беспокойся.

Вэй поднялся и ушел, исчезая во тьме так же бесшумно, как и появился. Аньюриэль провожала его недовольным взглядом. Можно было бы попытаться задержать мужчину, но толку от этого она не видела. Если ученик Сиена не хочет рассказывать о том, где эсдо спрятал осколок Ковчеха, то ничего с этим она не сделает.

Не пытать же его в самом деле...

Она заглянула в палатку. Лан Роу спокойно спала. Дыхание девушки было глубоким и размеренным, а кристаллит в браслете снова стал прозрачным. Анью облегчённо выдохнула и вернулась к костру. Пока неподалёку бродят демоны и гигантские плотоядные насекомые, кто-то должен нести ночную вахту. Кроме того, было о чём поразмышлять. Она долила себе в чашку травяной отвар и подняла взгляд к звёздам. Говорили, что для того, чтобы сотворить первых силлинов, Кратос снял с небосвода немного звёзд, вложив их в основу своих

созданий, именно поэтому её народ называли детьми звёзд. С точки зрения Аньюриэль, это была всего навсего красивая легенда, но по какой-то неясной причине, ей становилось легче, когда она смотрела на ночное небо.

— Энвиса.

— *О чём ты хочешь поговорить?* — отозвалась даро.

— Сиен писал, что в первого, среди его учеников, проникла тьма... Теперь стало ясно о ком он писал. Но кто бы мог представить, что корни этой истории уйдут так далеко в прошлое.

— *Что тебя беспокоит?*

— Все, кто были свидетелями этой истории давно мертвы. Люди ведь не живут так долго. Остались лишь Ханбэк и Вэй — ученики Сиена. Если принять за правду то, что Белакис смогла вернуть Ханбэку молодость и былую силу, то как объяснить молодость Вэя? У него аура человека и я не почувствовала в нём дара к магии. Да и человеческие маги не живут больше трёх столетий. И он не лич — с возрастом их тела начинают источать трупный запах, а Вэй пах нормально. Есть в нём что-то подозрительное, но не могу понять что именно.

— *Если бы он тоже был на стороне демонов, то не пришел бы к вам на помощь. Но ты права, людям не дано сохранять молодость столь долго.*

— Нужно вернуться в гавань. Завтра в полдень у меня бой с Ханбэком. Будем надеяться, он явится вместе с Белакис. Прихлопнем обоих.

Они гнали лошадей что есть мочи. До боя оставалось совсем немного. Надеяться на то, что Рёла перенесёт её бой, не приходилось — бой сегодня был только один. И, вопреки мнению многих, он решал не только кто станет чемпионом в этом году, но и судьбу Аньшу, а, возможно, и всей Акрассии.

Лошадь под ней тяжело дышала, вокруг рта выступила пена. Аньюриэль вливала в неё магию, чтобы животное не выбилось из сил. Лан Роу отстала — её лошадь, без магической подпитки, выбилась из сил быстрее. Успеть сейчас было важнее, чем держаться вместе.

Анью спрыгнула со спины лошади возле самой лестницы. Кобылка по инерции пробежала ещё пару десятков метров и остановилась, тяжело дыша. Чародейка бежала по ступеням. Что-то кричали вслед стражники, но она не обращала внимания. Она пронеслась по коридорам, надеясь, что успевает. Шумно голосили зрители — все уже собрались. Рёла, нервно расхаживающая по коридору, обрадовалась ей, как родной.

— Ну наконец-то! Уже пора начинать, а оба бойца как сквозь землю провалились. Пойду объявлять начало боя, а то зрители поднимут бунт.

— Ханбэка... То есть Маски ещё не было?

— Ты первая пришла. Золотую маску никто не видел пару дней. Надеюсь, он явится, — Рёла вышла на лестницу, протискиваясь сквозь ряды к своему месту.

— Я тоже на это надеюсь.

Анью наблюдала из тени перехода за ареной. Хотелось верить, что они не ошиблись и предатель явится на бой. Потому что иначе выходило, что она впустую тратит время и демоны сейчас вскрывают тайник эсдо. Яркое полуденное Солнце зависло над самой ареной. Люди утирали пот, женщины обмахивались веерами, толпа гудела от нетерпения.

— Вот и настал долгожданный финал, — радостно объявила Рёла.

Распорядительница боёв все говорила и говорила, вероятно стараясь растянуть время и дать возможность второму участнику успеть. Рёла распинаясь о том, как важен Небесный турнир для всего Аньшу и какие невероятные возможности открываются всем участникам, а не только победителю. Лан Роу подбежала, останавливаясь рядом с Аньюриэль.

— Слава Рунаану и болтливости Рёлы, мы успели.

— Ханбэка никто не видел, — Анью напряженно всматривалась в тот выход, откуда должен был явиться её соперник. — На кого поставила?

— Не смешно, — Лан Роу недовольно смерила её взглядом. — Не до этого сейчас.

— Встречайте. Рыцарь Лютерии! — объявила её выход Рёла.

— Удачи, — воительница положила ладонь ей на плечо. — Если что, я буду рядом.

— Постараюсь не убить, я помню, что он нужен живым, — проворчала Аньюриэль, выходя на свет.

Радостный вопль толпы был таким громким, что вполне мог её оглушить. Чародейка спускалась быстро, торопливо, не обращая внимания на то, что ей кричали и махали руками.

Если бы они только знали...

Лестница закончилась и она ступила на белые камни арены. Анью обвела трибуны взглядом, находя знакомые лица. На своём месте сидела Эйша, с её плеча радостно махал руками Пэн. Рядом со старпомом сидел Лао Кан. Среди лунных дев нашлась Хариико. Позади Рёлы сидел Вонтон. В последних рядах виднелась крупная фигура Джи Канга. Высоко в облаках промелькнул знакомый силуэт птицы — Гарудал следил за ареной с небес. Были среди зрителей и другие бойцы, выбывшие из турнира, имён которых Аньюриэль не знала. Беспокойство внутри улеглось. Она была не одна. Если демоны рискнут и заявятся на турнир, рядом с ней есть те, кто встанет на защиту людей.

— А теперь встречайте. Окутанный ореолом тайны Золотая маска! — объявила Рёла.

Люди замерли, выжидающе смотря на вторую лестницу. Никто не появился. Анью нервно сжала кулаки. Зрители перешептывались.

Ну же. Чего ты медлишь? Ты же хочешь доказать, что сильнее всех.

— Где же второй претендент? — растерянно пробормотала Рёла, забыв, что голос всё ещё усилен магией. — Где Золотая маска? Неужели он так и не появится?

Секунды текли ужасающе медленно. Отчаяние стягивалось вокруг сердца. Когда из темноты перехода на верхнюю ступеньку шагнул мужчина, её вздох облегчения потонул в ликующем вопле зрителей, приветствующих предателя. Ханбек остановился, медленно обводя взглядом собравшихся, и шагнул вниз. Он спускался неторопливо, будто хотел вдоволь насладиться ликованием толпы.

Аньюриэль достала из магической петли посох. На честный бой надеяться не приходилось. Ханбэк ступил на ту часть арены, что была выложена чёрными камнями. Их взгляды встретились. Даже не смотря на маску, что скрывала большую часть лица мужчины, она узнала его. Седые волосы, убранные в высокий хвост и аккуратно подстриженная борода, дорогое, отделанное золотой тканью и подбитое мехом одеяние... Но выдавала оборотня не внешность, а мерзкий запах, которым пропиталась вся его пещера. Запах гнили и разложения.

— Я уж думала, что ты струсил, — она саркастически улыбнулась.

— Второй... — он брезгливо скривил рот. — Ненавижу это слово. Когда мы закончим, здесь останется лишь один чемпион.

— Одна, — Аньюриэль шагнула в сторону, медленно двигаясь по периметру арены. — Ты же не надеешься, что я уступлю тебе?

— До чего они докатились, — Ханбэк окинул презрительным взглядом трибуны. — Проиграли какой-то чужестранке. Но я не они.

Он атаковал первым. В неё, словно снаряд, полетел бумажный амулет, исписанный рунами. Бумажка взорвалась облаком сизого дыма, долетев до неё. Аньюриэль телепортировалась в сторону. Ханбэк тут же послал в неё ещё три амулета. Чародейка сбита их огненными птицами. Прозвучало три небольших взрыва и арену заволокло дымом. Анью прикрыла нос ладонью — дым не только мешал следить за противником, но и отвратительно вонял, перебивая запах оборотня. Артефакт никак не реагировал на дым — тот не был ядовит, но мешал видеть противника.

Ханбэк атаковал слева, пользуясь тем, что она не может уследить за его передвижениями в дыму. Что-то вспорол воздух, едва не зацепив её — Аньюриэль увернулась в последний момент. Ханбек скрылся в дымной завесе уворачиваясь от ответного удара.

Ну нет, так дело не пойдёт.

Она раскручивала посох над головой, закручивая воздух в вихрь, собирая зловонный дым. Маска кинул в неё кипу бумажных амулетов. Анью собрала вихрь дыма в сферу, посылая в противника. Бумага разлетелась в сторону, обогнув заклинание, и устремилась к ней. Тонкая грань амулета разрезала кожу на щеке, другой полоснул по лбу, срезав несколько прядей волос, ещё с десятков амулетов поцарапали руки и ноги, оставляя неглубокие, но неприятно саднящие ранки. Чародейка вспыхнула, сметая амулеты волной пламени.

Это же просто бумажки...

Ханбэк, не скрывая презрения, смотрел на неё. Вихрь никак ему не навредил и в руке мужчины были новые, исписанные рунами амулеты. Анью чувствовала, как он вливает ки в бумагу, отчего руны начинают едва заметно светиться. Недоценивать способности этого человека было глупо. Кем бы он не был сейчас, в прошлом его обучал эсдо.

Обезвредить, но не убить. Лан Роу он нужен живым.

Веры в то, что Ханбэк будет соблюдать правила турнира, не было, но и других вариантов ей не оставили. Если поймать предателя живьём, то есть шанс выманить Белакис и получить ключи от тайника Сиена. Анью растёрла ладонью кровь, стекающую по лбу, чтобы та не мешала.

Ханбек метнул в неё новый амулет. Аньюриэль бросилась в сторону, уворачиваясь от атаки. Поток направленной энергии вспорол воздух, оставив глубокую выщербину в камнях. Ещё одна бумажка пролетела над головой, взрываясь и откидывая её к краю арены. Анью телепортировалась в сторону, взмахивая посохом, отправляя во врага огненного жеребца. Ханбек подкинул в воздух бумажку, создав энергетический барьер вокруг себя. Заклинание разорвалось всполохом искр, столкнувшись с барьером.

— Это всё, что ты можешь? — мужчина презрительно скривился.

— Я только разминаюсь, — она метнулась к врагу, собираясь сократить расстояние между ними.

Несколько бумажек пронесли у неё над головой, одна полоснула плечо. Аньюриэль резко ударила основанием посоха, метя сопернику в грудь, пробивая барьер. Ханбэк отступил, уклоняясь. Чародейка создала пульсар, сжимая его и тут же взрывая. Волной

пламени противника отбросило в сторону. Анью, проведя рукой, погасила огонь, довольно улыбаясь. меховая отделка на камзоле Ханбэка сгорела и мужчину это явно вывело из себя. Теперь к зловонию прибавился аромат палёных волос.

Анью разогнала энергию в теле, срываясь с места навстречу врагу. Ханбек метнул в неё едва ли не целую кипу бумажек. Чародейка смела амулеты волной пламени, прорываясь дальше. Огонь закрутился, сплетаясь длинным змееподобным драконом. Полыхающая пасть распахнулась, впиваясь в энергетический барьер, и кроша его. Ханбек вскинул руку, стремясь защититься от её удара. Аньюриэль прорвалась через всполохи огня и ударила ногой, вливая собственную энергию в эту атаку. Рука мужчины сломалась, звучно треснула кость, и его отбросило за границу арены в воду. Со звоном покатилась по арене золотая маска, скрывавшая лицо мужчины.

Чародейка замерла, стараясь выровнять дыхание. Бой был окончен. Она справилась. Удар гонга возвестил о её победе и окончании Небесного турнира. Анью не знала, что именно она чувствует по этому поводу. Наверное, она должна была радоваться, но внутри была оглушающая пустота. Радостно кричали люди, они выкрикивали её имя, аплодировали, но всё это ощущалось каким-то пустым. Так же они бы приветствовали любого другого чемпиона.

Вниз по лестнице бежала Лан Роу. Воительница прыгнула в ров с водой. Чародейка подбежала к краю арены, собираясь помочь. Ханбэк, стоя по плечи в воде, пытался отбиваться. Проще было бы прибить, но нужно было поймать предателя живьём.

Она взмахнула рукой, замораживая воду вокруг мужчины, сковывая его льдом. Ханбэк с нескрываемой ненавистью посмотрел на неё.

— Белакис! — закричал предатель. — Ты обещала!

За спиной появилось ощущение от искажения пространства. Анью обернулась. Вокруг арены распускались пугающе знакомые багряные воронки, из которых полезли демоны. Кто-то в толпе испуганно вскрикнул, но в основном люди встретили демонов вооружённым негодованием. Лан Роу не врала — практически все тут же встали в боевые стойки, отражая атаку.

— Закончи с ним, я помогу остальным, — Анью перепрыгнула ров, вгоняя основание посоха в голову особенно шустрой твари.

Брызги черной крови попали в лицо малышки, что пряталась под скамейкой. В руке девочки была зажата нефритовая фигурка девушки с посохом. Пробирающегося к ним демона одним могучим ударом размазал по полу подоспевший на подмогу Джи Канг.

— Ребёнок — Аньюриэль кивнула на лавку и тут же метнулась в сторону, атакуя нового врага. За девочку можно было не волноваться — Джи Канг сильный воин.

Анью ударом ноги сломала хребет какой-то ползучей твари, после чего оттолкнулась от тела, перепрыгивая вверх на пару рядов, приземляясь на спину демоницы, вцепившейся в какого-то молодого паренька. Посох пробил рогатую голову. Ударом ноги сломал шею второй суккубе Ходон. Мужчина весело ей улыбнулся и рывком метнулся к новому противнику. Аньюриэль создала стаю огненных птиц, посылая их в группу демонов.

Как тут поколдуешь в этой мешанине...

Прыгнувшего на неё откуда-то с верхних рядов демона в воздухе перехватил Гарудал. Птица взмахнула огромными крыльями, унося истошно верещащего демона в небо. Анью высматривала следующего противника или того, кому нужна помощь. Возле гонга пряталась Рёла. Рядом с ней стоял Вонтон. В его руках было две огромных чёрных сковороды,

которыми он орудовал словно дубинами, превращая демонов в отбивные. На противоположной стороне зрительских рядов, спина к спине стояли Эйша и Лао Кан. Оба их клинка очерчивали в воздухе яркие дуги, не подпуская врагов слишком близко. Мощным клином в ряды демонов вошли лунные девы, впереди которых, словно вихрь, неслась Харико. Руководила атакой Фэй Амун. В центре арены сцепились Лан Роу и Ханбэк. Предатель не собирался сдаваться без боя.

Аньюриэль метнулась вниз, ловко перепрыгивая с одной лавки на другую. Она оттолкнулась от заграждения, подпрыгивая вверх. На демона, подкрадывающегося к Лан Роу со спины, она обрушилась будто кара небесная. Ударом ноги чародейка пробила тварь насквозь. Сапог по щиколотку вошел в камни. Анью подняла взгляд на Ханбэка, нарочито медленно доставая ногу из поверженного врага.

— А теперь я буду сражаться всерьёз, — она улыбнулась, наслаждаясь его затравленным взглядом.

Вокруг них во всю шло сражение и люди одерживали верх над демонами. Твари выли и умирали, звенела сталь, трещали, ломаясь кости. В воздухе неприятно пахло серой. Всё это разжигало в ней боевой азарт. Она бросила быстрый взгляд на Лан Роу. У воительницы было лишь несколько неглубоких царапин, но серьёзных ран не было. Ханбек же явно страдал от переломанной руки, плетью свисающей вдоль тела.

— Ты обвиняешься в измене. Сдайся по-хорошему, скажи где найти Белакис и тебя не казнят, — Лан Роу сделала шаг к противнику.

— А зачем меня искать?

Волна магии смела Анью до того, как она успела хоть что-то предпринять. Её протащило по камням арены. Краткое ощущение падения и вода сомкнулась над её головой. Анью быстро сориентировалась, собирая вокруг себя водоворот и поднимаясь вместе с потоком воды на арену.

Ход сражения резко переменялся. Демонов стало в разы больше. Они сыпались из порталов совсем как когда-то в Боэр Морхен. Люди не успевали уничтожать тварей, как на место поверженного врага вставали несколько новых. Лан Роу бросилась в атаку на Белакис, ударяя демоницу ногой с разворота, волна энергии отбросила тварь в сторону. Белакис бросилась в атаку, метя когтями девушке в горло. Острый шип на конце крыла высек искры из камней. Лан Роу ловко отпрыгнула в сторону, уходя от атаки. Белакис исчезла в облаке тьмы.

Анью собрала воду в гигантскую змею, обвивая Ханбэка заклинанием, не давая ему сбежать. Белакис появилась позади Лан Роу. Воительница круто развернулась готовясь отразить удар. Сверху, будто камень с неба, на Белакис обрушился Вэй. Демоница тенью метнулась в сторону, уходя от атаки. Аньюриэль перехватила посох обеими руками, стягивая магию. От Лан Роу и Вэя исходило ощущение мощной энергии. Они втроём наступали на демоницу.

— Отруби змее голову и хвост перестанет дёргаться, — Вэй одним быстрым движением бросился в атаку.

Белакис взмахнула крыльями, взлетая над ареной.

— Арса рион, — Аньюриэль выпустила в противницу три грозовых копьё.

Демоница увернулась от заклинаний, поднимаясь ещё выше, после чего сложила крылья, падая вниз на арену.

— Ханбэк! — первой сориентировалась Лан Роу.

Анью обратила змею льдом, но это не помогло. Демоница вонзилась в заклинание, разбросав вокруг ледяное крошево.

— Не то время и не то место, — тварь довольно улыбнулась, скрываясь вместе с Ханбэком в багряной воронке.

Порталы закрылись, прекращая вторжение. Люди добивали остатки отряда демонов. Среди едкого запаха серы витал аромат ржавого железа — среди убитых и раненых были и люди.

— Она перенесла его к тайнику! — Лан Роу подбежала к Вэю, хватая его за ворот накидки. — Где тайник Сиена? Отвечай!

— В Мглистых кряжах.

— Туда же день пути, если не больше, — Анью схватилась за голову. — Ненавижу магов-порталистов! Эти твари всегда меня опережают.

— Это мы ещё посмотрим, — на лице воительницы появилось выражение мрачной решимости. — Бежим. Мы ещё можем успеть.

— А люди? — Анью, на бегу сбивая демонов точечными магическими выбросами, следовала за девушкой.

— Тут хватит бойцов.

Они выбежали из коридоров, направляясь куда-то по пустующим улицам Лазурной гавани. За ними бежал Вэй. Анью смерила его взглядом, не понимая, почему тот увязался за ними, но препятствовать не стала. Что-то в этом человеке казалось ей странным, но она не могла понять что именно. Обвинять его в аномальном для человека сроке жизни и молодости было не время.

— Мглистые кряжи в другой стороне, — она поравнялась с Лан Роу.

— Я знаю, — ответила та на бегу. — Но так быстрее... Если получится.

Они со всех ног бежали мимо магазинчиков и чайных лавой. Яркие флажки и фонарики смазанными пятнами проносились в поле зрения. Улицы сменились садами. Они поднимались по лестнице. Анью узнала храм Рунаана, где жили лунные девы. Лан Роу свернула в сторону вершины, продолжая подъём.

Ноги будто налились металлом, но она продолжала бежать, не сбавляя скорости. Дышать было тяжело, лёгкие горели, неприятно стрельнуло в боку. Лан Роу и Вэй держались значительно лучше чем она, но и они явно бежали на пределе возможностей. Ступени казались бесконечными, будто они бегут к облакам, в которых тонула вершина горы. Анью не знала, что там, но верила Лан Роу.

Они вбежали в полупрозрачную завесу. Кожу облепили капельки влаги, оказавшиеся приятно прохладными. Ступени закончились неожиданно. На вершине горы было какое-то святилище. Анью осматривала тонущие в полупрозрачном белом мареве колонны из белого мрамора. Воительница подбежала к алтарю, становясь на край, практически у самого обрыва.

— Рунаан! — Лан Роу сложила ладони на манер рупора и орала в облако. — Рунаан!

Анью устало осела на камни, наблюдая за этими криками. Рядом напряженным изваянием замер Вэй.

— Она что... — чародейка пыталась выровнять дыхание. — Думает что сможет вот так призвать Хранителя?

— Она — посредник. На её призыв Рунаан может откликнуться, — Вэй кивнул.

Анью почувствовала его прежде, чем увидела. Волна огромной, чудовищной мощи

окутала вершину горы, отчего кожа покрылась мурашками. Что-то тёмное извернулось в облаке и перед святилищем показалась гигантская голова дракона с тремя парами рогов. Чародейка, раскрыв рот, смотрела на Хранителя. Усы дракона оплели колонны, а пара ярких янтарных глаз уставилась на них. Чародейка нервно сглотнула. Асгарот, с которым она сражалась в гробнице Лютерана, не обладал даже половиной той мощи, которая переполняла небесного дракона.

— Демоны! — Лан Роу протянула руки к дракону. — Нам нужно в Мглистые края, чтобы их остановить! Помоги!

Рунаан медленно протянул лапу к девушке. Лан Роу, не задумываясь, прыгнула в распахнутую чешуйчатую ладонь. Вэй, после секундной заминки последовал за ней, хотя и было видно, что он опасается Хранителя. Анью поднялась, стараясь не показывать страха и надеясь, что колени трясутся от усталости.

— Не бойся, Искра, — пророкотал Рунаан.

Длинный гибкий ус обхватил её поперёк туловища. Хранитель поднялся в воздух, усаживая её себе на спину. Вместо шипастого гребня, как у большинства драконов, у Рунаана вдоль хребта рос густой белый мех. Вскарabкались по лапе Лан Роу и Вэй, усаживаясь рядом. Анью вцепилась в мех и со смесью восхищения и страха наблюдала за тем, как уменьшается Лазурная гавань.

— Это потрясающе! — она старалась перекричать ветер. — А почему ты едешь на лошадях, когда можешь летать на Рунаане?

— Не могу, — крикнула в ответ Лан Роу. — Я так первый раз.

До Мглистых краёв они добрались за несколько минут. Рунаан опустился на уступ, дожидаясь, пока они спустятся и, оттолкнувшись могучими лапами от скалы, вернулся в небо. Анью наблюдала, как извивается длинное тело и искрит изумрудно-зеленая чешуя на брюхе дракона. В то, что она только что летела верхом на этом могучем существе, всё ещё верилось с трудом.

— Куда нам теперь? — Лан Роу требовательно смотрела на Вэя.

Мужчина указал на группу скал, выстроившихся полукругом посреди долины. Путь был неблизким, но выбирать не приходилось. Она бежала, сбиваясь с ног. Внутри была твёрдая уверенность, что демоны уже там, что твари уже вскрыли тайник Сиена и... Их наверняка ждали, не заметить в небе такую громаду как Рунаан было просто невозможно. Неприятным осадком в голове билась мысль, что Хранитель мог бы и помочь. Что такому чудищу стоит прихлопнуть пару сотен демонов и закусить Белакис, но Рунаан предпочёл ставить битвы им и вернуться к себе в облака.

Каменное сооружение было всё ближе. Мелькнула между столбами крылатая тень. Они забежали внутрь. Аньюриэль бегло озиралась, прикидывая расстановку сил. В окружении каменных столбов оказалась точно такая же бело-чёрная арена, какая была в Лазурной гавани. Чёрная капля вливающаяся в такую же белую. Символ Света и Тьмы, символ двух начал. Посреди арены стоял Ханбек. Вместо сломанной человеческой руки из его плеча росли три паучьих лапы. Неподалёку стояла Белакис. Демоница явно была недовольна. В руках оборотня тускло светились две металлические капли: чёрная и белая. Половинки печати совершенно не желали объединяться, а лицо мужчины покраснело от бесполезных потуг, пот стекал по перекошенному от усердий лицу.

Анью замерла, растерянно смотря на происходящее. Рядом остановилась Лан Роу. Замер возле столба Вэй. Молчаливая игра в гляделки начинала затягиваться.

— Он что, не может их объединить? — растерянно пробормотала Лан Роу ни к кому толком не обращаясь.

— Заткнись! — проорал Ханбэк, продолжая свои безнадёжные попытки.

Аньюриэль нервно хихикнула. Они так спешили, так торопились. Она так переживала из-за того, что кто-то сговорился с демонами, а оказалось, что те просто не смогут войти в тайник.

— Как я и думал, — Вэй чему-то кивнул.

— Ты знал, что он не сможет объединить печать? — Анью глянула на мужчину.

— Объединить печать может лишь мастер боевых искусств, тот, кто достоин этой силы, крепкий телом и духом. Так решил Сиен. Но тот, кто объединился с врагом не может быть достоин силы эдо, — пояснил Вэй.

Лицо демоницы исказила уродливая гримаса. Она шагнула вперёд, острый шип крыла пробил грудь оборотня. Осколки печати упали на камни.

— Как мне это надоело, — демоница равнодушно смотрела, как оседает на камни тело бывшего союзника. — Бесплезный кусок мяса.

— Пришла пора с тобой покончить, — Вэй вышел вперёд.

— Думаешь, что сможешь изгнать меня? От страстей и желаний невозможно избавиться, — Белакис улыбнулась, обнажая два ряда бритвенно острых клыков.

— Он не один, — Лан Роу шагнула вперёд, готовясь к бою.

— Раз, два, три... Трое на одну меня, — демоница облизнулась. — Это заводит.

Вэй метнулся вперёд невероятно быстро. Белакис подняла перед собой руку, окутывая мужчину щупальцами тьмы. Он безуспешно пытался порвать путы, но они стягивались всё сильнее. Анью и Лан Роу одновременно бросились на демоницу. Стая огненных птиц всполохами пламени разлетелась, столкнувшись с кожаной мембраной крыла. Вэй упал на камни. Анью была уверена, что слышит, как трещат его рёбра. Она бросилась на помощь мужчине, пытаясь магией разорвать путы, но тьма впивалась в кожу мужчины всё сильнее. Лан Роу атаковала демоницу. Белакис уклонилась. Острый шип крыла со свистом рассёк воздух над головой воительницы. Лан Роу уклонилась и рывком сократила дистанцию, ударяя противницу кулаком в живот. Удар отбросил тварь. Лан Роу один за другим посыпала в демоницу сгустки ки. Белакис закрылась от атак крылом. Воительница сделала пару резких шагов вперёд и подпрыгнула высоко в воздух, обрушиваясь на противницу мощной атакой.

Продержись пока сама. Ему моя помощь нужнее.

Анью вплела магию в путы, обвинившиеся вокруг шеи Вэя. Мужчина сдавленно хрипел, отчаянно пытаясь вырваться. Чародейка дёрнула магию, порвав удавку. Вэй судорожно вдохнул, открывая глаза. Вот только глаза были не карие, как у всех аньшуйцев, а алые. Мужчина зарычал, его аура менялась, теряя человеческие черты. Мышцы под его кожей бугрились, став заметнее. Острые когти полоснули по камням, высекая искры. Вэй легко, почти без усилий, порвал остальные путы. Анью напряглась, не зная, чего можно ожидать от этого дэрона. Его аура прокатывалась по коже пугающим ощущением мощи полудемона.

Он лишь мазнул по ней взглядом и бросился в атаку. Рывок был настолько быстрый, что никто толком не понял, что стряслось. Он схватил Белакис за руку, швыряя её в одну из колонн. Камень треснул. Вэй снова рванул в атаку, не давая противнице даже упасть на камни. От мощного удара в живот демоницы колонна окончательно треснула. Белакис схаркнула сгусток чёрной крови и взвыла от боли. Вэй наступил ей на спину и вцепился в крыло демоницы. Анью не знала, что было громче, звук ломающегося сустава и рвущейся

плоти или вопль демоницы, у которой оторвали крыло.

Лан Роу наблюдала за этим, стоя будто громом пораженная. Это была даже не битва, просто избиение. Пугающе жестокая расправа. Анью уже видела такое прежде. Аман так же, словно обезумев, рвал демонов на куски. Но никогда прежде присутствие дэрона рядом не пугало её так сильно. Амана она не боялась, потому что знала, что тот не нападёт на неё. Уж по собственной воле точно, а тот краткий миг безумия она старалась забыть. Но чего ждать от Вэя, перекинувшегося дэронам, она не знала. Его ярость пугала.

Белакис волной тьмы отбросила от себя дэрона. Вэй, рыча, подскочил на ноги, снова бросаясь в атаку. Демоница послала в него сгустки тьмы, но дэрон просто увернулся от них. Белакис попыталась закрыться щитом. Вэй одним ударом разбил магический барьер, словно тот был хрупкой стекляшкой.

— О, боги... — пробормотала Лан Роу, смотря куда-то в небо.

Анью оторвалась от битвы демоницы с дэронам, поднимая взгляд. По небу летел Рунаан и сомнений в том, куда направляется Хранитель не было никаких. Дракон раскрыл челюсти, в его пасти искрились молнии. Табун мурашек пробежал у неё вдоль позвоночника.

Выдержать удар такой мощи не под силу никому...

— Беги! — крикнула Лан Роу, бросаясь в сторону от арены.

Белакис тоже заметила Рунаана. Она мощным выбросом тьмы откинула от себя дэрона. Вэй ударился спиной о колонну и упал на арену. Камень треснул, рухнув на него сверху, придавив. Белакис достала из кармана крупный алый кристалл, сжимая его в кулаке и исчезая в багровой воронке. Рунаан зарычал, молнии в его пасти вспыхнули ярче.

— *Не дури!* — билась в сознание Энвиса.

Но Анью не слушала её. Молнии, яростно треща, вспарывали землю, уже почти коснувшись камней арены. Она метнулась к Вэю. Тот поднял на неё растерянный взгляд алых глаз. Анью схватила его за руку. Волосы на голове встали дыбом, от огромного количества энергии, что неслась на них. Она потянула Вэя за собой в воронку телепортации, расходуя не только внутренний резерв, но и запас энергии в кольце, чтобы оказаться как можно дальше от атаки Рунаана.

Они выпали из вспышки света на каменистую землю. Рунаан, окатив арену молниями, поднимался в небо. Хотелось верить, что это был единственный раз. Хранителю, похоже, было всё равно на то, что его атака поразит не только демона. Каменные колонны превратились в кучу почерневших камней, тускло мерцающих раскаленными гранями. Вэй прикрыл глаза напрягаясь. Его аура менялась, вновь становясь человеческой. Усмирение тьмы явно давалось ему нелегко.

Анью услышала шорох и едва успела вмешаться. Раздался звучный хлопок. Лан Роу, не скрывая гнева, смотрела на неё. Её атака сдвинула чародейку на пару сантиметров, но Анью устояла, пальцами сжимая кулак воительницы и не давая ей повторить атаку.

— Какого демона?! — взревела разъяренная воительница.

— Демона здесь нет, — она твёрдо смотрела в ответ, не собираясь отступить.

— Ты его защищаешь! — Лан Роу рванула руку.

— Он не демон!

— Ты что, не видела, что он сделал?

— Видела, он сражался с Белакис. Дэроны не демоны. Ты его тронешь только переступив через мой труп.

Лан Роу яростно смотрела на неё. Медленно поднялся за спиной Вэй. Поступок

Аньюриэль был неожиданным даже для неё самой. Вэй не был ей близок, но убивать кого-то просто так, за то, что родился не таким, как остальные, казалось неправильным.

— Он — дэрон! Дэроны опасны. Я выполняю свой долг, — стояла на своём воительница.

— Что он сделал, что заслужил смерти? — Анью требовательно смотрела на девушку, вцепившись ей в руку.

— Он — демон.

— Дэрон, — исправила её чародейка. — Что он сделал?

— Отпусти!

— Я спрашиваю, что он сделал? За что ты подписала ему смертный приговор?

— Не лезь не в своё дело!

— Ты обвиняешь его в том, что он родился! Вы все люди такие, — она оттолкнула воительницу. — Бойтесь того, что не в силах понять и стремитесь уничтожить. Это не он опасен, это ты его боишься, поэтому стремишься убить. Вэй сражался с нами против демонов. Пусть он дэрон, но он не демон. Он сражался с нами плечом к плечу. Пришел нам на помощь. Он спас тебя от яда. Ты его не тронешь.

— Да что ты понимаешь?!

— Уж всяко больше чем ты! И других я сужу за их поступки, а не по факту рождения. Я не позволю тебе убить его.

Лан Роу обескураженно смотрела в ответ, сказать ей явно было нечего. Воительница бросала недовольные взгляды за её плечо. Там переминался с ноги на ногу Вэй. Анью нервно дернула кончиком уха. Мужчина мог бы и добавить аргументов в свою защиту, но предпочёл отмалчиваться.

— Как знаешь, — воительница развернулась, возвращаясь к арене.

Анью провожала её взглядом. Вэй медленно подошел к ней, останавливаясь в паре шагов. Чародейка обернулась. Мужчина смотрел на неё, на его лице читалась огромная гамма разнообразных эмоций.

— Спасибо, — он неуверенно улыбнулся. — Никто никогда не...

— Не благодари, — она улыбнулась. — Я знаю, что поступила верно. Ты не демон, а она сможет примириться с этим.

— Или объявит на меня охоту, — Вэй глянул вслед воительнице.

— Если что, я знаю место, где ты будешь в безопасности. А теперь мне пора. Эта фетранийская тварь может вернуться. Нужно перенести Ковчег в безопасное место.

— Колодец Двух Начал — опасное место, — Вэй аккуратно коснулся её запястья. — Будь осторожна.

— Ты не пойдёшь с нами? — она внимательно смотрела на мужчину.

— Нет. Запах твоей крови будоражит тьму внутри меня. Я не стану так рисковать, — он развернулся, уходя в сторону гор.

Аньюриэль растерянно смотрела вслед мужчине. Хотелось о многом спросить, но времени на это не было. Она покачала головой и побежала к арене. Лан Роу встретила её недовольным взглядом.

— Ты хоть понимаешь, что отпустила демона?!

— Дэрона. Не будь так предвзята. Вэй помог нам.

— Почему ты веришь ему?

— Потому что сужу об окружающих только по их поступкам, — она пожала плечами.

Не смотря на то, что каменные столбы раскрошились от гнева Рунаана, сама арена не пострадала, хотя и была усыпана каменным крошевом, среди которого валялись обугленные кости — всё, что осталось от тела Ханбека. Лан Роу подняла осколок печати. Анью подняла второй, протягивая его воительнице.

— Только достойный мастер боевых искусств, помнишь, — она улыбнулась.

Лан Роу, без видимых усилий, соединила два кусочка печати. Секунду ничего не происходило, а потом камни под ногами исчезли. Они, не успев сориентироваться, рухнули в темноту.

Глава 13. Колодец Двух Начал

*Смой же крови пятна,
Найди путь обратно.
Нужно свет нести,
Чтоб и себя спасти!
Ты одета в белое.
Зачем темным верила,
Когда отдавала им
Последний свет?
Ты одета в белое!
Зачем темной сделалась?
Не стоит эта жертва
Твоих побед...*

Земля Легенд — Ты одета в белое

Она медленно открыла глаза. Голова гудела так, словно её долго и упорно чем-то били. Анью приподнялась на локтях, озираясь по сторонам. Камни под ней тускло светились, над головой была чернота, слева глухая стена, справа пустота.

— Лан Роу, — она поднялась, слегка пошатываясь. — Лан Роу!

Воительницы нигде не было видно. Анью подошла к краю. Уступ, на котором она оказалась, спиралью уходил куда-то далеко вниз, теряясь в белом мареве тумана. Казалось, что всё вокруг потеряло цвет, остались лишь чёрный, белый и множество оттенков серого.

— Лан Роу!

Никто не отзывался.

— Надеюсь, она не упала туда, — она растерянно посмотрела вниз. — И что теперь делать?

Никто не ответил. Анью сосредоточилась, пытаясь сознанием дотянуться до даро, но той не было.

— Энвиса?!

Ей снова никто не ответил. Впервые за последние месяцы она осталась совершенно одна. Осталась одна в тот самый момент, когда остро нуждалась в совете и помощи. Паника скреблась на границе сознания, но пока её удавалось сдерживать.

— Это просто из-за магии этого места, — постаралась убедить себя Анью. — Нужно найти Ковчег и Лан Роу, а потом выбраться отсюда.

Анью медленно вдохнула и так же медленно выдохнула, стараясь успокоиться. Она медленно спускалась вниз. В пугающей тишине словно кто-то шептался. Чародейка напряженно вглядывалась в белёсое марево, не зная, что ждёт её внизу. Казалось, что в тумане мелькают тени, но не было слышно каких-либо движений.

— И этот выродок станет главой рода?! — донеслось из-за спины.

Услышать родную речь в этом месте казалось невероятным. Анью резко обернулась. Никого не было. Она вслушивалась в окружение. Не было ни звука, ни даже запаха.

— Здесь кто-то есть?

В тумане слышались неясные шорохи. Словно некто незримый насмехался над ней.

Анью напряглась, не зная, что ждёт её дальше. Новый шаг дался с трудом, но отступить было нельзя.

— Ковчег. Я пришла найти Ковчег и Лан Роу. Я не отступлю.

Чем ниже она ступала, тем гуще становился туман и отчётливее слышались шорохи. Изредка нечто тёмное мелькало впереди, но никто не показывался на глаза.

— Неужели Ард Рена позволит смеску занять место в Совете?

Аньюриэль замерла на месте. В тумане вокруг неё кто-то перешептывался.

— Слышала, — донеслось из-за спины. — Что Ард Рена уже выбрала для неё супруга и он будет представлять род ни Силмириан в Совете Ари.

— Если кто-то здесь сомневается в моих способностях, то пусть бросит мне вызов открыто, а не шепчется за спиной! — выкрикнула она в туман.

Анью потянулась аурой, собираясь притянуть к себе внешние магические потоки, но их не было. Не отзывался и внутренний источник, хотя она чувствовала в себе магию. Сердце ускорило, вдоль позвоночника прокатилась капля холодного пота.

— Неужели кто-то согласится связать свою жизнь с выродком, у которого в придачу испорченная кровь?! — изумился невидимый собеседник.

— Повтори это, глядя мне в глаза! — Аньюриэль яростно посмотрела в туман, откуда, казалось, говорил неизвестный. — Ой!

Из тумана показалась голова огромной чёрной рыбы. Чародейка медленно сделала шаг назад. Рыба слегка повернула голову, следя за ней выпуклым глазом, медленно открывались и закрывались жаберные крышки.

— Тут нет воды, — чародейка покачала головой. — Ползи лучше к себе в...

Где может жить тварь такого размера представить было сложно. Разве что в океане. Рыбина тем временем широко раскрыла пасть, полную острых толстых клыков, усеивающих челюсти и глотку. Чародейка инстинктивно попыталась создать хотя бы пульсар, но магия не откликнулась, будто кто-то опять запечатал ей источник.

Рыбина, извиваясь будто змея, рванула ей навстречу. Анью бросилась в сторону. Челюсти щёлкнули пугающе близко. Шипастый плавник сбил её с ног. Чешуйчатое тело пронеслось мимо, задевая её хвостом и сбрасывая с утёса вниз.

Анью сдавленно вскрикнула, падая в пропасть. Вокруг клубился туман, в котором мелькали длинные гибкие туловища гигантских рыб. Магия не отзывалась и накатила паника. Огромная белая рыба развернулась, направляясь на неё, будто плывя в воздухе. Челюсти раскрылись. Сотнями острых зубов на неё ощерилась смерть. Рыба сделала рывок. Челюсти сомкнулись. Анью успела лишь вскрикнуть, оказываясь в пасти рыбы. Хуже, чем быть съеденной монстром, было лишь быть съеденной заживо...

Зубы оцарапали руку. Снизу под ней двигался мерзкий склизкий язык. Подняться не получалось — на нёбе чудища тоже оказались зубы. Плоть вокруг неё сжималась, старательно пропихивая её в глотку, полную клыков и дальше, вероятно в желудок. Она отчаянно пыталась сделать хоть что-то, зацепиться, удержаться, вырваться. Колотила по зубам ногами, но всё было тщетно. Рука бесполезно сжалась на древке посоха. Оружие сейчас было совершенно бесполезно. Магия не отзывалась. Язык приподнялся, проталкивая её глубже. На глазах, от страха и собственной беспомощности, навернулись слёзы.

— Нет! Я тут не умру!

Она отпустила посох, стараясь найти клинок в магическом пространстве. Оружие было где-то под завалами хлама, накупленного Эйшей. Хотелось взвыть от ужаса

приближающейся смерти. Рыбина снова попыталась её проглотить. Плоть сжалась, проталкивая её глубже. Вонзились в кожу глоточные зубы. Анью вскрикнула от боли.

Проклятая кровь вышла из-под контроля, словно чувствуя угрозу жизни и беспомощность своей хозяйки. Волна жара прокатилась по коже. Хлынула во все стороны кровь. Рыбу разорвало на куски. Кровавые плети собрались вокруг чародейки, окружая её барьером. Анью чувствовала, что падает вниз, и ничего не могла сделать.

Кровавый кокон разорвался, столкнувшись с дном. От удара из лёгких выбило воздух. Анью закашлялась, пытаясь подняться. Рядом упал посох. Кровавые плети трепетали в воздухе вокруг неё, готовые разорвать любого, кто попытается навредить. Дно колодца представляло из себя ровную круглую площадку с уже знакомым ей символом Инь и Ян. Над головой кружили огромные чёрные и белые рыбыны. Туша убитого монстра просто исчезла.

Никаких туннелей или проходов видно не было. Она стояла на дне колодца из жутких, тускло светящихся во мраке камней. Ни воительницы, ни крови нигде видно не было. Нельзя было исключать того, что Лан Роу уже сожрали, но Анью старалась не думать об этом.

— Выбери... Выбери... Выбери...

Шепот доносился отовсюду. Анью озиралась по сторонам, пытаясь понять, кто следит за ней. Кровь взметнулась, то ли реагируя на угрозу, то ли чувствуя её страх.

— Смесок.

Анью крутанулась на месте, пытаясь найти того, кто над ней издевается. Кровь вспорола воздух и оставила пару углублений в стене.

— Ты убиваешь легко, совсем не задумываясь. Ты — такое чудовище как и те, кого убила.

— Нет! — кровавые плети яростно свистели в воздухе.

— Такие как ты не должны рождаться, — донеслось из тумана.

— Прекрати!

Кровавая магия обвилась вокруг рыбыны, имевшей неосторожность подобраться слишком близко. Плети сжимались, сдавливая плоть, пока не разорвали тварь на куски, мгновенно растворившиеся клочьями тумана.

— Убийства не решают проблемы. Ты просто продолжаешь цепочку насилия.

— Хватит!

Она ударила вокруг себя. Кровавые плети крошили стены. Некто зло смеялся в тумане, будто наслаждался её отчаянием.

— Что я должна выбрать?! — выкрикнула Аньюриэль, её голос этом прокатился по колодцу.

— Мамочка сказала, — донесся из-за спины детский голос. — Что пока она не вернётся, я должна быть дома и выполнять обязанности Ари.

Чародейка резко обернулась. Кровавые плети метнулись, но замерли так и не коснувшись цели. На светлой части площадки стояла она сама, одетая в нежно-голубого цвета платье, расшитое лентами. Такая, какой она была много лет назад, когда осиротела.

— Она не вернулась. И никогда не вернётся, — отрезала Аньюриэль. — Как ты это делаешь? Как пробил защиту, что я ничего не почувствовала?

Девочка растаяла в тумане. Появилось странное ощущение чьего-то присутствия позади.

— Я — это ты, — ей улыбнулась девушка, точная её копия, стоящая на тёмной части площадки.

Белое драное платье, которое она надевала на церемонию Нового Рождения было

измазано кровью. Её и демонов. Из рассечённых многочисленными царапинами рук тянулись тонкие кровавые плети, такие же, какие она использовала сейчас. Гибкие, длинные и смертоносные. Аньюриэль прекрасно помнила, на что способна её проклятая кровь и почему ей запрещено пользоваться кровавой магией и, в особенности, своей собственной кровью. Чародейка нахмурилась. Её копия улыбалась. Под бледной кожей ярко проступал узор из вен, белки глаз налились кровью, а радужка светилась зелёным. Чародейка по-прежнему не чувствовала, что кто-то копается в её памяти, но этот кто-то умудрился достать этот образ. Такой её видел лишь Таллеан, но опекун не стал бы предавать её.

— И что всё это значит?

— Ты должна выбрать.

Из тумана, на белые камни ступила мама. Такая, какой Аньюриэль её помнила. Тихо колебались в порывах несуществующего ветра пряди серебристо-белых волос. Мама смотрела на неё с немым укором во взгляде и грустно улыбалась.

— Не такой ты хотела меня видеть? — раздосадовано спросила Анью.

— Разве ты должна быть здесь? — вопросом на вопрос ответила мама.

— Там я никому не нужна, — она покачала головой. — Они не примут меня как главу рода.

— Почему тебя это так волнует? Я не этому тебя учил, — на тёмной части площадки стоял Таллеан.

Анью смятенно обернулась. Эта меняющаяся череда собеседников, появляющихся из ниоткуда, обескураживала и пугала.

— Это волнует не меня, а всех остальных. Никто не примет меня как Ари. И ты прекрасно это знаешь, иначе давно бы покинул Паргелий. Ты знаешь, что никто не пойдёт ко мне под покровительство и поэтому продолжаешь жить там. Ты и сам в меня не веришь, разве не так?!

— Это ты в себя не веришь, — покачал головой опекун. — И поэтому ты сбежала прежде, чем Азена объявила тебя главой рода.

— Вовсе нет, — оправдывалась чародейка. — Хранительница призвала меня. Я должна была уйти.

— Да неужели?! — Таллеан улыбнулся. — И у тебя не было права отказаться?

— А как же твой долг? — спросил Силлиан.

Анью обернулась к светлой стороне.

— Ты ведь сама меня учила долгу. Неужели к тебе это не относится? — друг смотрел на неё не скрывая разочарования.

— Ты не знаешь, о чём говоришь, — Анью покачала головой. — В твоей стране есть те, кто в тебе нуждается, а в моих землях лишь шагающий в тених, который не нуждается в моём покровительстве. Ни я, ни мой долг никому не нужны в Рохэнделе.

— Мы бы знали, если бы ты делилась правдой о себе.

Голос говорившего казался смутно знакомым. Приятный, глухой, немного рычащий. Анью повернулась, удивленно смотря на Амана-дэрона. Вот только не было того ощущения от его ауры.

— Ты ненастоящий, — она с подозрением смотрела на копию Амана.

— А ты должна выбрать, — дэрон не менее пристально смотрел в ответ.

— И что я должна выбрать? Я пришла за Ковчегом, а не для того, чтобы слушать весь этот бред.

— От твоего выбора зависит слишком много, — на светлой стороне стоял Аман-человек.

Анью помнила его именно таким: глупый святоша со своим посохом — едва ли не самым ценным, что у него было. Вот только посох лежал у неё в сумке, она точно помнила. Аман смотрел на неё с выражением невыносимой печали на лице. Можно было подумать, что от её выбора и в правду зависит судьба мироздания. Это начинало раздражать, но повлиять на происходящее она не могла.

— Тебя штормит внутри, — сказал дэрон.

— Ты можешь лишь разрушать, — поддержал его жрец.

— А вы разве должны быть заодно? — она недовольно смотрела то на одного Амана, то на второго. Раздражало и то, что они стояли чётко друг напротив друга, так, чтобы она могла смотреть одновременно только на одного из них. — Неважно. Вы оба — просто подделка. Хотите, чтобы я выбрала между Светом и Тьмой? Вздор какой-то! Как будто тут есть из чего выбирать. Если я сделаю выбор, то получу Ковчег?

— А разве есть разница между Светом и Тьмой? — удивился дэрон.

— Сила — это сила, — Аман-жрец улыбнулся. — Лишь ты решаешь, использовать её ради блага или ради горя.

— Ну раз так, — Анью повернулась, сходя с границы на светлую сторону и подходя к жрецу. Тот даже не испугался, когда кровавая плеть обвила его запястье. — Пошли, — она взяла Амана за руку, ведя за собой к середине. — Стой тут.

— Ты не можешь выбрать оба варианта, — донеслось ей в спину.

— Только я решаю, что я могу, — она взяла за руку дэрона. Внутри предсказуемо ничего не отозвалось.

Просто подделка.

Аман дэрон послушно прошел за ней к границе, вставая напротив своего человеческого двойника.

— Вот мой выбор, — Анью сосредоточилась, втягивая кровь обратно в тело, подчиня проклятый дар.

— Ты не можешь выбрать оба варианта, — оба Амана высказались пугающее одновременно.

— Могу, — она спокойно смотрела в ответ. — Тьма и Свет не могут существовать друг без друга. Они равны по силам и происходят друг из друга. Их невозможно разделить, так же, как невозможно разделить тебя... Его. Я принимаю в нём Свет и Тьму. Я принимаю своё проклятие и не стану уклоняться от своего долга, если это потребуется. Я принимаю то, что случилось, и свою за это ответственность. Это мой выбор.

— Я принимаю твой выбор.

Оба Амана растворились туманом. Дымка собралась перед ней, воплощаясь духом. Её аура пугала ощущением огромной мощи древнего существа, которое, вероятно, застало сотворение первых акрасийцев. Похожее на человеческое тело, кожа то темнела до угольной черноты, то становилась белоснежной, два светящихся глаза пристально смотрели на неё. Анью подавила в себе желание отступить на пару шагов от духа.

— Я никогда не встречала подобных тебе. Ты дух, но не принадлежишь ни одной стихии.

— Я — Свет и я же Тьма, — лицо духа было похоже на маску и не отражало никаких эмоций. — Я Страж.

— Ты охраняешь Ковчег?

— Этой силы давно нет в этом месте. Эсдо принёс частицу Первозданного Света и оставил здесь, но позже забрал её.

— Куда? — спросила Анью.

— Мне не ведомо, — дух приблизился к ней вплотную.

В это не хотелось верить. Она так старалась, приложила столько усилий, а Ковчег просто не оказалось там, где он должен был быть.

— Как же так?!

— Помни о своём выборе, юная эсдо, — Страж легко толкнул её в грудь.

Показалось, что он всего лишь коснулся, но тело пробило волной боли. Анью вскрикнула, падая на камни. Было чувство, словно что-то вплавляется в грудь. Мир на мгновение заволочло тьмой.

— Аньюриэль! — Лан Роу склонилась над ней.

Анью закашлялась. Боль отступила, зрение возвращалось. Она оказалась наверху. На той самой площадке, где они недавно сражались с Белакис. Небо окрасилось ало-золотыми цветами заката. Лан Роу испуганно смотрела на неё. Воительница выглядела немного потрёпанной, но вполне целой.

— Что он сделал?

Анью спешно развязала шнуровку платья. На груди, прямо над источником, появилась магическая печать. Кожа в этом месте всё ещё была воспалённая. Руны медленно таяли, словно растворялись.

— Это... — воительница задумчиво смотрела на печать. — Это очищение и сдерживание. Кажется, Страж решил твою проблему с гневом... А эти раны? Это Страж тебя так?

— Рыба, — ответила Анью.

— Ого, а чего не сожгла её?

— Там нет магии.

— И Ковчег, — покачала головой Лан Роу. — Зато теперь понятно, почему Вэй не стремился нам помогать. Он наверняка знал, что Сиен перепрятал осколок. Ладно, нужно вернуться в Лазурную гавань. Но сперва нужно обработать твои раны.

Чародейка кивнула, прислушиваясь к собственным ощущениям — связь с даром восстанавливалась, скоро она снова сможет выслушивать нотации от Энвисы. Было странно, но это даже радовало. Анью создала на ладони пульсар, наслаждаясь ощущением струящейся по венам магии. Воительница ждала, пока она достанет шкатулку с повязками и крутила в руках кусочки печати. Чародейка быстрым движением выхватила одну половину у неё из рук.

— Даже не вздумай снова объединять эти штуки!

В Лазурную гавань они прибыли только на следующий день. Анью больше напоминала кабайскую мумию, настолько Лан Роу расстаралась с повязками. Аньшу, несмотря на вторжение демонов, жил своей жизнью. Турнир закончился, но ещё полагались пара дней гуляний, выступлений и шуточные бои.

— Если успеем, надо обязательно посмотреть на битву львов. Тебе понравится, — Лан

Роу помахала кому-то рукой.

— Львов?

— Помнишь, когда мы познакомились, ты тогда засмотрелась на танец Света и Тьмы. Группы наряжаются в такие же маскарадные костюмы и сражаются на арене, стараясь вытолкнуть друг друга. Побеждает тот лев, который остался на арене последним.

— Человеческие обычаи очень странные, — прокомментировала чародейка.

— *Тут я с тобой полностью согласна. Но, если у нас будет немного свободного времени, то я бы посмотрела на этот костюмированный бой,* — Энвиса безуспешно пыталась скрыть собственную заинтересованность.

— Да ладно тебе, — отмахнулась воительница. — Уже решила, что будешь делать? Останешься искать в Аньшу или поплывёшь дальше?

Аньюриэль ошарашенно замерла на месте. Важное дело, о котором она совершенно забыла, всплыло в памяти.

— *Лучше тебе сейчас не показываться на корабле.*

— Эйша будет орать, — обречённо пробормотала чародейка. — Она будет орать так громко, что я оглохну.

— Из-за того, что ты пропала во время боя с демонами?

— Хуже... После смерти связь с духами разорвётся, так что Эйша знает, что я жива. Я до сих пор не наняла никого в команду. А она просила...

— А духи? Они разве не твоя команда

— Она просила людей в команду, — покачала головой Анью. — Что я могу поделать с тем, что моя старпом подвержена расовым предрассудкам...

— Ну, есть же ещё Пэн, — попыталась утешить её Лан Роу.

— Эйша просила людей нормального размера, — обречённо прошептала Аньюриэль. — Где у вас тут матросов нанимают?

— Пошли, — воительница похлопала её по плечу. — Заглянем к лунным девам, чтобы они тебя подлечили, а потом придумаем, что делать с твоей бедой. И не такие проблемы решали.

— Ты хоть раз слышала, как орёт Эйша?! Если бы её аура не была такой человеческой, то я бы решила, что у неё в предках есть сирены.

— Вот ты где! — из потока людей выскочила разгневанная Рёла. — Никогда и никто прежде не сбегал, после собственной победы! Фархан ищет вас по всему Аньшу! Пошли, пора проводить церемонию награждения.

Разгневанная распорядительница турнира вцепилась ей в запястье и, судя по выражению лица, готова была тащить её волоком. Анью смиренно последовала за девушкой, понимая, что сопротивляться бесполезно. Её всё равно рано или поздно помпезно наградят за победу в турнире, так что чем быстрее отмучается, тем больше будет свободного времени.

— *Это неизбежно,* — попыталась поддержать Энвиса. — *Так что просто потерпи.*

Рёла на ходу раздавала какие-то указания. Новость о том, что вот-вот состоится долгожданная церемония награждения, практически мгновенно разлетелась по всей Лазурной гавани. Закрывались чайные лавки и магазинчики, артисты спешно завершали выступления, все вокруг устремились к арене. На неё показывали пальцами, ей махали руками, выкрикивали поздравления, какая-то девушка даже пообещала назвать дочку в её честь. Анью присмотрелась внимательнее, но не было заметно, чтобы девушка носила ребёнка. Рёла провела её по коридорам для участников в какую-то комнату.

— Я сейчас пошлю за Фей Амун, она тебя быстренько подлечит. Пока артисты заканчивают выступление приведи себя в порядок. Ты — чемпион турнира. Постарайся выглядеть как победитель.

— Я проконтролирую, — Лан Роу улыбнулась

Рёла кивнула ей и умчалась дальше раздавать указания и готовиться к церемонии.

— Сбежать не получится? — с робкой надеждой в голосе спросила Аньюриэль.

— То платье, которое подобрали для тебя лунные девы, сейчас в твоей магической сумке? — воительница предвкушающе улыбнулась.

Сбежать не представлялось возможным. Новость о её возвращении и о том, что церемония закрытия турнира всё же состоится, всколыхнула всех. Буквально через пару минут в комнату чинно вошла Фэй Амун в сопровождении лунных дев. Пара десятков рук вцепились в Аньюриэль, спешно залечивая раны, отмывая дорожную пыль и наводя красоту. Потом к этому балагану присоединилась Эйша, успевая не только расчёсывать волосы, но и жаловаться на то, какой безответственный у неё капитан. Попытки сопротивляться были жалкими и бесполезными.

Меньше чем через час Аньюриэль стояла на помосте, собранном в центре арены, и старательно улыбалась. Боевое облачение лунных дев оставляло впечатление, что она стоит голышом. Приходилось прикладывать огромные моральные усилия, чтобы не пытаться натянуть ткань на грудь и не прикрывать бёдра, когда ветер поднимал полы юбки. Идея одеть на неё одеяние аньшуйских воительниц нравилась всем, кроме неё самой, но приходилось страдать ради некой абстрактной идеи о дружбе народов.

Ступенькой ниже стояли остальные участники. Им тоже присвоили какие-то места в зависимости от количества боёв и мастерства. Большая часть из них была мужчинами, но были и воительницы. Харико, поймав её взгляд, задорно подмигнула.

— Приплывай в следующем году — сочтёмся, — улыбнулась Лунная фея.

Советник Фархан говорил много, долго и очень нудно. Анью перестала вслушиваться в его слова ещё пару минут назад. Кажется, советник говорил что-то о том, что в такие смутные времена как никогда важно, чтобы все народы Акрасии объединились перед лицом общего врага, и чародейка обеими душами была с ним согласна, вот только хотелось, чтобы вся эта церемония закончилась как можно быстрее.

Под торжественную мелодию ей вручили золотую табличку, свидетельствующую о том, что она чемпион турнира, мешок с причитающейся наградой и пожали руки, что оказалось крайне неудобно, учитывая то, что руки были заняты. Анью поймала себя на мысли, что раз турнир проводят каждый год, то можно было бы и продумать эту часть церемонии, но она лишь молча улыбалась. Энвиса подхихикивала в подсознании, но было очевидно, что даро очень рада за неё и улавливались даже некоторые нотки своеобразной гордости.

Когда отгремел шквал аплодисментов Аньюриэль облегчённо выдохнула. Казалось, что вот сейчас она наконец-то сможет спокойно отдохнуть и подумать над тем, что теперь делать и где искать Ковчег, но, оказалось, что это было только начало...

— А теперь празднуем! — прокричала Харико.

Её подхватили на руки и посадили на плечо. Анью растерянно посмотрела на Джи Канга.

— Маленькая чемпионка поедет праздновать победу с причитающимся комфортом, — улыбка мужчины терялась за густой бородой.

— *Оттираться бесполезно,* — предупредила Энвиса. — *Ты победила. Насладись этим*

вечером, а потом будем дальше спасать мир.

Они шли по улицам. Отовсюду слышались крики и поздравления. Люди с восхищением смотрели на участников турнира, собравшихся вместе. Анью сложила ладони лодочкой, создавая между ними небольшую сферу света, после чего поднесла руки к губам и вдохнула в заклинание больше магии. Сфера расцвела красивым светящимся цветком, а затем разлетелась в стороны стаяй мотыльков. Дети в толпе радостно заголосили. Лан Роу, идущая рядом с Джи Кангом, улыбнулась.

Вонтон распахнул двери «Шестого места», пропуская их внутрь. Джи Канг снял её с плеча, пропуская вперёд. Работники таверны уже составили столы в центре. Музыканты, стоило им войти внутрь, заиграли веселую мелодию.

— В честь окончания турнира, — Вонтон повернулся к вошедшим. — И в честь победы над демонами, сегодня я презентую вам новое меню «Шестого места»!

Бойцы поддержали его одобрительным гулом, в котором потонуло урчание живота чародейки. Её посадили во главе стола, как и полагалось чемпиону. Рядом сели с одной стороны Джи Канг, с другой Лан Роу. Где-то среди гостей что-то горланила Эйша. Работники таверны быстро выносили с кухни блюда и вино. Лавируя между стаканами и тарелками, к ним подбежал Пэн.

— Анью! — мококо повис у неё на руке. — Я так волновался.

— Всё в порядке, — она улыбнулась. — Преследовала демона.

— Поймала? — глаза Пэна горели восторгом.

— Она сбежала, — Анью покачала головой.

— Ну ничего. В следующий раз ты ей задашь жару!

Чародейка улыбнулась в ответ. Видимо стычка с демонами не сильно повлияла на Пэна и его неисправимый оптимизм, что радовало.

— Харико, открой кувшин! — выкрикнул кто-то и зал заполнился хохотом.

Меню Вонтона пополнилось несколькими разновидностями его фирменного блюда, отличающиеся начинкой, потом подали обжаренные в масле лепёшки с мясом, рыбу со специями и суп. Анью задумчиво поводила ложечкой в алом вареве. Пахло интригующе, но сам цвет супа её смущал. Красный цвет блюда озадачил не только её — все остальные тоже присматривались, но не решались попробовать. Лан Роу кидала напряженные взгляды на тарелку, но молчала.

— Это суп я создал в твою честь, — подошел к ним Вонтон. — Назвал его «Дыхание дракона». Имел в виду тех огнедышащих и крылатых, что водятся в ваших землях.

— Вот как... Ну тогда, пожалуй, стоит попробовать, — Анью пожала плечами и набрала немного бульона в ложку.

За ней неотрывно следили несколько десятков глаз. Суп действительно оказался необычайно вкусный, немного пикантный.

— Отличный суп, — она улыбнулась повару. — Думаю, он станет новым фирменным блюдом. Очень вкусно.

— Ну тогда и я рискну, — Джи Канг взял в руки супницу, делая хороший глоток прямым из неё.

Эффект наступил буквально через секунду. Мужчина хлопнул тарелкой по столу. Его лицо покраснело, дыхание стало сиплым, потекла по щеке скупая мужская слеза, потом скупая мужская сопля. Джи Канг схватил с подноса подавальщика графин с водой и принялся пить так, будто был умирающим от жажды в пустыне. Анью наблюдала за этим с

полнейшим непониманием, остальные с опаской. Лан Роу отодвинула от себя тарелку.

— Ух! — выдохнул Джи Канг. — И правда как дракон...

— Да! — восхитился Пэн. — Я тоже хочу!

— Нет! — Лан Роу перехватила мококо за ворот одежды. — Даже не вздумай! Для тебя это верная смерть.

— А что не так? — Анью совершенно спокойно продолжала есть суп.

— Тебе нормально? — воительница наблюдала за ней с неподдельным интересом.

— Да. Вкусно ипряно, — чародейка кивнула.

— Ох уж эти огненные маги... Всё у вас не как у людей устроено, — она покачала головой. — Ты туда сколько перца бросил?

— От всей щедрости, — улыбнулся Вонтон. — Суп теперь такой же горячий, как наша чемпионка. Только тот, кто по силе не уступает дракону, сможет съесть всю миску.

Вечер превратился в весёлое соревнование по поеданию огненного супа. Кроме неё осилить порцию смогли Гарудал, который тоже был способным огненным магом и Бэнбрюс. Ардетайнец лишь улыбнулся, объяснив, что в детстве жил в трущобах, есть приходилось и не такое, так что желудок его способен переварить всё, что угодно.

Вечер шел своим чередом. Люди веселились, пили, обменивались шутками и делились историями из своей жизни. Большой популярностью пользовалось недавнее нападение демонов. Бойцы хвалились кто, как и скольких демонов одолел. Анью с лёгкой полуулыбкой наблюдала за происходящим, вслушиваясь в разговоры. Несмотря на угрозу новой полномасштабной войны с демонами, эти люди сохраняли оптимистичный настрой, считая, что Аньшу уже раз выстоял в войне, справились вчера и справятся снова. Не было печали, не витала в воздухе обречённость от неизбежности войны. Наоборот, воины находились в каком-то странном нетерпении, словно давно ждали возможности проявить себя, проверить собственные силы.

К Джи Кангу подсел Бэнбрюс. Безумный исследователь расспрашивал Отшельника с том, как тот обрёл такую выдающуюся физическую силу. Джи Канг охотно рассказывал о своих медитациях и тренировках, а Бэнбрюс записывал это в небольшую книжечку, кивая. Лан Роу о чём-то болтала с Фарханом, отойдя в сторонку. Тихо приоткрывшуюся дверь заметили не все. Анью удивленно глянула, пытаясь понять, кто решился заявиться на вечер для участников. Насколько она поняла, приглашены были только бойцы и их близкие. В зал заглянула Рёла. Раскрасневшиеся щёки и заплаканные глаза не оставляли сомнений в том, что случилось.

Распорядительница испуганно ойкнула и закрыла дверь, оставшись снаружи. Вонтон, нахмурившись, направился к дверям. Разговоры смолкли. Мужчина вышел на крыльцо, прикрыв за собой дверь. Такой идеальной тишины от группы людей Анью не встречала даже в библиотеке, где за этим следили особо дотошные любительницы ветхих фолиантов.

— Ну что опять? — донесся из-за двери голос Вонтона.

Рёла всхлипнула в ответ. Подозрения подтвердились — её снова кто-то отверг.

— Да сколько можно?! — не выдержал Вонтон. — Ну давай я на тебе женюсь! Я тебя давно люблю!

Такого дружного возгласа удивления не ожидал никто. В гуле голосов потонул ответ Рёлы. Анью ощущала некоторое смятение от такого неожиданного развития событий. Вошедших рука в руке Вонтона и Рёлу приветствовали гулом одобрения и поздравлениями. Рёла шокировано кивала в ответ, явно не до конца осознавая происходящее. Хотелось верить,

что у этих двоих всё сложится. Что-то в груди болезненно кольнуло, пока она наблюдала за происходящим.

Пользуясь тем, что на неё никто не смотрит, Анью поднялась и бесшумно проскользнула на кухню, оттуда, через вход для работников, она вышла во двор. Уже стемнело. Чёткой цели куда ей идти не было и чародейка просто шла дворами и переулками. Где-то там, на людных улицах, праздновали окончание турнира жители и гости Лазурной гавани.

Глава 14. Полёт и прощание

*Наша жизнь — это путь
Через тернии к звёздам.
Так давай же меняйся
Пока не поздно.
Сердце вечно должно
Полыхать и гореть.
Мы желаем проникнуть
В пространство и вечность.
Мы желаем постигнуть
Реки бесконечность.
Разрывая постылости
Серую сердь,
Я стою на краю
Предо мною мерцает свет.
Как же глупо считать,
Что выхода нет.
Каждый шаг твой оставит
Свой важный след.
Вот тебе и ответ.
Вот ответ...*

Сны Саламандры — Метаморфозы

Ветер нёс облака с моря в сторону гор. В воздухе витал запах соли и водорослей. Ночь была свежа и прекрасна. Люди устроили праздник и Рунаан наблюдал с вершины горы за яркими огнями города. Люди ему нравились, хотя и были излишне суетливыми. Впрочем, у него было важное дело.

Небесный дракон оттолкнулся от земли, взмывая в небо, поднимаясь выше облаков. Он любил наслаждаться ночными полётами и светом звёзд, но медлить не хотелось. Заприметив Круг Двух Начал, Рунаан спустился на землю, кольцом сворачиваясь вокруг площадки. Печать Круга мягко засветилась в ночи и на поверхности показался Страж. Рунаан кивнул в знак приветствия, Страж ответил тем же.

— Я наложил печать, как ты и просил, — отчитался Страж.

— Благодарю, — ответил дракон. — От этой девочки многое зависит.

— Но это лишь временная мера.

— Я понимаю. Сколько у неё есть времени?

— Мне не ведомо. Что-то вскрыло рану в её душе. Очень старую. Это разрушает дитя Пророчества. Отчего ты вмешался?

— Она нужна этому миру, — Рунаан задумчиво посмотрел на звёзды. — Это не моя просьба, а его.

— Она опасна для этого мира. Если она выберет не ту сторону, то мир потонет в пламени. Было бы лучше, чтобы она погибла до того момента, как её дар раскроется в полной мере. Одно её существование на корню разрушает устои этого мира.

— Он хочет, чтобы дитя Пророчества продолжило путь. От её выбора зависит слишком много. Она может как спасти мир, так и уничтожить оба...

— Я отпустил её лишь потому, что такова Его воля, — согласился Страж. — Но, помняи моё слово, гнев поглотит её и она станет Разрушением.

— Даже во Тьме есть капля Света, тебе ли не знать?

Страж покачал головой и вернулся в Колодец. Рунаан какое-то время наблюдал за тем, как плывут в небе облака — его излюбленные спутники. Ветер принёс зов из храма. Небесный дракон медленно поднялся, оттолкнулся от камней и вернулся в небо. Ночь только начиналась.

Аньюриэль.

Она свернула в сторону храма, стараясь оказаться в тишине. Тишина успокаивала и помогала сосредоточиться на мыслях. У неё была цель. Даже две. Но не было понимания, как к ним идти. Она не знала, где Ковчег, не знала, где сейчас может быть Ку-Сатот, не знала, что делать дальше. Но всё это воспринималось неожиданно спокойно. Казалось, что тяжесть на сердце немного сдвинулась. Даже дышать стало легче. На фоне тёмного неба и звёзд чёрной громадой виднелась гора со святилищем Рунаана. Что-то шевельнулось в голове.

— Кажется, я знаю, кто нам поможет, — она направилась к храму.

— *Ты что, думаешь позвать Рунаана?! —* изумилась Энвиса.

— Попробую. Не съест же он меня.

— *Это — Хранитель. Одним богам ведомо, что творится в его голове. Ты ведь помнишь, что они были сотворены из Света и Хаоса?*

— Как и дэроны.

— *Я видела, на что они способны. Хранители во главе с Эвергрейсом явились сражаться с армией Казероса. Тогда казалось, что всё потеряно. Погибших были десятки тысяч, если не больше... Битвы были такими чудовищными, что это было больше похоже не на войну, а на катаклизм, а ведь Казерос всё то время держался в стороне — за него сражались главы легионов.*

В сознании проносились обрывки воспоминаний даро. Испещрённое ямами и рытвинами пепелище, усеянное костями. Затянутые низкими чёрными тучами небеса. Армия демонов, в разы больше той, которая напала на Бозр Морхен, и пугающее ощущение неминуемой смерти.

— *Хранители переломили ход сражения. В них сокрыта огромная сила... А потом в небе разошлись облака и, вслед за обычной Луной, плыла по небу Алая, сотворённая Казеросом. В Хранителях есть и Свет и Хаос. И под воздействием Алой луны, часть из них в ком Хаоса оказалось больше, переметнулись на сторону Казероса. То, что творилось тогда, невозможно передать словами... Кровавый свет, что дарил Луна, усилил демонов, но хуже всего было то, что к битве присоединился и сам Казерос.*

В её сознании проносились обрывки воспоминаний даро. Кровь, смерть, разрушения, битвы огромных чудовищ, не замечающих, как крошат под собой руины некогда прекрасных городов, кроваво-красная Луна, словно искаженное отражение светлой, сияла в небе. Кто-то кричал, кто-то молил богов о помощи, но всё казалось бесполезным. Рядом стоял мужчина,

похожий на Силлиана, в его руке зажат Шай'Солар, а в глазах была обречённость...

Невероятным казалось то, что кто-то смог пройти через подобный ужас и выжить, а ещё было очень страшно из-за того, что подобное может повториться вновь. Если она не справится, то мир, который она знает, станет похож на то, что показала ей Энвиса. Анью, наполнившись мрачной решимостью, поднималась по ступеням, направляясь к святилищу Рунаана.

— *Хранители опасны*, — пыталась остановить её Энвиса. — *Опасны, сильны и непредсказуемы.*

— Мне нельзя отступать.

Ноги гудели, но не так сильно, как при первом подъёме. В святилище никого не было. На алтаре лежали дары людей Рунаану — туша кабана и овощи. У чародейки были определённые сомнения относительно того, что такая скромная жертва способна насытить небесного дракона, но высказывать мысли вслух не видела смысла. Она подошла к краю святилища, на камнях можно было различить следы от когтей.

— Рунаан!

Энвиса внутри неё явно надеялась на то, что Хранитель просто не отзовётся на призыв, но сдаваться Аньюриэль не привыкла.

— Рунаан! Рунаан! Это важно! Рунаан!

В ночном небе мелькнуло нечто тёмное и огромное. Волна силы накрыла святилище и, клацнув когтями по каменным плитам, приземлился на гору Рунаан. Глаза дракона горели во тьме, словно два маленьких Солнца.

— Зачем ты звала меня, Искра? — дракон наклонил голову так, что огромный янтарный глаз оказался прямо напротив неё.

Аньюриэль обдало волной горячего дыхания, настолько сильного, что едва не сбило с ног. Рунаан вполне мог её прихлопнуть просто случайно, не рассчитав силу воздействия. Страшно было представить, на что способно такое существо, если решит с кем-то сразиться всерьёз.

— Я ищу Ковчег, чтобы спасти Акрасию от демонов, — честно ответила Аньюриэль.

— Первозданный Свет отметил тебя, — пророкотал Рунаан. — Но мне не ведомо, где тебе искать эту силу.

— Я знаю, кто может помочь. Вэй — ученик эсдо Сиена — ты знаешь, где я могу его найти? Можешь отнести меня к нему?

Последнее было верхом наглости, но время было слишком ценным, чтобы глупо раскидываться им на путешествие по малознакомым землям. Она и так потеряла немало, пока искала предателя и выступала на турнире. Хранитель молчал. Уверенность в том, что он не станет её есть, таяла.

— Я помогу тебе, — Рунаан распрямил шею и протянул ей лапу.

В этот раз Аньюриэль не сомневалась. Раз уж Хранитель согласился донести её, то отказываться было бы невежливо. Рунаан мягко оттолкнулся от скалы, поднимаясь в небо. На этот раз огни Лазурной гавани отдалялись неторопливо. Хранитель парил в небе легко, словно скользя между облаками, и явно получал огромное удовольствие от ночного полёта. Анью не долго довольствовалась возможностью посидеть верхом на небесном драконе. Воспоминания и рассказ даро породили вопросы, кружащиеся в голове. Она приподнялась на ногах, придерживаясь за шерсть и двинулась к голове.

— *Ты что, решила испытать предел его терпения?! —* изумилась Энвиса, всеми

фибрами души противясь её идее, но повлиять на происходящее даро не могла.

Рунаан или не почувствовал, как она по нему ползёт, или не обратил внимание. Он никак не отреагировал, когда она уселась у него на макушке рядом с ухом и обхватила руками основание одного из рогов, стараясь удержаться.

— Рунаан, а почему во время Второго Вторжения некоторые Хранители приняли сторону демонов?

Какое-то время Рунаан летел молча, будто и не слышал вопроса. Анью нетерпеливо ёрзала на месте, не зная, стоит ли повторять вопрос. Вероятно, если она прокричит Хранителю прямо в ухо, тот вполне может счесть это наглостью и, в лучшем случае, сбросит её. В худшем — проглотит живьём. Ещё свежи были воспоминания о том, как её пыталась сожрать та рыба в Колодце Двух Начал и это был не тот опыт, который хотелось повторить.

— Тогда, до тех событий, которые вы называете Второе Вторжение, случилась страшная война, — заговорил Рунаан. — Народы пошли друг на друга и мир затопило кровью. Огненный дождь пролился на Акрасию, а потом последовала чудовищной мощи буря и цунами. Равновесие мира было нарушено. Тогда все Хранители собрались, решая что делать. Эвергрейс, сильнейший и мудрейший среди нас, возглавил собрание. Мы решали, что делать с народами, населяющими Акрасию. Я считал, что мы не можем вмешиваться в вашу жизнь. Но были и те, кто решил покарать народы, что разрушают гармонию. Их представлял Варкан — один из сильнейших среди моей расы. Он настаивал, что вы должны поплатиться за свои грехи и жажду крови.

— Неужели Хранители всерьёз решали стоит ли уничтожать все народы в Акрасии?! — изумилась Аньюриэль.

— Эвергрейс склонился к миру. Он сказал, что мы не тронем вас и дадим идти своим путём. Но не все смирились с его решением. Вахимос, последователь Варкана, был недоволен. Он распахнул крылья и огненным смерчем пролетел по нескольким городам, уничтожая всех. Но случилось непредвиденное — кто-то дал ему отпор и убил Хранителя. Никогда прежде не случалось ничего подобного.

— Неужели нашелся кто-то, кто превосходит по силе таких как ты?! — в подобное не верилось. Хранители считались сильнейшей расой Акрасии.

— Мир богат на чудеса, — Рунаан кивнул, отчего она чуть не слетела с головы. — Варкан был в ярости. Он выследил убийцу Вахимоса, намереваясь отомстить. Варкан и неизвестный сражались на равных десять дней. Они крушили горы и испаряли реки и озёра, но никто не отступал. И лишь когда начались землетрясения, в небе повисли темные тучи, а в ткани мира стали образовываться разломы, из которых появились фетранийские демоны, Варкан и убийца остановились. Прежде чем отправиться к Эвергрейсу, чтобы объявить с новым вторжением, Варкан спросил, как зовут того, с которым он боролся.

— И что он ответил?

— Кадан. Так его звали. Один из эсдо.

— Но ведь это было до битвы на Выжженной пустоши, — удивилась чародейка. — У Кадана не было ещё силы Ковчега. Так как же он тогда смог в одиночку противостоять Хранителю?

— Мне не ведомы истоки его силы, — задумчиво ответил Рунаан, — Дети этого мира порой удивляют меня. Мы прибыли.

Хранитель мягко приземлился на уступе, недалеко от вершины сопки. Среди редких деревьев мелькал тусклый свет, словно от свечи.

— Ступай. Ты найдешь его там, — Рунаан обхватил её одним из усов, бережно опуская на землю.

— Благодарю, — она поклонилась. — И за помощь, и за то, что дал нам шанс искупить ошибки.

Хранитель аккуратно погладил усом её по голове. Движение было неожиданно мягким и приятным для такого могучего существа.

— Не опускай взгляд, Искра. Когда глаза затуманены — душа темнеет, и тогда будущее закрывается от тебя, а ты теряешь причину, чтобы жить дальше. Делая то, что ты считаешь верным, как многого ты добьешься, опустив голову?.. Выпрямись! Устрями взгляд вперёд и добейся своего. Однажды ты разгоришься и станешь чем-то большим. Огнём или Светом, ты ещё не решила, но я чувствую, что буря в твоей душе усмирилась. Это хорошо.

Рунаан одним могучим прыжком устремился в небеса. Волна ветра сбила её с ног. Аньюриэль восхищённо наблюдала, как извивается тёмный силуэт дракона среди облаков. Казалось, что если она расскажет кому-то о том, что летела верхом на этом прекрасном существе, то ей никто не поверит. Внутреннее ликование разбавляла капля тоски от того, что в этом невероятном приключении рядом нет друзей. Аман и Силлиан наверняка тоже бы не упустили шанс прокатиться на Хранителе... Поймав себя на этой мысли, она поднялась на ноги и направилась к источнику света, что виднелся неподалеку.

Вэй ждал её сидя на крыльце. Хотя, судя по изумлённому взгляду, ждал он совсем не её.

— Я одна, — предвосхитила она вполне логичный вопрос.

— Признаться, я ждал совсем других гостей, — мужчина поднялся входя в хижину. — Вряд ли ты пришла меня убивать, так что могу предложить чай.

— Не стану отказываться, — она проследовала за мужчиной.

Обстановку хижины можно было смело называть бедной, хотя анышуйцы предпочитали говорить «аскетичный». Небольшой очаг, лежанка из травы и еловых веток, несколько полок с кухонной утварью и сундук в углу, на крышке которого стояли пара тусклых свечей — вот и всё убранство. Ученик эсдо пользовался невероятным почётом у жителей Анышу, но жил более чем скромно и уединённо. Анью медленно вдохнула, различая запахи трав, а так же животных. В лежанке Вэя что-то закопошилось и на свет показался сонный и толстенький бурундук. Зверёк что-то пропищал и бодро проскакал через комнату, забираясь Вэю на плечо. Тот аккуратно почесал зверька пальцем и угостил орехом. Стало очевидным, почему бурундук такой откормленный.

— С животными я лажу не в пример лучше, чем с людьми, — Вэй смутился под её внимательным взглядом и протянул чашку с травяным чаем.

Анью окинула взглядом обстановку, понимая, что ей не предложат сесть просто потому, что у хозяина нет ни стола, ни стульев. Она прошла на крыльцо, присаживаясь на край. Вид на небо был великолепен. Она рассматривала звёзды, усыпавшие небосвод. Казалось, что сейчас они невероятно близко. Протяни руку и сможешь коснуться частички Первозданного Света.

— Я тоже люблю сидеть тут, — Вэй сел на крыльцо, стараясь держаться от неё на расстоянии. — Звёзды очень красивые. Из Лазурной гавани вид совсем другой.

— Со звёздами ты тоже ладишь лучше, чем с людьми?

— Да, — он кивнул. — Иногда я задаю им вопросы, но они всегда молчат. Зато звёзды — хорошие слушатели.

— Знаешь, — задумчиво протянула Аньюриэль. — Имя моего рода — ни Силмириан.

На общем языке это означает «свет звёзд». Так что, можешь считать, что сегодня тебе довелось поговорить со звездой.

— Но вопросы будешь задавать ты, — догадался мужчина.

— Верно, — Анью кивнула. — Ты знал, что там нет Ковчега. Почему не сказал?

— Колодец Двух Начал — очень сильное место. Ты прошла его испытание и станешь сильнее, — уклончиво ответил Вэй. — Лишь сильнейшие мастера рисковали входить туда.

— Вероятно ты не знал, что там я останусь без магии? — она искоса глянула на мужчину. Выглядел Вэй искренне удивлённым. — Ты знаешь, почему Сиен забрал Ковчег из Колодца?

— Из-за Ханбэка. Сиен показал это место нам обоим. А потом что-то в Ханбэке неуловимо изменилось. После того, как он ушел, Сиен решил забрать Ковчег и увезти из Аньшу, чтобы никого более не вводить в искушение этой силой. Вот, я хранил это долгие годы, но раз Страж и Рунаан приняли тебя, не вижу смысла утаивать.

Он протянул потрёпанный лист бумаги. Анью аккуратно взяла его, разворачивая и вчитываясь в практически выцветшие чернила. Оказалось, что это та самая вырванная страница из дневника Сиена.

— Я понял, что не могу оставить Ковчег в Аньшу. Само его присутствие здесь искушает слабых. Я увезу его далеко, туда, где никто не живёт. Я сам заберу его, если придёт час нужды, и верну людям. Я не покину Аньшу. Я всё ещё нужен им, — прочитала Аньюриэль. — Так, из-за случившегося с Ханбэком, Сиен увёз Ковчег подальше? Но куда?

— На север. Прежде там была безжизненная пустыня, а ныне там Ардетайн, — ответил Вэй.

— Вот значит как... Ты знаешь, где именно. Может какие-то ориентиры?

— Нет, — мужчина покачал головой. — Сиен отправился в плавание один и никогда не рассказывал мне о том месте, где спрятал осколок. Думаю, он боялся, что со мной случится то же, что и с Ханбэком. Всё же, во мне куда больше тьмы, чем в иных людях.

— Я бы так не сказала. Ты живёшь изгоем, сторонись людей... Создаётся впечатление, что ты их боишься в разы больше, чем они тебя.

— Ты тогда спрашивала у Лан Роу, что я сделал, что заслужил смерти. Хочешь, я отвечу на этот вопрос?

Анью неуверенно кивнула.

— Я убил Сиена.

— Но... — она неверяще смотрела на мужчину, сидящего рядом с ней на крыльце. — Но он ведь был...

— Моим наставником и опекуном. Я знаю это.

— И не только. Сиен ведь эсдо — один из героев Второго Вторжения. Он убивал демонов тысячам. Я не верю, что он не смог образумить одного единственного дэрона.

— Ты так доказывала ей, что я не чудовище, но ты ошибаешься...

— Нет! — она перебила мужчину. — Ты не чудовище! Я не приму это!

— Почему? Почему ты так отчаянно пытаешься рассмотреть во мне человека?

— Потому что, — она чувствовала, как к глазам подступают слёзы. — Потому что если признаю, что ты чудовище, это будет означать, что и Аман тоже...

— Так вот почему... — задумчиво протянул Вэй. — Ты не меня защищала. Ты тогда удивилась, увидев меня дэроном, но это не было изумлением. Ты не боялась, в отличие от Лан Роу. И теперь я знаю почему - я не первый дэрон, которого ты встретила... Признаться,

немного непривычно знать, что где-то есть такие же как и я, кто умудрился выжить. Кто он?

— Аман — жрец Ордена Первозданного Света. Он — очень добрый человек и сильный целитель, — Анью улыбнулась, поставив чашку рядом и доставая из сумки атлас. — Вот, смотри. Никакое не чудовище.

Вэй удивлённо взял книгу, смотря на портрет спящего Амана.

— Невероятно, дэрон — жрец. Но разве так может быть?

— Знаешь, — улыбаясь рассказывала Анью. — Я никогда не встречала никого добрее, чем Аман. У меня с разбойниками разговор короткий: нет разбойников — нет проблем. А он верит, что все могут измениться и стать лучше. Мы постоянно ругались из-за этого. Аман верит, что каждая жизнь ценна и убивать грешно.

— В чём-то он прав, — Вэй поднял взгляд к звёздам. — Что с ним стало? Почему он не с тобой.

— Аман спас меня — закрыл собой от проклятия Ку-Сатота.

— Владыки Безумия?

— Да, мы встретились с ним в Лютерии. Аман принял удар на себя и сошел с ума. Демон заманил его в Фетранию, а я ничего не смогла сделать... Но знаешь, если я продолжу поиски, то снова встречу Ку-Сатота, и тогда он не уйдёт живым. Если убью его, то проклятие потеряет силу. Я найду способ вытащить Амана с Фетрании. Главное не опускать руки и не сдаваться, — она вымученно улыбнулась.

— Он дорог тебе? — Вэй вернул атлас.

— Очень. Мы многое прошли вместе. Было и хорошее и плохое, но мы стояли плечом к плечу. Вместе радовались успехам, вместе грустили, когда было тяжело, вместе сражались с демонами, защищали друг друга.

— И ты приняла его, даже несмотря на то, что он — дэрон?

— Да. Сперва удивилась, но потом поняла, что он не причинит мне вреда. Люди боятся таких как ты и поэтому нападают первыми. Но если нападаешь на кого-то, то глупо удивляться, что он защищается.

— Ты не понимаешь, — Вэй смотрел на неё как на умалишенную. — Дэроны опасны. Тьма однажды возьмёт верх и вместо близкого друга получишь безумного монстра. Ты думаешь, я желал смерти Сиену? Но однажды я открыл глаза, а он лежал рядом, мёртвый.

— Однажды, будучи уже проклятым, Аман напал на меня. Я понимаю, о чём ты говоришь. Я видела его таким впервые. Прежде Аман становился дэроном. Пару раз, когда нам попадались особенно сильные противники и я была ранена. Он использовал свою тёмную сторону, чтобы защитить меня. Но тогда в его взгляде не было осознанности, лишь бесконтрольная злоба... И я не смогла... Всё равно не смогла причинить ему вред. Но у меня получилось достучаться до человека внутри него, удалось вытащить его на поверхность, понимаешь? Сиен ведь был опытным бойцом. Он сражался с целыми ордами демонов и выжил, он бы не проиграл одному единственному дэрону. Думаю, ты был ему дорог, поэтому он не смог убить, а пытался достучаться до человеческой части тебя. Он сохранил тебе жизнь, доверил своё наследие. Не разбрасывайся этим попусту.

— Я не разбрасываюсь...

— Просто живёшь отшельником и шарахаешься от людей. Кстати, а почему ты живёшь так долго?

— Я не знаю. Сколько лет было Аману, когда вы познакомились?

— Двадцать пять. Это нормальный возраст для человека.

— Тогда я не знаю. Может, это моё проклятие за то, что сотворил, а может это нормально для дэрона, жить так долго... Я родился спустя несколько лет, после того, как война с демонами была закончена и, вероятно был одним из первых дэронов. Тогда люди ещё не знали, что это такое, и меня не умертвили сразу, а просто подбросили под двери храма, где жил Сиен. Сперва я рос как и все нормальные дети, а ближе к тридцати годам просто перестал стареть.

— Аман одарён магией, — задумалась Аньюриэль. — Если ты без магии живёшь уже почти пятьсот лет и всё ещё молод, то одарённый дэрон вполне может прожить и пару тысяч лет, ведь магия продлевает жизнь в разы больше, чем развитая духовная энергия...

— Тебя всерьёз заботит этот вопрос? — изумился Вэй.

— Да, а что тут такого? — она выразительно приподняла одну бровь. — Прежде я думала, что Аман проживёт лишь пару столетий, как простые человеческие маги.

— *Ты умом тронулась?! Ты что, всерьёз рассуждаешь о том, что теперь можно создать пару с дэроном?*

Анью нервно дёрнула кончиком уха и запихнула даро поглубже в подсознание, не желая выслушивать нотации. Вэй смотрел на неё и выражение его лица выражало высшую степень удивления. Вероятно, он пришел к тем же выводам, что и Энвиса, но оправдываться Анью не собиралась. Чего бы она не хотела, полюбил Аман другую. В гибели Селии была немалая часть её вины и надеяться на то, что он так просто простит её после такого, было бы глупо. Но, всё ещё хотелось верить, что они смогут остаться друзьями и отправиться в то странствие, о котором когда-то мечтали.

— Знаешь, — она листала атлас, рассматривая свои рисунки. — Мы думали, что когда соберём весь Ковчег, отправимся вместе в плавание, посетим разные земли, острова, библиотеки. Аман обожает библиотеки. Ему дай волю — он там поселится... Глупая мечта, я знаю. Тогда, когда мы это задумали, я не нашла ещё ни одного из осколков. Даже корабля тогда не было и всё же мы задумали это кругосветное путешествие. И вот у меня есть корабль, я собрала два осколка, а его нет рядом...

— Ты правда нашла уже два осколка Ковчега? — изумился Вэй.

— Да, — она кивнула. — Я записываю всё, что показалось мне интересным и важным сюда. И зарисовываю. Когда я верну Амана, то смогу рассказать ему всё, что случилось, а потом мы отправимся в плавание по самым интересным местам. Аньшу обязательно посетим. Тут даже библиотека есть. И знаешь, я думаю, Аману будет интересно с тобой пообщаться. Вы похожи. Не только тем, что оба дэроны.

— Ты говоришь так, будто всё это так легко...

— Мир большой, Вэй, всегда найдутся те, кто будет тебя ненавидеть. Но будут и те, кто тебя полюбит. Рунаан ведь видел тебя, знает где ты, но ничего не предпринимает. Так что, можешь считать, что он тоже принял тебя.

— Или просто не видит смысла суетится из-за одного демона. Кто знает, что творится в головах у Хранителей...

— Вот уж правда, — Анью улыбнулась. — Сила Рунаана — это что-то невероятное, но в тоже время он очень добрый. Согласился принести меня к тебе. Обрато идти, конечно, самой придётся, но всё же... Я летела на Хранителе... И мне так его не хватает... Мы начали это путешествие вместе, столько всего пережили, а теперь я иду одна. Аман бы тоже хотел полетать на Рунаане.

Слёзы хлынули ручьём. Анью прижала к груди атлас, словно это было нечто невероятно

ценное и захлёбывалась рыданиями. Она плакала совершенно некрасиво, с покрасневшимся лицом, размазывая слёзы.

— Плачь. Легче станет, — Вэй протянул её какую-то грязную тряпочку и растерянно смотрел на это неожиданное проявление эмоций.

Она не могла бы остановить слёзы, даже если бы захотела. Делилась душевным теплом Энвиса, стараясь поддержать. Действительно становилось легче. Сперва незаметно, но боль в груди становилась всё меньше, будто уходила со слезами. Анью поняла, что впервые позволила себе слабость с того момента, как потеряла Амана.

Первое, что она осознала, проснувшись, что если реветь перед сном, то потом голова болит нещадно. Хотя, возможно, причина была в том, что куча трав и веток, на которых она спала, пахла слишком резко. Анью приоткрыла один глаз, недовольно щурясь на Солнце, светящее ей прямо в лицо, сквозь мутное стекло.

Она осмотрела хижину. Вэя нигде не было, но, судя по запаху, он ушел не так давно. Видимо, ночевал на крыльце, раз благородно уступил ей своё спальное место. Спина немного ныла, но спать на жестком ей было не привыкать. Неподалёку от её головы свил себе гнездо из травинок бурундук. Питомец Вэя приоткрыл глаз, внимательно смотря на неё, а потом потянулся, совершенно очаровательно зевая, и что-то пропищал.

— Ты такой хорошенький, — умилилась Анью.

— И прожорливый, — в хижину бесшумно вошел Вэй. — Вот, он высypал рядом с ней на лежанку горсть орехов и пару яблок. Я объясню, как добраться отсюда до Лазурной гавани, а как доплыть до Ардетайна — сама разберёшься.

— Спасибо, — Анью протянула орешек бурундуку. — Как его зовут?

— Никак, — отмахнулся Вэй.

— Почему? У людей принято давать животным имена.

— Не хочу привязываться. Они быстро уходят.

— Понимаю, — она кивнула. — Хочешь, поплыли со мной. Мне понадобится помощь в поисках Ковчега, да и в команде не помешает пара сильных рук.

— Нет.

— Можешь не бояться, мне хватит сил привести тебя в чувства. Смогла же я образумить одного дэрона, смогу и второго, — Анью улыбнулась.

— Я не поэтому. Хотя и это тоже беспокоит — твоя кровь слишком сладко пахнет, не хочу искушать внутреннего зверя, — Вэй покачал головой. — Ты была права. Сиен доверил мне своё наследие. Он доверил мне Аньшу, и я буду защищать эти земли от демонов столько, сколько мне отмерено. Это мой долг.

— Что ж, тогда мне пора. Я сбежала с празднования, мне ещё выслушивать нотации от Лан Роу и готовить корабль к отплытию, — она сложила угощение в сумку и поднялась, доставая из волос травинки.

— Доброго пути, — улыбнулся Вэй. — И помни, если в этих землях тебе понадобится помощь — я помогу.

— В Ардетайн?! — негодовала Эйша. — Почему именно туда? Неужели не нашла места получше?!

— Все претензии к эсдо Сиену. Это он решил спрятать свой осколок Ковчега там, — Анью пожалала плечами и магией немного передвинула коробки, чтобы было удобнее ходить в трюме.

— У нас и так не было шанса найти команду. Нормальную команду! А в Ардетайн никто плыть не захочет.

— Там всё так плохо? — удивилась чародейка, поднимаясь на палубу. — Но я же нашла тебе людей. Вот, смотри. Люди, нормального размера. Как ты и просила.

— Эти два чудика? — шепотом поинтересовалась Эйша.

— Ты просила человеческих мужчин, но не уточнила каких именно. До Ардетайна они под твоим командованием, — улыбнулась Анью, спускаясь вниз по сходням.

Эйша осталась растерянно смотреть на то, как Бэнбрюс учит Джи Канга завязывать узлы. Безумный исследователь как раз искал корабль до своей родины, а Отшельник решил попутешествовать по миру. Джи Канг слушал, что рассказывает Бэнбрюс и улыбался в бороду. Анью не стала говорить ардетайнцу, что прежде его ученик был капитаном на своём судне — Джи Кангу явно нравилась ситуация.

— Анью! — махая рукой к ней спешила Лан Роу. — У меня есть для тебя тут...

Анью обратила внимание, что воительница несёт в руке длинное аньшуйское копье. Кажется, их называли цзы и от тех копий, что она видела в Лютерии, цзы отличались тем, что лезвие было серповидным, а не конусообразным. Чародейка смотрела на оружие в руках подруги и искренне надеялась, что это не подарок.

— А нашла тебе человека в команду. Знакомься, — Лан Роу указала рукой на молодого мужчину, что следовал за ней. — Это Ахон. Он из Белого лотоса, но решил немного посмотреть мир. Я за него ручаюсь, он хороший боец, так что можешь с ним тренироваться в управлении ки.

— Рад знакомству, — Ахон приложил кулак одной руки к ладони другой и поклонился.

— Ну, раз Лан Роу за тебя поручилась, то добро пожаловать на «Гордость Лютерии», — Анью кивнула в ответ. — Там Эйша — мой старпом — проводит инструктаж для новых матросов. Можешь присоединиться.

— Благодарю, — он улыбнулся, поправил лямку заплечного мешка и, махнув Лан Роу рукой, поднялся на корабль.

— Значит уплываешь, — воительница улыбнулась.

— Да. Мир сам себя спасти не стремится, — она улыбнулась в ответ.

— Я буду скучать, — Лан Роу притянула её к себе, обнимая.

Анью на мгновение растерялась, а потом обняла её в ответ.

— А это что за толпа?

— Ты же не думала, что тебе дадут просто уплыть, — воительница довольно улыбалась.

— Но втайне надеялась, — растерянно улыбалась Аньюриэль

К ней подбежала Сюрэн и крепко обняла.

— Спасибо, ты даже не представляешь, как мы благодарны!

— И не пропадай, — улыбнулся подошедший Лао Кан. — Будешь в Лазурной гавани — заходи в гости. Я решил дом немного перестроить. Увидишь, что получится.

— И в «Шестое место» загляни, — Вонтон похлопал её по плечу. — Жаль, что на свадьбу не останешься...

— Вы и без меня отлично всё отпразднуете, — она с улыбкой глянула на безмятежно счастливую Рёлу. — Вонтон, я всё спросить хотела, как твоё имя? Вонтон — это ведь прозвище.

— Бэй — улыбнулся мужчина, протягивая ей руку.

— Я запомню, — её ладонь утонула в огромной мужской руке.

— Так, расступитесь, дайте мне обнять эльфиечку, — растолкала всех Харико. — Обязательно приплывай на следующий турнир. Я хочу реванш.

— Если получится, — улыбалась Аньюриэль.

Неподалёку топтался Ходон. Анью кивнула ему. Мужчина кивнул в ответ и подошел ближе.

— Я основал свою школу, — смущенно признался он. — Сегодня утром Совет подписал все бумаги. Учеников пока, правда, нет...

— Будут, — Анью похлопала его по плечу.

— Если всё же решишь ещё посетить Аньшу, то в школе Огненной лилии тебе будут рады, — Ходон улыбнулся.

— Обязательно загляну.

— Кэп! — через перила перегнулась Эйша. — Пора, а то прилив упустим!

— Да, уже поднимаюсь! Рада была знакомству, — к глазам подступали слёзы, но она старательно сдерживалась.

— Пиши, — Лан Роу ещё раз её обняла.

— То, о чём я просила...

— Я помню и сделаю, — она кивнула. — Я обещала. И, кстати, спасибо тебе за копье.

— Не понимаю, — чародейка бросила взгляд на оружие в руке воительницы.

— Я его купила с тех денег, которые выиграла на твоих боях, — шепотом призналась Лан Роу. — Всегда о таком мечтала.

— В Аньшу живут самые безумные люди, которых я когда либо встречала, — Анью рассмеялась.

— Это ты ещё в Ардетайне не была, капитан, — крикнул с палубы Бэнбрюс и протянул ей руку.

Анью махнула рукой на прощание и взбежала по сходням на корабль. Металлическая рука Бэнбрюса нагрелась под лучами Солнца и была на ощупь той же температуры, что и человеческая кожа. Засуетились работники порта, отвязывая швартовочные. Джи Канг поднимал якорь. Раздавала команды Эйша. Ей поддакивал сидящий на плече старпома Пэн. Буревестник поднялся с рей, готовясь надувать паруса. Аньюриэль поднялась на капитанский мостик, берясь руками за штурвал и вливая магию в «Гордость Лютерии». Галеон мягко сдвинулся с места, медленно набирая скорость.

Лазурная гавань удалялась. Оставались позади пережитые приключения и новые друзья. Анью смахнула со щеки слезинку. Тугой ком, что давил на грудь, тоже остался позади. Вышел со слезами и переживаниями и остался на этой загадочной земле цветущих деревьев и утренних туманов. Сверкнула в просвете между облаков зелёная чешуя, и Анью улыбнулась, махая рукой Рунаану. Неясно было, может ли он рассмотреть её с такого расстояния, но всё равно приятно было, что Хранитель тоже решил её проводить.

С небес спустилась крупная птица с красно-коричневым оперением. Гарудал облетел «Гордость Лютерии», что-то выкрикивая на птичьем языке.

— И тебе попутного ветра, — выкрикнула в ответ Аньюриэль. — Лети высоко, как

облака!

Гарудал взмахнул крыльями, добавляя ветра парусам. Галеон ускорился, унося её навстречу новым приключениям.

*Я все еще жду тебя,
Глаз с волн морских не отводя.
Ты мне когда-то сказал любя,
Что не покинешь меня.
Ты не представишь, какой была злой,
Когда вернулась в наш домик пустой.
Когда вернулась, а след твой простыл.
Оставив письмо, не прощаясь, уплыл.
С тех самых пор каждый день прихожу,
В торговом порту силуэт твой ищу.
В торговом порту каждый знает меня
Девушку с прядями цвета огня.*

Green Apelsin — Жду тебя

В дар от "Бессонная ночь"

И радостно и грустно сразу,
в Аньшу закончились дела,
на встречу ветру Ардетайна
Анью раскрыла паруса.

Глава 15. Лабиринт Отчаяния

*Иди в обход и напрямик,
Но помни — ни один
Не станет в этой битве победителем.
Победителем...
Я жду тебя у выхода
И входа в Лабиринт -
Единственной родной
Для нас обители.*

Ясвена — Лабиринт

Аман.

Он бродил по Молчащим холмам, наслаждаясь тишиной. Солнце уже коснулось горизонта, окрашивая небо и плывущие по нему облака в красно-оранжевые цвета. Прежде он часто приходил сюда, чтобы что-то обдумать, чтобы отдохнуть от вечного внимания окружающих и побыть одному. Сейчас мыслей в его голове не было, и он просто бездумно бродил от одних развалин к другим, рассматривая остатки того, что всего пять столетий назад было городом.

Иногда он размышлял о том, чем могло быть прежде это здание, от которого ныне осталась лишь полуобвалившаяся стена. Могла ли это быть пекарня или, возможно, мастерская ремесленника. А, может быть, здесь жила простая семья: отец, мать, дети. Дети, которые с шумом и криками бегали по улице, играя в какие-нибудь игры и лазили по деревьям, срывая ещё зелёные, кислые яблоки.

Аман остановился возле дерева на вершине одного из холмов. Ветер приятно шевелил пряди волос и он закрыл глаза, отдаваясь этому ощущению. Прежде он не умел наслаждаться такими мелочами. Но порыв ветра закончился и глаза пришлось открывать. В небе тускло светила кроваво-алая Луна. Прямо перед ним, посреди ветвей засохшего дерева паук растянул свои сети и в них трепыхалась красивая бабочка с золотистыми крыльями. Сам хозяин паутины нарочито медленно расправлял свои ноги, словно потягивался от долгого сна.

— Вам нужно выбрать, господин Аман.

От звука её голоса сжалось сердце. Он резко обернулся. Позади него стояла Селия. Такая, какой он её запомнил. Светлые волосы, белое одеяние жрицы. Вот только она не улыбалась, а была непривычно серьезной.

— Нужно сделать выбор, — она не дождалась реакции и повторила.

— Выбрать что?

— Вам нужно выбрать, господин Аман, — она показала рукой на паутину.

Он снова повернулся к дереву. Паук медленно полз к своей жертве. Аман смотрел на это, не зная, какой выбор будет верным.

— Селия, я не... — он повернулся и почувствовал как к горлу подкатил комок тошноты.

В её груди торчала арбалетная стрела. Одежда была измазана грязью и кровью, промокшие пряди волос, пропитавшиеся чёрной водой, прилипли к лицу.

— Но Вы должны сделать выбор, господин Аман, — в глазах Селии застыли боль и

отчаянье.

Аман опять повернулся к паутине, растерянно смотря, как трепыхается в ней луносветка.

Почему она здесь?!

Он точно был уверен, что мотылек был совсем другим, но не мог вспомнить каким именно. Тем временем паук, сверкая в полумраке восемью кроваво-красными глазами, дополз до мотылька и вцепился в него своими клыками, пожирая живьем. Луносветка продолжала судорожно двигать крыльями. Там, где её терзал паук, проступило несколько бусинок красной крови.

— Тебе нравится, фетранийское отродье? — этот голос, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков, невозможно было не узнать...

Нет, только не ты... Только не снова... Оставь меня! Хватит терзать меня во снах!

Он не хотел оборачиваться. Не хотел видеть её. Не хотел видеть ненависть и презрение в её глазах. Но тело перестало ему подчиняться, он медленно оборачивался. Сердце колотилось так сильно, что шумело в ушах.

Анью была вся изранена. По мантии растекались пятна крови, на коже было огромное количество ссадин и синяков, на ней словно вообще не было живого места. Кровь собиралась в дорожки, стекая вниз, собираясь у её ног в небольшие лужицы. Она смотрела на него со смесью страха и ненависти. По лицу текли кровавые слёзы.

— Если у тебя случатся «непредвиденные обстоятельства», то я пойду дальше одна. И когда меня прибьет какой-нибудь демон — ты будешь в этом виноват. Это ты виноват в том, что я погибну!

Аман резко подскочил, путаясь ногами в ковре и с грохотом падая на пол. Рядом, издав существенно меньше шума, тоже что-то упало. Он лежал на холодном каменном полу, прижавшись к нему лбом, пытаясь отдышаться и успокоиться. Судя по ощущениям вокруг не было ни души. Он облегченно выдохнул, радуясь тому, что не было свидетелей его далеко не изящного падения.

Дэрон вздохнул, медленно поднимаясь. Поднял кресло, в котором умудрился уснуть и перевернул при пробуждении. Вернул на место ковер и окинул комнату взглядом. Тяга Кармиана окружать себя бараклом его раздражала... Сказывалась привычка к аскезе, выработанная ещё когда он был жрецом. Память услужливо подкинула, что, помимо мебели и прочего хлама, у Кармиана есть целый погреб с алкоголем из разных частей Акрасии. Он неторопливо вышел из комнаты, проходя в темный коридор. Завернувший в этот же коридор мелкий демон увидел его и шустро передумал идти этим путем. Аман грустно усмехнулся. Было непонятно, почему фетранийцы его боялись.

Не демон, но и не человек. Для всех я изгой...

Прошлое не желало его отпускать. А ещё в груди поселилось странное беспокойство, которому просто не было причин. Оно то ослабевало, то, наоборот, набирало силу, скручиваясь тугим комом в груди, подступало к горлу. Для этой тревоги не было ни одной адекватной причины. По крайней мере, хотелось так думать. Аман день изо дня уверял себя в том, что с ней всё будет хорошо, что Силлиан позаботится об Аньюриэль и найдёт надёжных людей ей в сопровождение, что сам он опаснее для Анью, чем кто бы то ни был. И всё же беспокойство не отпускало его. Как и кошмары...

Дэрон целеустремленно шел в сторону погреба, планируя напиться до такого состояния, чтобы можно было наконец-то поспать без сновидений. На лестнице стоял ухмыляющийся

Кармиан.

— Не спится?

Аман проигнорировал вопрос, попытавшись пройти мимо. Кармиан перехватил его за локоть.

— Тебе стоило бы отпустить прошлое. Те, кого ты прежде считал друзьями, не примут твою истинную сущность. Пора перестать тешить себя напрасными иллюзиями. Тогда и спать станет легче.

— Тебя это не касается, — рыкнул в ответ Аман, вырывая локоть из захвата.

— Думаю, — демон улыбнулся. — Ты просто заскучал, сидя на одном месте. Пойдём, поможешь мне кое в чём.

Кармиан взмахнул рукой, открывая багровую воронку портала прямо посреди лестницы. Аман стоял в нерешительности — портал перегородил ему спуск, не оставляя иного выбора. Можно было, конечно, вернуться в комнату и до бесконечности мерить её шагами, боясь уснуть.

— Куда ведёт этот портал? — Аман обернулся, пристально смотря на демона. — Зачем тебе моя помощь?

— Узнаешь, если решишься пойти со мной.

Кармиан улыбался той самой самодовольной улыбкой, которая раздражала Амана. Не было никаких сомнений, что демон так развлекается. На той стороне могло быть всё, что угодно — от цветущего сада до логова монстра. Выражение лица демона было совершенно нечитаемым.

Дэрон устало вздохнул, входя в портал. Что бы не ждало его впереди, оно было намного лучше, чем наполненная тоской комната. По ту сторону портала ветер шумел в кронах высоких деревьев. Луна и звёзды тускло освещали небольшую лужайку, на которой он оказался. Аман сделал ещё пару шагов. Его ноги утопали в траве практически по колени. Следом за ним из портала вышел Кармиан.

— Ну, как тебе, маленький дэрон?

— Где мы?

Аман озирался по сторонам, но не видел совершенно никаких ориентиров. Вокруг лужайки был лес. В центре стояла совершенно непримечательная арка из серого камня. Вдалеке, над вершинами деревьев, виднелись тёмные силуэты гор. На лужайке было странно тихо, не было слышно ни ночных птиц, ни насекомых. И эта неестественная тишина заставляла нервничать.

— Это Берн, — пояснил Кармиан. — Те горы вдалеке — Туманное нагорье. Мы в паре-тройке дней пути от столицы, но здесь в округе никто не живёт.

— Почему?

— Из-за этого, — Кармиан махнул жезлом в сторону арки и подошел к ней.

— От неё исходит странная магия, — Аман проследовал за ним.

В проёме арки клубилось прозрачное марево. Казалось, что воздух там более густой, почти жидкий и по его поверхности периодически шла странная рябь. Пугающее ощущение стало сильнее, он всем своим существом ощущал угрозу, исходящую от каменной арки.

— Знаешь что это, маленький дэрон?

Аман покачал головой и неуверенно сделал шаг назад, отходя от арки. Чем бы не являлось это сооружение, рядом с ним предпочитали не селиться даже силлины, а ведь этот народ посвящал свои жизни изучению магии. Можно было легко догадаться, что ничего

хорошего от этого места ждать не стоит.

— Давным-давно, когда случился Первый Разлом, гармония мира была нарушена. Чтобы как-то сгладить возникшее напряжение, мир исказился. Так появилось это место. Здесь — вход в Лабиринт Отчаянья. Только сильнейшие маги рискуют входить туда по своей воле, а слабых духом Лабиринт заманивает сам, внушая образы, которых не существует на самом деле. Многие входили внутрь, но выходили лишь единицы, и ещё меньше выходили оттуда будучи в своём уме. Здесь даже звери и птицы не появляются — Лабиринт заманивает к себе любое живое существо.

— Зачем тогда мы пришли сюда? — Аман, под насмешливым взглядом Кармиана, отступил назад ещё на пару шагов.

— Ты начал задавать правильные вопросы, — демон показательно похлопал в ладоши. — Один весьма сильный маг кое-что спрятал внутри... Не смотри на меня так. Лабиринт отличное место, чтобы сокрыть опасные артефакты или знания, которыми по каким-либо причинам не хочешь делиться с другими. Внутри полно ценных вещей и рукописей.

— Зачем рисковать ради каких-то артефактов? — Аман окинул оценивающим взглядом арку, пытаясь понять, стоит ли сокрытое внутри того, чтобы рискнуть рассудком. — Сходить с ума не слишком приятно.

— Не переживай так уж сильно. Та остроухая чародейка позаботилась о том, чтобы Ку-Сатот больше не потревожил покой Акрассии. Могу тебя заверить — от Владыки безумия осталась лишь куча окровавленного тряпья на обожженной земле Боэр Морхен.

— Вот как...

Значит, Анью всё же добралась до Ку-Сатота.

Наверное, ему следовало выразить сочувствие тому, что Кармиан потерял союзника, но Ку-Сатота Аману было ни капли не жаль. Уж слишком много вреда этот демон причинил Лютерии и самому Аману. Да и Кармиан не выглядел опечаленным.

— Вспоминаешь какво это — быть безумцем? — попытался поддеть его Кармиан. — Расслабься, маленький пугливый дэрон, ты останешься ждать меня здесь.

— Я не боюсь. И я не пугливый, — словно желая подтвердить свои слова, Аман сделал пару шагов вперёд, становясь рядом с Кармианом. — Ты ведь сам сказал, что я должен тебе помочь.

— Конечно. И всё же, маленький храбрый дэрон, — демон сделал акцент на слове «храбрый». — Ты останешься здесь и будешь держать при себе вот это.

Кармиан протянул ему небольшой красноватый кристалл на цепочке из чёрного матового металла. Аман аккуратно взял кулон в руку, сосредотачиваясь на ощущениях. Это определённо был артефакт, хотя выраженных магических колебаний не было.

— Какой в этом смысл? — спросил Аман, не сильно надеясь на ответ.

— Видишь ли, войти в Лабиринт и найти там что-то не так уж и сложно, а вот найти выход — та ещё задачка. Но один силлин, посвятивший много времени изучению Лабиринта, нашел решение этой проблемы — он оставлял «якорь» на этой стороне. Те немногие, кто одарён пространственной магией, — Кармиан положил ладонь себе на грудь и шутливо поклонился, — могут покинуть Лабиринт, открыв портал, но нужно иметь особый артефакт-ориентир. Этот кристалл сделан из моей крови, он для меня как маяк, я смогу почувствовать его даже из такого искривленного пространства. Поэтому стой возле входа и жди меня. Думаю, ты справишься с таким простым поручением, ты ведь — умный маленький дэрон.

Аман недовольно посмотрел в ответ. Сложно было сказать, смеётся над ним Кармиан, или всерьёз сомневается в его умственных способностях. Он покрутил цепочку в руках, найдя замок и одевая кулон себе на шею. Почему-то вспомнилось, как нечто подобное делала для него Аньюриэль. Рука было дернулась к карману, чтобы нащупать артефакт, но Аман вовремя спохватился, сделав вид, что поправляет кулон. Красный камень едва заметно светился и был немного тяжелее, чем могло показаться на первый взгляд.

— Я справлюсь. Сколько времени тебе понадобится?

— Не могу сказать. Если верить записям того мага, в Лабиринте Отчаяния нет таких понятий как время и пространство. И помни, Лабиринт заманивает к себе тех, кто слаб духом.

— Мне это не грозит.

— Уверенность и безрассудство — лишь две стороны одной медали. Знаешь, что случилось с тем эльфом, который исследовал Лабиринт?

Аман отрицательно покачал головой, понимая, что раз Кармиан задал этот вопрос, то можно смело предположить — до старости маг-исследователь не дожил.

— Однажды он зашел в эту арку и больше его никто не видел. Возможно, он всё ещё бродит где-то там, сойдя с ума от жутких видений, что показывает ему Лабиринт, — Кармиан подошел к самой границе марева и обернулся. — Я надеюсь, ты понимаешь, что соваться в Берн или другие города — плохая идея. Есть менее болезненные способы проститься с жизнью. Например, в тех горах живёт Хранитель, имя которому Легирос. Ему хотя бы не взбрёт в голову заживо препарировать тебя, чтобы узнать как устроено тело демона.

— Разве силлины способны на такое? — Аман неверяще покачал головой, одновременно вспоминая те удивительно детальные рисунки, которые были в той книге по анатомии, что давала ему Аньюриэль.

Быть такого не может...

— А твоя остроухая подружка не рассказывала тебе, что Берн основали маги-отступники, которых изгнали за то, что они изучали магию Хаоса, которую используют демоны? Эадалин — нынешняя правительница Берна — руководила этими экспериментами. Но вот беда, Хаос вырвался из-под контроля и по сей день на месте Дженаила искореженная пустыня, а всех, кто участвовал в экспериментах и умудрился выжить, изгнали из Рохэнделя. Вот и решай, что они могут сделать с демоном, который по собственной глупости и наивности может попасться им в руки.

— Я буду ждать здесь...

Кармиан улыбнулся и сделал шаг в зыбкое марево, практически мгновенно растворяясь в воздухе. Аман обошел арку по большой дуге, стараясь держаться от входа как можно дальше. С другой стороны арка выглядела точно так же и точно так же внушала инстинктивный страх. Камень был покрыт какими-то замысловатыми рунами, практически выцветшими от времени. Был соблазн подойти ближе, попытаться разобрать написанное, но Аман решил, что не стоит так рисковать.

Он осмотрелся по сторонам, решая, где будет удобнее дожидаться Кармиана — лужайка была неестественно ровной и не внушала доверия. От входа в Лабиринт хотелось поскорее уйти. После недолгих размышлений Аман прошёл к краю леса и сел под дерево, облачиваясь спиной о ствол. Слова Кармиана не давали покоя. Не хотелось верить в то, что он услышал.

Ведь есть и другие способы изучить строение тела. Например, магией. И это совершенно безболезненно. Хотя, кому в этом мире придёт в голову жалеть демона...

Аньюриэль отнеслась к нему весьма благосклонно после того, как узнала его тайну и до этого, когда считала, что он обычный человек. Но Аман не раз замечал, с какой снисходительностью она смотрит на простых людей, которые не одарены магией. Даже на Силлиана она смотрела свысока, пока не приняла его в свой ближний круг. Силлины всегда смотрели на людей со своеобразным вежливым презрением...

Может ли подобное быть правдой?

Аньюриэль однажды обмолвилась о том, что из-за какого-то конфликта кого-то изгнали из Рохэнделя, но Аман уже толком не помнил дословно, что она тогда сказала. Возможно, она говорила как раз о тех магах, которые основали Берн. Он нащупал цепочку в кармане. Тоска сильнее сжалась вокруг сердца. Вспомнилось, как однажды ночью, сидя у костра, они мечтали о совместном плавании, о том, как вместе посетят Берн, наведаются в библиотеку и купят книги. И вот он оказался в Берне. Один...

Интересно, где она сейчас?

Если Анью продолжила поиски так, как и было запланировано, то должна была отправиться в Аньшу. Достаточно ли того времени, что прошло с его ухода, чтобы доплыть? Аман давно перестал считать дни и следить за временем — это стало казаться совершенно неважным. Многие из того, что раньше имело для него смысл, осталось там, в прошлом, от которого Аман пытался сбежать. Тогда ему казалось, что бежать — единственный возможный выход. Сейчас он понимал, что куда бы он не отправился, его тьма будет с ним. Сбежать от самого себя невозможно. Он бездумно смотрел на звёзды и неторопливо плывущие в небе облака. Тишина убаюкивала и Аман не заметил, как заснул.

Проснулся он когда Солнце уже поднялось над горами. К полному удивлению Амана, он впервые за долгое время чувствовал себя выспавшимся. Кошмары ему не снились и, тем не менее, тревожное состояние только усилилось. Дэрон прикоснулся к кулону на груди — тот всё ещё был тёплым, хотя он толком не знал, зависит ли состояние артефакта от того, жив ли Кармиан. Демона поблизости не было, да и искажение пространства от открытия портала он бы почувствовал. Значит, нужно было ждать дальше.

Аман размышлял о том, что он будет делать, если Кармиан не вернется в ближайшее время. В любом случае стоит найти хотя бы ручей, чтобы при необходимости утолить жажду. Как бы там ни было, демон говорил только о том, что не стоит ходить в город, но не было указаний, что ему нельзя уходить от арки. Наверняка в лесу найдётся что-то съедобное.

Тревожность все нарастала и только сейчас Аман обратил внимание, что в окружающем безмолвии появился ещё один звук, совсем тихий, едва заметный, не громче шелеста ветра в листве. Он был здесь не один. Кто-то плакал...

Он поднялся на ноги, прислушиваясь. Звук доносился с другой стороны поляны. Аман отступил на пару шагов, скрываясь за деревом. Кто бы там не плакал, ему не стоит попадаться на глаза. Аман выжидал, наблюдая за поляной из-за листвы. Никто не выходил из леса, но плач продолжался. Жалобный. Отчаянный. Кто-то рыдал навзрыд.

Как будто ребёнок...

Аман напрягся. Так плакать могли лишь дети, всем своим существом отдаваясь моменту горя. Дэрон неуверенно мялся на одном месте, ожидая, что сейчас кто-то придёт и успокоит ребёнка. Наверняка малыш заплутал и потерял родителя из вида, испугался и плачет. Сейчас на крики прибежит отец или мать. Но время шло, а ребёнок всё так же плакал.

Может он поранился?

Аман медленно сделал шаг в сторону, потом ещё один. Ну не может же он просто стоять в стороне, пока где-то рядом страдает ребёнок?! Нужно хотя бы посмотреть, что случилось, не показываясь никому на глаза. Если малыш ранен, то он его вылечит и отнесёт куда-нибудь поближе к людям. Конечно, есть риски, что его могут заметить или услышать силлины... Но пока он просто разузнает что произошло.

Он медленно крался по лесу, обходя поляну, скрывался в подлеске и тенях деревьев, старался ступать как можно тише. Он был уже близко к тому месту, где по его предположениям плакал ребёнок, вот только плач теперь доносился из-за спины... Аман настороженно обернулся. Сквозь просветы деревьев можно было увидеть, как утопает в солнечном свете поляна, в центре которой стоит каменная арка.

— Это... какой-то бред.

Он закрыл уши ладонями. Звук прекратился. Стоило убрать руки, как он вновь слышал плач ребёнка. Аман вышел на поляну. Чем ближе он подходил к арке, тем громче и отчетливее слышен был плач. Дэрон медленно обходил каменное сооружение. Не оставалось никаких сомнений, что звук идёт оттуда.

— Я не настолько глуп.

Он смерил арку настороженным взглядом и вернулся к тому дереву, под которым провёл ночь. Плач всё так же доносился из арки и теперь больше раздражал, чем тревожил. В какой-то мере было даже обидно, что магия этого места посчитала его таким наивным.

Аман прикоснулся к кулону на груди, тот был всё такой же тёплый. Это успокаивало. Хотелось верить в то, что Кармиан в скором времени вернётся из Лабиринта и ему не придётся ждать слишком долго...

Решив для себя, что не случится ничего плохого, если он пройдет по окрестностям, Аман углубился в лес. Природа Берна не слишком отличалась от Артемиса и Лютерии. Лес, подлесок, травы, кусты, цветы. Некоторые растения были ему знакомы, другие доводилось видеть лишь в книгах, а что-то так и вообще было новым. Животных и птиц по-прежнему не было, но изредка мимо пролетали пчёлы. Они размеренно кружили вокруг цветов, собирая пыльцу и нектар, и с важным жужжанием улетали куда-то. Вероятно, они были слишком маленькими, чтобы заинтересовать Лабиринт. Или просто будучи поглощенными своей работой, не обращали никакого внимания на странную магию этого места. У пчёл было своё дело и не было времени на глупые размышления.

А что если Кармиан не вернётся? Что если он переоценил свои силы?

Аман замер на месте. Тишина, что пологом раскинулась вокруг него, давила на сознание, отчего собственные мысли прозвучали в голове неожиданно громко. Он ведь даже не подумал о том, что будет делать в таком случае. Он не знает, сколько ему тут ждать. Неделю? Месяц? Год? Куда ему идти, если Кармиан сгинет в Лабиринте? В Ордене его не примут, на это можно даже не рассчитывать. Прощение, которое проповедовали жрецы, к демонам не имело никакого отношения. И в Лютерию ему нельзя возвращаться — дружба с дэроном слишком сильно скажется на репутации Силлиана как короля. Если Силлиан всё ещё считает его другом... О том, чтобы показаться на глаза Аньюриэль, Аман даже думать боялся. Слишком резкая и вспыльчивая, склонная сначала бить, потом спрашивать, она не даст и малейшего шанса ему чтобы объясниться. Он не был уверен, что вообще сможет посмотреть ей в глаза.

Аман достал из кармана кулон, крутя его в руках. Артефакт выглядел удивительно

красивым и изящным в сравнении с работой демонов. Серебро было приятно прохладным, кристаллит переливался гранями в лучах Солнца, настолько чистый и прозрачный, что сквозь него можно было рассмотреть траву. Он должен найти способ вернуть Аньюриэль артефакт и передать послание. Сам он не сможет. Ему это не по силам. Он не вынесет разочарования в её глазах. Может стоило попытаться добраться до ближайшего поселения и оставить письмо на почтовой станции с пометкой «до востребования»? Ведь есть шанс, что Анью посетит Берн, она ведь грезилась о книгах из запретной секции. Вот только у этого плана было слишком много «но». И начинались они с того, что у Амана просто не было денег или чего-то ценного, чтобы оплатить почтовые расходы. Даже если у него и получится снова стать человеком, одежда на нём фетранийская и это привлечёт слишком много внимания. И даже если не учитывать оба этих фактора, Анью может просто не заходить на почтовую станцию в Берне. Аман не помнил, чтобы она отправляла письма или магических вестников во время их путешествия, а значит она не ведёт переписку ни с кем из Рохэнделя. Кулон вернулся в карман, туда, где лежало злосчастное послание. Его шанс оставить прошлое позади. Его шанс спать по ночам спокойно, не видя кошмары, в которых она упрекает его в предательстве. Не слышать, как её губы шепчут презрительное «демон». Не видеть, как искрит магия в её волосах, а пальцы плетут смертельные чары... В таких снах он просто стоит и ждёт, потому что понимает, что не сможет причинить ей вред. Да и умереть от её руки не такой уж и плохой исход для такого как он. Даже ужасный конец лучше, чем ужас без конца.

Аман остановился возле небольшого родника, набирая пригоршню воды и утоляя жажду. Журчание воды разогнало мысли и он устало выдохнул. Он набрал воды в ладони, ополаскивая лицо. С поверхности ручья на него смотрело его собственное отражение, уродливо искаженное в тех местах, где течение было особенно сильным.

— Ты — демон, — Аман смотрел на своё отражение. — И место тебе рядом с такими как ты. Ты не имеешь права пятнать своей тьмой чужой свет. Смирись с этим и прими. И делай то, что должен.

Отражение ничего ему не сказало на этот выпад, лишь печально смотрело в ответ. Тьма свернулась клубком в груди, ощущаясь странной иррациональной тоской, и от этого давящего чувства хотелось выть. Дэрон в отражении выглядел настолько жалко, что Аман предпочёл отвернуться от ручья.

На ветке дерева за его спиной сидел феникс. Синий феникс. Аман смотрел на птицу, то открывая, то закрывая рот, не в силах выдать ни звука. В то, что он видит просто не верилось. Он не слышал хлопанья крыльев или других звуков, но птица каким-то непостижимым образом подлетела незамеченной и теперь наблюдала за ним, слегка повернув голову.

Если здесь феникс, то и она должно быть...

В нём всколыхнулась странная смесь из страха и счастья. Он не знал что делать. Противоречивые чувства терзали изнутри. Демон внутри него рвался непонятно куда искать Аньюриэль. Разум твердил, что надо бежать отсюда как можно дальше. В итоге Аман просто стоял на одном месте, совершенно бессмысленно смотря на птицу. Феникс какое-то время смотрел в ответ, слегка наклонив голову, после чего взмахнул крыльями, перелетая на соседнее дерево, и обернулся к нему.

— Мне идти за тобой?

Птица неопределенно проклекотала в ответ и перелетела ещё немного дальше. Аман

неуверенно смотрел ей вслед. Здравый смысл говорил, что встреча с Анью не принесёт ему ничего хорошего. И тем не менее, всё внутри замирало, стоило ему подумать о ней, а сердце начинало отбивать какой-то невероятный ритм. Демон внутри него рвался туда, будто мотылёк, что бездумно летит на огонь. Аман не исключал вероятность того, что его могут просто сжечь, но сделал шаг навстречу судьбе, затем ещё один. Феникс вывел его на всё ту же поляну и уселся сверху на каменную арку.

— Как это понимать?! — Аман изумлённо смотрел то на птицу, то на вход в лабиринт.

Птица проклекотала в ответ и пару раз взмахнула крыльями, словно призывая его поторопиться.

— Ты разве не к Анью меня вела?

Феникс звучно покурлыкал в ответ и пару раз ударил клювом по камню.

— Она там?!

Птица снова прокурлыкала что-то, явно недовольная его тугодумием. Аман в ступоре стоял на одном месте, не зная, что ему делать дальше. Мысли вихрем кружили в голове. Что Анью могла делать в Лабиринте? Неужели она, как и Кармиан, решила рискнуть жизнью, чтобы достать оттуда какую-то книгу или артефакт?! Это было весьма похоже на взбалмошную чародейку. Она бы не задумываясь полезла в такое место даже просто из любопытства. И, если подумать, маги прятали в Лабиринте то, что считали слишком ценным или опасным. Если Анью нашла какие-то подсказки о том, что в Лабиринте сокрыт осколок Ковчега, то вошла бы туда даже не задумываясь о последствиях. И это объясняло, почему Лабиринтом заинтересовался Кармиан.

Но когда Анью успела, ведь последние несколько часов я был здесь? Не может же она быть в Лабиринте уже день или даже больше? Неужели феникс привел меня к Лабиринту, потому что чувствует, что Анью в беде и сама не выберется?

Он неуверенно смотрел на зыбкое марево. Было жутко от одной мысли войти туда, и всё же Аман сделал шаг вперёд, затем ещё один. Воздух подернулся рябью прямо у него перед носом. Кожа на спине покрылась испариной. Сердце в груди испуганно трепетало, но тьма толкала его вперёд. Аман на мгновение закрыл глаза и сделал ещё шаг. Он ожидал почувствовать всё что угодно: холод, что-то вязкое или липкое, что-то неприятное, но никаких новых ощущений не было. Он открыл глаза, озираясь по сторонам. Вокруг был густой молочно-белый туман. Дэрон обернулся — арки за спиной не было. Аман вытянул руку перед собой, надеясь нащупать камень, но ладонь лишь слепо шарила в тумане, настолько густом, что он не видел собственные пальцы.

Так как вошел выйти не получится...

— Анью?

Не то чтобы он надеялся на ответ и что всё будет так просто, но попытаться стоило. В тумане не было слышно ни звуков, ни запахов, не было никаких ориентиров. Лишь молочная пелена вокруг. Решив, что стоять на одном месте лишено смысла, Аман прикрыл глаза, сосредотачиваясь на внутренних ощущениях. Что-то внутри него, сродни интуиции, тянуло его налево. Аман открыл глаза и повернул налево. Других вариантов не было. Изредка он снова закрывал глаза, сверяясь со своим внутренним ориентиром.

Туман был всё таким же плотным, под ногами была абсолютно ровная, безжизненная, серая земля. В оглушающей тишине невероятно громкими казалось его дыхание, а биение сердца оглушало. Казалось, что он ходит кругами, а, может быть, даже топчется на одном месте. Мысли в голове звучали пугающе громко. Что ему делать? Где искать Анью? Как им

потом выбираться? А если она ранена, а он тут теряет время? Что сказать при встрече? Как он посмотрит ей в глаза?

Неподалёку послышалось какое-то неясное бормотание. Аман замер на месте, вслушиваясь. Голос был странно-глухим и каким-то безжизненным. Он медленно двигался к источнику звука, не зная, к чему готовиться. И всё же оказался не готов. Аман споткнулся обо что-то и рухнул на землю. Бормотание стало значительно громче и оказалось пугающе близко. Он подскочил на ноги, готовый при необходимости защищаться, но этого не потребовалось — он споткнулся о какого-то старика, лежащего на земле. Совершенно седой, одетый в выцветшие лохмотья, тот свернулся калачиком и что-то бормотал, размеренно покачиваясь.

— Простите, — Аман смущенно наклонился, надеясь, что не испугал человека. — Я Вас не заметил.

Старик не обращал на него внимания, продолжая что-то бормотать. Аман прислушался, стараясь разобрать слова. Старик умолял кого-то простить его...

— Вам не стоит здесь лежать, — Аман аккуратно прикоснулся к плечу старика. — Давайте постараемся найти выход отсюда.

Он понимал, что тащить за собой этого человека большая глупость. Старик будет обузой и лишней ответственностью, да и это скажется на скорости поисков. Вот только оставить несчастного не мог — было откровенно жалко этого заплутавшего в Лабиринте человека. Бормотание резко прекратилось, старик повернулся к нему, смотря совершенно безумными глазами. Аман вздрогнул, человек перед ним не был стариком — скорее совершенно седым мужчиной, исхудавшим до такой степени, что был похож на живого мертвеца. Из приоткрытого рта безумца вырвался совершенно нечеловеческий вопль. Мужчина вцепился ему в плечи, его глаза пугающе вращались в орбитах.

— Они опять пришли! Они пришли мучить меня! Скажи им! Скажи, что я не виноват! Я не виноват! Я не успел!

Аман отпрянул, озираясь по сторонам. Они были одни, вокруг не было никого, но безумец подскочил на ноги, с криками убегая куда-то в туман. Догонять его Аман не решился, он лишь растерянно смотрел в туман и вслушивался в приглушенные крики несчастного, который умолял галлюцинации простить его.

Как давно он здесь?

Безумец выглядел так, словно годами скитается в этом месте, погрязший в собственном отчаянии и чувстве вины за то, что не успел спасти кого-то.

— А ведь ты не лучше него. Ты не успел спасти Селию и тех людей.

Жуткий голос звучал вокруг него, обволакивая липким чувством страха. Аман напрягся, озираясь по сторонам. Вокруг никого не было видно, но его не покидало пугающее ощущение присутствия чего-то, что невозможно описать словами. Словно рядом с ним была какая-то древняя сущность, тянущая склизкие щупальца к его душе, готовясь питаться отчаянием и муками совести.

— Если бы ты применил силу... Если бы ты убил жрецов сразу... Но ты медлил. Ты — убийца.

Если буду слушать это, то сойду с ума, как тот несчастный.

Аман закрыл глаза, стараясь не слушать, что шепчет ему туман, стараясь поймать то ощущение, которое вело его. Хотелось верить, что это голос интуиции, который приведёт его к Аньюриэль, а не заведёт ещё глубже в этот кошмар. Он сорвался с места так стремительно,

как только мог, стараясь спастись от того, что обитает в тумане. Хотелось надеяться, что от этого вообще можно убежать. Изредка он замечал в тумане чьи-то неясные силуэты — пленников этого места. Одни бесцельно брели куда-то, другие стояли на месте, сидели или просто лежали на земле. Стало жутко, стоило ему осознать тот факт, что все они были живыми. В этом месте не было мертвецов, не было костей или других останков погибших, словно тут невозможно было умереть и это было страшнее всего — застрять в небытие навеки погрязшим в собственных кошмарах.

Он бежал, не разбирая дороги, надеясь, что сможет вырваться из пелены тумана. Ничего вокруг не менялось — всё тот же туман, сколько не беги. Словно всё это время он стоит на одном месте и лишь думает, что бежит. Лишь изредка мелькающие в белом мареве силуэты давали призрачную надежду на то, что он движется. Стена возникла перед ним совершенно неожиданно, словно выросла из земли, и Аман ощутимо врезался в неё, успев лишь прикрыть голову руками. Сверху посыпались мелкие камушки. Он поднялся, потирая отбитые руки. Синяки и ссадины его не пугали — дэроны восстанавливались ничуть не хуже высших демонов. Стена оказалась практически отвесным каменистым склоном. Аман, не раздумывая, вцепился когтями в камень, карабкаясь вверх. Казалось, что забраться будет легко, вот только он и понятия не имел, как долго придётся подниматься. Скоро он выбился из сил, а конца-края не было видно. Пару раз он едва не сорвался вниз. Одежда неприятно липла к вспотевшей коже. Дыхание сбивалось, когти оставляли борозды в камне, но он продолжал упрямо карабкаться вверх, отчаянно надеясь, что там есть хоть что-то, что подъем вот-вот закончится.

Над ним показалась какая-то чахлая ветка с пожухлой листвой. Аман потянулся вверх, хватаясь за камни. Подъем закончился внезапно — он просто поднялся выше уровня тумана. Дэрон практически заставил измученные мышцы сделать последний рывок, поднимаясь на каменистую площадку и распластавшись на ней, смотря на то, как плывут по небу низкие серые облака.

Неужели я смог выбраться из Лабиринта?!

Он перевернулся, приподнимаясь на локтях и осматриваясь по сторонам. Место, где он оказался, не было выходом из Лабиринта, он бы даже не сказал, что то, что было перед ним, было лучше того тумана, что остался внизу. Среди мёртвых чахлых деревьев, по сухой безжизненной земле бродили ссутулившиеся, практически бесформенные тени. Аман облизал пересохшие губы. Хотелось пить, а ещё отдохнуть, но сидеть на одном месте было намного страшнее. Он оглянулся, смотря, как покачиваются волны тумана, доходя до самого горизонта видимости, сливаясь там с серым небом.

Будто море...

Возвращаться вниз он не собирался, поэтому повернулся, заходя в лес, наполненный жуткого вида тенями, стараясь держаться от них как можно дальше. Впрочем, тени не обращали на него внимание, продолжая бесцельно бродить между иссохших деревьев. Аман брёл вперёд, надеясь, что, как и туман, лес однажды закончится, хотя просветов между деревьями пока не было видно. Смутное чувство внутри стало сильнее, маня его вперёд.

— Чудило! — донеслось из-за спины.

Аман резко обернулся, смотря на тень, что была в паре шагов от него. Это не было бесформенной фигурой. Перед ним был мальчишка, которого он когда-то убил. Аман не мог вспомнить имен тех детей, как ни старался, но он никогда не сможет забыть лиц и изуродованных тел. Тени собирались, сгущались вокруг него, приобретая очертания

знакомых людей.

— Всё будет хорошо. Вы ведь защитите меня, господин Аман, — тень, пугающе похожая на Селию, вышла из-за дерева.

Сердце неприятно сжалось. Лабиринт доставал из памяти то, что вспоминать совсем не хотелось, ставя его лицом к лицу с теми, перед кем он был безмерно виноват. Тени медленно приближались, тянули к нему руки. Аман отступал, не желая касаться их. Воздух вокруг стал ледяным, дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Жутких фантомов становилось всё больше. Появился мальчик, что показывал им дорогу к тому проклятому утёсу, потом из-за деревьев вышли остальные мальчишки, которых он убил когда-то на берегу реки в далёком детстве.

— Он всегда держится особняком, будто лучше чем мы только потому, что у него сильный дар, — неподалёку перешептывались несколько молодых жрецов с которыми Аман проходил обучение при Ордене.

— Я слышал, что Его Святейшество готовил Амана себе в преемники, — подхватил другой жрец. — А теперь вскрылась правда о том, что он дал приют демону в священных стенах храма. Верховный жрец в жизни не отмоется от этого позора.

— Может ему стоило убить тебя на месте? — жрецы одновременно обернулись к нему. Казалось, что глаза теней светятся в полумраке леса.

— Я так восхищалась Вами, господин Аман, — тень Селии подошла вплотную, прикасаясь к его руке. — Почему вы лгали мне? Почему не защитили?

Там, где его коснулась тень, кожа онемела. По руке расползлся могильный холод. Тень будто высасывала из него жизнь, становясь плотнее и ярче. Аман отшатнулся от неё, озираясь по сторонам и понимая, что окружен. По спине покатались капли холодного, липкого пота. Он отчаянно искал возможность выбраться, чувствуя себя загнанным в ловушку зверем. Лица теней исказились, приобретая жутковатые хищные выражения, и это не предвещало ничего хорошего для него. Они тянули к нему руку, обвиняли в своей смерти и лжи. Аман дернулся было в сторону, но путь ему тут же преградили. Мертвецкий холод коснулся спины — одна из теней дотянулась до него.

Тьма всколыхнулась, чувствуя угрозу. Волна силы смела теней и повалила ближайшие деревья. Он не был уверен, что смог навредить этим тварям, поэтому не стал дожидаться, пока снова будет окружен.

Аман бежал через лес, стараясь не приближаться к теням. Те, словно дикие звери, стаей скользили между деревьями, но не нападали. Он надеялся, что демонстрация силы произвела впечатление, и твари не рискнут снова к нему приблизиться, но где-то в подсознании билась тревожная мысль, что тени просто ждут, пока он выбьется из сил.

Лес становился всё реже. Чахлые деревья расступились, открывая вид на пугающе знакомый утёс. Каменная громадина врезалась в бушующее море, будто копьё. Шумели волны, но не было ветра, не было запаха моря, из-за чего происходящее ощущалось пугающе нереальным. Небо по-прежнему было затянуто плотными серыми облаками. Всё вокруг него было либо чёрным, либо грязно-серым, будто в этом мире не существовало других цветов. В груди разливалось отвратительное чувство обреченности. Казалось, что он бродит по этому месту уже целую вечность, но никаких следов того, что здесь была Аньюриэль, он до сих пор не заметил. Аман оглянулся на лес — тени бесшумно парили между деревьев, но на открытое место не выходили.

Не могут выйти из своего леса?

Вариантов было немного: вернуться обратно в лес, где обитают хищные тени, или пойти дальше, чтобы увидеть, какая напасть ждёт на утёсе. В лес он однозначно не хотел возвращаться, поэтому пошел в сторону утёса. Плеск беснующихся волн и чёрные камни напоминали о том дне, что хотелось забыть. Это место напоминало ему о той ошибке, что он совершил. Ошибке ценой в десятки человеческих жизней. Аман ожидал, что всё вокруг будет залито кровью, он ждал сваленные в кучи тела мертвецов, но в конце утёса стоял лишь небольшой, покосившийся домик. Черепица на крыше заросла мхом и местами обвалилась. Из дымохода валил густой беловатый дым, показывая, что жилище не пусто.

Он растерянно топтался на месте, не зная, как понимать то, что видит. Этому дому здесь просто не место. Странная тоска в груди тянула его вперёд, заставляя шаг за шагом приближаться к самому страшному кошмару его прошлого. Чувство, что направляло его все это время, вело не к Аньюриэль...

Дверь медленно открывалась, натяжно скрипя ржавыми петлями. Аман шагнул в сторону дома, боясь и желая увидеть ту единственную, что могла быть там. Он помнил это место, будто и не было тех лет разлуки. На дверном косяке остались зарубки — свидетели его роста. Сквозь небольшие окна в кухню падали солнечные лучи, в свете которых кружились пылинки. На столе лежали нарезанные овощи и грибы, а ещё пучок дикого лука, который она собирала ранним утром на лугу неподалёку от дома.

Матушка хлопотала возле печи, совершенно не обращая на него внимания. Аман рассматривал стоящие на полках банки, верёвки с нанизанными на них грибами — запасы с минувшей осени, всё было такое знакомое и родное. В углу стояла бочка с водой — он бегал с ведром к роднику каждое утро чтобы её наполнить. На полу возле бочки лежали выструганные из дерева кривобокие чурбанчики — его неумелые попытки сделать фигурки рыцарей и дракона. Глаза защипало от подступающих слёз. Он закусил щёку, стараясь справиться с накатившими эмоциями.

Матушка обернулась, молча и внимательно окидывая его взглядом. Стало ужасно неловко от того, что он выглядит вот так. Аман неосознанно убрал руки за спину, стараясь скрыть когти и опустил взгляд в пол. Если бы можно было так легко скрыть фетранийскую одежду...

— Что ты здесь делаешь? — в её голосе не было и толики тепла. — Зачем ты пришел?

— Я... — он не знал, что можно ответить, как объяснить ей всё, что случилось.

— Почему ты ещё жив?

Этот вопрос словно выбил пол у него из-под ног. Аман отшатнулся, будто ему вlepили пощёчину.

— Ненавижу тебя! — мама швырнула в стену возле него какую-то миску. — За что ты мне, демоново отродье?!

— Матушка...

Он, словно пригвожденный, стоял, не в силах сдвинуться с места, а женщина осыпала его проклятиями и швыряла предметы один за другим — всё, что попадалось под руку.

— Нужно было отнести тебя в лес как только родился и оставить там умирать!

Луковица прилетела ему в плечо, но Аман даже не обратил на это внимания, не в силах оторвать взгляда от слёз, текущих по щекам матери.

— Разве я не заслужила счастья? Посмотри на меня! Посмотри на мои руки! Они все грубые и потрескавшиеся от работы. И чем ты оплатил мне за мою заботу! Как тебя земля носит? Я мертва потому, что ты жив! Я дала тебе жизнь, дала шанс, а в итоге меня закидали

камнями! А знаешь, что случилось со мной потом? Отвечай!

— Нет...

— Моё тело выбросили в канаву в лесу. Почему, Аман? Почему ты всё ещё живёшь, после всего того, что натворил?

Ему нечего было ответить на этот вопрос. Разве может быть оправдание тому, что он сделал. Раньше, будучи послушником, а после жрецом, он думал, что если спасёт много жизней, намного больше, нежели отнял, то сможет искупить свой поступок. Но истина была в том, что не зависимо от того, скольких он спасёт, никто из убитых им, или по его вине, не вернётся к жизни. Нельзя воскресить умерших. Амана накрыло от осознания бесполезности того, что он делал большую часть жизни. Всё то время, что он жил при Ордене, он свято верил, что может искупить свою ошибку, но он просто впустую тратил время. Что бы он не сделал, это не вернёт к жизни тех мальчишек, Селию или маму... Нельзя изменить то, что уже случилось.

— Ты права... — его ладонь сомкнулась на рукоятке ножа. — Мне не по силам исправить то, что я натворил.

Лезвие было достаточно длинным и острым, чтобы достать до сердца. Лишь один точный удар. Если убить себя одним ударом, то тело не сможет регенерировать. Это будет правильно. Это единственный способ хоть как-то искупить вину за содеянное.

Убийца должен понести наказание — смерть. Это единственный верный вариант, единственный способ избежать новых смертей. Ты была права.

Глава 16. Бой с тенью

*Я собирал наш мир из кусков
Другую тебя,
Другого себя.
Хотелось мне верить, что главнее любовь,
Но это слова
И всё было зря!
Я собирал наш мир из кусков
Теряя себя
Теряя тебя.
И от напряжения брызгала кровь
Обоих губя:
Тебя и меня.*

*Павел Пламенев — Наш мир
Аман.*

Острие уперлось ему в грудь ровно над тем местом, где трепетало сердце, так, чтобы войти точно между рёбер. Что-то в нём отчаянно сопротивлялось этому решению, не желая вот так сдаваться, но чувство вины тянуло вниз, в пучину отчаяния, словно камень. Женщина перед ним выжидательно смотрела на нож. Аман медленно вдохнул, собираясь с силами и замер — в приоткрытое окно доносился тихий плач. Плач ребёнка. Тот самый плач, что он слышал из каменной арки. Нож выпал из ослабевших пальцев. Аман отшатнулся от него, словно это была ядовитая змея.

Откуда здесь ребёнок?

Это казалось полнейшим бредом даже для этого чудовищного места. Плач, который он изначально принял за приманку, был пугающе реалистичным. И в его появлении не было никакой логики. Не сейчас, когда Лабиринт уже практически сломил его, вынуждая покончить с жизнью. А ещё он не мог отделаться от странного ощущения, что голос ему знаком. Аман не мог вспомнить, где он слышал его, но нечто странное в самой глубине его души разрывалось невыносимой тоской от этих звуков. Он неосознанно сделал шаг в сторону двери.

— За что ты так со мной?! — матушка вцепилась в его руку, не давая уйти.

— Мне жаль, — Аман повернулся к ней, впервые за время нахождения в этом месте, подмечая несоответствия с настоящим обликом матери. — Ты не она... Ты лишь её тень, порождённая моим чувством вины. И всё же мне жаль. Мне жаль, что тебе приходилось столько трудиться, чтобы прокормить нас обоих. Мне жаль, что из-за меня ты не смогла найти своё счастье и создать полноценную семью. Мне жаль, что я не смог стать тебе надёжной опорой, что не смог защитить и сберечь. Мне жаль, что всё сложилось так. То, что я не понимал, что происходит и кто я такой, ни в коем разе не оправдывает мой поступок. Но всё же я прошу прощения, что не смог стать сыном, достойным такой матери. И благодарю тебя за всё то, что делала ради меня. Ты так старалась создать вокруг меня счастливый мир... Прости меня. Я никогда не забывал тебя...

Аман обнял маму, на мгновение закрывая глаза. Он помнил, что она пахла пряными

травмами и хлебом, но у иллюзии не было запаха. Когда он снова открыл глаза, всё вокруг него изменилось. Исчезла и матушка, и их дом, и утёс. Он стоял посреди длинного каменного коридора практически полностью погруженного во мрак. С одной стороны была крошечная тьма, с другой виднелся приглушенный красноватый свет. Ребёнок плакал там, где было светло и Аман направился туда. Хотелось бежать, но он лишь медленно и аккуратно шел навстречу тому, что находилось в конце коридора. От этого места можно было ожидать всего что угодно и даже то, что изначально не выглядело опасным, вполне могло попытаться его убить.

Ещё до того, как дойти до конца коридора, Аман понял, что свет, которой он видит — это пламя. Кожу обдало чудовищным жаром. На лбу мгновенно проступила испарина, дышать стало тяжело. Раскалённый воздух неимоверно давил на него, но Аман продолжал идти дальше. Плач становился всё громче и отчётливее. Он остановился у границы пламени, пытаясь рассмотреть, что творится в огненном безумии перед ним.

Коридор расширялся в небольшую галерею, затопленную пламенем. Камень горел, словно сухая древесина. Было совершенно непонятно, как ТАМ может находиться ребёнок. Даже будучи дэроном невыносимо было просто находиться рядом. Взгляд зацепился за маленькую фигурку, сжавшуюся в углу. Тьма внутри него встрепенулась, тело самопроизвольно сделало рывок и, прежде чем Аман осознал что делает, он уже подхватил на руки маленькую перепуганную девочку. Он прижал малышку к себе, озираясь по сторонам. Проход, из которого он пришел, медленно зарастал камнем, но неподалёку от него был другой, тоже сужающийся, но зато бежать к нему значительно ближе. Аман метнулся туда. Пламя за его спиной яростно загудело словно рой рассерженных ос.

Впервые Аман был рад тому, что, будучи полудемоном, превосходит людей в силе и скорости. Он выскочил из горящей залы едва ли не в последний момент. Камень разрастался, отрезая от них ревущее пламя. Девочка на его руках притихла. В полумраке коридора они были вдвоём. Новых опасностей не предвиделось и Аман опустил взгляд. Сердце пропустило удар. Волосы девочки были цвета войлочной вишни. Он почувствовал, как мелко задрожали руки и судорожно вдохнул, стараясь успокоиться, но стало лишь ещё хуже. Девочка пахла травами и ещё чем-то сладковато-мускусным. В этом безумном месте, полном теней и иллюзий, она была единственным, что имело запах, кроме него самого. Он кожей чувствовал её тепло, слышал, как трепещет сердце в её маленьком теле.

Настоящая. Она настоящая...

Девочка подняла голову, смотря на него со смесью страха и любопытства. Появилось странное чувство, будто всё внутри него сжалось и рухнуло в бездну. Эти глаза он не мог забыть, как не старался. Большие, слегка раскосые, удивительно красивого зелёного цвета с маленькими золотыми вкраплениями.

— Анью...

В это не верилось. Это не могло быть правдой. В этом не было логики, но девочка на его руках была настоящей, живой. Она подняла руку, аккуратно прикасаясь к его щеке, затем пощупала нос, слегка потянула за прядь волос. Тепло её маленькой руки успокаивало. Она слегка нахмурилась, прикоснувшись к кончику его уха.

— Лэро, а вы кто?

Он не знал что ответить. Она не узнала его, а, скорее всего, просто не помнила. Не помнила, что уже не ребёнок, не помнила их встречу и то, что он сделал. Если изначально Аман рассчитывал на то, что найдёт Аньюриэль и они вместе будут выбираться из

Лабиринта, то сейчас ситуация стала заметно сложнее — ему придётся защищать её. Если судить по человеческими меркам, то девочке на его руках не могло быть больше пяти лет, но, насколько он знал, силлины физически взрослели медленнее, чем люди. Ей могло быть и двадцать, и тридцать. Вот только толку от этого не было — эмоционально взросление тоже шло медленнее и, судя по тому, с каким искренним любопытством Анью изучала осколок хаоса в его груди — она впала в детство целиком и полностью. И, хоть он и чувствовал в ней магию, вряд ли она могла сражаться и защищать себя самостоятельно.

Маленькая ладошка легла на светящийся камень и его обдало жаром. Аман вздрогнул и напряженно замер от неожиданности. Анью на мгновение притихла, ожидая дальнейшей реакции и, не дождавшись, убрала ладошку. Аман устало выдохнул и сделал было шаг вперёд, но в этот момент маленькая пакостница наклонилась и лизнула кристалл хаоса. Ощущение, будто в него попала молния, пробило всё тело. Ноги подкосились и он привалился к стене плечом. Аньюриэль испуганно пискнула и прижалась к нему. Реакция собственного тела сбивала с толку. Это прикосновение не было болезненным, скорее наоборот, но это пугало намного сильнее. Слишком ярко и остро он воспринимал её прикосновения.

— Никогда, — приглушенно зашипел Аман сквозь зубы. — Никогда больше так не делай.

— Почему?

Взгляд был предельно виноватый. Она опустила и отвела назад ушки, что придавало Анью сходство с провинившимся котёнком. Кажется, она прекрасно понимала, что, когда делает так, ругать её не сможет никто. И, вероятно, не раз пользовалась этим.

— Это как уши. Это — неприлично, — нашелся Аман.

— О! — она заметно смутилась и покраснела так, что уши почти сравнялись по цвету с волосами. — А вкус интересный...

Судя по тому, как прилила кровь к щёкам и ушам — он покраснел ничуть не меньше, чем Аньюриэль. То, что прежде Аман принимал за пробелы в воспитании, оказалось просто врождённой чертой характера. Он уткнулся носом в её макушку, прикрывая глаза и медленно вдыхая её запах. Она была рядом. Он прижимал к себе притихшую девочку, нежно, аккуратно, боясь навредить неловким движением, боясь испугать её и лишиться того тепла и света, что чувствовал в ней. Сейчас он сильнее, сейчас он единственный, кто может её защитить. Она нуждается в нём. Это чувство окрыляло, наполняло его силой. Он сможет выбраться из этого Лабиринта и выведет Анью, ведь кроме него сделать это некому.

— Ладно, пошли искать выход, — Аман посадил её себе на плечи. — Держись крепко и не падай.

— Хорошо, — Анью ощутимо вцепилась пальчиками ему в волосы и довольно болтала босыми ногами.

Он обхватил ладонями её худые щиколотки, придерживая. Было не особо удобно, но это небольшая плата за то, чтобы обезопасить осколок хаоса в своей груди от новых посягательств. Анью совершенно его не боялась, относясь скорее как к чему-то интересному, нежели демону. Та беззаботность, с которой она относилась к ситуации и то, как легко она доверилась тому, кого совсем не знала, поражала. Она нисколько не озадачивалась тем, как может быть опасно в этом месте и совершенно не боялась его, даже не смотря на то, что всё в нём говорило о том, что перед ней демон. И это было так на неё похоже...

Некоторые вещи не зависят от возраста, они просто есть.

Он неторопливо брёл по коридору, наобум выбирая направление на развилках. Ему нужно было время на то, чтобы понять, как действовать дальше. А ещё нужно было понять, как вернуть Аньюриэль прежний облик. Была определённая вероятность, что всё вернётся на круги своя, когда они выйдут из Лабиринта.

А что если нет? Что мне делать, если она не станет прежней.

Маленькая ладошка легла ему на макушку, задержалась там на несколько мгновений, словно малышка выжидала его реакцию. Аман сделал вид, что ничего не происходит. Ладонь скользнула вниз, ко лбу, затем вернулась на макушку и снова погладила его. Затем ещё раз.

— Что ты делаешь? — не выдержал Аман.

— Ты хороший, — совершенно спокойно ответила Анью, продолжая гладить его по голове.

— А гладишь ты меня зачем?

— А что, нельзя?

Нет, она не исправима...

— Можно.

Он сделал вид, что смирился, хотя врать самому себе было бесполезно. Ему нравилось. Проскользнула безумная мысль, что ему хочется, чтобы она осталась такой. Она не помнит ничего из того, что между ними было. Может это был его шанс начать всё сначала? Он мог бы попытаться найти место, где о нём никто ничего не знает, мог бы воспитать Анью, посмотреть как она вырастет, привить ей понимание о ценности жизни и уважение к другим. А ещё он бы объяснил ей, как нужно нормально одеваться, чтобы не сверкала голыми коленками. Аман поймал себя на том, что улыбается совершенно счастливой улыбкой. Было странное ощущение, что внутри него что-то стало на место.

— А куда мы идём?

— Домой, — Аман ответил совершенно бездумно, просто чтобы ответить и создать для неё уверенность, что всё под контролем.

— Если домой, то тогда нам туда, — она потянула его за левое ухо.

Аман посмотрел в боковое ответвление коридора — оно ничем не отличалось от остальных поворотов. Этот вариант не был ни лучше, ни хуже других, но его пугала странная уверенность Аньюриэль.

— Откуда ты знаешь, что нам туда?

— Сердце всегда знает, где твой дом.

В этом была вся она. Вот так просто, мимоходом выдать какую-то фразу, которая всё в нём перевернёт с ног на голову и при этом делать вид, что всё по-прежнему. Аман послушно повернул. Внутри крепло странное чувство беспокойства, но он просто верил ей. Его сердце влекло его к образу его дома. Вероятно, Анью сейчас чувствовала нечто похожее. Аман понимал, что там, скорей всего, не будет ничего хорошего, но он сможет защитить Анью, что бы там не поджидало. А ещё было откровенно любопытно узнать, что же там. Аньюриэль практически ничего не рассказывала о себе, выдавая информацию крупными порциями, предпочитая умалчивать факты о себе до тех самых пор, пока обстоятельства не вынудят рассказать.

В конце коридора оказалась закрытая дверь. Аман медленно открыл её. Полумрак коридора разорвал солнечный луч. Он открыл дверь шире. Никто не пытался напасть на них.

Он медленно вышел наружу, щурясь от яркого света. Яркая зелень травы и красивые цветы, названия которых он не знал, какие-то светлые дома с ажурными ставнями. Мостовая, выложенная светлой плиткой, неподалёку журчал фонтан. Место можно было бы назвать уютным, если бы оно не было завалено трупами. Мертвые силлины лежали прямо на дороге, сидели, прислонившись к стенам домов. Кто-то словно уснул, другие уже начали разлагаться, но все они были покрыты уродливыми красными язвами с ярко-белой окантовкой. Мертвую тишину нарушало только жужжание трупных мух. Иллюзорность этого места выдавало отсутствие запаха разложения.

Это её кошмар?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы опомниться. Он наклонился, снимая Анью с шеи и разворачивая лицом к своей груди.

— Не смотри. Не надо.

Она мелко дрожала, уткнувшись лицом ему в грудь и обхватив его руками. Кожи коснулось что-то влажное. Анью тихо шмыгнула носом.

— Не плачь. Всё будет хорошо, — он погладил её по голове и прижал к себе.

Нужно было убираться подальше от этого места. Вид вымершего города напоминал эпидемию фетранийской язвы, с которой они столкнулись в Леонхольде. Стало понятно, почему Анью была тогда такой раздраженной. После того, что ей довелось пережить в столь раннем возрасте, снова столкнуться с эпидемией. А ещё Аман помнил её рассказ о том, что именно колдовская чума оставила Анью сиротой...

Было горько от того, что ей пришлось пережить и вряд ли он что-то может сделать, чтобы защитить её от того, что уже произошло. Он не знал, что можно сказать. Обещания, что всё будет хорошо, казались пустыми. Что он знает о том, как растить ребёнка? Идея что он может позаботиться об этой малышке, которая совсем недавно пришла ему в голову, сейчас казалась по-детски наивной. Что он может дать ей? У него нет дома, он не сможет обучать её стихийной магии просто потому, что не знает ничего кроме каких-то базовых понятий. Всё, что он может ей предложить — это он сам, но для ребёнка этого недостаточно. Аньюриэль будет лучше среди таких же как она. Силлины считают детей благодатью богов и оберегают их, ведь кто-то заботился об Анью, когда она осиротела...

Он спешно шел, надеясь, что дорога приведёт его к выходу из города. Здесь не было выхода. Нужно было искать дальше. А ещё нужно было защитить девочку на его руках от вида разлагающихся тел. Дорога вела его к небольшому особняку из белого камня, окруженного высокими деревьями с белой корой и ярко-красными листьями.

— Что это? — Анью потянула за цепочку на его шее.

— Это? Это амулет.

Он совсем забыл про Кармиана. Забыл, что должен был ждать снаружи и быть маяком. Первая мысль о том, что Кармиан сможет найти их в этом месте и вывести из Лабиринта принесла облегчение. Но вот что делать, если Кармиан не захочет помогать Аньюриэль? Или, если, выйдя из Лабиринта, Анью снова станет прежней и сцепится с Кармианом? Разнять их будет не просто. Они оба упёртые и склонны решать проблемы применением силы. Думать не хотелось о том, чем может закончиться открытое противостояние между этими двумя магами.

— Он злой. Выброси его, — Анью резко потянула за цепочку, пытаясь сорвать амулет.

— Нельзя. Он мне нужен, — он выдернул кулон из маленькой ладошки.

— Он злой! — возмутилась Аньюриэль.

— Просто не трогай, — других возражений Аман не нашел.

— Мы почти пришли! Там мама с папой! — Анью, забыв про демонический кулон, заёрзала у него на руках.

— Ты тут живёшь? — Аман смотрел на особняк, но никаких признаков того, что внутри кто-то есть, не было. — Может лучше уйдём?

Где-то на уровне инстинктов он чувствовал, что там внутри их не ждёт ничего хорошего. В лучшем случае там не будет никого, а вполне возможно там тоже будут гниющие трупы. Аньюриэль проявила неожиданную вертлявость, вырываясь и убегая в сторону дома.

— Постой! Не надо!

Аман метнулся следом, поймав белянку на крыльце.

— Тут может быть опасно. Не убегай от меня!

— Но тут же мама с папой! — она обиженно надула щёчки и выпятила нижнюю губу. — Пойдём, я тебя с ними познакомлю! Ты хороший и понравишься им.

Двери особняка распахнулись, словно приглашая их внутрь. Аман с опаской заглянул в холл, ожидая увидеть мертвецов, но там было пусто. Он зашел внутрь, озираясь по сторонам и держа Анью за руку. В том, что родители Аньюриэль обрадуются знакомству с дэроном, он сомневался, но даже в столь юном возрасте она отличалась завидным упрямством. Объяснить ребёнку, что это место лишь иллюзия, вряд ли получится, а значит придётся идти дальше, пока не станет опасно.

Хозяйка особняка явно любила цветы — кадки и горшки с растениями украшали все окна и ниши в стенах. Широкая лестница вела на второй этаж. Анью потянула его за собой в распахнутые двери столовой. Аман с любопытством рассматривал мебель и интерьер. В обстановке не было того нагромождения предметов роскоши, которые встречались в особняках человеческой знати. Мебели было немного, лишь самое основное. Ножки стола и спинки стульев выделялись удивительной резьбой с растительными элементами. Высокие окна от пола до потолка наполняли комнату светом. На стенах висели портреты. На ближайшем к нему была изображена красивая силлин с серебристо-белыми волосами и знакомыми изумрудными глазами. Аньюриэль унаследовала от матери красоту — черты лица были неуловимо похожи, но взгляд отличался. Анью смотрела на мир с любопытством и своеобразным вызовом, а её мать выглядела доброй и мягкосердечной. Аман вспомнил, что эта женщина при жизни была целительницей и погибла, стараясь остановить болезнь. В горле стоял ком. Когда-то Анью вскользь упоминала о родителях, говоря, что-то вроде «это было давно» и Аман не задумывался о том, каково ей было. Почему-то он считал, что она была значительно старше, когда осиротела.

Она была совсем крохой, когда осталась одна...

— Мамочка! — Анью растерянно озиралась по сторонам. — Куда же они могли пойти?

— Думаю, здесь никого нет. Нам нужно уходить.

— Нет! — она вырвала руку. — Мамочка сказала, что сделает то, что должна, и вернётся! Она обещала!

— Послушай, — Аман опустил на одно колено, чтобы хоть немного сравняться с ней в росте. — Здесь всё не настоящее, понимаешь? Это просто иллюзия. Это не взаправду. Прошло уже много лет с той болезни. Ты просто не помнишь и поэтому кажется, что всё происходит сейчас, но это не так.

— Это не правда! — она отшатнулась от него. — Мама обещала. И папа тоже придёт.

Они не бросят меня!

— Они не придут. И нам тоже надо уходить. И нужно найти кого-то, кто позаботится о тебе, если ты не вернёшься в прежнее состояние по выходу из Лабиринта. Думаю в Берне найдется семья силлинов...

— Ты тоже! — её глаза ярко засветились от магии. — Ты тоже хочешь меня бросить!

Анью раскраснелась. Из глаз потекли слёзы. Но страшнее всего было ощущение расплывающейся вокруг бесконтрольной магии. Только сейчас Аман вспомнил, что она — стихийный маг и основная стихия Аньюриэль — огонь.

— Нет! Но пойми, я не смогу дать тебе всё, что нужно... Давай пойдём и вместе поищем твоим родителей, — попытался схитрить Аман и протянул к ней руки.

За его спиной вспыхнули занавески, следом загорелись столешница и стены. Волосы Анью, подол платья и отрезки ткани, что крепились к рукавам, трепетали в потоках магии.

— Я тебе не верю!

Она шустро проскользнула у него под рукой, забираясь под стол. Аман сунулся было следом, но она уже выскочила с другой стороны и выбежала из столовой. Он и забыл, насколько взбалмошной и быстрой она может быть. Да и привычка сбегать явно сформировалась ещё в детстве.

— Да чтоб тебя...

Он побежал следом, ориентируясь на ощущение её магии. Особняк полыхал. Пламя расплывалось с пугающей скоростью, пожирая даже то, что не могло гореть. Аман заметил волосы, яркой вспышкой мелькнувшие на втором этаже. Он в одно мгновение взбежал вверх по лестнице. Девочка забежала в одну из комнат. Он практически нагнал её, но в этот момент Анью сделала то, что не поддавалось никакому объяснению — она забежала в зеркало. Он просто не успел. Не хватило лишь мгновения. Схватил лишь подол платья. Ткань с треском порвалась. Зеркальная поверхность покрылась рябью, словно поверхность озера, в которое бросили камень. Аман сунулся было следом, но лишь столкнулся с невидимой преградой. Рябь успокоилась. Вместо его отражения стояла уже взрослая Аньюриэль.

— Анью! — он ударил кулаком в преграду. — Анью! Послушай меня, нужно уходить отсюда! Я всё объясню, только прошу тебя, выйди илипусти меня.

Она молча покачала головой. Анью смотрела на него как-то грустно. Не было во взгляде злости и презрения, которых он так боялся, только бездонная тоска.

— Послушай меня! — он колотил в барьер, пытаясь пробиться. — Я понимаю, ты злишься и имеешь на это полное право. Кричи, жги всё вокруг, только давай сначала выберемся из Лабиринта. Да хоть убей меня если тебе полегчает, но, пожалуйста, давай выберемся отсюда вместе.

Где-то за его спиной ревели пламя, пожирая особняк, но Амону не было до этого дела. Он собрал силу в кулак, ударяя в барьер. Тот не поддавался, даже не потрескался. Анью слегка наклонила голову на бок и грустно улыбнулась. Её глаза вспыхнули золотом. Она как будто знала, что все его попытки пробиться не увенчаются успехом.

— Анью!

Внутри всё похолодело — у Аньюриэль начали сесть волосы. Сперва побелела прядь у левого виска, затем симметрично справа. Между ключиц девушки появилась сеточка светящихся трещин, расплывающаяся дальше по коже.

— Нет! Прекрати! Не смей!

Её волосы практически все поседали. Кожа трескалась, как керамика. Кусочки

откладывались, обнажая бело-золотистый свет. Аман почувствовал, как по щекам текут слёзы. Он не сдерживал тьму. Бил проклятое зеркало со всей силы, пытался прорваться на ту сторону, но не добился ничего. Барьер не пропускал его. От собственного бессилия было невыносимо горько.

— Пожалуйста...

— Ты всегда был моим светом, — она ласково улыбнулась.

Поседела последняя прядь. Анью вспыхнула ярким бело-золотым светом. Барьер потрескался и рассыпался, выпуская в комнату стаю сотканых из света мотыльков. Аман потрясенно стоял на одном месте, не зная, что ему теперь делать.

Она была настоящая...

Всё потеряло смысл. Он не смог спасти её. У него больше ничего нет. Ничего, кроме клочка платья, что лежал у его ног. Он наклонился, подбирая ткань. Тонкий силлинский шелк, на котором лентами были вышиты цветы...

Настоящая...

Аман смотрел в зыбкую черноту, оставшуюся в раме. Мотыльки кружили по комнате, медленно рассыпаясь на маленькие искры света, но внутри него была лишь тьма и ощущение полнейшего опустошения. Так глупо потерять её...

Тьма перед ним пошла рябью. Из черноты появилась когтистая рука в рваной кожаной перчатке и ухватила за край рамы. Аман отступил на шаг назад, со смесью страха и неверия смотря, как из черноты вылезает он сам. Синий плащ жреца Руфеона и одежда на его отражении, если это было отражением, были забрызганы кровью. Дэрон напротив него зарычал, будто бешеный зверь, и набросился на него. Аман успел лишь немного отклониться. Когти располосовали бок. Боль оказалась вполне настоящей и мгновенно отрезвила. Тьма в его душе всколыхнулась, почувствовав угрозу. Он откинул от себя дэрона волной хаоса, но это лишь разозлило отражение.

Аман метнулся было к дверям, не желая сражаться с этой иллюзией самого себя, но отражение подскочило на ноги, отрезая ему путь к бегству.

— Я не хочу с тобой драться, — он отступил на пару шагов.

Отражение яростно зарычало в ответ. В уголках рта выступила кровавая пена. Дэрон-отражение выглядел совершенно безумным.

Враг бросился в атаку. Аман уклонился. Когти вспороли воздух у него перед носом. За первый ударом практически сразу последовал ещё один, за ним ещё. Аман отступал и уклонялся. Не было никакого желания сражаться, а вид самого себя, потерявшего разум, подчинившегося тьме, обескураживал.

Нет. Я не такой. Я не чудовище.

Аман попытался ударить в ответ. Отражение перехватило его за руку и ударило в локоть, выбивая сустав. Тут же последовал удар кулаком в лицо и, практически сразу, коленом в живот. Во рту появился мерзкий привкус крови. Волна хаоса отбросила его в сторону. Аман пробил стену и ощутимо приземлился в кучу каких-то горящих досок.

Отражение, рыча, появилось в проломе стены и тут же попыталось снова на него напасть. Аман опередил его, ударив в челюсть. Собрал магию в кулак и ударил врага в грудь, туда, где должен быть осколок хаоса. Тьма и горе в нём слились в единое желание уничтожить всё, до чего получится дотянуться. Остальное не волновало. Остальное потеряло смысл.

Два дэрона с рычанием сцепились, стараясь убить друг друга. Где-то неподалёку

обрушилась часть крыши. Особняк превратился в полыхающие руины. Вокруг них роились светящиеся мотыльки, рассыпающиеся яркими искрами в языках пламени.

Дэрону-отражению было совершенно плевать на то, что Аман наносит удары, словно у него напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения. Да и ему всё равно было, что будет дальше, он просто получал удары и бил в ответ. Они пробили стену, перекатываясь в следующую комнату, круша обстановку. Чужие когти сомкнулись на его горле, не давая вдохнуть. Аман вяло отбивался. В глазах медленно темнело. В ушах зашумело. Пространственную магию он уловил лишь краем сознания. Что-то отбросило от него врага. Аман судорожно вдохнул. Кармиан схватил его под локоть, вздергивая на ноги. Дэрон зашипел от боли — сустав ещё не до конца восстановился. Он попытался вырваться, но Кармиан схватил его за ворот плаща, дернув назад, словно хозяин пса за ошейник.

— Я тебе что сказал? — выглядел демон очень недовольным.

— Я услышал, как плачет ребёнок, — попытался оправдаться Аман.

— Великолепно, — Кармиан взмахнул рукой, открывая новый портал и пихая его в багряную воронку.

Аман вывалился из портала посреди кабинета Кармиана. Потребовалось ещё несколько мгновений, прежде чем он понял, что это реальность. Он тяжело дышал, стараясь успокоиться. Следом появился Кармиан, неся стопку каких-то книг. В комнате пахло старой бумагой и серой. Реальность ударила в сознание обилием звуков и запахов. Он растерянно озирался по сторонам, не зная, что теперь делать.

— Радуйся, что у меня всегда есть запасной план, глупый дэрон, — демон положил книги на стол. — Впрочем, это было вполне ожидаемо. Можно забрать монашку из Ордена, но забрать Орден из монашки не получится.

— Я не монашка! — огрызнулся Аман.

— Когда я сказал тебе, что Лабиринт заманивает всякого, кто оказался рядом, ты о чём подумал? Впрочем неважно, запасной кристалл лежит в столе, да и зрелище того, как ты пытаешься придушить сам себя, меня позабавило. Столько экспрессии и неприкрытой ярости...

— Мне не особо понравилось, — проворчал Аман, аккуратно касаясь зарастающих следов от когтей на своём горле. — Ты нашел то, что искал?

— Как видишь, — Кармиан кивнул на стопку книг.

— Ты пошел в Лабиринт за книгами? Я думал, ты искал там какое-нибудь магическое оружие.

— Глупый маленький дэрон, — Кармиан улыбнулся почти по-доброму. — Книги — лучшее оружие в мире. Как там говорят в том Ордене? Знания — настоящая ценность или что-то вроде того. Иди к себе. Тебе следует отлежаться, пока раны заживают. Надеюсь, это будет тебе полезным уроком и в следующий раз ты будешь внимательно прислушиваться к тому, что я тебе говорю, маленький наивный дэрон.

Сил спорить не было. Аман молча развернулся, покидая кабинет Кармиана. Комната не сильно изменилась за время его отсутствия. Книги и писчие принадлежности лежали так же, как и когда он уходил. Нетронутая постель, кресло, камин, окно занавешено плотными шторами, не пропускающими никакой свет. Пустота в груди невероятно давила на сердце. До чего же глупо и бессмысленно всё, что он делает... Всё его существование лишено смысла. Внезапно он понял, что всё ещё сжимает что-то в кулаке — клочок голубой ткани, на котором лентами были вышиты какие-то цветы. Он поднёс лоскут к лицу, медленно

вдыхая. Сквозь терпкий запах его крови пробивался сладковато-мускусный аромат, оставшийся на клочке ткани.

Она была настоящая...

Колени подогнулись и он рухнул на пол. Не было слёз, лишь глухая чернота внутри, медленно пожирающая его. Аман прижимал лоскут к груди. Такая малость, но это всё, что у него осталось. Не хотелось верить в то, что это правда, что Анью просто исчезла, выгорела и рассыпалась, а он просто стоял и смотрел, не в силах помешать этому.

Несколькими этажами выше искривилось пространство и башню потряс оглушительный женский вопль. Раздался грохот и звон, словно гостя принялась крушить обстановку, обвиняя Кармиана во всех возможных грехах.

— ... и ещё эта остроухая тварь! — донеслось сверху.

Аман замер. Сперва шум не волновал его, принятый за личные разборки Кармиана с женщиной, но теперь он весь напрягся вслушиваясь. Он не слышал, что ответил Кармиан, но женщина расвирепела ещё больше.

— Эта выскочка! Если бы не они, Руфеон их задери, Ковчег был бы у меня в руках. А в итоге пришлось уносить ноги от Рунаана и этого Вэя! Я бы справилась, будь там только наследник эсдо! Но эта остроухая дрянь его освободила!

Он даже не обратил внимания на то, что демоница, всё же у Кармиана других посетительниц не могло быть, весьма странно ругается, упоминая Руфеона. В нём зародилась какая-то ненормальная надежда на чудо. Кто ещё мог встать между демонами и осколком Ковчеха? Кто-то, отличающийся формой ушей. Чем больше неизвестная гостя орала, тем крепче становилась в Амани уверенность, что та встретила именно с Аньюриэль. К его огромному сожалению, демоница лишь яростно ругалась, не давая никакой ценной информации о случившемся, и очень быстро переключилась с неизвестной остроухой чародейки на наследника эсдо Сиена, который не только испоганил все планы поиска Ковчеха в Аньшу, но и натравил на демоницу Хранителя.

Казалось, что этот поток ругательств никогда не прекратится, но пространство снова исказилось и гостя удалилась. Аман нерешительно мялся на одном месте. Он должен узнать хоть что-то. Поразмыслив немного, он спрятал лоскут ткани в карман и отправился к Кармиану, находу придумывая причину.

Демон неторопливо приводил обстановку кабинета в порядок. Посреди комнаты в кучу были собраны осколки посуды и бутылок, а также пара сломанных кресел, которые уже не подлежали ремонту. Аман поднял с пола какую-то книгу, кладя её на стол на стопку других. По кабинету витал едкий запах алкоголя. На полу обнаружилось несколько капель чёрной крови, хотя Аман ожидал увидеть больше — видимо не так уж и сильно пострадала гостя Кармиана.

— Подумал, тебе может понадобится помощь.

— Белакис следовало бы прикладывать столько же упорства в достижение своих целей, а не в разгроме моего кабинета. Глядишь, не пришлось бы оправдываться перед Казеросом. Её самолюбие пострадало в разы больше, чем она сама, а воплей столько, что уши закладывает, — Кармиан с тоской осмотрел горловину от какой-то бутылки и кинул её в кучу. — Это был отличный эль, триста лет выдержки. Я даже не попробовал...

— Вторжение в Аньшу прошло не так хорошо, как планировалось? — Аман старательно держал на лице безучастное выражение.

— Хочешь знать подробности, маленький любопытный дэрон?

— Твоя гостья была весьма шумной, — он неопределённо пожал плечами.

Кармиан улыбнулся, взмахивая жезлом. Влажные пятна на стенах и полу исчезли. Осколки и прочий мусор отправились в корзину для мусора. Огонь в камине снова ярко вспыхнул.

— Так зачем ты пришел, Аман?

— Хотел попросить у тебя книги. Ты говорил, что читал про Лабиринт. Ты ведь уже нашел то, что искал, а значит они не нужны тебе.

— А тебе они зачем? — демон выудил из стопки пару ветхих фолиантов, протягивая ему.

— Хочу понять, что я видел, — честно ответил Аман, разворачиваясь к дверям.

— Она вполне себе жива, — насмешливо проговорил ему в спину Кармиан. — Не пытайся обхитрить меня, маленький дэрон. Лжец из тебя весьма посредственный. Ты пришел, потому что хотел узнать, в порядке ли твоя остроухая подружка.

Он молча вышел из кабинета.

— Она отлично справляется без тебя и уже обзавелась новыми друзьями, — донеслось вслед.

Отпираться было бессмысленно. Удивительно было бы, если бы Кармиан не догадался о его мотивах. Впрочем, он получил то, что хотел. В груди появилась удивительная лёгкость от осознания того, что она жива, и в тоже время было горько принимать тот факт, что он ей не нужен...

Анью в порядке. Она жива. Она в Аньшу. У неё есть те, кто её поддерживает.

И всё же сердце неприятно ныло. Было обидно, что так быстро нашелся кто-то, кто занял его место. Прежде ему хотелось верить, что защитить эту безумную чародейку под силу лишь ему, но мироздание жестоко посмеялось над его тщеславием. Прошло ведь не так много времени, а у Анью уже появились новые товарищи...

Он спускался по лестнице и старался отогнать эти мысли, но воображение упорно подкидывало ему образы, как кто-то другой будит её по утрам и слушает это милое ворчание на смеси языков. Кому-то другому она улыбается по вечерам, сидя возле костра. К кому-то другому подходит, чтобы уткнуться лбом в грудь, когда ей грустно и нужна поддержка.

Последнее особенно разозлило, всколыхнув волну злости. Этот её жест воспринимался им, как нечто интимное, что было лишь между ними. Никогда Аньюриэль, на его памяти, не прижималась так к Силлиану. Что-то тёмное и ужасающе злобное внутри распускалось, разъедая его изнутри.

Осколок хаоса в груди ярко вспыхнул, отзываясь на вспышку эмоций, а глаза неприятно защипало. Аман вспомнил, как маленький тёплый язычок касается кристалла в его груди. Ярость переродилась смущением и каким-то странным чувством, что волнами жара разливалось по телу. Мысли стали путаться в голове, дыхание сбивалось.

Девочка не давала ему покоя. Кто она? Почему так невероятно похожа на Аньюриэль? Аман всё ещё не до конца понимал, что он видел, но точно знал, что это всё было реально. Он спустился в свою комнату, зажег свечи и раскрыл книгу, принимаясь за чтение. Он должен был разобраться с тем, что видел.

Кожа в тех местах, где его ранили, начала неприятно зудеть из-за регенерации. Он, не глядя, провел ногтями по руке, стремясь успокоить зуд и не заметил, как содрал засохшую корку. Проступившая кровь привлекла его внимание. Аман, словно замороженный, смотрел, как скатывается и падает вниз капля красной крови. Красной человеческой крови...

*Сколько лет пройдёт вспомнишь или нет,
Время не соврёт и ты ждёшь ответ.
Что там за чертой? Свет чернее тьмы?
Ярче света тьма, вечно дует ветер.
Манишь за собой, только кто же ты
Воплощение зла, или ангел светел?*

Ясвена — Черта

Это произошло много лет назад. Однажды, одним солнечным утром, у дверей храма нашли свёрток, в котором мирно спал ребёнок. Маленький мальчик сонно посапывал и посасывал палец. Внутри мальчика спала тьма... Не потребовалось много времени, чтобы монахам стало известно, что за дитя им подкинули. Стоило младенцу проснуться и заплакать, как его глаза вспыхнули алым. От него должны были избавиться. Это было бы правильно. Ведь убивать демонов правильно. Но Сиен вмешался, взяв ребёнка под свою ответственность. Никто не решился с ним спорить. Так ребенок-дэрон стал воспитанником самого эсдо.

Вэй рос в храме Рунаана вместе с другими сиротами. Годы после Второго Вторжения были отнюдь не безрадостными. Мир был разорён. Не обошли разрушения и Аньшу. Не осталось городов, полей, садов. Всё приходилось восстанавливать или строить с нуля и, тем не менее, у него было вполне обычное детство. У него была крыша над головой, еда и одежда. Часто Вэй, вместе с другими мальчишками, играл во вторжение демонов во дворе храма. Порой эсдо Сиен приходил по вечерам и сидел на ступенях, наблюдая за их вознёй.

Когда Вэю исполнилось десять лет, эсдо сказал, что забирает его в качестве ученика. Это был самый счастливый день в его жизни. Вэй знал, что сирота, но в тот день у него появился наставник, которого он втайне называл отцом. Особенно Вэю нравилось, что у него такая же белая прядь у лба, как у мастера Сиена и это делало его чуть более похожим на эсдо, выделяя среди остальных учеников. Долгое время Вэй не знал о том, кто он такой. Наставник называл тьму внутри него Зверем.

Он всегда был на особом счету у мастера Сиена. Великий эсдо уделял ему в разы больше времени и внимания, чем остальным своим ученикам и последователям и Вэй, старательно это скрывая, гордился этим и считал себя особенным. В какой-то мере так оно и было. Сиен часто брал его с собой в горы, но не тайные боевые техники они разучивали, а медитировали и разговаривали. Эсдо рассказывал ему обо всём и ни о чём одновременно. О жизни и смерти, о Свете и Тьме, о том, как важно постичь внутреннюю гармонию и отказаться от искушений.

Всё, что показывал ему Сиен, было направлено на то, чтобы удержать внутреннего Зверя в клетке. Это было их игрой. Если Вэй справлялся, то Сиен хвалил его. Этой наградой было более чем достаточно. Если же Зверь вырывался, то Вэй больно получал от мастера, хотя никогда не помнил подробностей. Сколько он не пытался вспомнить, что происходит, когда Зверь побеждает, была лишь чернота.

— Сила произрастает из слабости, а достоинства — из страхов, — говорил Сиен
Вэй слушал, кивал, запоминал. Он не всегда понимал что именно хочет сказать ему

эсдо, но старался не разочаровать опекуна. Он всеми фибрами души восхищался наставником и мечтал однажды стать таким же, как Сиен — не просто сильным воином, а настоящим героем, победителем демонов. Однажды он даже поведал об этом Ханбеку, своему лучшему другу, но тот лишь посмеялся и сказал, что для того чтобы стать эсдо, надо прикоснуться к божественной силе Первозданного Света, а безродному мальчишке, вроде Вэя, никогда не стать героем.

Сиен нашел его в заброшенной лесной лачуге. Уже стемнело и Вэй сидел на крыльце, смотря на звёзды. Слезы уже закончились, но лицо всё ещё было раскрасневшееся. Сиен ничего не сказал о его бегстве, просто сел рядом.

— Мастер, я правда не смогу стать таким же сильным, как вы? — решился задать вопрос Вэй.

— Не станешь, — Сиен кивнул. — Ты станешь сильнее. Однажды. Но для этого тебе придётся подниматься чаще, чем падаешь.

И Вэй поднимался. Падал и поднимался снова, день за днём оттачивая навыки. Их дружба с Ханбэком переросла в соперничество, а потом и в тихую вражду. Ханбэк обвинял Вэя в том, что Сиен тренируется с ним отдельно, а не как с остальными учениками. Ответить Вэю было нечего — Сиен строго настрого запретил рассказывать кому-либо об их тренировках или внутреннем Звере. И Вэй молчал, даже не смотря на то, что это молчание стоило ему друга.

Сиен никогда ничего не делал просто так. Это Вэй знал наверняка. Великий эсдо никогда не сидел без дела. Аньшу активно развивался. Строились новые храмы и школы. Лучшие из последователей Сиена основали Белый лотос и Алюю хризантему. Сиен принял участие в строительстве обеих школ, а Вэй, как и остальные ученики эсдо, изо всех сил помогали. Жизнь казалась прекрасной. Даже голос Зверя внутри стих. Хотелось верить, что так будет всегда. Но у судьбы были другие планы...

Однажды Сиен позвал их с Ханбеком с собой в Мглистые кряжи. Они с опаской смотрели на круг Двух Начал. Входить в это место силы решались лишь лучшие из мастеров, но не все смогли пройти испытание Стража. Вэй боялся, что не справится. Но не неудача пугала его а то, что Сиен в нём разочаруется. Однако, не такое испытание приготовил для них Сиен.

Когда эсдо извлёк Ковчег из своей груди, Вэй не смог найти в себе слов. Просто смотрел на частицу Первозданного Света. Казалось, что это должно быть что-то огромное и могущественное, но сияющая мягким, голубым светом, сфера помещалась у Сиена в руке.

— Я оставлю Ковчег в Колодце Двух Начал и запечатаю его, — сказал Сиен. — Я хочу, чтобы вы оба, мои лучшие ученики, стали стражами этого места.

— Мастер, неужели вы не оставите осколок своему преемнику? — изумился Ханбэк.

— Эта сила была дарована мне для победы над демонами. Для этой цели она и будет храниться в Колодце.

Ханбэк не принял решение мастера. Могущество Света ослепило его. Словно обезумев, стал он жаждать этой силы. Разочаровавшись в учении, Ханбэк покинул школу. Никто не знал, куда тот отправился. Поговаривали, что он сел на какой-то корабль и уплыл из Аньшу. Уход Ханбэка оказался не единственным последствием. Сиен стал задумчивым. Временами он подолгу бродил в горах один. Вэй молча следовал за мастером на почтительном отдалении, чтобы не мешать его размышлениям. Хотелось помочь, но он не знал, что может сделать в этой ситуации.

Однажды ранним утром Вэй застал Сиена за сборами.

— Что-тостряслось, мастер? Вы уезжаете?

— Я увезу Ковчег из Аньшу.

— Но как же...

— Жажда обладать Первозданным Светом терзает сердца многих. Ты видел, во что превращаются те, кто попадает под чары руфенитов?

— Они становятся одержимы камнями, — кивнул Вэй.

— А Ковчег в разы могущественнее. Я не могу оставить его здесь.

— Я поплыву с вами...

— Нет, — отрезал Сиен. — Я поплыву один. Никто не должен знать. На севере есть пустыня. Там никто не живёт. Там Ковчег будет в безопасности и никому не навредит. А ты, как мой первый ученик, останешься здесь и будешь защищать Аньшу.

И Сиен уплыл, забрав с собой силу Первозданного Света. Вэй остался выполнять его обязанности. За суетой и хлопотами время текло незаметно, пока однажды его не вызвали в маленькую деревушку, где появился демон. Туда же прибыл Веньян — мастер Белого лотоса с несколькими учениками — желал показать им фетранийское отродье. Староста объяснил, что монстр разорвал нескольких детей и сбежал в горы.

Вот только вместо ужасного демона они нашли всего лишь маленькую девочку. Та испуганно забила в пещеру, рычала как загнанный зверь и сверкала из темноты алыми глазами. В этом рычании не было слышно злобы, скорее страх. Она боялась их... Его Зверь, впервые за долгие годы, пробудился, реагируя на её зов.

Дэрон. Тогда он впервые узнал, кем является. Веньян объяснил ученикам, кто такие и как появляются дэроны, прежде чем переломить девочке хребет. Её испуганный вопль ещё долго стоял у него в ушах. Вэй выскочил из пещеры и его долго рвало в кустах.

— Первый раз видишь фетранийское отродье? — мастер Лотоса похлопал его по плечу. — Не понимаю, почему Сиен не брал тебя на зачистку раньше? Эти твари сейчас повсюду рождаются. Проклятая Красная луна...

У него внутри всё сжалось. Сиен знал, кого приютил и взял на воспитание. Его наставник, как оказалось, регулярно убивал проклятых детей и скрывал это от него. Вэй не знал, что ему делать. Он шел через деревню, а сердце сковало ужасом, ведь если узнают, что он такой же, как та девочка... Если узнают, что он — фетранийское отродье, то его убьют. Возле дороги, ведущей в город, местные жители повесили мать девочки. Такое наказание ждало всех, кто укрывал дэронов.

Вэй сбежал из школы, никому ничего не сказав. Он бродил по горам, сторонясь людей. Тревога и страх медленно расшатывали клетку, в которой сидел Зверь. Он не понимал, почему Сиен спас его, не понимал, почему тот долгие годы скрывал правду, не понимал и не знал, что делать дальше. Нужно было бежать. Бежать туда, где нет людей. Но для этого ему нужно было нанять корабль. Оказаться среди людей было страшно. Вэй не знал, чего он боится больше: того, что в нём распознают демона или того, что он может напасть на кого-то. Кроме того, даже если он сбежит из Аньшу, ему никогда не сбежать от самого себя.

Сиен нашел его спустя пару недель скитаний по пещерам. К этому времени Вэй уже изрядно увяз в пучине собственной тьмы. Эсдо выглядел уставшим и осунувшимся. Седая прядь у лба стала шире. В бороде тоже прибавилось седых волос.

— Ты не должен был этого видеть, — Сиен сделал шаг.

Казалось, что внутри что-то разорвалось. Вэй кричал, не отдавая себе отчёта в том,

какие слова срываются с его губ. Сиен слушал этот поток брани молча, не перебивая, лишь мрачнел от каждого услышанного слова.

— Ты никому не сказал кто ты? — дождавшись, пока он выговорится, спросил Сиен.

— Не сказал, что я — демоново отродье?!

Ярость и тьма заволокли сознание. Вэй не мог вспомнить, что произошло дальше, сколько не пытался. Он просто открыл глаза, а Сиен уже лежал на земле. Мёртвый. В ужасе от того, что сотворил, Вэй бросился прочь.

Спустя несколько дней его, истощенного и перепуганного, нашел мастер Лотоса. Вэй думал, что его сейчас убьют, но Веньян пришел, чтобы сообщить скорбную новость о том, что эсдо Сиен погиб в горах. Вэй слушал, что ему рассказывали и неверяще смотрел в ответ. Оказалось, что Сиен давно был болен, но скрывал от всех, кроме самых верных своих последователей, тех, кто прошел с ним через ужасы Второго Вторжения. Тогда Сиен отважно сражался с Иллиаканом — владыкой скверны. Демон распространял вокруг себя жуткие миазмы, от которых заболело и гибло всё живое вокруг. Именно тогда, вероятно, Сиен и подхватил свою хворь. Никто из лекарей и целителей не мог вылечить его. Могучая ки и корень тысячелетника помогали сдерживать болезнь, но она медленно подтачивала великого воина. Именно поэтому эсдо озадачился тем, что должен уберечь Ковчег. Путешествие Сиена заняло больше времени, чем тот рассчитывал, и запасы корня подошли к концу прежде, чем он вернулся. Болезнь стала распространяться быстрее.

— Судя по всему, — продолжал рассказ Веньян. — На него напал дикий зверь. Мы погребли тело Сиена в храме Рунаана в Тихой обители...

Вэй не мог понять, почему мастер не понимает, что это он — убийца. Происходящее казалось каким-то театром абсурда. Вместо того, чтобы убить его на месте, Веньян сочувствовал его потере.

— Я не знаю, что у тебя тут за тренировка, но на пользу она тебе не идёт, — мастер Лотоса поднялся с камня на котором сидел. — Возвращайся в Тихую обитель. Ты — первый ученик эсдо, наследник Сиена, и ты должен занять его место.

— Нет! — Вэй подскочил на ноги. — Я не достоин этого!

Веньян не смог его отговорить. Вэй выбрал жизнь изгнанника, не желая возвращаться в храм. Годы шли, а он практически не постарел. Лачуга, куда он прежде сбегал в детстве, стала его пристанищем. Облетала листва с деревьев, вершины гор накрывали снежные шапки, а в долины спускались туманы. Потом тепло Солнца растапливало льды, распускались прекрасные цветы, но у него внутри по прежнему всё было сковано льдом. Вэй не стремился к теплу. Корка льда скрывала под собой его Зверя, его тьму.

Всё изменилось в один зимний день. Он услышал испуганный крик женщины и что-то внутри отозвалось. Вэй не смог остаться в стороне и бросился туда, откуда донесся звук. Горный лев уже терзал тело. В воздухе терпко пахло кровью.

Зверь вырвался из-под контроля. Вэй долго не мог понять, как так получилось, но он смог сохранить сознание, даже не смотря на то, что стал дэроном. Он убил льва и лишь потом услышал тихий плач — женщина закрывала своим телом младенца. Маленькая девочка, замотанная в тряпки, прекратила плакать, стоило ему взять её на руки. Малышка улыбнулась и протянула к нему руки. Лёд в душе пошел трещинами.

Он оставил девочку в деревне неподалёку. Выбрал хорошую, обеспеченную семью, и оставил свёрток на крыльце. Ночами Вэй смотрел на звёзды и вспоминал её удивительные карие глаза и улыбку. Девочка не испугалась, а смотрела с любопытством. Она не понимала, кто перед ней и улыбалась ему совершенно искренне.

Вэй бродил по Аньшу, изредка помогая тем, кто в этом нуждался, но всё равно старался избегать людных мест и не называл имени. Люди были благодарны ему, а в груди появилось приятное чувство. Он поступал правильно. Делал то, чему учил его Сиен, и это наполняло жизнь смыслом.

Девочка росла. Вэй изредка наблюдал из леса за тем, как она играет с другими детьми в поле. Видеть, что она счастлива и здорова, было приятно. Это тепло растекалось в груди, незаметно растапливая лёд. Потом у девочки проявился дар и жрицы Рунаана забрали её на обучение. Вэй перестал приходить в деревню. Его маленькой подопечной там больше не было, она переехала в Лазурную гавань и жила с другими жрицами в храме Рунаана. Был одновременно радостно и грустно, но он смирился, продолжая жить в Тихой долине и изредка путешествовать по Аньшу, узнавая от странников и торговцев о происходящем в мире.

Однажды, вернувшись после очередного странствия, он вновь увидел её. Вернее, сперва он услышал жуткий грохот и крики. Оказалось, что жрицы Рунаана решили построить в Тихой долине ещё один храм и перенести туда резиденцию. Тихая долина перестала быть тихой. Он собирался было собрать пожитки и найти себе новое место для жизни, но увидел её. Она парила в небе. Прекрасная и свободная как птица. Вэй не знал, сколько времени прошло, он не считал годы, но из очаровательной девочки она стала прекрасной женщиной. Трещины во льдах его души стали глубже.

Она облетала долину дважды в день: на рассвете и на закате. Это был её особый ритуал. Суть этого действия Вэй не понимал, но у него был свой ритуал. Если он не отправлялся в путешествие, то каждый день, на рассвете и закате он наблюдал за тем, как жрица облетает долину. Делал он это как можно незаметнее, чувствуя себя каким-то воришкой, крадущим мгновения её уединения.

Так шло время. С обжитого места Вэя не согнали даже обосновавшиеся в долине панфуцианцы. Тихая долина стала самым шумным местом в Аньшу, после Лазурной гавани. Вечные перебранки панфуцианцев с лунными девами, шум колоколов, вопли оборотня Гарудала, вопли жриц, за купанием которых подсматривал этот оборотень... Это и многое другое теряло свою значимость, стоило ему увидеть её статный силуэт в небе.

Спокойствие закончилось. Демоны, до поры до времени скрывавшиеся в тенях, начали действовать. Он не мог не вмешаться. Сиен просил его оберегать мирную жизнь народа Аньшу и Вэй откликнулся на просьбу посредницы о помощи...

Эльфийка, сопровождавшая Лан Роу, смотрела, не скрывая подозрений, стоило ему приблизиться. Казалось, она видит его насквозь. Он боялся, что она может распознать в нём дэрона, и всё равно не мог не вмешаться, когда демоны напали на Лазурную гавань. Его жрица была там. Прежде чем отправиться вместе с посредницей и эльфийкой в погоню, Вэй обернулся, желая убедиться что с ней все хорошо. Их взгляды встретились. Его жрица была в окружении соратниц, целая и невредимая. Зверь требовал остаться, быть рядом и рвать демонов, но долг требовал остановить того, кого когда-то Вэй считал другом.

В свою хижину Вэй вернулся словно побитая собака. Эльфийская чародейка не просто спасла его, она вступилась, защищая его от Лан Роу. Но Вэй понимал, что Аньюриэль дала

ему лишь краткую отсрочку от казни. Прикормленный с прошлой зимы бурундук встретил его недовольным треском и писком. С животными общаться ему было проще, чем с людьми. У них не было предрассудков относительно дэронов...

На закате Вэй был в своём убежище, но она не появилась. Храм пустовал — жрицы всё ещё были в Лазурной гавани. Он понимал, что сегодня её не увидит, но все равно ждал неизвестно чего. В лачугу Вэй вернулся уже после заката. Казалось, что сюрпризы закончились, но Аньюриэль умудрилась заявиться к нему в гости верхом на Рунаане. Лучше бы она убила его. Ведь её слова подарили ему надежду. Надежду на то, что кто-то сможет принять его несмотря на то, кто он есть. Появилась надежда, что кто-то сможет полюбить такого как он. Ведь любила же эльфийка того дэрона. Истончившуюся корку льда в его душе смело волной пламени и Вэй ничего не мог с этим поделать. Оттого ещё сложнее было принять факт неминуемой гибели.

Жрицы вернулись в Тихую долину пару дней спустя. На закате она облетала долину, а Вэй наблюдал, прячась за деревьями. В багряном свете заката она была особенно прекрасна и чарующе недосыгаема. Если бы он не был чудовищем... Возможно тогда он мог бы развить в себе дар оборотня. Он бы стал птицей, чтобы лететь рядом с ней. Но не все мечты сбываются. На крыльце лачуги его уже поджидала Лан Роу. В черненном лезвии цзы, что лежало рядом с ней, отражался рожок убывающей луны. Бурундук сидел на плече посредницы и с удовольствием угощался орешками.

— У него лапа перебитая. Сам не выживет, так что забери с собой, — попросил Вэй.

— Зачем мне бурундук? Сам выходил, сам и корми, — Лан Роу непонимающе смотрела в ответ.

— Ты же убивать меня пришла.

— Вообще-то, — воительница сняла зверька с плеча, пересаживая к себе на колени. Бурундук перевернулся на спину, подставляя живот, чтобы его почесали. — Я пришла поговорить. Аньюриэль вступилась за тебя и взяла с меня слово, что я тебя не убью. По крайней мере, пока ты никому не угрожаешь.

— Вот как... — растерянно пробормотал Вэй.

— О чём вы разговаривали? В ней что-то изменилось после разговора с тобой. Я проверила — её ки успокоилась.

— Ты пришла, чтобы узнать такую ерунду?

— Рунаан поручил мне позаботиться о ней и привести к гармонии. Я практически всё время была рядом, но раскрылась она тебе. Почему? — Лан Роу прожигала его взглядом.

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Потому что сам не понимаешь причины? — воительница смотрела так пристально, словно надеялась что, сможет заглянуть в душу. — Нет... Ты знаешь наверняка. Но не хочешь говорить мне.

— Это не моя тайна. И раз эльфийка не рассказала тебе, то и я не стану, — Вэй покачал головой.

В звенящей тишине их взгляды столкнулись. Вэй был полон решимости стоять до конца. Эта странная эльфийка вступилась за него. Он понимал, что у Аньюриэль была своя причина для такого поступка, но она подарила ему надежду. И именно поэтому он не раскроет её тайну.

— Что ж, стоило попытаться, — она пересадила бурундука на крыльцо и поднялась, закидывая цзы на плечо. — Буду присматривать за тобой. Дашь хоть один намёк на то, что

Тьма в тебе пересилила Свет — убью не раздумывая.

Воительница прошла мимо него. Сомнений в том, что посредница исполнит свою угрозу при первом удобном случае, не было. И тем не менее, он получил отсрочку. Затихал в ночи звук шагов, а Вэй всё ещё стоял на месте, словно прирос. В груди расплодилось странное тёплое чувство, название которому он всё никак не мог подобрать. Ему было почти пятьсот лет, но он словно начал жить только сейчас.

В горах в это время города было прохладно даже днём. Вершина была усыпана снегом. Вэй оглянулся на долину. Из рта вырвалось облачко пара. Он не мог толком понять, почему пришел в это место. Сиен часто приходил сюда медитировать. Вэй выбрал тот же уступ, где когда-то сидел эсдо и закрыл глаза.

Вэй обратил сознание вглубь себя, как обучал его когда-то Сиен. Зверь ждал. Бродил у границы сознания, выбравшись из своей пещеры. Когда-то давно именно там он запер свою Тьму, перегородив выход. Два кроваво-алых глаза уставились на него из клубящейся тьмы. Вэй мрачно смотрел в ответ. Однажды ему удалось запереть Зверя в клетке и сейчас он собирался снова это сделать.

Тьма ерошилась и рычала, словно чувствовала его решимость. Вэй медленно выдохнул и так же медленно вдохнул, концентрируясь и направляя ки. Он шагнул навстречу Зверю. Тьма взревела, бросаясь в ответ. Вэй ударил первым. Зверя отбросило вглубь, во тьму.

— Ты никого больше не убьёшь, — он шагнул следом, готовый сражаться до конца.

Его тело неподвижно сидело на камнях в позе лотоса. Он не замечал ни пронизывающего ветра, ни затянувших небо облаков. Сознание Вэя, его душа и воля сражались с внутренней тьмой.

Он метнулся вперёд, подпрыгивая и атакуя Зверя сверху. Ключья тьмы, будто брызги крови, разлетались во все стороны. Зверь бросился в сторону пещеры, стремясь сбежать. Вэй преградил ему дорогу.

— Никуда ты не уйдёшь! — его ноги скользили по чему-то, похожему на каменное крошево.

Всё тело напряглось, словно он и вправду пытался удержать нечто огромное. Вэй собрал ки, откидывая от себя Зверя. Тьма рвалась и рычала, пытаясь ударить в ответ. Человек и Зверь бросились друг на друга. Вэй ударил ки, Зверь вцепился клыками ему в плечо. Боле казалась вполне реальной, но он даже не вздрогнул. Вэй вложил огромное количество ки в атаку. Тьма разлетелась во все стороны. Зверь взвыл, будто раненая кошка. Одновременно с этим яркая вспышка боли пробила бок, словно он ударил не Тьму, а самого себя. Секундная заминка позволила Зверю сбежать в пещеру.

Вэй колебался лишь мгновение и последовал за ним. Пещера зверя выглядела как настоящая. Тьма сплела в глубине его подсознания настоящее логово. Зверь был в самой глубине. Тварь угрожающе рычала. Сверкали в темноте алые глаза чудовища. Вэй замер. Где-то там, в глубине памяти, всплыл образ девочки-дэрона. Девочки, которая старалась спугнуть их рычанием, потому что сама была напугана до ужаса. Девочки, в которой сидел такой же Зверь, как и в нём самом.

— Ты боишься меня, — Вэй сел на каменный пол.

Зверь притих, наблюдая за ним. Они смотрели друг другу в глаза, изучая, будто впервые

встретились. Человек и Зверь, две части одного целого.

— Убить тебя я не смогу. Ты — часть меня, — Вэй устало покачал головой. — И ты не сможешь убить меня.

Зверь что-то буркнул. В боку неприятно колело. Тьма на боку Зверя свисала ключьями.

— Но я больше не стану убивать. Я хочу жить нормально. Жить как все. И ты, если не хочешь снова оказаться взаперти, подчинишься мне. Я сильнее. Человеческого во мне больше, нежели тьмы. Выбор за тобой.

Зверь выполз из темноты. Медленно, аккуратно Тьма приблизилась к нему и положила голову рядом, смиряясь и принимая его главенство. Вэй аккуратно коснулся Зверя, поглаживая его по голове. Впервые за долгие годы в его душе наступил мир.

Прежде здесь была школа, где эсдо Сиен обучал новое поколение воинов. Люди называли эту школу — Путь звезды. Сиен только усмехался в ответ. Он делился знаниями и навыками и не придавал значения таким мелочам, как названия. Сейчас в храме Руфеона жили только несколько старых монахов, присматривающие за святилищем и усыпальницей великого эсдо.

Вэй, под покровом ночи, пробрался в храм. Монахи уже разошлись по своим кельям. Он тенью проскользнул через двор к усыпальнице и вошел внутрь. Помещение освещала одинокая свеча. Возле каменного саркофага стояла статуя Сиена. Вэй растерянно смотрел на каменное изваяние поражаясь тому, как неизвестный скульптор передал сходство с оригиналом. Эсдо смотрел на него хмуро и внимательно. Та самая, до боли знакомая, морщина между бровями, слегка растрёпанные волосы и небрежная одежда. Мраморный Сиен выглядел почти таким же, как в жизни.

— Мне следовало прийти сюда раньше, — смущенно пробормотал Вэй. — Наверное, на пару столетий раньше... Но я принёс тебе... Вот, тебе оно нравилось.

Он поставил рядом со статуей бутылку сливового вина. Почему-то говорить с каменным Сиеном оказалось проще, чем с саркофагом, хранившим его останки. И всё же было как-то неловко, а чувство вины за содеянное грызло изнутри.

— Ты даже не представляешь, как мне жаль. Я так виноват перед тобой... И не в силах исправить. Но я забочусь об Аньшу по мере сил. Берегу твоё наследие. Не так, как ты, наверное, хотел, но я справлюсь.

Ему никто не ответил. Впрочем, ответа Вэй и не ждал. Тихо трещал огонёк свечи, бросая на статую и стены трепещущие тени. Было непонятно, кому пришла в голову дурацкая мысль оставить саркофаг в помещении. Сиен всегда любил горы и простор. Оставлять его в каменной клетке казалось неправильным.

— Да, стоило всё же прийти на похороны... — Вэй покачал головой. — Я пойду, пожалуй. Просто зашел сказать, что у меня всё хорошо. Я наконец-то обрёл внутреннюю гармонию... Обещаю заходить чаще.

Он неторопливо пошел к выходу. Странное чувство, что прежде давило на грудь, стало немного легче. Уже у самых дверей Вэй обернулся.

— Спасибо, что подарил мне этот шанс, — прошептал он.

Показалось, что статуя Сиена ему улыбнулась, но, возможно, это просто так легли тени от свечи.

От автора:

Что если бы Акрасия была обычным миром без магии, похожим на наш? Не нужно искать Ковчег, не нужно спасать мир от демонов. Можно просто жить обычной счастливой жизнью, что и делают герои. Они о чём-то мечтают и загадывают желания под бой курантов. Вот-вот наступит Новый Год, а наглая рыжая морда уже примеряется к ёлке...

Новогодний бонус к истории

Силлиан аккуратно припарковался во дворе высотки и начал лазить по карманам куртки в поисках мобильного. Искомое нашлось достаточно быстро. Не обращая внимания на кучу неп прочитанных сообщений он открыл один из чатов, набирая простенькое «Я во дворе. Выходи». Сообщение было отправлено и практически сразу просмотрено. В ответ прилетело скупое «ок». Он улыбнулся. Эта девушка всегда предпочитала живое общение, в сообщениях ограничиваясь парой строк чётко по существу вопроса.

Низкие серые облака осыпали город редкими снежинками. Практически во всех окнах горел свет, ярко мигали огоньки гирлянд. Группа детей с криками бегала во дворе, играя в снежки. Силлиан улыбнулся, вспоминая как когда-то сам также играл в войну, то защищая, то наоборот захватывая крепость, построенную из снега.

Спустя несколько минут двери открылись. Из подъезда вышел высокий мужчина, неся в руках небольшую спортивную сумку. Он привлекал к себе внимание, явно одетый не по погоде - в простую рубашку, джинсы и кеды. Длинные чёрные волосы его были заплетены в высокий хвост. Следом шла невысокая девушка в ярко-красном пуховике, накинув на голову капюшон. Мужчина подошел к машине, облокачиваясь ладонью об арку двери и выразительно смотря внутрь. Силлиан открыл окно, заинтересованно смотря на неожиданного собеседника.

— Слушай меня внимательно, — мужчина наклонился, пристально смотря ему в глаза. — Я скажу один единственный раз, а ты уж запомни. Я свою малышку с тобой отправляю и с тебя в случае чего спрошу. Если её хоть кто-то пальцем тронет или сделает с ней то, что делать не следует — ты покойник. Я понятно выражаюсь?

— Более чем, — Силлиан постарался дружелюбно улыбнуться, однако в груди поселилось жутковатое ощущение что этот человек не шутит.

— Па! Ну ты так всех друзей он меня распугаешь! — Анью дергала лямку сумки.

— Я волнуюсь за тебя, светлячок, — мужчина выпрямился, отдавая сумку и обнимая девушку. — Знаю я, что у них на уме. Одни гормоны в голове вместо мозгов. Отдыхай и не забывай писать.

— Хорошо. Ужин в духовке, салаты в холодильнике, подарок под ёлкой — не открывая до полуночи, — она приподнялась на носках, чмокнув отца в щеку и шустро обежала машину, усаживаясь на пассажирское сидение. — Трогай, пока он не передумал.

Силлиан решил не пренебрегать дельным советом и начал выкручивать с придомовой территории. Анью тем временем закинула свою сумку на заднее сиденье и пристегнулась. Девушка скинула капюшон, поправляя причёску. Мужчина бегло бросил взгляд на её красные волосы. Некоторые пряди были заплетены в тонкие косички, украшенные бусинами и перьями.

— Ты как всегда в своём репертуаре. Уж на Новый Год можно было сделать что-то... — он задумался, пытаясь подобрать нужное слово, но получалось плохо.

— А что? Красный мне нравится. Я пока решила в этом цвете походить, — девушка недовольно надула губки. — Мне нравится, а всяких несогласных попрошу держать мнение при себе.

— Не злись, я не это имел в виду. Просто обычные девушки на праздники принаряжаются, кудряшки делают и всё такое, — он кинул взгляд на её испещренные декоративными дырками джинсы.

— Быть как все скучно, — она фыркнула, отворачиваясь к окну, смотря на то, как плавно меняется пейзаж за окном. — И вообще, художника обидеть может каждый.

— Ага, но не каждый успеет извиниться. Отец у тебя, конечно, впечатляет. Он вообще кто по профессии?

— Военный. Раньше в горячих точках был. Сейчас в госбезопасности.

— Значит убивать умеет... — подвёл итог мужчина.

— Не без этого, но так-то он тебя не убьёт. Максимум руку или ногу сломает, — равнодушно ответила девушка. — Ты всё по списку купил?

— Да. Чётко по списку. Одну банку горошка. Два пакета молока. Три торта...

— Силлиан! Ты совсем дурак или притворяешься?!

— Да шучу я, — он улыбнулся. — Купил всё что нужно.

— Торт один купил? — с недоверием посмотрела на него Анью.

— Один, — он кивнул.

— Жаль. Три было бы неплохо.

— Куда в тебя столько влазит? Столько ешь и не толстеешь. Ты ведьма что-ли?

— Я — художник! Мне нужно много энергии для генерации идей. Мозг потребляет много глюкозы, если им пользоваться.

— Вот уж точно. Купим ещё два торта? Магазин по пути будет.

— Да фиг с ними, я печенек домашних прихватила. Сама пекла, — она улыбнулась, доставая из кармана шнур и подключая телефон к проигрывателю.

Из динамиков бодро заиграл рок. Анью весело подпевала. За окном проносились украшенные новогодними огнями витрины магазинов, парки с ледяными скульптурами, катки и городские ёлки. Медленно кружились в воздухе редкие хлопья снега, создавая атмосферу какой-то новогодней сказки. Спешили по домам нагруженные пакетами горожане. Молодежь резвилась, играя в снежки и скатываясь с горок. Кто-то стоял в очередях за глинтвейном. Запах хвои, мандаринов и пряностей доносился отовсюду. Даже духи у Аньи пахли чем-то цитрусовым.

Они познакомились совершенно случайно года полтора назад и как-то совсем незаметно для себя стали друзьями. Силлиан тогда искал дизайнера для рекламной компании медицинского оборудования, разработанного Аманом. Один из знакомых отца посоветовал Анью как специалиста в сфере дизайна. Эта девушка вообще занималась всем подряд и ничем одновременно — постоянной работы у неё не было. Она рисовала портреты в парках, её пейзажи выставляли в художественных галереях, она бралась за понравившиеся дизайнерские проекты и постоянно носилась с разного рода экологическими акциями, то

убирая пляжи, то сажая деревья. Анью любила называть себя вольным художником. Яркая и жизнерадостная, она жила до безобразия насыщенной жизнью. Силлиану постоянно приходилось вылавливать её, чтобы просто провести вечер в кругу друзей за партией в какую-нибудь настольную игру. Чудом можно было считать уже то, что она согласилась отметить с ними Новый Год.

И вот сейчас эта удивительная девушка, напевая что-то себе под нос, резала салат на его кухне. Силлиан закрыл дверцу духовки и повернулся к ней. О ногу потёрся рыжий кот — любимец его матери и враг семьи с точки зрения отца. Кормить охламона, у которого итак полная миска жратвы, Силлиан не считал необходимым

— Ты уверена, что хочешь отмечать вот в таком виде? — спросил он, отпихивая кота в сторону, не желая спонсировать попрошайничество.

Мужчина скептически смотрел на её футболку. Черная ткань с алой надписью «Тут уже ничего не исправить, Боженька, жги», совсем не ассоциировалась с семейным праздником. Девушка обернулась и удивленно посмотрела на него, на её груди красовалась огненная пентаграмма. Казалось, что она выбрала именно эту футболку из своего гардероба нарочно.

— А что не так? Классный принт, — Анью довольно улыбнулась.

— Ты же понимаешь, что Аман не одобрит такое, — Силлиан скрестил руки на груди. — Выглядит как провокация.

— Это — его сугубо личные проблемы, — она фыркнула, возвращаясь к нарезке салата. — А я прекрасно проживу и без одобрения глупого святоши. У тебя вот тоже чёрная рубашка, но выглядит круто.

— Когда вы двое уже прекратите ругаться? — игнорируя комплимент, задался вопросом мужчина.

— Как только — так сразу. И не я это начинаю, если уж на то пошло. Не переживай, обойдёмся сегодня без ругани — праздник ведь. Да и мне будет с кем поболтать. Кстати, а ты уверен, что этого хватит на ту толпу, что ты пригласил? — девушка указала рукой на три салата и пару тарелок с лёгкими закусками.

— Ну, по правде говоря, этого даже много будет... — он неуверенно улыбнулся. — Тут такое дело: мы остались втроём.

— Э... Это как понимать втроём?! Ты мне про вечеринку говорил! — она от растерянности уселась на стул, полностью игнорируя мгновенно запрыгнувшего на колени кота.

— Бастиан и Саша решили провести праздник вдвоём, Карлос вместе с Джаной метнулись в тёплые края, Михан уехал к отцу — они давненько не виделись. В общем у всех нашлись свои причины. Я не виноват, что они сначала согласились, а потом всё так вышло.

— А Летиция? — с надеждой в голосе спросила девушка. — Да хоть Вивиан...

— У всех нашлись оправдания, — развёл руками Силлиан. — И я очень рад, что хоть ты не передумала, а то сидели бы мы с Аманом вдвоём как не знаю кто...

— Зато Джана точно знает, — Анью усмехнулась. — Она мне как-то сказала, что вы двое — очень милая гей-пара.

— Что?! Это гнусная ложь! Да как... Да как такое вообще могло прийти кому-то в голову?

Силлиан не успел дойти до пика негодования, как раздалась мелодия звонка, извещающая, что прибыл гость. Затем ещё раз. И ещё. Кто-то по ту сторону двери трезвонил столь настырно, словно от того, откроют дверь или нет зависела чья-то жизнь.

Про их дружбу говорили «со школьной скамьи». На взгляд Силлиана это определение было немного неверным, как минимум потому, что школы у них были разные. Силлиана родители отдали учиться в престижную частную школу. Аман обучался в гимназии имени святого Руфеона. Знакомство вышло совершенно случайным, но запомнилось на всю жизнь...

В тот день Силлиан сбежал с уроков и гулял по парку, любуясь на покрасневшие листья клёнов и подкармливая птиц припасённой с завтрака булкой. Он совершенно случайно заметил, как в глубине парка группа хулиганов загнала в угол худенького паренька. Не вмешаться Силлиан не мог, хотя и не выделялся среди сверстников физической силой или навыками боя. О чём и пожалел, так как появление ещё одного мальчишки для битвы лишь обрадовало шпану. Однако не успел юный защитник слабых и обездоленных пожалеть о своём решении, как тот, кого он попытался защитить, набросился на своих обидчиков с невероятной для тощего и побитого мальчишки решимостью. Со стороны это выглядело так, будто в паренька вселился какой-то демон. Хулиганы, не ожидавшие такого яростного отпора от того, кого уже успели изрядно поколошматить, разбежались. Силлиан поднялся, отряхивая одежду и вытирая рукавом потекшую из разбитого носа кровь.

— Ты как? Сильно они тебя... — мальчишка протягивал ему платок.

— Если мог им навалить, то чего терпел? — он отрицательно покачал головой, отказываясь, не желая пачкать белую ткань.

— Не хорошо это — причинять другим боль.

— Так ты же всё равно их побил, — удивился Силлиан.

— Так я ведь тебя защищал. Защищать других — благое дело. Меня, кстати, Аман зовут, — паренёк протянул ему руку.

— Силлиан.

Рука у Амана оказалась на удивление мозолистая и тёплая.

Они не были похожи характерами, но, на удивление окружающим, стали лучшими друзьями и часто проводили время вместе. Аман много читал и мечтал помогать людям. Силлиану вечно не сиделось на месте, он постоянно попадал, в разные истории и вылезал из школьных долгов только благодаря помощи друга. И не то чтобы молодой наследник международной компании был непроходимо туп, просто всегда находились дела поинтереснее, чем зубрёжка и синусы с косинусами.

Силлиана после колледжа ждала перспективная должность в отцовской компании «Lutheria Inc». Аман занялся разработкой медицинского оборудования и когда первый прототип был закончен именно финансовая помощь друга помогла проекту выйти на международный уровень. Стоит ли говорить о том, что большая часть вырученных средств ушла на благотворительность... Вейлор, отец Силлиана, какое-то время ворчал, что его сын потратил свои накопления на «какую-то ерунду», но мудро не лез, позволяя извлекать опыт из ошибок юности. Впрочем, в скором времени, он одобрил выбор сына, так как подобная благотворительность положительно сказалась на рейтинге компании.

Именно во время рекламной компании они и познакомились с Аньей. Яркая, неутомимая девушка отлично разбавила их дуэт и внесла в устоявшийся ритм искру творческого хаоса. Но была и другая причина, почему Силлиан так старательно

подготавливал этот вечер: только дурак не замечал, что под напускным раздражением Амана скрываются гораздо более глубокие чувства, чем тот пытается показать. К сожалению, сам Аман был первым в рядах этих самых дураков...

Вся эта хитрая «многоходовая комбинация» из уговоров и даже подкупа некоторых знакомых, была устроена Силлианом с одной предельно простой целью: он надеялся, что в уютной атмосфере праздника эта вечно пререкающаяся парочка придёт к какому-то консенсусу и друг наконец-то обретёт не только профессиональное, но и личное счастье. Нужно было, разумеется, присматривать, чтобы неотёсанный в плане отношений Аман не наломал дров в первые же пару месяцев... Впрочем, по мнению Силлиана, даже первый шаг можно было бы считать огромным достижением. И пусть внезапно на кону оказалась его жизнь — всё же отец у Аньи умел произвести впечатление — счастье друга того стоило.

За несколько часов снегопад лишь усилился на радость молодежи и к печали автомобилистов и тех, кому, как Силлиану, завтра предстояло чистить дорожку к дому. Аман чувствовал, что превращается в снеговика. Зубы самопроизвольно отбивали чечётку, а руки, в которых была гора из пакетов уже онемели. Приходилось пробираться по колено утопая в снегу. Надежда на городские службы таяла так же быстро, как и попавший в ботинки снег.

— И это элитный район... — пробурчал Аман, наблюдая как слова превращаются в облачка пара.

Заветные ворота были перед ним, оставалось дотянуться озябшими пальцами до звонка... Он оперся коленом о дверь, поддерживая пакеты и проклиная свою экологическую ответственность: надо было не выпендриваться с бумажными, а купить пару полиэтиленовых. Пальцы окоченели до такой степени, что непонятно было, прожал он кнопку или нет. Чтобы не околеть под воротами окончательно он, на всякий случай, надавил посильнее пару раз и принялся ждать. Секунды тянулись мучительно долго.

— Ты что, пешком шел? — Силлиан удивленно окинул взглядом количество пакетов и быстро забрал половину.

— Магазин не далеко, но снега навалило от души. Пришлось преодолевать сугробы, увязая в них по колено. Я подумал, что стоит запастись самым ходовым, на случай если что-то закончится, — Аман улыбнулся, идя за другом в сторону дома.

— И чем же это? Спички, хлеб и туалетная бумага? — ухмыляясь уточнил друг, придерживая ногой входную дверь.

— Очень смешно. Мы Новый Год отмечаем, а не апокалипсис. Шампанское, мандарины, конфеты и ещё куча всякой ерунды, — он скинул ботинки, вслушиваясь в тишину. — А я что, первый пришёл? И ты ещё говорил мне: «Только не опаздывай, как обычно»!

— Ты последний. Остальные съехали, — со скорбным выражением лица поведал Силлиан забирая у него оставшиеся пакеты и направляясь с ними на кухню.

— О, так мы, как в старые добрые времена, сядем рубиться в приставку?

Ответа не последовало. Аман скинул пуховик, растерянно озираясь и не зная, стоит ли вешать влажную вещь в шкаф. Ситуацию спас небольшой крючок, висящий возле двери и, вероятно, предназначавшийся для ключей или другой какой-то мелочи. Впрочем, крепление выглядело достаточно надёжным, чтобы выдержать и его куртку.

— Падла! Я тебя побрею! — орал на кухне Силлиан.

Мужчина торопливо прошел в сторону кухни, оставляя влажные следы на паркете. В гостинной Аман, к собственной неожиданности, столкнулся с Аньё, резво спускающейся по лестнице. Девушка выглядела не менее озадаченной и растерянной, а так же поражала очередной сменой цвета волос — на этот раз выбрав красный.

— Привет, — она неуверенно улыбнулась. — Классный свитер.

С кухни донёлся грохот и какие-то неясные бормотания, явно не совсем цензурного характера. Девушка поспешила туда. Аман последовал её примеру. Силлиан, сдвинув стол в сторону, старательно пытался достать что-то из-под небольшого диванчика, перебирая всевозможные кары начиная с купания и заканчивая повторной кастрацией. Виновник переполоха утробно рычал и чавкал в ответ, категорически не желая покидать своё убежище.

— Верни колбасу, гнида! — Силлиан не желал признавать поражение. — Я тебе сухари твои насыпал. Жри их, мешок с блохами!

— А что стряслось? — ответ итак был понятен, но внимание друга надо было привлечь.

— Этот мохнатый обсос ворует со стола! — Силлиан повернулся к ним, всем своим видом выражая негодование. — Ты где была? Я же тебя на кухне оставил.

— Ты не предупреждал, что ужин необходимо оборонять, — девушка пожала плечами, равнодушно смотря на страдания товарища. — Мы закончили с готовкой и я пошла переодеться.

— Но вроде ничего не пропало, — Аман осматривал блюда с закусками, пытаясь вычислить, какое именно понесло потери.

— Этот шерстяной упырь не работает по мелочи, он полбатона колбасы спёр, — мужчина бросил последний яростный взгляд под диван, смиряясь с потерей. — Тот самый который ты резала и не убрала в холодильник.

Чавканье постепенно затихало и становилось понятно, что спасать становится нечего. Девушка, не сильно расстроенная актом бессовестного воровства продуктов и своим в нём невольным участием, вытащила ломтик из блюда с нарезкой, пробуя.

— У твоего кота определённо хороший вкус, — она довольно улыбнулась и окинула стол внимательным взглядом, словно примеряясь, с чего ещё снять пробу.

— Это не мой кот. Он мамин. Она притащила эту вездесущую тварь с какой-то помойки, а мы с отцом теперь мучаемся. Нет бы нормального купить. Этот лохматый иждивенец живёт за наш счёт, жрёт за наш счёт и делает вид что вообще не понимает по-человечески.

— А что ты от него хочешь? Это же кот, — вмешался Аман. — Что он должен делать? Приносить деньги в дом, компенсируя затраты на своё пропитание?!

— Да пусть хоть одну мышь в дом принесёт для начала! — в сердцах заявил Силлиан, поднимаясь с пола. — Как-то же он жил на улице, пока мать не сжалилась и не принесла его домой.

— Знаешь, — Аньё подхватила с блюда тарталетку. — Когда ты говоришь, что нашел кота на помойке, помни, что он может сказать про тебя тоже самое.

Девушка, развернувшись, покидая кухню с таким видом, словно поставила точку в многовековом противостоянии. Чавканье под диваном тем временем прекратилось, заменившись на недовольное бурчание. Казалось, что следуя примеру хозяина, кот решил высказать всё что думает о человеке, с которым вынужден делить крышу над головой, и судя по интонации — высказывался кот крайне нецензурно.

— Знаешь, твоя мама поступила благородно, подобрав животное на улице, — задумчиво проговорил Аман. — Это поступок мудрой и милосердной женщины. Пусть нам не под силу изменить весь мир, но, взяв животное с улицы, мы можем изменить мир для него. А это уже что-то.

Силлиан молча подошел и положил ладонь ему на макушку, пальцами ощупывая голову.

— Ты чего? — Аман стряхнул руку друга, рассерженно смотря в ответ и пытаясь вернуть волосы в относительный порядок.

— После таких слов у тебя на голове должен был начать расти нимб, — авторитетно заявил мужчина. — Крылья вон уже нарисовались, хотя непонятно, почему на груди, а не на спине. Ты свитер задом наперед надел?

— Нормально всё у меня с одеждой, что вам не нравится? Красивый цвет и узор.

— А кто сказал, что не нравится? Силлиан ещё раз внимательно осмотрел его синий свитер с парой белых крыльев и широкой горловиной. — Классный свитер.

— Вот и Анью тоже так сказала, — недовольно буркнул Аман, подходя к столу и собирая себе бутерброд из нарезки.

— И в чём проблема? Ты же не забыл сказать, что у неё красивое платье? — Силлиан оценил выражение лица друга. — Дурак, она ведь для тебя нарядилась.

— Не говори ерунды. Ты тут тоже есть. И ладишь ты с ней не в пример лучше меня, — отмахнулся Аман.

— Пока ты не пришёл, она ходила по кухне в футболке и драных джинсах. А теперь хватит хватать куски. За работу. Ещё не всё готово к празднованию.

— Это плохая идея, — девушка придиричиво осмотрела содержимое коробок.

— Какой Новый Год без ёлки? Это традиция, перешедшая к нам от предков, — философски подметил Аман, скрепляя вместе части ёлки. — Очень важно сохранить культурное наследие. Традиция украшать дерево на Новый Год очень глубокая, несущая в себе духовный подтекст.

Девушка лишь недовольно фыркнула в ответ, доставая из коробки клубок перепутанных между собой гирлянд, что-то тихо бурча себе под нос о том, что вот именно эту самую мишуру кое-кто очень скоро найдёт в лотке. Силлиан, зашедший в гостиную с подносом, окинул взглядом их успехи и кивнул каким-то своим мыслям. Рыжий кот сидел на каминной полке и внимательно наблюдал за процессом, не отрывая взгляда желтых глаз от мишуры.

— Что тебе не нравится? Я же не живую купил, так что твои претензии о «трупe в доме» не принимаются, — мужчина принялся расставлять тарелки и приборы на столе.

— Ты забыл, что у тебя есть кот, — Анью отложила путаницу из гирлянд и снова полезла в коробку. — А почему мне нельзя помочь тебе накрывать на стол?

— Она искусственная, а значит кошаку не интересная — это во-первых. Во-вторых вы — гости, поэтому я не могу спихнуть на вас хозяйственные дела. А вот украсить дом ты сможешь лучше, чем кто бы то ни было, с твоим-то художественным вкусом. Ну, а Аман тебе в этом поможет, чтобы не сидеть без дела. Правда, Аман?

— Конечно, — он посмотрел на друга, стараясь взглядом передать всю ту гамму чувств, которая его разрывала изнутри.

Казалось, что всё это какая-то подстава. Нет, ничего плохого друг не делал. Причина

была в ней. Аман совершенно не знал, как вести себя оставшись наедине с Аньё. Всегда рядом был Силлиан или ещё кто-то из друзей. И прежде все попытки заговорить с этой взбалмошной девицей приводили лишь к спорам и конфликтам...

Аньё же никакого смущения от ситуации не выказывала, задумчиво рассматривая выданные им в распоряжения украшения, откладывая в сторону то, что ей пришлось по вкусу. Пользуясь тем, что на него не обращают никакого внимания, Аман украдкой смотрел на девушку. Она сидела на полу, поджав под себя ноги и мастерила бант из найденных в коробке лент. Эта взбалмошная девушка не давала ему покоя... Он смотрел на едва заметно проступающие под кожей ключицы и ямочку между ними, на то как тонкие бретели подчеркивают хрупкие плечи и как обтягивает, словно вторая кожа, атласная ткань небольшую и одновременно с тем выразительную грудь. Легкая юбка из какой-то практически невесомой ткани разметалась вокруг в каком-то творческом хаосе, скромно открывая обзор на колени, облачённые в чёрный капрон. Смотрелось это всё действительно впечатляюще. Вот только не верилось, что наряжалась Аньё для него. Аньё — это Аньё и вряд-ли она станет так стараться ради кого-то. Эта девушка всегда отлично выглядела не зависимо от обстоятельств и формата мероприятий.

Казалось, что она так близко и в то же время их разделяла огромная пропасть. Она всегда была такой яркой, наслаждающейся каждым моментом жизни. Аньё не стеснялась открыто высказывать свои суждения, не боясь что над ней могут посмеяться. А он таким не был, хотя нечто неумолимо тянуло его к тому удивительному пламени, которое, казалось, полыхает в этой хрупкой на вид девушке. Хотелось быть рядом, наслаждаться жизнью так, как умеет только она, целиком и полностью отдаваясь моменту. Хотелось научиться жить так же ярко. Хотелось иметь в себе смелость говорить то, о чём думаешь. Хотелось, чтобы она всегда была рядом, не только как подруга...

Можно было, конечно, набраться смелости и пригласить Аньё на свидание. Вот только надеяться было не на что. Аман не был сторонником самообмана и понимал — скорей всего он пополнит ряды отвергнутых и потеряет ту хрупкую дружбу, что была между ними. Годы обучения в гимназии не прошли даром — он умел обходиться малым, если не было смысла мечтать о большем. Он вполне может довольствоваться и дружбой. Но глупое сердце сладко замирало, а к щекам приливалась кровь, стоило Аньё оказаться к нему слишком близко...

Такие моменты запечатлялись в памяти, будто бы их там выжигали калёным железом, а после эти образы он видел во снах... Вспомнилось, как мило она пытается сдуть мешающую перед глазами прядь волос — новая картина почти готова. Аман помнил, как подошел, наклонился, наблюдая за процессом из-за её плеча, вдыхая приятный аромат цветов, исходящий от волос девушки. Она так поглощена процессом, что совсем его не замечает, а он внимательно смотрит на то, как лёгкими, но уверенными штрихами вырисовывается удивительной красоты подводный пейзаж. Каждое движение кисти идеально выверено. Где-то нужно подчеркнуть детали, где-то размыть, где-то добавить блики. Он не понимает всей этой хитрой терминологии и азов живописи. Для Амана живопись — нечто сродни магии и он смотрит на это удивительное действо, совершенно позабыв, что ОНА так непозволительно близко. Перед ним потрясающий коралловый риф, вокруг кружат стайки ярких рыбок и он тонет в аромате её духов... И в этот момент девушка, что не даёт ему спокойно жить, резко оборачивается к нему. Между ними лишь несколько сантиметров, на её щеке развод от краски, его щёки непроизвольно краснеют...

— Я ещё раз спрашиваю, с тобой всё хорошо? — девушка махнула ладошкой у него

перед носом, отчего металлические браслеты у неё на запястье мелодично зазвенели.

— А?! Что? — Аман удивлённо посмотрел на неё, чувствуя как вновь приливает к щекам кровь и понимая, что выпал из реальности.

— Ты уже минут пять смотришь в одну точку с мечтательно-дебиловатым выражением лица. Поэтому спрашиваю уже в десятый раз, с тобой точно всё хорошо?

— Да, — поспешно заверил девушку Аман. — Всё в порядке. Я просто задумался.

— Ну раз всё в порядке, то заканчивай собирать этот зелёный выкидыш химической промышленности и помогай вешать гирлянды.

Под чутким руководством девушки и стараясь не отвлекаться, он быстро закончил собирать искусственное дерево, установил его в указанное место и отправился развешивать гирлянды строго там, где ему было велено, стараясь при этом не отвлекаться на Анью, совмещающей украшение ёлки с раздачей команд. И совершил ошибку...

Аман закрепил на скотч последнюю гирлянду и обернулся, оценивающе глядя на результат работы. Менее чем за полчаса обычная гостиная стала похожа на фотозону в магазине новогодних товаров. От мигающих лампочек рябило в глазах, было странное ощущение, что он попал как минимум в мастерскую Деда Мороза. Вышедший из кухни Силлиан так и замер с подносом в руках, вот только лицо его выражало не восхищение, а смесь страха и непонимания. Аман повернулся туда, куда смотрел друг... Появилось странное ощущение, что сердце в груди замерло, сжалось и рухнуло в бездну.

Пока он старательно не смотрел на девушку, та умудрилась подтащить к ёлке стул и теперь отчаянно тянулась к макушке, пытаясь закрепить на неё звезду. Хорошая в целом идея столкнулась с одной маленькой проблемой — ростом Анью похвастаться не могла, как и знанием законов физики. Девушка, отчаявшись дотянуться, поставила одну ногу на спинку стула и медленно переносила на неё вес, что грозило окончиться весьма болезненно.

Тело отреагировало отдельно от сознания. Аман рванул вперёд, успев перехватить Анью ещё до того, как до девичьего сознания дошла вся травоопасность задумки. Маленькие ладошки упёрлись ему в плечи, на щеках заиграл румянец. Стул с грохотом упал на пол, где-то рядом с ним упала пластиковая игрушка. Мужчина почувствовал, что тоже краснеет — его ладони коснулись девушки, каким-то невероятным образом оказавшись под юбкой. И почувствовал Аман там не ожидаемую капроновую ткань, а бархатистую кожу и край чулок. Взгляды встретились, его растерянный и её смущенный. Секунда. Две. Три. Десять... Вечность...

— А... отпусти... — она прошептала это почти беззвучно.

Повторять было не нужно. Аман закрутился на месте, пытаясь понять, куда можно поставить свою ценную ношу. Подходящее место нашлось быстро. Он аккуратно опустил девушку на пол и тут же отвернулся, стараясь скрыть смущение за поисками упавшей игрушки. Звезда была найдена и установлена на вершину ёлки. Аман замер, почувствовав, как Анью схватила его за рукав свитера.

— Спасибо, — тот же едва слышный шепот, отдававшийся в его сознании подобно грохоту фейрверков, доносящемуся с улицы.

— Это... ну... не стоит. Просто будь аккуратнее, хорошо.

— Угу...

Изящные пальчики отпустили рукав, оставляя после себя странное, абсолютно иррациональное чувство пустоты и покалывающее ощущение остаточного тепла чужой кожи на ладонях. Казалось, что мир перевернулся и тут же встал на место, но заметил это только

он один. Её однозначно стоило отчитать за такую глупость, объяснить элементарные законы мироздания и физики в частности. Это определённо нужно было сделать, просто потому, что это повисшее молчание было куда более выразительнее, чем любой крик. Но выдавить из себя хотя бы звук не получалось. Во рту странно пересохло и язык словно прирос к нёбу. Аман повернулся к другу, ища у него хоть какой-то поддержки. Силлиан, успевший уже подойти до стола и поставивший поднос, радостно улыбаясь, показал ему два больших пальца...

Вечер шел своим чередом. Телевизор создавал фоновый шум, показывая какую-то новогоднюю комедию. Аман не сильно вдавался в происходящее на экране, но кажется это был второй или третий фильм с весьма романтичным сюжетом и счастливым концом в стиле «и жили они долго и счастливо». Силлиан назвал это «новогодней подборкой», но от обилия поцелуев и прочих эпизодов близости становилось как-то неловко. По крайней мере ему. А ощущение подставы от друга только крепло.

— Ребята, — Анью глянула на свой телефон. — Осталась пара минут. Самое время загадывать желания.

— Ага, я как раз для этого момента приберёг отличное шампанское, — Силлиан начал снимать с бутылки упаковку. — Это из отцовской коллекции.

— Так, куда же я их положила... — девушка растерянно осматривала стол, заглянула под скатерть, осмотрелась по сторонам. — Я быстро.

Алый ураган улетел вверх по лестнице, оставив их вдвоём. Силлиан отставил бутылку в сторону и выразительно посмотрел на него.

— И чего ты медлишь?

— О чём ты? — Аман непонимающе уставился на друга.

— Ты собираешься позвать Анью на свидание или как?

— Может ты займешься своей личной жизнью и не будешь играть роль свахи? — ответил вопросом на вопрос Аман.

— У меня с этим всё в порядке, — уклончиво ответил друг.

— Да неужели? И почему я до сих пор ни разу не видел твою избранницу?

— Увидишь, когда придёт время.

Едва слышный шум шагов и шорох ткани прервал зарождающуюся дискуссию. Оба оппонента сверлили друг взглядами. Анью подошла к столу, молча и внимательно смотря на них, словно почувствовала изменившуюся атмосферу и пыталась понять что стало тому причиной. Никто ей, разумеется, объяснять ничего не собирался и все выразительные взгляды попросту игнорировались.

— Вот, я вам тоже подготовила, — она положила на стол несколько небольших чистых листочков, пару простых карандашей и коробку спичек. — Надо написать желание, сжечь над бокалом и выпить, чтобы оно исполнилось.

В этих зелёных глазах было столько счастья и уверенности в сказанном, что сил и слов сопротивляться, абсурдной в общем-то задумке, не нашлось ни у него, ни у Силлиана. Они покорно взяли по листочку и карандашу и задумались. Анью отрешенно теребила сложенный пополам листочек — её желание было уже написано и сейчас девушка ждала их.

Если тебе дали шанс со стопроцентной вероятностью исполнить любое своё желание,

то это только на первый взгляд кажется, что выбор очевиден. Но за первым пришедшим в голову вариантом, появляется второй, который кажется не менее важным. А затем ещё один. И ещё. И вот уже в голове целый список из желаний, а где-то на задворках сознания топчутся мечты и неосуществимые надежды, тихонько спрашивая: «А кто в очереди на осуществление крайний?» А тут ведь просто праздничный ритуал, который никому и никаких гарантий не даёт... И всё же выбрать что ты хочешь сложно. Стоит ли пожелать себе каких-то благ? А не себе? Да и нечто альтруистичное вроде «мир во всём мире» никто не отменял. С другой стороны это ведь ТВОЁ желание и немного здорового эгоизма не повредит, правда ведь?

— Последняя минута! — бодрым голосом заявил Силлиан, спешно разливая шампанское по бокалам.

В голове становится вдохновляюще пусто. Что он хотел написать? Что он вообще хотел. И тут приходит ОНО, понимание того, что может стать самым главным счастьем за всю его жизнь. Аман спешно пишет несколько слов на измятом листочке, чиркает спичкой и со странной отрешённостью смотрит на то, как сгорают, пожираемые пламенем заветные слова. Те самые, которые у него, наверное никогда, не хватит решимости произнести вслух... Пальцы разжимаются, клочок бумаги падает в бокал. С телефона Силлиана доносится звон курантов. Его желание по вкусу похоже на клубничное шампанское с привкусом мяты и пепла.

— А теперь пошли во двор, я кое-что приготовил, — Силлиан многозначительно улыбнулся.

У двери их уже ждали пара коробок пиротехники. Анью радостно запрыгала на месте от нетерпения и вперёд всех выскочила на улицу, на ходу застёгивая пуховик. Мужчины переглянулись, молча поражаясь тому, как совершенно по детски она умудряется радоваться таким, казалось бы простым вещам. Под ногами прошмыгнул кот, скрываясь где-то между сугробами.

— Вот же гадёныш. Если потеряется — мать устроит мне разнос... — тихо ворчал себе под нос Силлиан.

Они подхватили по коробке и пошли вглубь двора — подальше от жилых построек, как того и требовала инструкция.

Первый залп показался оглушительным. Заряд со свистом взлетел высоко в небо и там разорвался огненным цветком. Анью поприветствовала его радостным «ура». Силлиан тем временем зажег фитиль на второй коробке и подбежал к ним, останавливаясь рядом.

Одна за другой расцветали над их головами огненные сферы всех возможных цветов. Фейерверки наполнили небосвод сотнями разнообразных вспышек, подобных прекрасным цветам, живущим лишь несколько секунд, оставляющим после себя запах пороха в воздухе и ощущение безграничного счастья в груди. Отовсюду доносился грохот салюта и крики людей, встречающих Новый Год. Последняя вспышка растаяла в небе. Они стояли, вдыхая морозный воздух, пропитавшийся дымом и порохом. На головы падали хлопья снега.

— Красиво... — мечтательно протянула девушка, смотря как тает на ладони снег. — Настоящее новогоднее чудо...

— Что-то такое ты и загадывала? — Силлиан довольно улыбнулся.

— Я собаку загадала.

— Собаку? — Аман удивлённо глянул на неё, казалось странным, что можно загадать нечто настолько простое.

— Да. Шувьердскую лайку. Большую и белую. А что? — Анью с вызовом на негс

посмотрела.

— Да ничего, — он пожал плечами, не зная что ответить.

— Или ты хотел сказать, что взять животное с питомника — это не достойно и не может называться образцом благочестия?

— Я этого не говорил! Не додумывай за меня!

— А знаете что я загадал? — Силлиан встал рядом, положив руки им на плечи, прерывая зарождающийся конфликт. — Чтобы вы двое сходили наконец на свидание и перестали ругаться.

На какое-то время повисло молчание. Было слышно как вдалеке продолжает гроыхать салют. Анью выглядела растерянной и обескураженной. Аман надеялся, что покрасневшие щёки можно списать на мороз и они совсем не выдают его смущения.

— Это два желания, — первой смогла взять себя в руки девушка.

— А разве это проблема? — удивленно посмотрел на неё Силлиан.

— Загадать ведь можно только одно, — подметил Аман. — Ладно, пойдёмте в дом, а то прохладно.

Он первым пошел в сторону двери. Силлиан быстро догнал его, бросая на ходу крайне выразительные взгляды и пытаясь что-то объяснить ему одной только мимикой. Если Аман правильно понимал, что пытается бессловно объяснить ему друг, то получалось, что он — дурак, и должен что-то сделать в отношении Анью. Аман показательно нахмурился и отмахнулся, давая понять, что не собирается идти на поводу своднических планов товарища и сам будет решать за себя. Появилось странное ощущение, что взглядом прожигают ещё и затылок. Мужчина резко обернулся и почувствовал непередаваемую гамму эмоций и ощущений, которые возникают, когда прямо тебе в лицо прилетел ком снега.

— Я по вашему слепая или тупая?! — Анью уже формировала новый снаряд. — Я что-ли не вижу всех этих ваших перемигиваний? Друзья так не поступают! Если есть что сказать, то скажите это глядя мне в глаза, а не шушукайтесь как последние сплетницы.

— Да, Аман, просто возьми и скажи ей, — Силлиан повернулся к нему и пропустил снежок, прилетевший в плечо.

— Друзья разве бьют в спину?! — он наклонился, подхватывая пригоршню снега, сжимая его ладонями и отправляя в полёт.

Снаряд прилетел ей в руку. Девушка медленно повернулась к нему, в её глазах читалось объявление войны. Наспех слепленный снежок пролетел над его головой. Аман наклонился, набирая новую порцию снега и не уследил за флангом — ему в голову прилетел ещё один снежок. Силлиан довольно улыбнулся, радуясь меткому броску, но возмездие тут же настигло его.

— Три, один, один, — провозгласила счёт Анью, ловко уклоняясь от снежка.

— Ну всё, сама напросилась, — Силлиан наклонился, набирая побольше снега.

— Я вся дрожу, — она усмехнулась.

— Я вам обоим сейчас за всё припомню, — Аман сжал в ладонях пригоршню снега, предчувствуя, что сейчас начнётся эпическая по своему размаху битва, где каждый будет сам за себя.

— А какой счёт? — Силлиан, стуча зубами, открыл перед ними дверь.

Под ногами тут же прошмыгнуло нечто мокрое и рыжее. Кот, не удостоив их вниманием и не потрудившись хотя бы отряхнуть с себя лишнюю влагу, бодро ускакал в сторону гостиной.

— Я сбилась со счёта, — Анью скинула с себя пуховик и сапоги. — Мне показалось, или у него что-то в зубах было?

— Можно забрать кота с помойки, а вот помойку из кота — не получится. Наверное нашел что-то в мусорных баках, — Силлиан изобразил на лице всю мировую скорбь.

— Мне кажется, ты просто не любишь кошек, — пожал плечами Аман, забирая у девушки пуховик и вешая его в шкаф.

— Я хорошо отношусь к животным, — возразил друг. — И к кошкам в том числе. Но этот опоссум — исключение. Пойми, он нарочно пакостит. Такое ощущение, что этот упырь решил изжить нас с отцом из нашего же дома. Постоянно гадит на одежду и в обувь, тырит мелкие предметы и ворует еду со стола. Буквально сегодня утром он наблевал прямо под дверь моей спальни. Непередаваемые ощущения, когда наступаешь босой ногой в нечто подобное, скажу я вам. Мама за него вступается, но оно и понятно — ей в туфли это мурло не ссыт. Польза от кошака была только один раз — он нассал в дядины ботинки и дядюшка более не изъявляет желания приехать к нам в гости.

— Силлиан, — Анью улыбнулась. — Вот ты вроде взрослый мужчина, а воюешь с котом. Не солидно это... Найди противника себе под стать.

Она развернулась, направляясь в сторону гостиной, словно даже не ожидала услышать ответ на свой выпад. Аман провожал девушку взглядом, любясь тем, как плавно покачиваются бёдра, как мягко струится материал платья... Память предательски напомнила, что под этой самой струящейся тканью скрываются чулки и нежная на ощупь кожа. Из груди вырвался вздох.

— И долго ты страдать собираешься? Пригласи её куда-нибудь, — Силлиан едва ощутимо ткнул его в плечо.

— Ты не понимаешь... Это не так просто, — Аман ещё раз печально вздохнул. — Она просто посмеётся и пошлёт меня куда подальше.

— А если нет? — друг снисходительно улыбнулся. — Не попробуешь — не узнаешь. Думаю у тебя больше шансов на положительный результат, чем ты думаешь.

— С чего ты взял?

— Я же потратил на это своё новогоднее желание, — улыбка Силлиана стала ещё шире.

— Ты это серьёзно?! Ты же загадал их два...

— И, заметь, ругаться вы не перестали. Значит небесная канцелярия одобрила ту часть, где было написано про свидание. Погоди... — Силлиан полез в карман, доставая активно вибрирующий телефон. — Да... Конечно жду... Ага... Ага... Какой зелёный забор? У меня не зелёный... Ага... Понял. Стойте там, я сейчас выйду навстречу.

Силлиан сбросил звонок, снова одевая куртку. Аман удивлённо смотрел на происходящее, не понимая, кого могло принести посреди ночи. Насколько ему было известно, никаких других гостей не предвиделось. Да и заказывать пиццу или что-то подобное не было необходимости.

— Я быстро, — Силлиан взял с полки ключи, закидывая их в карман пуховика. — А ты не щёлкай клювом и используй момент по-максимуму. Если будешь долго смотреть на девушку — рискуешь увидеть как она выходит замуж.

Друг вышел на улицу, захлопнув за собой дверь. Аман остался стоять в коридоре,

растерянно смотря прямо перед собой и не зная, что ему теперь делать. Приходилось признать, что в словах Силлиана есть доля истины. И всё же давать советы было в разы проще, чем следовать им. Мужчина глубоко вдохнул, словно это могло прибавить ему решимости, и направился в гостиную. Там, в приятном полумраке, неторопливо мигали разноцветными огнями гирлянды.

Анью нашлась возле камина. Она дрожащими руками пыталась разжечь огонь. Аман подошел и присел рядом, наблюдая за процессом. В движениях девушки чувствовалась уверенность, будто она не в первый раз занималась подобным.

Он так мало знает о ней... Хотелось спросить, послушать как она рассказывает о себе, задавать вопросы, наслаждаться её мелодичным голосом и звонким смехом. Сейчас или никогда. Он сможет. Это ведь так просто! Просто задать вопрос и, словно обреченный на казнь, ждать милости от той, кто лишь словами может разрушить в нём всё до основания.

— Отец научил, — Анью мельком посмотрела на него и вернулась к процессу. — Иногда мне кажется, что он очень хотел сына, но родилась я. Впрочем, отказываться от запланированного воспитания папа не стал. Мы часто ходили в походы, он учил меня всякому.

— И сейчас ходите?

— Бывает. Хотя и не так часто как прежде, — она протянула руки, ловя первые крупинцы тепла от разгорающегося огня.

— Позволь мне, — Аман взял её руки в свои, поражаясь тому, насколько холодные у неё пальцы. — Огонь пока разгорится, а руки у тебя ледяные. И это надо было додуматься, лепить снежки без перчаток. Ты понимаешь, что это может грозить обморожением. Так травмируются сосуды...

— Только не начинай, — перебила его девушка со страдальческим выражением на лице.

— Извини, я просто... Сам не знаю... — Аман отвёл взгляд.

Повисло тягостное молчание, разбиваемое лишь треском разгорающегося пламени. Аману было неловко от осознания, что её руки всё ещё в его руках. Уже не такие холодные, как были минуту назад, но она всё равно их не забирала... Может он сошел с ума, но в сердце зародилась робкая надежда на взаимность.

— А что... — он замялся, стараясь подобрать слова и по-прежнему не поднимая взгляд. — Что ты делаешь завтра?

— Я отцу обещала вернуться к обеду. Мы с ним всегда ездим в пригород в первый день года. Санки, горки, стрельба по мандаринам, оставшимся с прошлого года. Это вроде как традиция.

— Вот как... Понятно...

Огонёк надежды в его сердце погас так же быстро, как и зародился. Он отпустил девичьи ладони и пытался понять, куда ему теперь девать собственные руки. Ощущение от прикосновения к её коже всё ещё оставалось на руках, дразня этой обманчивой близостью. Ситуация стала ужасающе неловкой. И зачем он послушал Силлиана? Лучше бы продолжал делать вид, что всё хорошо и они просто друзья. Лучше бы всё оставалось как прежде, чтобы не было этой горечи разочарования, что тугим кольцо сжимала горло.

— А вот на послезавтра у меня пока не было планов. А к чему ты спросил?

Аман удивленно посмотрел на девушку перед собой. Анью пытливым взглядом смотрела в ответ. Конечно она понимала, почему он задал этот вопрос. Просто не могла не понимать, но

хотела услышать это от него. И даже дала намёк. Неужели? Огонёк надежды в груди разгорелся с новой силой, превратившись в бушующее пламя.

— И я тоже свободен послезавтра... — он глубоко вздохнул, набираясь решимости. — И раз ты не занята, то можно было бы просто сходить прогуляться куда-нибудь... Куда захочешь...

Прозвучало это как-то не так, как ему бы хотелось. Однако, закон бытия гласит: «Фарш невозможно повернуть назад». То, что уже ляпнул отмотать обратно не получится. Анью собиралась что-то ответить, но вдруг резко обернулась к столу. Девушка замерла со слегка приоткрытым ртом и выражением крайнего удивления на лице. Аман обернулся, пытаясь понять, что там привлекло её внимание.

Первой реакцией на увиденное была смесь удивления и отвращения. На столе, нагло смотря на них желтыми глазищами, стоял кот, держа в зубах дохлую мышь. На несколько секунд в помещении повисла абсолютная тишина. Котьяра явно не ожидал, что привлечёт к себе столь пристальное внимания хозяйских гостей. Они с Аньей просто не ожидали подобного. Решив, что не стоит бросать дело на половине пути, кот аккуратно положил добычу на край тарелки Силлиана, взял себе кусок курицы оттуда же, сверкнул глазищами в полумраке и спокойно спрыгнул со стола. Случившееся медленно осозновалось и, нужно признать, в поступке кота была своеобразная логика. Вот только Силлиан однозначно не одобрит такой обмен продуктами питания.

— Я лучше уберу это, пока Силлиан не увидел. И тарелку лучше помыть с хлоркой.

Аман поднялся на ноги и уже собирался подойти к столу, как у него на руке повисла Анья, не давая сдвинуться с места.

— Даже не вздумай! Он же сам говорил, что хочет чтобы кот принёс в дом хоть одну мышь. Мечты сбываются, — она коварно улыбнулась.

— Это как минимум неприятно.

— Да.

— И не гигиенично. Это животное вполне может быть разносчиком каких-нибудь болезней.

— Я понимаю.

— Силлиан будет в ярости.

— Именно! И не смей лишать меня этого развлечения, — её улыбка стала ещё шире. — Я очень хочу это увидеть.

— Это не способствует налаживанию отношений между Силлианом и котом.

— Это смотря с какой стороны посмотреть. Ты рассуждаешь как человек, для тебя мышь — фу. А кот разделил с человеком свою добычу. Отдал то, что для него ценно. С точки зрения кота — это вполне можно расценивать как жест примирения.

— Увидев дохлую мышь в своей тарелке, Силлиан в последнюю очередь подумает о том, что это был жест доброй воли. Скорей всего примет это за очередную пакость от кота.

— Вот сейчас и узнаем.

Аман прислушался. В коридоре раздался хлопок двери и женский смех. Спасать кота стало поздно. Они с Аньей удивленно переглянулись — девушка, с которой разговаривал Силлиан, судя по голосу, была им незнакома.

Силлиан, широко улыбаясь вошел в гостинную, ведя под руку красивую блондинку, одетую в трикотажное бежевое платье. Девушка повернулась к ним, улыбаясь. Аман окинул взглядом знакомые черты лица и голубые глаза. В груди появилось смешанное чувство

радости узнавания и ошеломления от неожиданной встречи.

— Это мои друзья: Аман и Анью, — Силлиан указал на них рукой. — А это...

— Селия? — перебил друга Аман.

— Привет, Аман! — девушка улыбнулась. — Признаться, не ожидала, что именно ты окажешься тем Аманом, про которого Силлиан так много мне рассказывал.

— Вы знакомы? — друг был безмерно удивлён и, кажется, немного обижен.

— Селия, как и я, была старостой. Мы часто виделись на собраниях во время учёбы в гимназии, — пояснил Аман.

— А у вас разве юноши и девушки не отдельно учились? — с плохо скрываемой претензией в голосе поинтересовалась Анью.

— Раздельно, — кивнула ей Селия. — Но собрания проводились общие для всех старост. Там мы с Аманом и познакомились.

— Так вот, — встрял в дискуссию Силлиан. — Это Селия — моя девушка.

— Поздравляю! — радостно улыбнулась Анью, мгновенно растеряв весь свой недоброжелательный настрой.

— Ты когда успел? — непонимающе смотрел на друга Аман.

— Ой, ты не говорил, что у тебя есть котик! Иди сюда. Кис-кис! — Селия протянул руки к животному.

Кот лениво посмотрел на девушку, словно оценивая, стоит ли она его внимания, поколебался несколько секунд, и вальяжной походкой прошествовал к гостье, позволив взять себя на руки. Селия, приложив заметные усилия, подняла питомца, почёсывая его между ушами. Кот в ответ довольно мурчал и зыркал на хозяина. Тот не менее недовольно смотрел в ответ, явно не радуясь тому, что фокус внимания сместился на животное.

— А как зовут это рыжее чудо? — Селия обернулась к Силлиану.

На минуту повисло тягостное молчание. Силлиан в лёгком замешательстве смотрел на девушку, открывая и закрывая рот, заметно краснея. Казалось, что если заглушить треск камина и отголоски салюта с улицы, то можно будет услышать, как скрипят извилины в голове мужчины. Аман усиленно пытался вспомнить, называл ли друг кота по имени хоть раз. Память услужливо подкинула ему пару десятков нелестных эпитетов, но не кличку кота. Анью сдавленно хихикнула, первая догадавшись, что ответа на этот, простой казался бы вопрос, у друга нет.

— Рыжий, — бодрым голосом выдал Силлиан.

— Ему подходит, — Селия сделала вид, что не заметила заминки с ответом и продолжала чесать кота. — Аман, а Силлиан не говорил, что у тебя есть девушка.

Теперь настала его пора краснеть, уже не в первый раз за этот вечер. Жар мгновенно прилил к щекам и ушам. Надежды на то, что в полумраке это незаметно, не было — уж слишком близко к камину они с Анью сидели. Умом Аман понимал, что ответить что-то надо. А вот что ответить...

— Это что за фигня? — Силлиан, хмурясь подошел к столу, присматриваясь к своей тарелке.

Аман готов был забрать кота с рук Селии и расцеловать его в мохнатую мордочку. Всё внимание резко перешло на дохлую мышь в тарелке друга и ответа на провокационный вопрос от него уже никто не ждал. Анью замерла в нетерпеливом ожидании. На лице Селии появилась смесь любопытства и брезгливости. Силлиан аккуратно пальцем ткнул в тарелку, словно желая убедиться в том, что он не ошибся и труп убиенной мыши ему не кажется.

Мышь была вполне реальна.

— Ну ты и урод! — Силлиан повернулся к коту. — Я тебя за это вымою...

Друг потянулся к коту. Рыжий, понимая, что дело запахло шампунем для животных, резко спрыгнул с рук Селии. Инстинкт подсказал, что от угрозы надо скрываться на дереве. Котяра решил последовать этому весьма мудрому совету, обеспечившему когда-то выживание его предков. Вот только беда была в том, что единственное дерево в комнате было искусственным и на вес, немаленького по размерам, кота не рассчитано. Рыжая туша мгновенно взлетела практически на самую макушку. Ёлка пошатнулась, накренилась и стала заваливаться на бок. Котяра издал наполненный разочарованием мяв. Грохот, последовавший за этим мявом нельзя было сравнить с отгремевшим недавно салютом, но тоже было впечатляюще.

— А я ведь предупреждала, — флегматично заметила Аньку.

Поняв, что искать пристанища на поваленном дереве — плохая идея, Рыжий, с небольшой пробуксовкой, стартанул в кухню. Силлиан побежал следом, осыпая кота весьма изощренными, хотя и вполне цензурными ругательствами.

— Шаверма! — донеслось с кухни, после чего последовал грохот посуды. — Шерстиклок! Вредитель! Меховая скотина! Мурло неблагодарное! Падла шерстяная! Гнидяус!

Грохот постепенно удалялся куда-то вглубь дома. Судя по всему кот так просто сдаваться не собирался и с отчаяньем того, кому нечего больше терять в этой жизни, петлял по дому. Рыжее смазанное нечто на скорости, стремительно приближающейся к сверхзвуковой, выскочило из коридора, изобразило полицейский разворот, загребая когтями по паркету и ломанулось по лестнице на второй этаж. Следом выскочил взлохмаченный Силлиан и тут же последовал за предполагаемой жертвой экзекуции.

— Надо бы его успокоить... — неуверенно переминалась с ноги на ногу Селия. — Котик ведь не хотел ничего плохого...

— Боюсь, Силлиан сейчас не в том состоянии, чтобы кого-то выслушивать, — печально вздохнув, ответил Аман.

— Я, пожалуй, уберу это, — Селия подошла к столу и потянулась к тарелке, но тут же замерла, изменившись в лице. — Силлиан! Силлиан!

Грохот со второго этажа стал для неё ответом. Следом за грохотом последовал яростный мяв и какое-то злорадное бормотание, после чего хлопнула дверь. Затем послышался приглушенный шум воды и отчаянные вопли кота, подвергаемого принудительному омовению.

— Силлиан! — девушка подбежала к лестнице, останавливаясь на первой ступеньке. — Там мышь шевелится!

Селия нерешительно потопталась на месте, после чего побежала вверх. Аман и Анька проводили её взглядом, после чего переглянулись. Сидя на полу возле камина непонятно было, насколько подвижной стала мышь, которая оказалась не такой уж и мертвой, как все сначала подумали.

— Жалко кота... Так старался, а Силлиан не оценил его душевный порыв, — с грустной улыбкой изрекла девушка.

Аман ответил осуждающим взглядом. Ничего забавного в ситуации он не видел. Стоило, конечно, вмешаться и успокоить друга, но там и без его участия справится Селия. Насколько он знал эту девушку, она всегда была образцом благоразумия, так что сможет найти

подходящие слова. За друга можно было не волноваться. Оставалось надеяться, что непоправимо никто не пострадает.

— С радостью, — Анью очаровательно улыбнулась.

— Ты это о чём? — удивился Аман, не понимая, к чему это сейчас было сказано.

— Как о чём?! — она посмотрела так, словно сомневалась в его интеллектуальных способностях. — О том, о чём мы говорили до того, как нас прервали. Ты предложил мне сходить на свидание. Я ответила согласием.

Вселенная внутри Амана взорвалась. Появилось странное ощущение, что он сейчас взлетит, настолько легко стало в груди. Анью не только согласилась пойти с ним на прогулку, она ещё и назвала это «свиданием». Сердце забилось часто-часто. Дыхание сбилось. Хотелось закричать что-то. Не важно что. Просто хотелось кричать от той безумной, безудержной смеси эмоций внутри него. И в то же время он не мог найти слов, чтобы ответить девушке перед собой хоть что-то. А ответить было необходимо. Ответить на её согласие казалось необычайно важным, но в голове всё никак не находились подходящие слова. В порыве какой-то отчаянной смелости, Аман наклонился, нежно целуя Анью... Секунда, показавшаяся вечностью и девушка ответила на поцелуй, потянувшись к нему, обнимая и прижимаясь ближе.

В то, что сейчас происходило с ним, не верилось. Хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. Хотя, если это сон, то он не хочет просыпаться. Он обнял Анью, притягивая её к себе ещё ближе, усаживая на колени. Стало неважным, что где-то там продолжается шумная борьба Силлиана с котом и в доме они не одни. Сейчас в этом мире его сбывшегося желания существовали только они. Правду говорят, что нельзя говорить о том, что загадал и тогда желание сбудется. По крайней мере у него сбылось и весьма быстро. Впрочем, Аман поймал себя на мысли, что собаку Анью он всё-таки подарит — день рождения девушки не за горами. Всё же собака в доме весьма надёжная гарантия того, что там не появится какая-нибудь наглая рыжая морда...

Спускавшийся тем временем по лестнице Силлиан, замер на месте, удивленно смотря на целующихся перед камином Амана и Анью. За друга было радостно. Можно было похвалить себя, за удавшийся план, хотя и вмешались некоторые непредвиденные обстоятельства. Оставалось надеяться, что друг будет благоразумен и не станет позволять себе слишком много. По крайней мере сегодня, пока Анью, со слов её отца, под ответственностью Силлиана. Целостность собственных конечностей была ему дорога...

Стараясь не шуметь, Силлиан медленно развернулся и пошел обратно. С него ручьями текла вода — всё же себя он облил больше, чем кота. Неприятно щипало расцарапанные руки. Оппонент вылизывался, сидя на пороге ванной и недовольно зыркал на него. В этом взгляде читалась злость вперемешку с зарождающимся уважением. Хотя, это вполне могло быть и обещание нагадить в обувь, всё же в тонкостях кошачьих эмоций Силлиан мало разбирался.

— Вот, я нашла в ванной, — Селия подошла, набрасывая ему на голову белое полотенце. — Ты промок до последней нитки. Что с мышкой?

— Это потом, — Силлиан взял девушку за руку, уводя её в сторону своей комнаты, попутно выключая свет в ванной и бра на стенах. — Помнишь, я обещал показать тебе свои детские фотографии? Думаю, сейчас самое время.

— Но как же... — девушка вяло запротестовала.

— Там даже позорные детские голопопые фотки, — Силлиан многообещающе

улыбнулся.

— Только ради них, — Селия кокетливо убрала прядь волос за ухо, следуя за ним.

Больше книг на сайте - Knigoed.net